

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

1917 ГОД В РОССИИ:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ,
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
МИФОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК 94(47)(063)
ББК ТЗ(2)бя43
Т936

Издание поддержано грантом РФФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

О. С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор (гл. редактор);
Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент;
О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор;
А. П. Килин, кандидат исторических наук, доцент;
О. М. Семерикова, кандидат исторических наук

Р е ц е н з е н т ы :

А. В. Голубев, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук,
руководитель Центра по изучению отечественной культуры
Института российской истории РАН;
кафедра истории России и зарубежных стран
Челябинского государственного университета
(заведующий кафедрой, доктор исторических наук С. А. Баканов)

1917 год в России: социалистическая идея, революцион-
Т936 ная мифология и практика : сб. науч. тр. – Екатеринбург :
Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 384 с.
ISBN 978-5-7996-1955-8

В сборнике представлены статьи, посвященные различным аспектам
Революции 1917 года – идеям и мифам социалистической реконструкции но-
вого общества, революционным практикам и социальным технологиям ре-
ализации революционного проекта.

УДК 94(47)(063)
ББК ТЗ(2)бя43

На обложке:

картина К. С. Петрова-Водкина «Фантазия» (1925)
(Собрание Государственного Русского музея)

ПРЕДИСЛОВИЕ

2017 год в России и за рубежом будет ознаменован многочисленными научными форумами, приуроченными к 100-летию юбилею Русской революции 1917 года. В ряде исследований по отношению к этому эпохальному событию применяется термин «Великая Русская революция», другие авторы продолжают настаивать на двух революциях в России 1917 года – демократической Февральской и пролетарски-плебейской (социалистической) – Октябрьской, третьи говорят о срыве революционного процесса в результате Октябрьского большевистского переворота. Мы предпочитаем говорить о единой Русской революции 1917 года, имевшей два этапа, и едином революционном процессе 1917–1920 годов, завершившемся победой большевиков. Именно в эти годы сформировались базовые принципы советской политической системы и общественно-политического строя.

В чем корни утверждения большевиков у власти, почему их социально-политический проект оказался наиболее привлекательным для масс и успешным? Каковы пути и механизмы реализации революционных идей, мифов, теорий, вдохновлявших лидеров, социальные группы, массы в революционное и постреволюционное время? Какова диалектика властного конструирования и социальных практик? Эти и другие вопросы были поставлены для осуждения на международном семинаре «1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика», состоявшемся в Екатеринбурге в Уральском федеральном университете 12–13 ноября 2016 года. Материалы семинара публикуются в представляемом сборнике научных работ в виде научных статей его участников, написанных на основе материалов докладов.

Новизна семинара, проводимого в рамках плана мероприятий по реализации научного проекта «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования» (проект № 16-18-10106, поддержанный грантом Россий-

ского научного фонда, руководитель – доктор исторических наук Л. Н. Мазур), состоит в постановке новой когнитивной задачи – выявления влияния большевистского властного конструирования, основанного не только на политико-административных рычагах, но и «великих» идеях и теориях преобразований, на трансформацию политической, экономической, социальной, духовной жизни раннесоветского общества.

Сборник включает пять разделов: «Теоретические и историографические аспекты изучения раннесоветской истории», «Структуры, процессы и проекты революционных преобразований», «Идеи, мифы и люди революционной эпохи», «Урал в революционных событиях и процессах первого постреволюционного десятилетия» и «Парадоксы восприятия: 1917 год в представлениях современников».

Первый раздел носит характер концептуально-историографического введения к изучаемой проблематике. В нем помещены статьи, посвященные теоретическим аспектам изучения и историографии раннесоветского общества, в том числе анализу концепций социального проектирования и социального инжиниринга, выработанных российской и мировой социально-гуманитарной мыслью. Рассматривается эволюция представлений о феномене 1917 года в общественном сознании современной России.

Второй блок статей – «Структуры, процессы и проекты революционных преобразований» – посвящен вопросам государственного и партийного строительства, анализу роли доктринальных, прагматических и ситуативных факторов в этом процессе, соотношению демократических и централистских тенденций, традиций российской авторитарной государственности и новых, революционных моделей управления. При рассмотрении конкретных сюжетов исследователи установили действие «эффекта колее», исторической инерции и прагматики сотворения нового в реальных условиях переходного времени, фактора использования «наличного человеческого материала». Авторы показали, что ход политико-идеологических трансформаций «рожденного революцией» государства демонстрировал диссонанс между утопическими планами и реалиями, целенаправленное стремление большевиков к контролю над поли-

тической ситуацией, настроениями населения, управлению сознанием и поведением людей.

Третий раздел – «Идеи, мифы и люди революционной эпохи» – является центральным с точки зрения изучения общественного сознания и социального поведения людей раннесоветского общества. В нем представлены статьи, в которых анализируются идейно-теоретические основания большевистского проектирования; варианты воплощений коммунистических социальных проектов; роль в событиях отдельных личностей и социальных групп; мифологемы революции, их отражение в общественном сознании эпохи и исследовательской практике историков. Особое внимание уделяется изучению культурно-символических аспектов пропаганды, средств конструирования нового социального пространства и новой идентичности, общественных взглядов и личностных судеб участников «строительства социализма». Рассмотрение проблем в антропологическом ключе делает особенно наглядными выводы, касающиеся результатов большевистской «переделки» человека, реализации проекта по созданию «нового человека».


Четвертый блок материалов, представленных в сборнике, – «Урал в революционных событиях и процессах первого постреволюционного десятилетия» – посвящен проблемам революционных трансформаций, рассматриваемых на региональном материале и в «региональном измерении». Речь идет о сделанных на основе новых источников оригинальных выводах о характере и движущих силах Октябрьской революции; новой хронологии окончания революции на Урале, связываемой с голодом 1921 года; переоценке политической деятельности членов партии революционных коммунистов, реконструкции ранее неизвестных биографических сведений участников событий. Внимание заслуживает сравнительный анализ исторического опыта реализации идеи Уральской республики в условиях революционных потрясений 1918 и 1993 годов с учетом роли «регионалистского мифа» о создании «Большого Урала».

Последний раздел сборника «Парадоксы восприятия: 1917 год в представлениях современников» посвящен проблемам «синхронного» восприятия революционных процессов их иностранцами и российскими очевидцами. В них реконструированы значимые

контуры образов Революции и ее событий, воплощенные в представлениях отдельных индивидов, а также этнических, социальных, политических групп, зафиксированные в источниках личного происхождения (письмах, дневниках) и других документах. Свидетельства очевидцев содержат сведения о деталях революционной повседневности, являются ценным источником, фиксировавшим слухи и другие проявления эмоционально-психологического состояния и общественных настроений российского общества того времени. В то же время свидетельства иностранных очевидцев, представляя образ «Другого», являются и «самопрезентацией», т. е. много говорят о самих наблюдателях.

Надеюсь, что представляемый читателю сборник вызовет научный интерес и будет способствовать дальнейшему углублению понимания истории воплощения в нашей стране большевистского проекта преобразования мира и человека.

О. С. Поршнева



Раздел 1
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСОВЕТСКОЙ
ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.2/.084.6

Л. Н. Мазур

РАННЕСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ
в 1917–1936 годах¹

В статье рассматриваются возможности использования теории социального проектирования для интерпретации событий советской истории, прежде всего процессов становления и развития раннесоветского общества. Исторический проект строительства социализма в России охватил в общей сложности более 20 лет. Субъектами социального проектирования были власть и партийные идеологи; объектом являлось российское общество; в качестве механизмов конструирования был использован весь спектр властных инструментов, в том числе законодательство, налоги, цензура, система чрезвычайных органов, обеспечивающих безопасность власти. Особая роль в социальном конструировании отводилась средствам массовой информации, образованию, науке, искусству, воздействующим на сознание человека, его память, мировоззрение. Рассматриваемый социальный проект прошел несколько стадий, различавшихся целями, механизмами реализации идей и результатами: радикальная модель (военный коммунизм); переходная модель (многоукладное общество) и тоталитарная модель (советское общество).

¹ Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: советское общество, социализм, социальный проект, история России 1917–1936 годов.

Ранняя советская история (1917–1930-е гг.) представляет собой уникальный опыт создания нового общества, реализации утопических идей, которые, однако, воспринимались современниками как вполне научные и поэтому реальные модели будущего. Подобные эксперименты общегосударственного масштаба встречаются в истории нечасто, тем интереснее осмыслить его результаты, понять итог усилий многомиллионной страны, движущие силы и механизмы реализации советского проекта.

История раннесоветского общества: концептуальные подходы

Историография раннесоветской истории исключительно широка и разнообразна. За прошедшие сто лет в России и за рубежом были опубликованы тысячи научных трудов, в которых поколения ученых пытались ответить на вопросы о причинах, характере, итогах произошедших в стране трансформаций, отправной точкой которых стал 1917 год. Изучение истории Октября было центральной темой советской исторической науки, как и событий 1920–1930-х годов, связанных со строительством социалистического общества [см., напр.: 1; 2; 3; и др.]. Рассматриваемые в контексте исторического материализма, эти события занимали важное место в советской идеологии и несли сакральные смыслы, что способствовало их стремительной мифологизации. Все силы гуманитарной науки в СССР были брошены на доказательство неизбежности коммунистической перспективы, ее научности, прогрессивности. В результате в советской историографии сложилась безальтернативная версия истории строительства первого в мире социалистического государства, которая использовалась как эталонная модель для конструирования аналогичных режимов в странах народной демократии, вошедших в 1950–1980-е годы в социалистический лагерь.

Годы перестройки и постсоветский период стали временем глубокого переосмысления событий Октября и результатов социа-

листического строительства с использованием различных методологических подходов, в том числе цивилизационного [см.: 4; 5; 6], модернизационного [см.: 7; 8], синергетического [см.: 9; 10] и пр. Свой вклад в формирование нового взгляда на раннесоветскую историю внесли работы зарубежных исследователей, многие из которых были переведены в России [см., напр.: 11; 12].

Общей чертой, характерной для этого этапа российской исторической науки, было признание цивилизационных особенностей общественно-экономического развития России в XX веке, которые оценивались как отклонение от магистрального пути развития западного общества, связанного с модернизацией. Много внимания было уделено анализу субъективных факторов советской истории, в том числе роли личности и институтов власти в реализации советского проекта [см.: 13–15].

Разнообразие методологических подходов оказалось чрезвычайно плодотворным для понимания сложности и вариативности российской истории на переломных этапах. В этих условиях вполне закономерным стало обращение к теории социального проектирования и понятию «социального проекта» как концепту, позволяющему переосмыслить перемены, произошедшие в российском обществе после Революции, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании.

Использование теории социального проектирования для изучения исторических процессов ставит перед исследователями ряд методологических проблем, решение которых связано с необходимостью адаптации положений социологической теории к практике конкретно-исторических исследований. Это касается, в первую очередь, понятийного аппарата, уточнения основных положений теории социального проектирования, в частности особенностей исторических примеров социального проектирования, структуры исторических социальных проектов, их типологии и иерархии. Дополнительного обсуждения требует вопрос о том, к какому времени относится использование проектного подхода в практике управления на уровне государства и отдельных организаций, т. е. по отноше-

нию к каким историческим событиям корректно говорить о проектировании как способе изменения существующей реальности.

В настоящее время имеется несколько точек зрения на применимость данного подхода к изучению исторических явлений: одни исследователи считают, что социальное проектирование как инструмент управления использовалось всегда и эта концепция применима для изучения событий (в частности политики) любого исторического периода [см.: 16]. Другие полагают, что о социальном проектировании можно говорить только начиная с 20–30-х годов XX века, когда идеология становится мощным инструментом форматирования сознания человека, заменив в этом качестве религию. Именно тогда складывается концепция проектного управления, в рамках которой была поставлена задача конструирования новых социальных объектов, отношений, нового человека [см.: 17, с. 3–4]. Существует также точка зрения, что социальное проектирование как особый вид деятельности формируется не ранее 1960–1980-х годов, когда произошло его методологическое осмысление, были разработаны модели и методы проектирования, выделены его специфические черты, отличающие проектный подход от планирования и прогнозирования [см.: 18, с. 3–4].

«Социальный проект» как теоретический концепт

Остановимся прежде всего на уточнении центрального понятия – «социальный проект». Появление проектного метода обычно связывают с именем американского философа и педагога Джона Дьюи (1859–1952). Термин «социальный проект» использовался британскими общественными деятелями и экономистами Сиднеем и Беатрисой Вебб, которые в конце XIX века обозначали им социальные реформы [см.: 16]. В дальнейшем идеи социального проектирования были наиболее востребованы в менеджменте в качестве инструмента совершенствования систем управления. Таким образом, первоначально рассматриваемое понятие соотносилось с практической педагогической или управленческой деятельностью и было непосредственно связано с распространением проектного подхода и проектного мышления в различных сферах общественной жизни.

Дальнейшая концептуализация категории «социальное проектирование» связана с именем К. Поппера [см.: 19], благодаря которому оно преодолело границы частно-научной категории и наполнилось более широким философским содержанием с акцентом на роли утопии в деятельности человека. По мнению К. Поппера, мышление утопиями можно рассматривать в качестве основы социального проектирования *на макросоциальном уровне*. Он оценивал «утопическую инженерию» как «...попытку достигнуть идеального государства, используя проект общества в целом, что требует сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведет к диктатуре» [Там же, с. 203]. В развитие этих идей известный американский футуролог Эл. Тоффлер предложил теорию «практопии» – системы социальных реформ, направленных на построение не идеального, но более совершенного мира [см.: 20]. Он предлагает рассматривать «практопию» как позитивную и реалистичную альтернативу, даже если она была связана с глобальными потрясениями, например, с революцией. В этой связи «утопия» и «практопия» становятся центральными категориями при оценке исторических процессов Новейшего времени, поскольку они так или иначе были представлены в макросоциальных проектных решениях, определяя характер государственной политики, стратегию и практику ее реализации.

Проектное мышление и проектная деятельность также соотносятся с такими понятиями, как «антиутопия» и «дистопия». Антиутопия – это образ общества будущего, враждебного человеку, созданного в результате реализации социального проекта. Дистопия также рисует негативный образ будущего, который формируется под влиянием существующих проблем – экологического кризиса, роста преступности и военных угроз, деградации человека под воздействием наркотиков или влиянием массмедиа и т. д. В конечном счете, утопии, антиутопии и дистопии можно рассматривать как варианты социального прогноза, частично опирающиеся на научные методы, частично – на мифологию, а также авторские представления. В зависимости от соотношения научных и утопических представлений, влияющих на содержание социального проекта, определяется его характер (утопический или практопический) и стратегии реализации.

В России использование идей социального проектирования прослеживается с 1920-х годов. На это время приходится создание теории научной организации труда [см.: 21; 22]. Советские архитекторы вслед за теоретиками модерна мечтали об «организации форм новой жизни», в частности быта [23]. Установка на социальное проектирование была свойственна не только советской науке или архитектуре, этими идеями была пронизана вся общественно-политическая практика, направленная на создание новых социальных отношений, новых социальных институтов и нового человека. Л. Выготский в своей книге писал: «В плане будущего, несомненно, лежит не только переустройство всего человечества на новых началах, не только овладение социальными и хозяйственными процессами, но и “переплавка” человека» [24, с. 238].

Социальное экспериментаторство 1920-х годов позднее было осуждено, в 1930-е годы возобладала консервативная тенденция, ориентированная на традиционные ценности, и только через двадцать лет – в 1950-е годы социальное проектирование вновь стало востребовано – не только в практическом, но и в теоретическом плане. Реанимации этих идей способствовал В. С. Немчинов, провозгласивший социологов и экономистов «социальными инженерами» [см.: 25, с. 9]. В середине 1960-х годов стали говорить о социальном проектировании как особом виде деятельности, связанном с планированием и прогнозированием. В начале 1970-х годов одним из советских теоретиков проектного подхода И. Ляховым была разработана концепция социального конструирования как метода социальной инженерии. Им же были предложены принципы социального конструирования, к которым были отнесены требования системного представления объекта, выделения центральной идеи, использование механизмов типизации и эквивалентного замещения [см.: 26], позднее рассмотренные в трудах П. Бергера, Т. Лукмана [см.: 27].

Заметный вклад в разработку понятия «социальное проектирование» внесли советские философы. В частности, в своей статье Л. Н. Коган и С. Г. Панова отметили, что «планирование, программирование и проектирование объединяются в группу конструктив-

ных подходов, оказывающих активное воздействие на будущее путем совершенствования управления социальными процессами и явлениями» [28, с. 70].

На основе представлений о социальном проектировании, сформированных в 1970-х – начале 1980-х годов, активно разрабатывались идеи конструирования образа жизни, поведения, отношений в обществе и пр. [см.: 29–32; и др.]. Но вплоть до 2000-х годов в научном сообществе сохранялось убеждение в том, что социальное проектирование – это сугубо прикладная теория, которая полезна для «организации эффективной социальной работы и преодоления разнообразных социальных проблем» [33, с. 3].

Несмотря на бурное развитие теории социального проектирования в России и за рубежом, историческая наука не сразу отреагировала на проектный подход как методологическую основу для проведения исследований. Основные дискуссии о возможности его применения пришлось на 1990-е годы и завершились появлением в 2000-е годы ряда работ [см.: 34–39; и др.], продемонстрировавших потенциал проектного подхода по отношению к анализу исторических событий, которые можно определить как социальный эксперимент. К ним, в первую очередь, относится период раннесоветской истории. Идеи социального проектирования нашли применение в работах Ш. Фицпатрик, Дж. Скотта, Т. Мартина, Дж. Бредли, Дж. Р. Харриса и С. Дэвис и др. [см.: 40–45]. Позитивный опыт использования этих идей для интерпретации исторических процессов нового и новейшего времени имеется у российских историков, в том числе большой интерес представляют исследования Н. Лебиной, посвященные конструированию советской повседневности [см.: 46], труды Ю. Л. Косенковой, В. Г. Рыженко и др., написанные в жанре городской истории [см.: 17; 35–36; 47–51].

Таким образом, современное состояние исследований по социальному проектированию характеризуется наличием разработанной социологической теории со сложившимся инструментарием и системой критериев, позволяющих оценить эффективность проекта, охарактеризовать его системные свойства и механизмы реализации.

Социальный проект: понятие, структура, этапы реализации, виды

Прежде всего необходимо остановиться на характеристике базовых понятий «социальное проектирование» и «социальный проект».

Чаще всего в социологической литературе «социальное проектирование» определяется как вариант или этап принятия управленческих решений, связанный с выбором альтернатив или прогнозом развития социальных процессов и явлений [см.: 52; 53], т. е. соотносится с управлением вообще и государственным управлением в частности. Для задач исторического исследования интерес представляет более широкая трактовка понятия «социальное проектирование» как одного из способов социального управления, представляющего собой *научно обоснованное конструирование индивидом, группой или организацией системы параметров будущего социального объекта или качественно нового состояния существующего объекта* [см.: 54].

Соответственно, «социальный проект» также имеет несколько определений и рассматривается как: 1) *научно обоснованная модель* конкретного решения социальной проблемы, выраженная в определенной знаковой форме (системе документации) [см.: 55, с. 6]; 2) сконструированное инициатором проекта *социальное нововведение* (управленческое решение), целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной *ценности, которое имеет пространственно-временные и ресурсные границы и воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению*. Среди отличительных черт социального проекта выделяют научную обоснованность; прогнозный характер; направленность на конструирование новых социальных объектов – институтов/отношений [см.: 18, с. 7].

Социальные проекты весьма разнообразны и классифицируются по разным основаниям: особенностям финансирования, масштабам, срокам реализации, степени сложности, характеру проектируемых изменений, направлениям деятельности [см.: Там же, с. 49–84].

Для анализа исторических процессов наибольший интерес представляет классификация социальных проектов по масштабам, в рамках которой выделяются: 1) микропроекты, ориентированные на моделирование локальных объектов – организации, учреждения, а также повседневности; 2) малые проекты нацелены на создание новых социальных групп или отношений; 3) макропроекты – это программы обновления общества в целом; 4) выделяют еще мегапроекты, к которым относятся целевые программы, ориентированные на преобразование отдельных сторон жизни общества [см.: Там же, с. 73–77]. Проекты различаются не только объектом проектирования, но и масштабами ресурсного обеспечения, размахом работ по реализации, а также значимостью результатов.

Интерес также представляет классификация социальных проектов по направлениям деятельности (научно-технические проекты, политические, экономические, культурные и пр.). Они различаются уровнем реализуемости, поскольку возможности прогнозирования различаются в зависимости от области проектирования: проекты в области культуры и науки обладают наиболее высоким уровнем неопределенности, поэтому просчитать его результаты практически невозможно. А в условиях научно-технической революции эти риски распространяются на области, где прогноз традиционно применяется уже давно.

Социальный проект обладает сложной структурой и состоит из следующих элементов: это субъект; объект; идея будущего (цель); программа (задачи); механизмы и инструменты конструирования; результат (прогнозируемый и реальный).

Субъектом социального проектирования выступают отдельные личности и группы, а также организации и институты. Субъект выполняет функции инициатора, разработчика, реализатора проекта. Эти функции могут быть сконцентрированы у одного лица (микропроектирование) или распределены между различными субъектами (макропроектирование), что создает проблемы преемственности идей и плана, соответствия целям механизмов реализации и конечных результатов. В прошлом ситуация, когда идеи формулируются одними, а реализуются другими, иногда с большим временным отрывом, встречается весьма часто. Существует

также проблема преобразования теоретических представлений (идей) в реальный проект, которая решается, как правило, за счет упрощения представлений о будущем и их мифологизации.

Проектная субъектность непосредственно влияет на эффективность проекта и оценивается с двух сторон: 1) наличием у субъекта *возможностей* к разработке и осуществлению социального проекта и 2) его *способностью* к реализации такой деятельности. Субъект проектирования является частью общества, включен в сферы его жизнедеятельности, соответственно, он выступает носителем общепринятых моделей поведения, системы ценностей, что находит отражение в его позиции (жизненной концепции) – охранительной/консервативной; реформаторской/либеральной или революционной/разрушительной. Таким образом, особенности субъекта проектирования, его мировоззрение и жизненные стратегии непосредственно влияют на стратегию и тактику реализации социального проекта. Чем сложнее и глобальнее социальный проект, тем больше субъектов задействованы в его разработке и реализации, тем сложнее задача согласования и преемственности проектных решений, тем непредсказуемее конечный результат.

Объектом социального проектирования могут выступать:

– человек со своими потребностями, интересами, ценностными ориентациями, установками, социальным статусом, ролями в системе отношений;

– социальные группы – элементы и подсистемы социальной структуры общества;

– общественные отношения (экономические, политические, идеологические, семейно-бытовые, межличностные, эстетические и пр.);

– социальные институты (семья, власть, образование, религия и пр.);

– организации (промышленные, сельскохозяйственные, культурные, общественные, государственные, например партия, советы, коммуны и пр.);

– общество в целом как исторически сложившаяся на определенной территории система отношений и форм жизнедеятельности людей [см.: 56].

Общество – наиболее сложный объект с точки зрения проектирования, поскольку представляет собой самостоятельный социальный организм, целостность которого обеспечивается взаимодействием его частей и элементов (социальных институтов, групп и отдельных индивидов). Если общество становится объектом проектирования, то многократно возрастает сложность его системного преобразования. Макропроект имеет сложную структуру, включающую как иерархические, так и сетевые отношения, и представляет собой совокупность мега-, микро- и малых проектов, в той или иной степени связанных между собой. Результат проектирования зависит от полноты реализации принципов системности, комплексности, согласованности и взаимосвязанности. Макропроект охватывает все уровни организации общества: социальные институты и группы, системы отношений (вертикальных и горизонтальных) и человека. Он связан с решением задачи создания общества будущего, аналогов которому не имелось в прошлом, т. е. максимально ориентирован на утопические представления.

Общество как объект проектирования в исторической практике встречается крайне редко. Наиболее ярким примером такого рода может служить раннесоветское общество 1920–1930-х годов, а также опыт построения социализма в странах «народной демократии» в 1950–1980-е годы, включая Китай. В последнем случае проект остался незавершенным, поэтому сохранилась возможность реставрации старой модели общества. В СССР в условиях эксперимента сменилось несколько поколений, в силу этого реставрационные механизмы приобрели другую направленность – на восстановление советского порядка.

Идея (цель) социального проекта – это то изменение социальной среды или нововведение, на которое направлен проект. Цели социального проекта могут быть поддерживающими; развивающими; радикальными, ориентированными на коренную ломку существующего и создание принципиально нового объекта. Идея содержит теоретические представления о желаемом будущем, которые опираются на имеющийся опыт или отрицание его, в последнем случае ориентиром становится утопия.

Идея включает ценности и нормы. Они формируют основу *мировоззренческой позиции* субъекта проектирования, а также моделируют *идеал*. Он выполняет в социальном проекте двоякую функцию – прогнозную, т. е. представляет собой желаемый образ будущего, и регулирующую, задавая для субъекта и объекта проектирования ориентиры в выборе социальных практик.

Программа социального проекта (задачи) непосредственно связана с идеей и детализирует ее в форме конкретного плана, содержащего обоснование реализуемой альтернативы, ресурсное обеспечение и алгоритм реализации. В отличие от идеи программа обращена к практике и реализует функции тактического обеспечения социального проекта. Программа оформляется в виде определенного документа или пакета документов, где отмечены основные цели, задачи проекта, способы их достижения и предполагаемый результат. Программа становится первым шагом к практической реализации проекта, определяет его приоритеты и последовательность решений.

Составным элементом социального проекта, обеспечивающим его реализацию, являются *механизмы социального конструирования* реальности. К ним относятся, по определению П. Бергера и Т. Лукмана, четыре основных способа, ориентированных на различные уровни реальности [см.: 27]:

– *хабитуализация*, т. е. *опривычивание* ориентировано на личность. Суть данного механизма состоит в превращении новых идей в повседневность через воздействие на память (коммеморацию) и традиционные практики;

– *типизация* – конструирование новой реальности через внедрение новых образцов поведения и отношений и превращение их в типичные, повторяющиеся формы взаимодействия (уровень – социальная группа). Социальная реальность повседневности представлена совокупностью повторяющихся образцов взаимодействия (типизаций), которые составляют основу социальной структуры. Типизации в социальных практиках предшествует разрушение привычных норм повседневности, в том числе нарушение устоявшихся представлений о добре и зле; хорошем и плохом. Затем происходит внедрение в сознание и поведение людей новых представлений, их *хабитуализация* и *типизация*;

– *институализация* – воплощение новых идей на уровне общества, признавшего эти идеи и сделавшего их коллективными представлениями. Институализация закрепляет типизацию не только на уровне представлений, но и поведения/отношений. Функции по их поддержанию, нормализации и контролю реализуют общественные институты, используя разные инструменты, в том числе систему поощрений и санкций в качестве регуляторов, а также разнообразные способы воздействия на общество через образование, религию, средства массовой информации, литературу, искусство, образование, общественные организации и пр. Частью институционализации является *реификация* – овеществление, при котором созданные людьми новые институты и отношения (феномены) воспринимаются не просто как привычные, а как естественные и закономерные;

– *легитимация* – процесс придания новым институтам и отношениям статуса традиции, он необходим для передачи вновь сформированных институтов новым поколениям и обоснования их законности. На этом уровне основной инструмент конструирования – право и законодательная деятельность.

Особую роль в реализации этих механизмов играет *коммеморация* – технология манипулирования исторической памятью общества, способ закрепления новых институтов и отношений в сознании на основе новых интерпретаций версий событий и явлений прошлого. Особенностью советской коммеморации стала активная мифологизация исторической памяти.

Таким образом, полный цикл социального конструирования реальности от идеи до результата включает указанные способы в качестве определенных стадий реализации проекта, которые последовательно дополняют друг друга, начиная от хабиитуализации и типизации и закачивая институализацией и легитимацией. Нарушение последовательности этапов сопровождается насилием и имеет непредсказуемые последствия.

Результат социального проекта (планируемый и реальный) – это то, что получает субъект проектирования в итоге своей деятельности. Результат может совпадать с целью проекта, но может

и не совпадать. В первом случае говорят о достижении цели, а во втором – цель не достигнута и деятельность может быть продолжена/приостановлена/подкорректирована. Результат оценивается с использованием количественных и качественных параметров, по которым производится сопоставление результата с идеалом. Они тесно взаимосвязаны и должны дополнять друг друга. В спорных случаях (мнимый результат) для оценки эффективности могут использоваться количественные показатели (например, объемы производства), которые позволяют формально обосновать достигнутый результат.

В рамках социального проектирования выделяются следующие основные виды работ над проектом, представляющих собой определенную последовательность решаемых задач и характеризующих процесс движения от идеи до результата. К ним относятся: 1) формулировка идеи и концепции проекта; 2) разработка программы; 3) реализация проекта; 4) коррекция проекта; 5) завершение работ и оценка результата. Эти задачи можно соотнести с *основными этапами проектирования*: конструкция – реконструкция – деконструкция. Первый этап – *конструкция* – включает преимущественно интеллектуальную деятельность, направленную на построение в идеальной форме какого-либо объекта, а также разработку основных стратегических и тактических аспектов его конструирования. Второй этап – *реконструкция* – это процесс создания проектируемого объекта в соответствии с идеальными представлениями. Как правило, реконструкция опирается на неполную информацию об объекте моделирования и связана с приобретением практического опыта по реализации проекта, с учетом которого осуществляется его дальнейшая коррекция. Заключительная стадия – *деконструкция* – построение улучшенного/компромиссного варианта модели проектируемого объекта с учетом корректировки первоначальных представлений. Деконструкция может включать процедуры частичного или полного демонтажа сконструированного на более ранних стадиях объекта или введение нового режима (условий) его функционирования.

Раннесоветское общество в контексте социального проектирования

«Социальное проектирование» в историческом контексте следует рассматривать как вид деятельности, связанный с преобразованием окружающего мира в соответствии с идеальными представлениями о том, каким он должен быть. В Советской России эти идеи были сформулированы в программных документах РСДРП(б), трудах К. Маркса, В. Ленина, И. Сталина и других теоретиков коммунизма. Они определяли стратегическую цель и тактику ее реализации (диктатура пролетариата, разрушение прежней социально-экономической системы, построенной на эксплуатации). Субъектами социального проектирования была власть (руководители всех рангов и партийные идеологи); объектом стало российское общество; идея (цель) советского проекта – создание коммунистического общества; результат – построение сталинской модели социалистического общества.

Отклонение результата от первоначальной идеи было предопределено утопическим характером проекта и усилено перевернутой логикой революционного подхода к конструированию: сначала легитимация и институализация и только потом типизация – хабиутализация. Этой логике были подчинены и инструменты конструирования, среди которых приоритетное место заняла система ограничений и наказаний (законодательство, налоги, цензура, репрессии), ее дополнила система ментальных регуляторов – пропаганда и агитация, воспитание, в том числе «трудом»² [см.: 57], образование, наука и искусство.

Советский проект охватил в общей сложности более 20 лет, прошел несколько стадий, различавшихся механизмами реализации и промежуточными результатами: от попытки создания радикальной модели (военный коммунизм) к советской модели, основные черты которой были отражены в Конституции 1936 года. Кристаллизация нового общества в целом завершилась к концу 1930-х годов,

² «Воспитание трудом» рассматривалось в качестве базового педагогического принципа и распространялось на все социальные группы советского общества: от детей до преступников.

закрепив в качестве руководящей силы Коммунистическую партию и ее аппарат – номенклатурную систему, пронизывающую и контролирующую все общество. Итогом реализации советского проекта явилось:

- в экономической сфере – создание *регулируемой плановой командно-административной модели* экономики, максимально ориентированной на самообеспечение;

- в политической – становление *советской формы* государства под управлением и жестким контролем Коммунистической партии;

- в социальной – формирование *социально однородного общества с упрощенной официальной трехчленной структурой*, включающей два класса – рабочих и крестьян-колхозников, а также маргинальную группу служащих, которая обозначалась понятием «прослойка»;

- в культурной – создание особого *типа советской культуры* – управляемой, идеологически детерминированной, подчиненной интересам власти;

- в антропологической – формирование новой исторической общности *советский народ*, характеризующейся сглаживанием национальных, социальных различий, а также созданием особого типа «нового советского человека», экономическое, политическое, культурное поведение которого, а также сознание имели свои отличительные черты. В качестве идеала советского человека конструировался образ коммуниста, беззаветно преданного идеям партии, готового беспрекословно выполнять все ее поручения, обладающего высокими морально-этическими качествами [см.: 58], среди которых основным была вера в коммунизм.

Раннесоветское общество следует рассматривать как уникальный пример масштабного целенаправленного конструирования «идеального» общества, соответствующего представлениям о социализме как обществе социальной справедливости, свободы, равенства и братства. Начальная стадия конструирования социалистического общества – раннесоветское общество – включает три этапа, отличавшиеся подходами к проектированию, в том числе идеями и механизмами:

- *революционная эпоха (1917–1924)* – радикальная модель конструирования нового общества в форме военного коммунизма;

– *переходная эпоха*, связанная с существованием многоукладной экономики и идеологического плюрализма (1925–1929), в ходе которой осуществлялась реконструкция социальных институтов и отношений с опорой на либеральную экономическую и культурную модель;

– *эпоха кристаллизации*, окончательного оформления советского общества (1930-е гг.), предполагавшая деконструкцию либеральной модели и монтаж сталинской тоталитарной модели социализма.

Становление нового общества в 1920–1930-е годы в СССР было непосредственно связано с реализацией тоталитарной модели, где принципы социальной справедливости, свободы, равенства и братства были закреплены в Конституции, но не реализованы на практике или реализованы частично. Вместе с тем на обыденном уровне в сознании советского человека, в его мифологической картине мира противоречий не было, т. е. наблюдалась ситуация разрыва между исторической реальностью и представлениями о ней (общество как объективная реальность vs. общество как субъективная реальность). Такое положение заставляет предположить, что объектом социального конструирования в советском проекте выступали не столько социальные институты и процессы, а, в первую очередь, сознание людей (социальный инжиниринг).

Реальные результаты советского проекта заметно отличались от первоначальных планов и представлений, что позволяет сделать вывод о существовании объективных границ социального конструирования для разных объектов (экономических, социальных, культурных, антропологических и пр.). Эти границы определяются внутренними закономерностями функционирования объекта проектирования, из которых наиболее подверженным внешнему воздействию, как ни странно, оказался человек³. Наиболее важным оказался не сам результат (советское общество), а то, что о нем думали и как оценивали участники этого проекта – советские люди.

³ Считается, что социальная сфера, культурная жизнь общества остаются наиболее трудно поддающимися управленческому воздействию, но историческая практика свидетельствует, что наиболее устойчивыми к воздействию утопических идей оказываются объекты, относящиеся к «базису» – это экономика и производственные отношения.

Таким образом, исторические социальные проекты необходимо выделить в особую группу, так как они связаны с изучением прошлого опыта. Анализ этих проектов смещается с задач прогнозирования на оценку эффективности результатов проектов, понимание причин и предпосылок проведения исторического эксперимента, условий разработки идеи и ее трансформации в политические решения, механизмов и закономерностей реализации.

Для исторического социального проекта свойственны следующие особенности: во-первых, ориентация на будущее, представления о котором носят прогнозный, незавершенный характер и подпитываются утопиями; во-вторых, опора на научные или квазинаучные методы, в том числе на моделирование, неизбежно упрощающее реальность; в-третьих, субъект исторического социального проекта – это группа людей (теоретиков, управленцев, практиков), взаимодействие внутри которой может осложняться временным, территориальным, социальным факторами; в-четвертых, в силу неопределенности будущего реальный результат реализации исторического социального проекта может существенно отличаться от планируемого в результате трансформации и перекодирования первоначальных целей и задач.

Исторический социальный проект, как правило, ориентирован на преобразование общества в целом (макропроект) или отдельных направлений жизнедеятельности общества (мегапроект). Малые исторические проекты соотносятся с реформаторскими инициативами, нацеленными на изменения в границах отдельных социальных групп или территорий (например, административно-территориальные реформы). К ним можно также отнести проекты по созданию и преобразованию отдельных институтов и организаций (органов власти, партийных, общественных организаций и пр.). Большой интерес представляют исторические микропроекты. Их достаточно сложно вычлениить, так как они являются результатом частной инициативы, кроме того, не все мероприятия власти в отношении членов общества носят отчетливо проектный характер. Примером микропроекта в раннесоветский период может служить практика создания и развития сельскохозяйственных коммун.

Эффективность результатов макропроектов зависит от того, насколько базовая программа преобразований носит комплексный характер и дополнена поддерживающими проектами на мега- и микроуровне.

Выводы

Использование проектного подхода применительно к изучению исторических процессов позволяет концептуально переосмыслить историю советского общества в 1917–1936 годы, рассмотреть процессы «социалистического строительства» как опыт проектирования «идеального» общества, опирающийся в значительной степени на утопические представления о коммунизме. Натолкнувшись на объективные препятствия (естественные границы), советский проект на протяжении 1920–1930-х годов неоднократно менялся, пытаясь приспособиться к внутренним закономерностям конструируемых социальных объектов и их системным характеристикам. Итоговую советскую модель общества в этом случае можно рассматривать как компромиссный вариант, основанный на новом соотношении идей, стратегических и тактических целей, положенных в основу коммунистического проекта.

Изучение революционных и постреволюционных процессов в контексте теории социального проектирования заставляет обратить внимание на субъективный фактор и охарактеризовать его роль в истории, влияние на направленность и динамику, а в некоторых случаях на природу исторических процессов. Интерес представляет также проблема соотношения общества как объективной реальности и представлений о нем, т. е. общество как субъективная реальность; проблема естественных границ конструирования для различных объектов – экономических, управленческих, культурологических, социальных, а также механизмов конструирования, особенно тех, которые определяли сознание и мифологию советского человека.

1. *Миц И. И.* История Великого Октября : в 3 т. 2-е изд. М., 1977–1979.

2. *История СССР с древнейших времен до наших дней* : в 12 т. М., 1966–1980. Т. 7–9.

3. *Гражданская война в СССР* : в 2 т. М., 1986.
4. *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизации. Брянск, 1995.
5. *Ахизер А. С.* Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1997–1998.
6. *Кара-Мурза Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М., 2002.
7. *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века* / РАН, Урал. отделение; Ин-т истории и археологии ; отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000.
8. *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1–3.
9. *Бородкин Л. И.* «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 107–114.
10. *Гомаюнов С. Г.* Композиционный метод в историческом познании. М., 1994.
11. *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991 / пер. с фран. 2-е изд., испр. М., 1998.
12. *Боффа Дж.* История Советского Союза : в 2 т. М., 1994.
13. *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России : Власть и массы. М., 1994.
14. *Емельянов Ю. В.* Троцкий : мифы и личность. М., 2003.
15. *Леонов С. В.* Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922. М., 1997.
16. *Философия техники: история и современность.* М., 1997.
17. *Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций.* М., 2008.
18. *Луков В. А.* Социальное проектирование : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
19. *Поппер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
20. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти : знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2009.
21. *Гастев А. К.* Как надо работать. 2-е изд. М., 1972.
22. *Витке Н. А.* Организация управления и индустриальное развитие. М., 1925.
23. *Верещагин И.* Об архитектурной достоивщине и прочем // Современная архитектура. 1928. № 4. С. 130–131.
24. *Выготский Л.* Психология искусства. М., 1986.

25. Балакина Л. П. Роль общественных наук в 1950-е гг.: идеи академика В. С. Немчинова // Вест. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2011. Вып. 30 (247). С. 8–10. (Сер. Социально-гуманитарные науки).

26. Ляхов И. И. Социальное конструирование. М., 1970.

27. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания. М., 1995.

28. Коган Л. Н., Панова С. Г. Социальное проектирование : его специфика, функции, проблемы // Проблемы социального прогнозирования. Красноярск, 1981. Вып. 6. С. 69–84.

29. Тощенко Ж. Т. Социальное проектирование (методологические основы) // Обществ. науки. 1983. № 1. С. 12–22.

30. Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества. М., 1987.

31. Дридзе Т. М. Прогнозное проектирование в социальной сфере как фактор ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса: теоретико-методологические и «технологические» аспекты // Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования. М., 1986. С. 84–125.

32. Дондурей Д. Б. Социальное проектирование в сфере культуры : поиск перспективных направлений // Социальное проектирование в сфере культуры : методол. проблемы. М., 1986. С. 7–28.

33. Луков В. А. Социальное проектирование : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

34. Benford Robert D., Hunt Scott A. Dramaturgy and Social Movements: The Social Construction and Communication of Power // Sociological Inquiry. 1992. Nr 62. P. 35–55.

35. *Rethinking Labor History* / ed. Berlanstein Lenard R. Urbana, 1993.

36. Kotkin Stephen. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley [u.a.], 1995.

37. Negt Oskar, Kluge Alexander. Geschichte und Eigensinn. Frankfurt a/M., 2001.

38. Obertreiss Julia. Тэднен дес Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937. Köln, 2004.

39. Plaggenborg Stefan. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln [u. a.], 1996.

40. Fitzpatrick Sheila. The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992.

41. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М., 2008.

42. *Скотт Джеймс*. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М., 2005.

43. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

44. *Брэдли Дж.* Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.

45. *Davies Sarah, Harris James.* Stalin's World, Dictating the Soviet Order. New Haven, 2014.

46. *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

47. *Проекты* преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации / Ильиных В. А., Андреевков С. Н., Мазур Л. Н., Рынков В. М. и др. Новосибирск, 2015.

48. *Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации* / отв. ред. В. М. Розин. М., 2002.

49. *«Время вперед!»* Культурная политика в СССР / под ред. И. В. Глущенко, В. А. Куренного. М., 2013.

50. *Косенкова Ю. Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х гг.: От творческих поисков к практике строительства. М., 2000.

51. *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.* Пространство советского города (1920–1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск, 2004.

52. *Социальное проектирование* // Российская социологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://sociologicheskaya.academic.ru/949/> (дата обращения: 01.10.2016).

53. *Социальное проектирование* // Социологический справочник [Электронный ресурс]. URL: http://sociological_guide.academic.ru/143/ (дата обращения: 01.10.2016).

54. *Социальное проектирование* // Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://voluntary.ru/termin/proektirovanie-socialnoe.html> (дата обращения: 01.10.2016).

55. *Селезнев П. С., Жук С. С.* Управление социальными проектами: Монография. [Б. г.], 2016.

56. *Общество* // Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2866/Общество (дата обращения: 01.10.2016).

57. *Макаренко А. С.* О воспитании. М., 1988.

58. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года : стеногр. отчет. М., 1962. Т. 1–3.

ТЕОРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ в XX веке И СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ¹

В статье анализируются некоторые теоретические концепции конструирования социальной реальности XX столетия с точки зрения их соотносительности с раннесоветским обществом как объектом и результатом социального проектирования. Показано, что большевистская программа построения коммунистического общества находилась в контексте общемировых идей изменения социальной реальности в условиях развития машинной цивилизации.

Большое внимание уделено концепции социальной инженерии Карла Поппера. Ввиду невозможности реализации макросоциального воздействия с заданными характеристиками делается вывод о неизбежности перехода преобразователей к «поэлементному планированию» (в терминологии Поппера), а также к усилению пропагандистской составляющей в контексте «воспитания нового человека».

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное проектирование, социальная инженерия, советская идеология, программа построения коммунизма, К. Поппер, «воспитание нового человека».

Возникновение идеи «социального инжиниринга»

На протяжении ста лет, отделяющих нас от большевистской революции, отношение к советскому опыту социального переустройства неизбежно менялось – от восторженного у поборников коммунистической идеи в первые десятилетия Советской власти до скептического – у большинства живших в эпоху позднего Брежневца. На излете «перестройки», на рубеже 1980–1990-х годов, доминирующими стали негативные оценки советского прошлого. Спустя еще четверть века, когда эмоциональные оценки «левых» и «правых» медленно, но неизбежно уступают место отстраненной рефлекс-

¹ Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

сии, есть смысл разобраться, каково было место советского проекта на шкале социально-политических воззрений эпохи и какие теоретические уроки можно извлечь из попытки построения коммунизма в отдельно взятой стране.

Утопические концепции идеального общественного устройства, от Томаса Мора до Роберта Оуэна, во второй половине XIX века получили новую жизнь в работах Маркса, Бакунина и их последователей. Подобно предшественникам, они воспринимали современный мир как глубоко враждебный человеческой природе. Эти чувства оказались многократно усилены реалиями «дикого капитализма» того времени. Сравнение капиталистического государства со всепожирающим Молохом было вполне обычным. В «Капитале» Маркс сочувственно цитировал английского публициста Сэмюэла Лэнга: «Каждый большой город – это место человеческих жертвоприношений, алтарь, на котором ежедневно убиваются тысячи для Молоха жадности» [1, с. 672]. От осознания неудовлетворительности современного мира было совсем недалеко до идей его рукотворного изменения. Состояние умов хорошо иллюстрирует идея Герберта Спенсера, высказанная им в работе «От свободы к рабству (1891): «Ничто, кроме медленного совершенствования человеческой природы посредством организации социальной жизни, не может произвести благоприятных перемен» [2, с. 127].

До этого времени функцию социального регулирования выполняла природа. Однако в эпоху бурного развития промышленного капитализма ее потенциал оказался недостаточным для создания крупных социальных образований, подобных нациям, транснациональным компаниям, финансово-промышленным группам, мировым сообществам, глобальному обществу. Идеи организации общества имели поэтому экономическую индустриальную основу, связанную с завершением раздела мира и формированием «монополистического» сознания. В духе времени обновление мыслилось на путях машинной цивилизации. В начале XX века поэтика «нового мира, сегодняшнего, железного» [3, с. 59] вслед за философами захватила писателей, художников и поэтов².

² О влиянии идей социального инжиниринга на художественное творчество см., напр. [4].

Многие авторы социальных проектов второй половины XIX века находились под воздействием идей самоорганизации общества в духе социалистов-утопистов. Именно поэтому широкое распространение первоначально получили анархические идеи – от У. Годвина и М. Штирнера до М. Бакунина и П. Кропоткина. Не была оригинальной и Марксова концепция слома современного государственного механизма. Но она оказалась чрезвычайно привлекательной, во-первых, из-за блестящего анализа сути капитализма, принятого в «Капитале», а во-вторых, из-за достаточно стройной концепции стадийного развития человеческого общества и коммунизма как желаемой конечной цели. Научность построений Маркса не подвергалась сомнению и с точки зрения позитивистских представлений о творческой роли исторического опыта в построении будущего, господствовавших в тогдашней науке. Поэтому изначально у российских марксистов не было оснований усомниться в верности положений его учения.

Утопический ореол вокруг марксистского учения стал формироваться много позже, при попытках его практической реализации. Главное, с чем в конце концов столкнулись все проводники рукотворных социальных изменений, от Ленина до Дж. Кейнса, – это осознание неустранимости государства из процесса реформирования. Именно здесь следует искать корни ленинской ревизии Маркса, получившей название марксизма-ленинизма.

Представления о роли государства в изменении общества у мыслителей прошлого очень разнообразны – от необходимости задержки любых изменений у Платона [см.: 5, т. 1, с. 69] до теории «разумного» государства, подчиняющего личность и тем самым объективирующего свободу у Гегеля [см.: Там же, т. 2, с. 41]. Особенностью «монополистического» восприятия рубежа XIX–XX веков стало то, что с появлением наднациональных форм социальной организации и институтов гражданского общества на Западе государство, хотя и занимая важное место в сложившейся системе ценностей, более не воспринималось как главная сила общественного развития. Именно в этом ключе выдержаны концепции «социального проектирования», «социальных технологий» и «социальной инженерии», в своих названиях, очевидно, апеллирующие к ценностям индустриальной цивилизации.

Несмотря на почтенный возраст этих идей и многочисленные попытки их реализации в разных странах мира [см.: 6], сегодня по-прежнему отсутствует сложившийся понятийный аппарат, касающийся социального проектирования. Такая ситуация во многом проистекает из междисциплинарности изучаемого предмета. Вполне условным является отделение социального проектирования от социальной инженерии даже в среде социологов. Характерно, что интернет-поиск термина «социальная инженерия» в первую очередь дает результаты, связанные с так называемым фишингом, т. е. мошеннической деятельностью, имеющей целью доступ к персональной информации.

По мнению Карла Поппера, впервые термин «социальная инженерия» был использован, по-видимому, Сиднеем и Беатрисой Вебб в конце XIX века³, а затем Роско Паундом в его «Введении в философию права» (1922) и Марком Истмэном в книге «Марксизм – это наука?» (1940) [см.: 5, т. 1, с. 262]. В то же время, по замечанию современного автора, еще в 1899 году в США выходил небольшой журнал под названием *Social engineering* и тогда же о «социальном инженерере» заговорили как о новой профессии, связанной с удовлетворением нужд наемных рабочих [см.: 7, с. 69], а в 1911 году, после выхода книги социолога Эдвина Ерпа «Социальный инженер» [см.: 8], этот термин вошел в массовый оборот в его современном значении⁴. Большое значение для конституирования понятия имели взгляды немецкого социолога Фердинанда Тённиса, который в 1905 году утверждал, что общество более не может управляться старомодными способами. Для эффективного менеджмента необходимы передовые технологии и обширные статистические данные, которые будут способствовать движению общественной системы в правильном направлении [см.: 10]. Похожим образом развивалась творческая мысль известного марксистского теоретика А. Богданова, в 1920-х годах сформулировавшего концепцию новой социальной науки под названием «тектология» [см.: 11].

³ Работы «History of Trade Unionism» (1894) и «Industrial Democracy» (1897). См. также [5, т. 1, с. 262].

⁴ «Деятельность по проектированию, конструированию, созданию и изменению организационных структур и социальных институтов» [см.: 9].

Карл Поппер и социальное проектирование

Несмотря на некоторое количество предшественников, основоположником социальной инженерии следует считать Карла Поппера, поскольку именно в его работах она была подробно разработана как концепция постепенных (*piecemeal*) социальных преобразований, противоположная утопической социальной инженерии, не обусловленной текущими потребностями общества, а основанной на историчистских представлениях⁵.

В своем анализе Поппер, очевидно, вдохновлялся результатами советского социального эксперимента. Пафос неприятия советского опыта реализации марксистской социальной программы формирует тональность и «Открытого общества» (1938–1943), и «Нищеты историчизма» (1944) – главных его трудов по социальной и политической философии. Основным преимуществом Поппера перед теоретиками социальной инженерии – его предшественниками – является то, что многие его выкладки лишены теоретической умозрительности и находят подтверждение в реальном историческом опыте. Именно на этой основе сформировался научный статус Поппера как первопроходца.

Взгляды Поппера оформились на фоне интереса к социальной инженерии как разновидности прикладной социологии прежде всего в США. Хотя в качестве направления американской социологической науки социальная инженерия утвердилась только в 1960-е годы, сама идея и некоторые принципы ее практической реализации нашли отражение еще до Второй мировой войны в утилитарной концепции «человеческой инженерии» (*human engineering*), ставившей своей целью использование научных данных о потребностях, возможностях и недостатках человеческого организма при конструировании и проектировании машин и машинных систем. В 1950–1960-е годы группы «социальных инженеров» работали в индустриальной и военной социологии, исследованиях пропаганды и коммуникаций, групповой динамики [см.: 14, с. 16].

⁵ Об этом см. [5, т. 1, с. 30]. См. также примечание редактора на той же странице. Подробнее о концепции социальной инженерии в работах Поппера см.: [12; 13].

В отечественной литературе термин появился в начале 1970-х годов в работах по критике западной социологии и социальной психологии и окончательно устоялся в 1980-е годы, хотя у нас чаще используется близкий по смыслу термин «социоинженерная деятельность» [см.: 12, с. 87].

Философская дефиниция социальной инженерии (см. примеч. 4) недостаточна по той причине, что оставляет «за скобками» характер этой деятельности. Указанного недостатка лишено социологическое определение, в соответствии с которым под социальной инженерией понимается «совокупность подходов в прикладных социальных науках, ориентированных:

- 1) на изменение поведения и установок людей;
- 2) разрешение социальных проблем;
- 3) адаптацию социальных институтов к изменяющимся условиям;
- 4) сохранение социальной активности» [15].

На серьезное затруднение при использовании термина обратил внимание Ф. фон Хайек. По его мнению, работа инженера предполагает сосредоточение всего, имеющего отношение к знанию, в одной голове, в то время как знание, имеющее отношение к решению социальных проблем, не может быть централизовано [см.: 16, с. 75]. В том числе и по этой причине вряд ли стоит отказываться от термина «социальное проектирование», тем более что он, очевидно, предполагает более широкий смысловой контекст и потому удобен для раскрытия заявленной темы.

Возвращаясь к Попперу, следует заметить, что отношение к его творчеству в нашей стране противоречиво. Основные работы мыслителя по философии науки были переведены в СССР еще в 1960-е годы. При этом считалось, что существует «два Поппера»: один – глубокий философ, а другой – пристрастный идеолог ввиду его выраженной антикоммунистической позиции. Такой взгляд позволил легитимировать Поппера-философа в официальной советской научной среде [см.: 17, с. 62]. «Крамольные» работы «Открытое общество» и «Нищета историцизма» вышли на русском языке соответственно в 1992 и 1993 годах [см.: 5; 16], т. е. более 20 лет назад, и на момент написания настоящей статьи более поздние

издания обнаружить не удалось. На этом основании можно заключить, что настороженность по отношению к Попперу как социальному философу в среде отечественных исследователей продолжала существовать.

Полемический заряд, отстаивающий ценности западной демократии в ее борьбе с коммунистической идеологией, делает обе названные книги интересными для исследователей социального проектирования советского образца.

«Ницета» историцизма и утопизма и советский проект

Ключевыми для понимания позиции автора являются понятия «открытое общество» и «историцизм». Под первым подразумевается такое общественное устройство, в котором граждане имеют возможность влиять на деятельность правительства. Под историцизмом понимаются все социально-философские теории, основанные на вере в «историческую необходимость» и притязающие на предвидение будущего. Сколь бы различными при этом не были социальные теории (например, воззрения Платона или Маркса), их объединяет страсть к *социальной инженерии* – обустройству общества сообразно некоторому идеалу.

«Историцизм» не был изобретением Поппера. Термин, обычно имеющий негативную коннотацию, встречается у множества авторов – от Ницше, Дильтея и Коллингвуда до марксистско-ленинских теоретиков, которые связывают с ним спекулятивную философию истории, бессистемную фактографию, «неисторическую историю» и т. п. [см.: 18].

Основная претензия Поппера к историцизму в том, что он «видит главную задачу социальных наук в *историческом предсказании*» через «“ритмы”, “схемы”, “законы” или “тенденции”» [16, с. 10]. Таким образом, по Попперу, чтобы быть объектом научного рассмотрения, социальная теория должна быть лишена всех этих элементов. Именно здесь его основная претензия к марксизму и его последователям – большевикам, начавшим строить новое общество на негодных основаниях.

Критикуя историцизм, Поппер в то же время разделяет некоторые его положения:

- никакой научный прорицатель не может предсказать собственные научные результаты;
- эксперименты в обществе невозможны, так как само их проведение влияет на состояние общества;
- человек не должен быть пассивным созерцателем.

Деятельное поведение личности Поппер характеризует как «активизм» и даже вполне сочувственно цитирует Маркса, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы его *изменить*» [16, с. 15]. Правда, если существуют исторические законы, иронически замечает Поппер, то все эти попытки изменений сводятся лишь к социальному акушерству, т. е. к попыткам ускорить рождение предсказанного нового общества [см.: 15, с. 60].

Если историцисты ввиду невозможности социальных экспериментов делают вывод о необходимости социологических предсказаний, то Поппер полагает, что такого рода предсказания невозможны в принципе: социология в наибольшей степени зависит от своих оснований – физики и химии, а также психологии, и потому наиболее сложна [см.: Там же, с. 20].

Социальные процессы невозможно анализировать через поэлементную причинность, поэтому историцисты тяготеют к изучению групп, а не отдельных элементов. Поппер называет такой подход «холическим» [Там же, с. 25]. В его рамках причинное объяснение исторических событий осуществляется не через поэлементную причинность, а с помощью таких социальных реальностей, как государство, экономическая система или форма правления, т. е. через категории, которые нельзя выразить количественно. Отсюда тяга историцистов к *эссенциальности*, или проникновению в сущность [см.: Там же, с. 38]. Но при таком подходе в исследованиях отсутствует точность, поэтому социология должна заниматься широкими предсказаниями, а единственным ее эмпирическим источником является история [см.: Там же, с. 48]. Скорее всего, именно здесь кроются причины неприязни официальной советской науки к практическим социологическим исследованиям и социологии в целом.

По Попперу, есть два типа научных предсказаний. Первое из них, типа «надвигается тайфун», о том, что предотвратить нельзя, но можно принять меры по смягчению последствий. Второе – «укрытие выдержит» – имеет технологическую, инженерную природу. Историцисты игнорируют предсказания второго типа, поскольку в социальных науках эксперимент невозможен, и обращаются только к тем, которые являются выражением «законов развития», совпадающих с течением истории. Однако ввиду вероятностного характера этих законов их предсказания приобретают статус не прогнозов, а пророчеств [см.: 15, с. 55], т. е. становятся предметом веры⁶.

Для понимания характера советского утопизма важным является видение Поппером историцизма в его связи с утопией. По мнению мыслителя, в основе любой утопии лежит рациональное целеполагание: «Если мы хотим действовать рационально, мы должны прежде всего выбрать цель... Только когда мы сформулируем, хотя бы в виде грубого наброска, конечную цель и получим нечто подобное проекту общества, к которому мы стремимся, только тогда мы можем... наметить план практических действий» [5, т. 1, с. 199–200]. Именно это придает утопии характер научности, и поэтому она способна убедить многих. Но она ненаучна в той же степени, что и историцизм – реализация модели желаемого общества невозможна ввиду невозможности спрогнозировать путь общественного развития, находясь внутри реформируемого социума.

В противоположность историцизму утопия совсем не обязательно имеет в виду некие «законы истории». Сходство между ними – прежде всего в холическом подходе (Поппер называет это «несвятым союзом» историцизма с утопией). Таким образом, если историцизм ограничивает рамки инженерии «социальным акушерством», утопизм свободен от ограничений. «Несмотря на это, – пишет Поппер, – историцизм часто вступает в союз с идеями, типичными для холической или утопической социальной инженерии, такими как “Новый Порядок” или “централизованное планирование”» [16, с. 86].

⁶ О прогнозе и пророчестве см.: [19, с. 359].

Симпатичный Попперу «поэлементный» инженер точно так же не может предвидеть последствий своих действий, как историк или утопист. Поэтому «он будет прокладывать путь, делая один шаг за другим и беря на заметку последствия проводимой реформы; он будет избегать сложных и масштабных реформ, уже невозможно бывает разобраться, где причина, а где следствия, и понять, что же собственно он делает» [16, с. 79].

В отличие от «поэлементной» инженерии, «холическая, или утопическая социальная инженерия нацелена на захват “ключевых позиций” и укрепление власти государства... пока государство не сольется с обществом»; кроме того, ее целью является «контроль с этих “ключевых позиций” тех исторических сил, которые определяют будущее развивающегося общества, либо задерживая его развитие, либо предвидя его ход и приноравливаясь к нему... В то время как “поэлементный” инженер не заботится о масштабах реформы, холист заранее знает и заранее решил, что возможна и необходима полная перестройка общества» [16, с. 79–81]. В конечном счете любая утопическая попытка достигнуть идеального государства требует сильной централизованной власти немногих и чаще всего ведет к диктатуре [см.: 5, т. 1, с. 202]⁷.

Исходя из вышесказанного, советский проект можно в равной мере рассматривать как историкский и утопический. Причем историкским он был в той своей «теоретической» части, где базировался на историческом материализме Маркса. Однако практическая деятельность большевиков имела признаки «социального акушерства» лишь в самый ранний, романтический период большевистской революции (политика военного коммунизма). С осознанием того, что прогнозы Маркса о неизбежной перестройке мирового порядка под давлением революционного пролетариата в сложившейся конкретной ситуации не сбываются, постепенно утвердился утопизм ленинского толка, который использовал марк-

⁷ Возможно, из желания сгладить остроту разногласий между собой и Ф. фон Хайеком в оценке поэлементной социальной инженерии, Поппер специально оговаривает, что эта его точка зрения совпадает с заявленной в книге Ф. фон Хайека «Дорога к рабству» [см.: 5, т. 1, с. 353].

систские положения скорее в качестве лозунгов, нежели пунктов реальной программы действий.

Проводя грань между марксистским историцизмом и ленинской утопией, Поппер замечает: «Марксизм – это чисто историцистская теория, которая стремится предсказывать будущий ход экономического и политического развития и, в особенности, ход развития революций. Как таковой, марксизм определенно не являлся основой политики Российской коммунистической партии после прихода ее к политической власти» [5, т. 2, с. 99]. Поскольку Маркс считал всякую социальную технологию утопической, «его русские последователи оказались совершенно не приспособленными для решения своих гигантских задач в области социальной инженерии. Как вскоре понял Ленин, марксизм был неспособен помочь в деле практической экономики» [Там же]. По признанию большевистского вождя, в работах Маркса вряд ли можно найти хотя бы одно слово об экономике социализма, за исключением таких бесполезных лозунгов, как «Каждый – по способностям, каждому – по потребностям!» В результате ни нэп, ни первые пятилетние планы не имели ничего общего с теорией научного социализма, выдвинутой Марксом и Энгельсом [см.: Там же].

Поппер считает, что на практике холистический метод (историцистский или утопический) невозможен: чем обширнее осуществляемые холистические изменения, тем значительнее их непреднамеренные и во многом неожиданные последствия, вынуждающие холистического инженера обращаться к приемам «поэлементной» импровизации. «Холисты отвергают “поэлементный” подход, считая его слишком умеренным; однако... они всегда возвращаются к несистематическому и грубому, но зато амбициозному и решительному применению по сути своей “поэлементного” метода, хотя и лишённого осторожности и самокритичности... Утопический инженер постоянно делает вещи, которых он делать не собирался; иначе говоря, мы сталкиваемся здесь со знаменитым феноменом незапланированного планирования» [16, с. 81].

Государство против личности

Другой проблемой, возникающей на пути холических изменений, является неизбежное возрастание роли государства, причем в масштабах, в конечном счете неудобных для самого этого государства. Включение в государственную орбиту все новых и новых социальных отношений требует создания соответствующих контролирующих органов, но «с каждой новой контрольной инстанцией мы создаем тьму новых социальных отношений, в свою очередь требующих над собой контроля» [16, с. 93], и в результате бесконечного регресса система управления оказывается парализованной.

Таким образом, самым неудобным для всякого управленца, мыслящего в холических масштабах, оказывается человеческий фактор. Отсюда неизбежность обращения вслед за преобразованием институтов к преобразованию человека. «Политическая проблема состоит поэтому в том, чтобы организовать человеческие импульсы, они устремят энергию на правильные стратегические пункты и направят процесс развития в желательном направлении» – приводит Поппер цитату К. Маннгейма из книги «Человек и общество» [см.: Там же, с. 82].

Тема формирования «нового человека» – одна из самых важных для понимания сути тоталитарных режимов XX века. В контексте западной социологии она рассматривается в контексте свободы личности в ее взаимоотношениях с государством. Восприятие этой свободы как базовой общественной ценности предопределило жесткий полемический тон сочинений не только Поппера, но и того же К. Маннгейма, а также Х. Арндт, Ф. фон Хайека, Э. Фромма и других мыслителей.

В большевистской идеологии проблема формирования «нового человека» была тесно связана с лозунгом «культурной революции», впервые озвученным в 1923 году в работе Ленина «О кооперации» [см.: 20, с. 372]. Сама же необходимость идеологического наступления была осознана с началом политики нэпа в 1921 году и выразилась в системе мер, самыми известными из которых стали борьба с церковью и высылка «буржуазных» ученых («философский пароход») в 1922 году. И если в первые годы Советской власти

эта «борьба за умы» имела в большей степени тактический характер⁸, то к концу 1920-х годов она реализовалась в монументальной триаде «индустриализация, коллективизация и культурная революция» как необходимом условии для успеха коммунистического строительства, а на рубеже 1950–1960-х годов вошла в хрущевскую программу построения коммунизма («воспитание нового человека») [см.: 22, с. 50–57].

Содержание советской идеологической эволюции вполне адекватно передается следующим тезисом Поппера: «Требование построения нового общества, пригодного для того, чтобы в нем жили мужчины и женщины, подменяется требованием “формирования” этих мужчин и женщин с тем, чтобы они “подходили” этому новому обществу» [16, с. 82]. При этом нет никакой возможности проверить, добилось ли новое общество успеха или потерпело неудачу, так как те, кому не нравится в нем жить, должны будут признать, что еще не «созрели» для этого общества [см.: Там же, с. 82].

Носители централизованной власти заинтересованы в установлении контроля над умами еще с одной целью – чтобы централизовать знание. Но сторонники холистического подхода не замечают того факта, что сделать это невозможно. В реальности холист будет упрощать проблему, стирая различия между индивидами: он попытается контролировать и стереотипизировать интересы и убеждения с помощью образования и пропаганды. Конечным итогом такого вмешательства станет утрата мысли, особенно мысли критической, а знание будет разрушено [см.: Там же, с. 105].

Имея перед глазами четвертьвековой советский опыт, Поппер попытался обобщить его с точки зрения положений своей теории. По его мнению, марксисты не смогли понять опасности, таящейся в политике, ведущей к возрастанию власти государства. Диктатура пролетариата в этом смысле оказалась ничуть не лучше диктатуры буржуазии. «И когда они шумно требуют расширения полномочий государственной власти (в противоположность Марксову взгляду на государство), они не принимают во внимание то, что

⁸ Об этом можно, например, судить по содержанию разговора Ю. Анненкова с Лениным в 1921 году [см.: 21, т. 2, с. 247].

дурные личности могут завладеть этой более широкой властью» [5, т. 2, с. 151–152].

Парадокс всякой революции в том, что после завоевания политической власти революционеры превращаются в свою противоположность. «Революционные лидеры и их соратники, выстоявшие в борьбе за власть... образуют новый правящий класс нового общества. Этот класс представляет собой некий вид новой аристократии или бюрократии, представители которого... будут стараться скрыть этот факт. Удобнее всего это делать, сохраняя революционную идеологию, пользуясь революционными настроениями. И вполне вероятно, что они смогут достаточно искусно воспользоваться революционной идеологией, если одновременно будут использовать контрреволюционные тенденции общественного развития» [Там же, т. 2, с. 162–163]. В результате революционная идеология становится новым «опиумом народа».

Итак, необходимость пропагандистского обеспечения холического планирования очевидна:

- идеология маскирует неудачи преобразований, перенося акцент с изменения институтов на необходимость изменения личности, и обеспечивает работу механизма воспитания «нового человека»;
- с помощью идеологии власть стремится к централизации знания;
- идеология способствует стабилизации правящего режима.

Именно эти компоненты есть смысл рассматривать, анализируя направления и структуру формирования советского общественного сознания.

Суммируя то, что дают социально-философские работы Карла Поппера для понимания сути советского проекта, получаем следующее:

- *Цель.* Советская попытка построения нового общества исходила из марксистской историцистской идеи построения общества будущего, в свою очередь основанной на выведенных Марксом исторических законах.
- *Средства.* За неимением каких-либо конкретных инструкций построения коммунистического общества у Маркса в Советской России произошел переход от марксистской *историцистской*

к ленинской *утопической* модели холических преобразований. После осознания бесплодности романтического радикализма в скором времени большевики перешли от *холического* к фактическому *поэлементному* планированию в рамках политики нэпа. В этом же контексте в дальнейшем продолжала реализовываться советская модель интервенционизма, т. е. вмешательства государства в экономику.

- *Эволюция идеологии.* В первые годы советской власти в своей полемике с другими марксистскими группами, и прежде всего с меньшевиками, большевики делали акцент на том, что только они являются носителями «истинного» марксизма. После устранения меньшевиков с политической сцены ленинская ревизия Маркса в утопически-холическом духе была окончательно конституирована под именем «марксизма-ленинизма». Институционализация каждой новой преобразовательной программы в течение всех лет советской власти предполагала вписывание ее в марксистский контекст. «Марксистская» оболочка давала индульгенцию на любую деятельность.

- *Судьба проекта.* По мере выхолащивания марксистско-ленинских идей в СССР поэлементная инженерия чувствовала себя все более уверенно (различные формы «научной организации труда» и т. п.). До поры холическая утопия поддерживалась искусственно, пока окончательно не превратилась в ритуал. Утвердились методы поэлементной инженерии, схожие по содержанию с методами в «открытом обществе».

Критика «централизованного планирования» фон Хайеком

Взглядам Поппера созвучны идеи Фридриха фон Хайека, высказанные им в работах «Дорога к рабству» (1944) [см.: 23], «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма» (1988) [см.: 24] и др. Помимо приведенной выше мысли о невозможности сосредоточения знания, пригодного для социального инжиниринга, в одной голове, Хайек разделяет идею о неизбежном возрастании роли госу-

дарства в ходе реализации проекта советского типа, и видит в этом угрозу для ценностей свободной экономики, а через них – для индивидуальной свободы личности. Основную проблему при этом он видит в централизованном, или коллективистском, планировании, которое «неизбежно влечет сознательную дискриминацию, ибо, с одной стороны, оно поддерживает чьи-то устремления, а чьи-то подавляет, а с другой – позволяет кому-то делать то, что запрещено другим» [23, с. 95].

Его доводы против социальной инженерии как таковой звучат следующим образом: «Для успешного решения инженерной задачи необходимо, чтобы вокруг существовала сравнительно большая зона непланируемой экономической деятельности. Должен быть какой-то резервуар, из которого можно черпать работников. А если работник уволен, то он должен исчезать не только с места работы, но и из платежной ведомости. При отсутствии такого резервуара дисциплину можно будет поддерживать только телесными наказаниями, как при рабском труде» [Там же, с. 134]. Поэтому социальная инженерия не может наделяться политическим смыслом; эта попытка связана со «сциентизмом», т. е. перенесением методов естественных наук на науки об обществе.

Связь между существованием свободного рынка и свободой прослеживается и в другом утверждении: централизованное экономическое планирование устраняет из экономической жизни одну из важнейших функций индивида, а именно: его функцию свободного потребителя, т. е. человека, выбирающего продукт [см.: Там же, с. 136]. Хайек указывает на технологическую невозможность создания плана общества, которое одновременно экономически централизовано и индивидуалистично.

Индивидуальная свобода исчезает при столкновении с ценностями коллектива, в то же время «коллективная свобода» – это не свобода каждого члена общества, а ничем не ограниченная свобода планирующих органов делать с обществом все, что они пожелают: «где нет собственности, там нет и справедливости», – цитирует Хайек Джона Локка [см.: 24]. Проблема утраты морали при реализации централизованного планирования особо акцентируется Хайеком: «Там, где существует высшая цель, ради достижения которой

все средства хороши, не остается места для этических норм и правил. Жестокость становится исполнением долга. Коллективисты, видя лишь конечную цель, считают права и ценности личности препятствием к ее достижению. А поскольку высшие ценности устанавливает верховный вожь, то функционеры не должны иметь нравственных убеждений» [23, с. 154].

Таким образом, если Поппер критиковал политические аспекты историцистско-утопического преобразования общества, то Хайек сконцентрировался на экономических и этических последствиях подобного эксперимента и пришел к выводу о том, что любая попытка такого рода неэффективна и антигуманна.

Идейными наследниками Поппера и Хайека следует считать более поздних мыслителей – Э. Тоффлера, Д. Белла, М. Маклюэна и некоторых других авторов. По выражению В. Чаликовой, с завершением советского эксперимента мир пережил «конец утопии», когда утопический идеал растворился в практике постиндустриального общества. Утопии сменились более рационалистичными «практопиями», которые ориентированы не на «лучший из возможных миров», но на мир практичный и более благоприятный для человека, чем тот, в котором мы живем [см.: 25]. Появление практопий – это не только констатация несбыточности утопического идеала, но и признание справедливости выводов о возможности постепенных изменений к лучшему лишь в отдельных сферах человеческой жизнедеятельности, при сохранении сложившихся в социуме норм и правил.

«Социальный конструкционизм» Бергера и Лукмана

Не претендуя на освещение всех сколько-нибудь значительных концепций, имеющих отношение к теме социального проектирования, обратим внимание на теорию социального конструкционизма Питера Бергера и Томаса Лукмана, развитую ими в работе «Социальное конструирование реальности» (1966) [см.: 26]. Несмотря на то, что предметом рассмотрения Бергера и Лукмана были современные плюралистические общества, их теория помогает понять

закономерности формирования «нового человека» в советском социуме, а также сообщества, объединенного общими идеологическими ценностями.

По Бергеру и Лукману, в процессе жизни люди создают социальные феномены на основе *традиции* [см.: 26, с. 114]. Реальность конструируется непрерывно в процессе ее интерпретации людьми и формулирования *знаний* о ней. Само же знание, включая основополагающие представления (так называемый здравый смысл) формируется и поддерживается за счет социального взаимодействия [см.: Там же, с. 62].

Применительно к советскому контексту это означает, что так называемый *Homo Sovieticus* – это не только результат идеологической индоктринации «сверху», но и продукт сложившихся в социуме социальных отношений, в рамках которых формируется новая социальная традиция.

Процесс конструирования социальной реальности происходит по схеме: *хабитуализация* (т. е. формирование привычки) – *институционализация* – *легитимация* – *традиционализация* [см.: Там же, с. 24–160] с последующей *коммеморацией*, т. е. формированием «мест памяти».

С учетом суждения фон Хайека о том, что необходимое для социальных преобразований знание не может содержаться в одной голове, вызывают интерес умозаключения Бергера и Лукмана о месте интеллектуала в обществе. Он оказывается не вписан в приведенную выше схему, поскольку является контрэкспертом в деле определения реальности, т. е. его экспертиза является нежелательной для общества в целом.

Как и «официальный» эксперт, он делает проект общества в целом. Но если первый делает это в соответствии с институциональными программами и его проект служит их теоретической легитимации, то проект интеллектуала существует в институциональном вакууме, его социальная объективация в лучшем случае происходит в подобществе таких же интеллектуалов [см.: Там же, с. 206].

Тем самым обосновывается мысль, не противоречащая выкладкам Поппера и Хайека, что социальная реальность, на формирование которой направлены усилия власти, – результат не столько

интеллектуального воздействия, сколько продукт уже существующих социальных практик.

Ни интеллектуал, ни «официальный эксперт» оказываются не в состоянии достичь цели. Проект интеллектуала ругают за его «оторванность от жизни», а проект «официального эксперта» берут на вооружение как наиболее отвечающий интересам властей, но по причине практической нереализуемости он в конце концов перемещается из сферы реальных действий в чисто идеологическую. Теоретически власть может достичь промежуточного успеха, если угадывает настроения социума, но стратегически ее ждет поражение.

В обоих случаях причина провала одна – сугубая сложность социальных отношений и вытекающая из нее невозможность реформирования общества в целом, на что обращал внимание и Карл Поппер.

Выводы

Анализ возможностей и механизмов социального проектирования – идеологически окрашенный, как у Поппера и Хайека, либо подчеркнуто академический, как у Бергера и Лукмана – доказывает невозможность реализации социальной утопии в рамках всего общества. Как доказывает Хайек, отдельные позитивные изменения возможны только в условиях существования рыночной экономики и индивидуальной свободы. Власть, которая не учитывает этого обстоятельства, обречена на ужесточение политического режима и введение диктатуры. Счет за неудачи преобразователей в таких случаях обычно предъявляется народу, который пока «не готов» к светлому будущему.

В ходе реализации утопических преобразований действительно происходит трансформация сознания, но созданный таким образом «новый человек» плохо соотносится с желаемым образом, отсюда необходимость для властей постоянно бороться с «пережитками прошлого». Причина кроется в сложности и устойчивости сохраняющихся социальных взаимодействий.

Рассмотренные здесь взгляды социальных теоретиков лишь в очень малой степени следует считать политически конъюнктур-

ными и опосредованными современной авторам политической обстановкой. Работы Поппера, Хайека, Бергера и Лукмана и ряда других авторов сохраняют несомненную актуальность и способны оказать помощь в понимании советского прошлого.

-
1. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
 2. *Москвин С. А.* Герберт Спенсер против тоталитаризма // Социс. 1992. № 2. С. 125–129.
 3. *Малевич К.* Черный квадрат. М., 2014.
 4. *Swirski Peter.* American Utopia and Social Engineering in Literature, Social Thought, and Political History. New York ; London, 2011.
 5. *Поннер К.* Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992.
 6. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
 7. *Carlson Benny.* Social Engineering 1899–1999: A Odyssey through The New York Times // American Studies in Scandinavia. 2005. Vol. 37, Nr 1. P. 69–94.
 8. *Earp Edwin Lee.* Social Engineer. New York : Cincinnati, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uva.x001136993;=1ur;seq=13> (дата обращения: 22.10.2016).
 9. *Инженерия социальная* // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8394/%D0%98%D0%9D%D0%96%D0%95%D0%9D%D0%95%D0%A0%D0%98%D0%AF (дата обращения: 21.10.2016).
 10. *Tönnies Ferdinand.* The Present Problems of Social Structure // Ferdinand Tönnies Gesamtausgabe. Berlin ; New York, 2009. Vol. 7. P. 269–285.
 11. *Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М., 1989.
 12. *Резник Ю. М.* Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социс. 1994. № 2. С. 87–96.
 13. *Фадеева В. Н.* Феномен социальной инженерии в концепции К. Поппера // Известия ТПУ. 2008. № 6. С. 107–110 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-sotsialnoy-inzhenerii-v-kontseptsii-k-poppera> (дата обращения: 23.10.2016).
 14. *Генне О. В.* Заметки о социальной инженерии // Защита информации. INSIDE. 2006. № 6. С. 16–19.

15. *Мокшин В. К., Миронов А. В.* Словарь-справочник по социологии. М., 2011. С. 30 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/slovar-spravochnik-po-sociologii-read-424698-30.html> (дата обращения: 21.10.2016).

16. *Поппер К.* Ницета историцизма. М., 1993.

17. *Лекторский В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

18. *Историцизм* // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://iphras.ru/elib/1310.html> (дата обращения: 21.10.2016).

19. *Koselleck Reinhart.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a/M., 1989.

20. *Ленин В. И.* О кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 369–377.

21. *Анненков Ю.* Дневник моих встреч : в 2 т. Л., 1991.

22. *Программа* Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1974.

23. *Хайек Ф. фон.* Дорога к рабству. М., 2005.

24. *Хайек Ф. фон.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992 [Электронный ресурс]. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_conceit0 (дата обращения: 30.10.2016).

25. *Чаликова В.* Маски утопии в XX веке: практопия и ее соперницы // Чаликова В. Утопия рождается из утопии. Лондон, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://chalikova.ru/maski-utopii-v-xx-veke-praktopiya-i-ee-soperniczyi.html> (дата обращения: 30.10.2016).

26. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДОСТИЖЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ¹

В статье анализируются основные тенденции и достижения современной историографии в изучении историко-антропологического измерения российской Революции 1917 года. Охарактеризованы наработки историографии 1990-х годов в исследовании общественного сознания, психологии, настроений различных групп и слоев российского общества в условиях Революции 1917 года. Показан качественный прирост знания по проблеме в 2000–2010-е годы, ознаменовавшийся освоением новейших теоретических концепций (опыта, тотальной войны, модернизации и др.), появлением фундаментальных монографий, активизацией региональных исследований, расширением источниковой базы работ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография, российская Революция 1917 года, антропологическое измерение, междисциплинарность, психология, сознание, настроения, поведение.

В последней трети XX века под влиянием общей тенденции антропологизации исторического знания, осмысления «лингвистического», «интерпретативного» и других «поворотов» и интеллектуальных вызовов постструктурализма фокус исследовательского интереса в истории заметно сместился к изучению социокультурных и субъективных аспектов социально-исторических процессов [см.: 1; 2, с. 119–134]. На Западе эта тенденция стала проявляться уже в 1970-е годы, в России – с 1990-х годов, когда российская историческая наука освободилась от монополии марксистской методологии.

В отечественной историографии постсоветского периода именно в исследовании российских революций XX века и, в первую очередь, Революции 1917 года, с наибольшей силой проявился ант-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ропологический поворот, а ее события и процессы стали рассматриваться сквозь призму человеческого измерения.

Важным этапом в осмыслении задач обновления методологических подходов к изучению истории русской Революции 1917 года стал доклад П. В. Волобуева и В. П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук 2 сентября 1995 года. В нем авторы поставили цель выявить наиболее перспективные подходы в исследовании революций 1917 года и одновременно осуществить попытку создания одной из возможных «моделей» революций, способной стимулировать деятельность историков самых различных направлений [см.: 3, с. 29]. В частности, авторы предложили психосоциальную интерпретацию революций 1917 года на основе междисциплинарного синтеза [см.: Там же, с. 31].

На основе интеграции усилий отечественных и зарубежных исследователей началась разработка перспективного направления «Человек и революция в XX веке», способствовавшего кардинальному переосмыслению истории русской революции. В 1990-е годы в России вышли в свет не только статьи, но и монографии, в которых социальные процессы в революционной России рассматривались сквозь призму «человеческого измерения» [см.: 4; 5; 6; 7; 8]. Авторы уделили значительное внимание анализу факторов модернизации и обстоятельств революционного кризиса, оказавших определяющее влияние на изменение облика и поведения основных слоев российского общества, были предприняты усилия по исследованию различных аспектов психологии масс в революционную эпоху.

С середины 1990-х годов ведущее место в западной историографии в рамках антропологического поворота стала занимать тема насилия, его проявлений в мирное и военное время, в условиях кризисов и революционных потрясений. Данный тренд проявился и в трудах отечественных авторов. Так, В. П. Булдаков в монографии «Красная Смута» исследовал природу и последствия революционного насилия в условиях революций 1917 г. в России [8]. Появление монографии вызвало научную дискуссию, в ходе которой высказывались неоднозначные суждения о принципиальной допустимости и пределах использования историком понятийного аппа-

рата, выводов и методов аналитической психологии и других смежных гуманитарных дисциплин. Наряду с констатацией «прорывов» по целому ряду направлений научного поиска, достигнутых благодаря применению автором исторического синтеза, были отмечены методологические и источниковедческие резервы в освещении поставленной проблемы [см.: 9, с. 139–168]. Тема насилия в условиях революции в ее этно-конфессиональном воплощении получила продолжение в новейшей монографии В. П. Булдакова [см.: 10].

Исследователи обратились в 1990-е годы к изучению массового сознания революционного времени, рассматривая на основе исторических источников такие его аспекты, как восприятие власти и ее институтов, идей социализма, отношение к текущим политическим событиям, политическим партиям и революционным вождям, антибуржуазный компонент общественного сознания, феномен революционной жертвенности и т. д. [см.: 11, с. 76–97; 12, с. 176–187; 13, с. 188–201; 14; 15, с. 37–47; 16, с. 109–118; 17, с. 80–93; 18, с. 411–433]. Результаты и выводы данных исследований стали важным этапом на пути изучения специфики преломления в массовом сознании основных идей революции, политической пропаганды революционных партий, текущих событий, помогая тем самым выявить установки и стереотипы восприятия, важнейшие ценностные ориентации массовых слоев и отдельных групп населения.

В центре внимания в рамках данной проблематики оказались массовые слои российского общества – крестьяне и рабочие. Приоритет рассмотрения крестьянства как единого целого, действовавшего в период революции через сельскую общину, сопротивляясь интересам внешних социальных сил, принадлежит западным исследователям [см.: 19, с. 231]. В отечественной историографии тезис об общинном характере аграрной революции в России начала XX в. впервые на базе обширного источникового материала Поволжья обосновали В. М. Бухараев и Д. И. Люкшин [см.: 20, с. 154–160; 21, с. 115–141].

По мнению этих авторов, основанием аграрного движения было такое усиление эксплуатации общины, которое затрудняло возможность выживания семейного хозяйства, а побудительным мотивом действий в период революции – ослабление репрессивного воздей-

ствия со стороны государства [см.: 20, с. 156]. Соглашаясь с оценками крестьянского движения рассматриваемого периода как общинной революции, А. А. Куренышев настаивал на том, что в центре конфликта был вопрос не о земле и отношениях с помещиком, а о взаимоотношениях с городом, эквивалентном обмену продукции сельского хозяйства на промышленные товары [см.: 22, с. 153]. В. М. Лавров рассматривал крестьянство как самостоятельный субъект революции 1917 г., руководствовавшийся в своем поведении общинно-«большевистской» логикой [см.: 23, с. 30–36]. В период российской революции, когда крестьянство боролось за реализацию общинных идеалов уравнительной справедливости, в его сознании и поведении, как подчеркивали Л. В. Данилова и В. П. Данилов, наиболее ярко проявился общинный архетип [см.: 24, с. 22–39].

Характер трансформации политического сознания и поведения рабочих и городских слоев населения в условиях Революции 1917 года и первых лет советской власти исследовал С. В. Яров, опубликовавший на эту тему ряд статей и монографий [см.: 25, с. 120–123; 26; 27; 28]. Он показал, как индоктринация повседневной жизни и быта, включенность в массовые ритуальные формы политической поддержки большевистской власти, тотальная политизация отношений с внешним миром, своеобразное языковое «рабство» (подчиненность большевизированному политическому языку) постепенно меняли мировоззренческую самоидентификацию рабочих. С. В. Яров учитывал, что сознание рабочих трансформировалось не только под влиянием извне, но и изнутри, отражало актуализацию традиционных поведенческих установок, использовавшихся властями для стимулирования механизмов «низовой» поддержки создававшегося политического режима [см.: 25, с. 122–123; 26, с. 15–22; 27, с. 63–95].

Развивая традицию петербургской (ленинградской) школы историков, в частности Г. Л. Соболева, показавшего в своих трудах широкую палитру представлений рабочих в период Революции 1917 года [см.: 29, с. 159–173; 30], С. В. Яров проявил новаторский подход к изучению политического сознания рабочих Петрограда в условиях Революции 1917 года. Выявляя историко-культурные предпосылки большевизации масс, С. В. Яров отмечал, что это «яв-

ление очень сложное, оно не всегда означало сознательное усвоение коммунистических лозунгов. Это скорее даже элемент общего социального поведения, во многом определяемого и конформистскими стереотипами. Тут сказались и традиции идеологизации русского общества, делавшие зачастую понятное, “правильное” слово более весомым аргументом, чем “правильное” дело» [31, с. 222].

Важное значение для осмысления и исследования процессов российской Революции 1917 года в компаративном ключе, с учетом роли исторических акторов имеют труды П. Холквиста [см.: 32] и Д. Санборна [см.: 32]. В них период 1914–1920 годов рассматривается как время единого европейского военно-революционного кризиса, а Революция 1917 года в России – как часть этого кризиса, а также более длительных, имевших общую логику политических процессов первой четверти XX века. Так, Холквист отмечает, что с точки зрения социальных институтов, революция и гражданская война были всего лишь финальной стадией длительного кризиса, начатого в 1914 г. При этом целый ряд социальных процессов, происходивших в течение этих семи кризисных лет, должны, по его мнению, рассматриваться в контексте еще более длительных социальных изменений, что определяет необходимость выявления элементов преемственности при рассмотрении социальной и демографической структуры российского общества в дореволюционный и постреволюционный периоды. Важным для понимания опыта революции стал анализ Холквистом и Санборном политических и культурных практик ее многоплановых исторических акторов.

Концепция опыта является весьма перспективной в изучении процессов российского военно-революционного кризиса 1914–1921 годов. Челябинская группа историков под руководством И. В. Нарского так определяет ее методологическое значение: «опыт исторических “акторов” доступен исследовательской рефлексии благодаря его отражению в восприятии и поведении. При этом опыт не только отражается в интерпретационных и поведенческих практиках, но и конструирует их, являясь, таким образом, историческим фактом и фактором особой важности. Опыт понимается не как результат, а как непрерывный процесс конструирования и обработки действи-

тельности, как инструмент поддержания и преобразования реальности через ее восприятие, истолкование индивидом и коллективом и обусловленное этим индивидуальное и групповое поведение» [34, с. 7].

Переход от истории событий к истории опыта и «маленького человека» является характерной чертой современной историографии войн [см.: 35, с. 18]. Поскольку российская Революция 1917 года произошла в условиях мировой войны, военный опыт комбатантов и населения тыла оказал очевидное влияние на ее возникновение и протекание.

Целый ряд исследований посвящен анализу психологии и поведения солдат русской армии в период Революции 1917 года, таких их проявлений, как братания, дезертирство, насилия и т. д. [см.: 36, с. 282–290; 37, с. 268–281; 38; 39]. Особенно следует отметить работы А. Б. Асташова, основанные на привлечении обширного и разнообразного круга источников, в том числе значительного массива солдатских писем. С историко-антропологических позиций исследуется поведение в условиях Революции 1917 года не только солдат, но и офицеров русской армии [см.: 40; 41; 42]. Сегодня достигнут определенный консенсус в понимании решающей роли мировой войны в происхождении Революции 1917 года [см.: 43].

Концепция опыта используется при реконструкции повседневности Революции 1917 года. Так, И. В. Нарский исследует стратегии выживания населения Урала в период революции и гражданской войны в условиях гуманитарной катастрофы, показывает психологические механизмы, мотивы, формы и техники адаптации к экстремальным условиям, реакции людей на события 1917–1922 годов, их восприятие, переживание и осмысление [44]. Автор обращает внимание на фактор архаизации общественных и, в частности, властных отношений в периоды глубоких социальных кризисов, гражданских войн, актуализирующих архаические модели социальности и пласты человеческого сознания [см.: 44, с. 42].

Элементом изучения опыта эпохи военно-революционного кризиса 1914–1922 годов является исследование опыта российского и зарубежного плена, позволяющее выявить различные аспекты влияния плена, а также событий российской Революции 1917 года на сознание и поведение военнопленных [см.: 45; 46].

Значимую роль в исследовании социальных и культурных процессов периода мировой войны и революции играет концепция тотальной войны [см.: 47, с. 14], позволяющая изучить опыт национальных мобилизаций. Исследователи обращают внимание на важность учета развития в России в начале XX века в процессе буржуазной модернизации влиятельных средств массовой информации, что было одним из проявлений становления «массового общества», перехода к методам массовой политики и пропаганды. Особенно большое значение в этом отношении имел опыт Первой мировой войны. «Тотальная война, – отмечает П. Холквист, – была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами», переходом от управления территориями к управлению населением [см.: 48, с. 84].

В 2000–2010-е годы продолжилось начатое в 1990-е годы изучение общественных настроений, психологии, поведения, социальных практик различных групп и слоев российского общества в условиях мировой войны и революции, осуществляемое в междисциплинарном ключе на региональном и общероссийском материале [см.: 49, с. 11–21; 50, с. 121–140; 51, с. 141–154; 52]. В целом в 2000–2010-е годы произошел качественный прирост знания по проблеме «Человек в революции», ознаменовавшийся освоением исследователями плодотворных теоретических концепций (опыта, тотальной войны, модернизации и др.), появлением фундаментальных монографий, расширением источниковой базы работ за счет вовлечения в научный оборот новых материалов центральных и, в первую очередь, региональных архивов. Осуществлялась активная разработка данных проблем на региональном уровне, позволившая обосновать или скорректировать ряд значимых положений и выводов, более аргументированно делать обобщения странового характера. Так, современный исследователь массовых настроений в провинции в годы Первой мировой войны О. А. Сухова, выходя на обобщения, касающиеся предпосылок революции, заключает: «Характер войны, ее символы и знаковые образы во многом не поддавались расшифровке в рамках традиционной картины мира российского крестьянства, что предопределило колоссальные подвижки лежащих в бессознательном поле сил, стало фактором крушения идей

государственности, правопорядка, а следовательно, активизации глубинных пластов архаичной (первобытной) культуры» [50, с. 121].

Продуктивным направлением современных исследований Революции 1917 года является изучение ее политической культуры с позиций «новой политической истории». В частности, активно используется «культурно-символический подход», позволяющий оценить роль символов, образов, слухов в политической борьбе и массовой культуре революционной эпохи. Данная проблематика разрабатывается в трудах Б. И. Колоницкого, О. Файджеса и других отечественных и зарубежных авторов [см.: 53; 54; 55; 56; 57]. Как справедливо отмечает Б. И. Колоницкий, изучение политических культур особенно важно для историков революций: в нестабильные периоды политические институты порой почти растворяются в политической культуре и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» политических культур, создания на их основе новых политических институтов [см.: 58, с. 6–7]. В этих условиях происходит поиск новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов [см.: Там же].

Ценности, психологические установки большевиков как важнейших акторов политического процесса 1917 года исследует А. Н. Медушевский. Он реконструирует динамику большевизма с позиций внутренней мотивации поведения его адептов по таким параметрам, как ценности, психологические установки, цели, средства их достижения. Автор, в частности, исследует функции террора как инструмента социального конструирования. Он показывает, что они состояли, «во-первых, в подавлении воли общества к сопротивлению; во-вторых, в создании особых табуизированных зон идеологического контроля, связанных со стремлением очертить символическое пространство вокруг новой власти почти в буквальном смысле полинезийского слова “табу”, означающего священный, неприкосновенный характер сакральных объектов и обычаев, предназначенных для религиозных церемоний и запрещенных для профанированного повседневного использования; в-третьих, в фиксации определенных идеологических стереотипов путем доведения их

до жестких, автоматически применяемых категорий; в-четвертых, в стимулировании мобилизационного импульса “образа врага” (в виде контрреволюционных элементов); в-пятых, консолидации самой большевистской элиты, спаянной кровавой коллективной порукой. В целом террор являлся воплощением “грубой силы” (как противоположности современной научной эвристики) – такой методики решения задач, которая применяется, когда все возможные варианты теоретически уже испробованы или все возможные пути решения проверены и отвергнуты» [59, с. 124].

Другими междисциплинарными направлениями, позволяющими исследовать «человеческое измерение» революционных процессов 1917 года, являются интеллектуальная история и историческая имагология. Они дают возможность изучить идеи, мифы, образ революции и ее акторов в сознании участников, современников и иностранных очевидцев этих эпохальных событий. Одним из активно развивающихся направлений является исследование взаимовосприятия и взаимодействия представителей западной и российской культур в условиях Революции 1917 года [см.: 60; 61; 62; 63; 64; и др.].

Для изучения революционных процессов 1917 года в России с учетом их цивилизационных и социокультурных особенностей используется теория модернизации. Модернизационные процессы проявлялись в России своеобразно, имели особую почву [см.: 65, с. 38]. Общие отличительные черты российской цивилизации авторы монографии «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект» обозначают как «длительность крепостничества, неукорененность капитализма, социалистические тенденции» [Там же, с. 71]. «Проблема в том», – отмечают авторы монографии, – что «настоящее и будущее институционально связаны с прошлым. Вчерашний выбор создает т. н. “эффект колеи”, обеспечивая принципиальную преемственность исторического процесса» [Там же, с. 96]. Этот тезис актуален с точки зрения рассматриваемой проблематики. Нельзя недооценивать степень преемственности имперской и советской политических систем, несмотря на факторы «разрыва постепенности» в общественном развитии, запущенные в действие в ходе Революции 1917 года. Дореволюционные порядки, черты обществен-

но-политической жизни и поведенческие стереотипы возрождались в условиях советского строя в новом институциональном, идеологическом и социокультурном обличье, что было отражением действия структурных основ цивилизационного развития страны.

Причины, динамика российских революций, в том числе Революции 1917 года, трактуются исследователями с учетом характера, противоречий и особенностей российской модернизации, в контексте мировых модернизационных процессов. В то же время среди историков – сторонников модернизационной парадигмы – нет единства, их, по оценке Б. Н. Миронова, можно условно разделить на «оптимистов» и «пессимистов». Первые считают, что в позднимперский период в развитии страны преобладали положительные тенденции, которые при более удачном стечении обстоятельств позволили бы избежать революции, а вторые настаивают на несправимости самодержавия и на тотальном системном характере кризиса, с неизбежностью закончившегося революциями [см.: 66, с. 14]. Характеризуя причины революции с точки зрения модернизационного анализа, Б. Н. Миронов пишет: «Модернизация требует больших издержек и даже жертв, что ведет к лишениям и испытаниям для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия сразу и всем. Процесс не всегда устойчив, чреват сбоями и откатами назад. В ходе модернизации возникает дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, разделяемыми различными социальными группами. Общество, находящееся в процессе трансформации от традиционализма к современности, является хрупкой структурой вследствие болезненности перестройки и роста напряженности и конфликтности» [66, с. 63–64]. Успехи и прогресс не исключают революции. Революция произошла не потому, что страна очутилась в состоянии перманентного кризиса, а потому, что общество не справилось с процессом модернизации [см.: Там же, с. 227].

Близкую точку зрения высказывает Л. И. Бородин, который обосновывает возможность использования теории синергетики для изучения революций как переходных состояний в развитии социума, когда происходит нарастание противоречий и социального хаоса. Концепция синергетики позволяет, по мнению автора, исследовать

довать альтернативы исторического развития в «точке бифуркации», т. е. на фазе «разрыва», возникающей в условиях революции [см.: 67, с. 205], а также роль субъективных и случайных факторов в динамике революций. Поэтому данная теория, как отмечает автор, может использоваться для изучения «человеческого измерения» революции [см.: 68, с. 22–30].

Актуальность дальнейшего исследования антропологической «перспективы» Революции 1917 года подтверждается выходом в свет в последние годы сборников документов личного происхождения, «эго-документов» [см.: 69; 70]. На их основе можно исследовать широкий спектр проблем политической, социальной, культурной истории российской революции, конкретизировать и углубить наши представления о феномене Революции 1917 года, роли в ней «маленького человека». По-прежнему недостаточно исследованными являются проблемы повседневного функционирования власти, ее агентов и институтов; изучение каналов, форм взаимоотношений власти и общества, поведенческих практик населения; индивидуального восприятия событий, представлений, настроений, судеб их непосредственных участников, механизмов трансформации мифологии революции в новую политическую легитимность – всего того, что можно обобщенно обозначить как «человеческое измерение» революции.

1. *Berkhofer R. F.* Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge ; London, 1995.

2. *Ретина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

3. *Волобуев П. В., Булдаков В. П.* Октябрьская революция: новые подходы к изучению // *Вопр. истории.* 1996. № 5–6. С. 28–38.

4. *Анатомия революции.* 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.

5. *Революция и человек: Социально-психологический аспект.* М., 1996.

6. *Менталитет и политическое развитие России.* М., 1996.

7. *Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль.* М., 1997.

8. *Булдаков В. П.* Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

9. «Красная смута» на круглом столе // *Отеч. история.* 1998. № 4. С. 139–168.

10. *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.
11. *Розенберг У. Г.* Создание нового государства в 1917 г.: представления и действительность // *Анатомия революции. 1917 год в России.* СПб., 1994. С. 76–97.
12. *Абросимова Т. А.* Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // *Анатомия революции. 1917 год в России.* С. 176–187.
13. *Колоницкий Б. И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // *Анатомия революции. 1917 год в России.* С. 188–201.
14. *Герасименко Г.* Народ и власть (1917 год). М., 1995.
15. *Злоказов Г.* Солдатские письма с фронта в канун Октября // *Свободная мысль.* 1996. № 10. С. 37–47.
16. *Колоницкий Б. И.* «Демократия» как идентификация: к изучению политического сознания Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 109–118.
17. *Земцов Б.* Ментальность масс в канун «великих потрясений» // *Свободная мысль.* 1997. № 11. С. 80–93.
18. *Тяжелыникова В. С.* «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // *Социальная история : ежегодник, 1998/99.* М., 1999. С. 411–433.
19. *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // *Анатомия революции. 1917 год в России.*
20. *Бухараев В. М., Люкшин Д. И.* Российская Смута начала XX в. как общинная революция // *Историческая наука в меняющемся мире.* Вып. 2. *Историография отечественной истории.* Казань, 1994. С. 154–160.
21. *Люкшин Д. И.* 1917 год в деревне: общинная революция? // *Революция и человек. Социально-психологический аспект.* М., 1996. С. 115–141.
22. *Куреньшев А. А.* Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) // *Вопр. истории.* 1999. № 4–5.
23. *Лавров В. М.* «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.
24. *Данилова Л. В., Данилов В. П.* Крестьянская ментальность и община // *Менталитет и аграрное развитие России.* М., 1996. С. 22–39.
25. *Яров С. В.* Политическое мышление рабочих в 1917–1923 годах: элементы трансформации // *Менталитет и политическое развитие России.* М., 1996. С. 120–123.

26. *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999.

27. *Яров С. В.* Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999.

28. *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

29. *Соболев Г. Л.* Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1968. Т. 1. С. 159–173.

30. *Соболев Г. Л.* Пролетарский авангард в 1917 году: Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993.

31. *Петроград* на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.

32. *Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. ; London, 2002.

33. *Sanborn J.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.

34. *Нарский И., Нагорная О., Никонова О., Ровный Б., Хмелевская Ю.* Предисловие // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / [редкол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск, 2007.

35. *Нагорная О., Нарский И.* Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // *Рос. история.* 2014. № 5. С. 13–26.

36. *Базанов С. Н.* Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // *Военно-историческая антропология : ежегодник,* 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 282–290.

37. *Асташов А. Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // *Военно-историческая антропология : ежегодник,* 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268–281.

38. *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // *Отеч. история.* 2003. № 2. С. 72–86.

39. *Асташов А. Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М, 2014.

40. *Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011.

41. *Кожевин В. Л.* Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011.

42. *Павленко А. П.* Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г. – апрель 1918 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

43. *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. М., 2015.

44. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

45. *Нагорная О. С.* «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010.

46. *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции, 1914–1922. М., 2014.

47. *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. Челябинск, 2007. С. 12–27.

48. *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101.

49. *Булдаков В. П.* Россия, 1914–1918: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 2014. С. 11–21.

50. *Семенова Е. Ю.* Мироззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

51. *Сухова О. А.* Первая мировая война как вызов русской ментальности: массовые настроения в провинции в 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Петрова. М., 2014. С. 121–140.

52. *Сидоренко Н. С.* Эволюция политической атмосферы провинциального общества в условиях Первой мировой войны (на примере губерний Урала) // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения : сб. ст. / отв. ред. Ю. А. Петрова. М., 2014. С. 141–154.

53. *Kolonizkii B., Faidges O.* Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917. London, 1999.

54. *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

55. *Антропология революции* : сб. ст. / сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М., 2009.

56. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

57. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012.

58. *Колоницкий Б. И.* Политические символы и борьба за власть в 1917 году: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002.

59. *Медушевский А. Н.* Феномен большевизма: логика революционного экстремизма с позиций когнитивной истории // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 114–126.

60. *Россия и Европа в XIX–XX вв.* Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур: сб. науч. тр. М., 1996.

61. *Листиков С. В.* Восприятие русских революций 1917 г. в США: модели и образы // *Отеч. история*. 1997. № 1. С. 63–77.

62. *Norman E. Saul.* War and Revolution. The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001.

63. *Колоницкий Б. И.* Занимательная англофобия: Образы «Коварного Альбиона» в годы Первой мировой войны // *Нов. лит. обозрение*. 2000. № 41. С. 69–87.

64. *Голубев А. В., Поршнев О. С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

65. *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект* / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артемов и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011.

66. *Миронов Б. Н.* Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М., 2014.

67. *Бородкин Л. И.* Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX – XX веках: методол. аспекты // *Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века* / отв. ред. акад. РАН А. О. Чубарьян. М., 2015.

68. *Бородкин Л. И.* Историческая синергетика: антропологический аспект // *Ежегодник историко-антропологических исследований*. 2001/2002. М., 2002. С. 22–30.

69. *Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.)*: сб. документов / сост. В. И. Шишкин. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

70. *Россия 1917 года в эго-документах: воспоминания* / авт.-сост. Н. В. Суржикова, М. И. Вебер и др.; науч. ред. Н. В. Суржикова; Институт истории и археологии УрО РАН. М., 2016.

УДК 94(47).084.1/.084.2 + 94(470)

А. В. Трофимов

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ 1917 года В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются проблемы, связанные с формированием и эволюцией представлений о феномене 1917 года в образовательном пространстве и общественном сознании современной России. Анализируется учебная литература и данные опросов общественного мнения. Выявляются «советский», «антисоветский», «постсоветский» дискурсы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: феномен 1917 года, общественное сознание, эволюция представлений.

В историческом сознании нескольких поколений советских граждан ключевое место занимали представления о событиях 1917 года. В позднесоветском образовательном пространстве формирование представлений о Революции 1917 года происходило в школе на уроках истории. В учебнике для девятого класса был раздел «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение социализма в СССР (1917–1937 гг.)». Школьнику полагалось знать о наличии предпосылок социалистической революции в России, о том, что «Россия – слабое звено в цепи империализма», в ней к началу 1917 года существовал политический кризис, грозивший в любое время вылиться во всенародное восстание. Первая мировая война ускорила назревание революции. Хозяйственная разруха достигла катастрофических масштабов. Чаша народного терпения переполнилась. Произошел подъем народной борьбы, в котором большую роль сыграли большевики. Царизм и буржуазия стремились предотвратить революцию, но не смогли. В событийно-понятийный ряд входили следующие структуры: революционная ситуация, буржуазно-демократическая революция, образование Советов, двоевластие, кризисы Временного правительства, большевизация Советов, нарастание общенациональной катастрофы, подготовка большевиками вооруженного восстания, Второй

Всероссийский съезд Советов, образование Советского правительства, социалистическая революция. Ключевая установка учебника: «Октябрьская социалистическая революция явилась закономерным результатом всего предшествующего развития нашей страны, всего мирового исторического процесса» [1, с. 134]. В системе высшего образования, в курсе «История КПСС», данные представления подтверждались, развивались, подчеркивалась руководящая и направляющая роль партии большевиков в переходе от буржуазно-демократического к социалистическому этапу революции.

Высокий символический статус Октябрьской революции подтверждался ежегодными масштабными празднованиями 7–8 ноября, наглядной агитацией, в прессе, по радио и в кино, на телевидении. В картине мира советского человека 1917 год занимал важное место. С него начинался отсчет нового этапа истории страны, эта историческая дата легитимизировала существующую власть. Октябрьская революция служила мерилom истинности политической практики, при этом изначально выступала как главный советский миф, который невозможно проверить, но нужно принять. В общественном сознании Октябрьская революция была антитезой антикоммунизма [см.: 2].

В 1987 году М. С. Горбачев в докладе к 70-летию Октябрьской революции констатировал: «Октябрьская революция – при всей противоречивости и многовариантности путей поступательного движения цивилизации – явилась закономерным результатом развития идей и практики многовековой борьбы трудящихся за свободу и мир, за социальную справедливость, против классового, национального и духовного угнетения... Год 1917-й показал, что выбор между социализмом и капитализмом – это главная социальная альтернатива нашей эпохи, что в XX веке вперед идти нельзя, не идя к более высокой форме социальной организации – к социализму» [3].

В ходе «перестройки» происходила поляризация идейно-политических позиций, основной удар противников советского «проекта» обрушился на миф о «непорочности» революции. Акцент на закономерности революций как «локомотивов истории» сменился теориями «первородного греха», заговора, решающей роли мирового закулисья. Как отметил Г. А. Бордюгов, революционеров

разделили на «людей гражданского склада» и на «людей в сапогах», на «чистых» и «нечистых». Ленинскую формулу «революция – праздник для всех угнетенных» заменили новым афоризмом «революция – праздник люмпенов, воров и убийц» [4].

По мере смены идеологических ориентиров, расширения пространства политического плюрализма происходили изменения в системе образования. На смену «Истории КПСС» в вузах пришла дисциплина «Социально-политическая история XX века», а место учебника в начале 1990-х годов заняла книга «Наше Отечество. Опыт политической истории» (М., 1991.) В главе «1917 год: почему Февраль? Почему Октябрь?» отмечалось, что «царская монархия рухнула практически за несколько дней. Это было столь неожиданно и столь поразительно, что, пожалуй, до сих пор историки останавливаются перед этим фактом как перед некоей загадкой» [5, с. 342]. Отвечая на вопросы, поставленные в названии главы, в книге проводилась мысль о наличии в 1917 году политических альтернатив: буржуазно-демократической (Керенский), однородно-социалистической (Мартов), большевистско-леворадикальной (Ленин). Авторы утверждали, что эта последняя альтернатива оказалась осуществленной, благодаря парламентскому, экономическому и политическому кризису, слабости и ошибкам Временного правительства, падению его авторитета, авантюризму правых сил, радикализму «низов», замешательству меньшевиков и эсеров, энергии большевиков, политической воле и политическому искусству вождей – Ленина и Троцкого. Завершалась глава констатацией: «Большевики победили не под социалистическими, а под демократическими лозунгами... И народ в своей массе тогда, в конце 1917 года, не осознавал, что он делает социалистический выбор, на какой путь он вступает и что ему на этом пути уготовила история» [5, с. 390].

В 1990-е годы «историческая политика» Российского государства способствовала утверждению в образовательном пространстве плюрализма (десятки учебников по истории). Акцент в объяснении исторических событий и явлений смещался на личность учителя-преподавателя, не свободного от политико-идеологических пристрастий и концептуального многоголосия современной историографии. В процессе обучения формировались полярные («совет-

ские» – «антисоветские») представления о феномене 1917 года: от «Великого Октября», «Великой российской революции» до «Второй Смуты» и «цивилизационной катастрофы». При этом обозначилась тенденция оскудения фактического запаса знаний у учащейся молодежи, размывания понимания конкретно-исторического содержания происходивших в 1917 году событий.

В школьных учебниках 2000-х годов декларировались задачи: научить пониманию исторического процесса и причинно-следственных связей; воспитывать самостоятельное мышление и стимулировать дискуссию; освещать самые сложные и неоднозначные эпизоды в истории страны; демонстрировать академическую нейтральность, не отягощенную идеологическими предпочтениями авторов. Обратимся к анализу причин революционных событий 1917 года в трех учебниках «профильного уровня» по истории России XX – начала XXI века: В. А. Шестакова (под редакцией А. Н. Сахарова); А. А. Левандовского, Ю. А. Щетинова, С. В. Мироненко; А. О. Чубарьяна, А. А. Данилова, Е. И. Пивовара [с. : 6].

В учебнике В. А. Шестакова отмечается идейная и организационная разобщенность властей и всех политических сил, кроме большевиков. «Замедленный характер реформ Временного правительства способствовал стремительному росту стихии народного протеста, активности, желания простыми способами решить назревшие жизненные проблемы. Большевики, точно отреагировав на волну революционного нетерпения, смогли вооружить массы соответствующими политическими программами» [7, с. 98].

В учебнике А. А. Левандовского, Ю. А. Щетинова и С. В. Мироненко при ответе на вопрос, «почему победили красные?», ключевой внутренней причиной называется получение большевиками, в конечном счете, поддержки преобладающей части населения России – «мелкого и среднего крестьянства, а также трудящихся национальных окраин». Внешняя причина – распространение большевистских идей в других странах, поэтому «большевизм победил, сохранив государственность и суверенитет России. Однако поддержка... со стороны непролетарских слоев населения... носила ограниченный, условный характер (выбор из двух зол меньшего), что предвещало новые великие потрясения» [8, с. 113].

А. О. Чубарьян, А. А. Данилов, Е. И. Пивовар несколько смещают акцент, отмечая, что социальная база большевиков – массы маргиналов и люмпенов, городские низы. В сочетании с Первой мировой войной, которая военизировала общество, это было главной причиной прихода большевиков к власти, поскольку «большевизм предложил наиболее последовательную и простую стратегию диктатуры бедных людей, которая находила массовую поддержку у городских низов» [9, с. 56, 73].

По мнению автора многочисленных учебников по истории России А. А. Данилова, отвечая на вопрос о том, является ли Революция 1917 года или даже взятый отдельно Октябрь 1917 года главным событием XX века, учащиеся сегодня чаще всего отвечают на него так: да, 1917 год был важным перепутьем не только в истории XX века, но и в нашей более чем 1150-летней истории. Но это было и время несбывшихся надежд и обманутых общественных ожиданий [см.: 10, с. 116].

На наш взгляд, это излишне оптимистическая оценка известного историка. В реальности в историческом сознании (или его суррогатных формах) значительной части современной молодежи существуют не связанные фрагменты и смутные представления о том, что же произошло в России в 1917 году. Очевидно, что учебная литература не является сегодня достаточно релевантным источником формирования исторических представлений. Потoki мифологических откровений и «альтернативной» истории создают информационный шум, в котором порой теряются сигналы, идущие из образовательного пространства.

В современной публицистике, телевизионных передачах, во многих интернет-ресурсах причины революции в России нередко излагаются в духе теории заговора, активно эксплуатируется тема немецких или англо-американских денег, якобы сыгравших решающую роль в приходе большевиков к власти, события в Петрограде осенью 1917 года, которые, по выражению Дж. Рида, «потрясли мир», называются «октябрьским» или «большевистским» переворотом и т. п. [см.: 11, с. 108].

В общественном сознании современной России представления о феномене 1917 года сложились и сосуществуют в границах

«советского», «антисоветского», «постсоветского» дискурсов. В качестве индикаторов общественных настроений и представлений приведем суждения, высказанные в год 80-летия революции рядом известных тогда политических и общественных деятелей.

М. Шакум: «Октябрьская революция и советский период в жизни России – это явления грандиозного масштаба, оказавшие огромное влияние на всю мировую историю. Всесторонне осмыслить их, дать однозначную оценку пока невозможно... Революцию 1917 года свершил народ. И никому не дано право судить свой народ и свою историю» [12].

В. Жириновский: «Всемирное значение Октября 1917 года трудно переоценить. Во-первых, буржуазия всех стран так перепугалась, что ей устроят нечто подобное, что стала обеспечивать для рабочих нормальные социальные условия. Без нашего Октября не было бы столь высокого уровня жизни на Западе. Без нашего Октября не было бы и крушения мировой колониальной системы. Что же касается отрицательных сторон, столь выпячиваемых сегодня... Они были в значительной мере последствиями разрушения страны. А оно началось с февральской авантюры. Армию, например, разрушили НЕ большевики (об этом одинаково говорили такие разные люди, как Ленин и Корнилов). Временное правительство было неспособно править страной. И Октябрь привел к власти тех, кто был СПОСОБЕН делать это, – пусть с огромными негативными последствиями» [Там же].

И. Хакамада: «Я уважаю мнение любого человека, в том числе и мнение людей, отмечающих 7 ноября как великий праздник. Хотя сама никогда этот праздник не отмечала ни раньше, ни сейчас. И воспринимаю эту годовщину просто как дополнительный выходной» [Там же].

Н. Рыжков: «Причины и последствия событий в Петрограде в октябре 1917 года продолжают оставаться предметом острых дискуссий в обществе. Одни, к ним принадлежу и я, убеждены в том, что это было событие всемирно-исторического значения, оказавшее огромное влияние на все развитие человечества в XX веке. Другие утверждают, что это была огромная историческая ошибка. Революции 1917 года были порождены не злой волей кучки заговорщиков,

как это сегодня пытаются изобразить. Они были вызваны объективными потребностями гигантской страны, в частности экономической катастрофой 1916 года. Страна должна была сделать качественный рывок вперед, и она сделала его в форме сначала Февральской, а затем Октябрьской революции. Это сделал сам народ... К революции привели некомпетентность и коррупция царского, а затем и Временного правительства, их неспособность решить настоящие экономические проблемы страны» [12].

А. Ципко: «Восьмидесятилетие Октября – это повод, чтобы осмыслить подлинные причины трагедии России в XX веке. По моему глубокому убеждению, Февральская и Октябрьская революции – великие катастрофы в истории Российского государства. Не было бы Октября, не было бы и советской истории, не было бы и сегодняшнего глубочайшего государственного, экономического, морального и идейного кризисов... Победа большевиков только на 70 лет отложила решение тех проблем, которые стояли перед страной в 1917 году... Вместе с тем, оппозиция Величайшая катастрофа или Великая революция, которая сыграла в общественном сознании 1990-х годов необходимую роль, в контексте 2000-х потеряла свою актуальность. Возникшая идея общей истории, вписывания советского периода истории как инварианта российской цивилизации привело к концепту Великой русской революции 1917 года» [Там же].

Об эволюции представлений граждан России о феномене 1917 года свидетельствуют данные социологических опросов. Так, сравнение результатов соцопросов, проведенных «Левада-Центром», показывает, что в 1990 году 49 % респондентов полагали, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории народов России и дала импульс их социальному и экономическому развитию. В 2005 году такое мнение поддержало 58 %. Для 40 % опрошенных в 1990 году революция являлась катастрофой, затормозившей развитие народов России, в 2005 году эта доля составляла 31 %. У молодежи или у людей с высоким уровнем образования мнение о негативных последствиях революции встречалось почти в 2 раза чаще, чем у лиц старшей возрастной группы или с образованием ниже среднего. С 1990 по 2005 года в 2 раза уменьшилось число желающих гипотетически активно участвовать в революционных

событиях. Люди старше 55 лет в 5 раз чаще, чем молодежь в возрасте 18–25 лет, заявляли, что встали бы на сторону большевиков. И, наоборот, «боролись бы против большевиков» люди старше 55 лет в 2 чаще, чем молодежь (до 25 лет) [см.: 13].

По данным «Левада-Центра» в 2011 году более 50 % россиян считали, что Октябрьская революция открыла новую эру в истории (25 %) и способствовала развитию народов России (28 %). Такая позиция характерна для респондентов старше 55 лет, служащих и специалистов с низким и средним уровнем доходов. Катастрофические последствия революции для народов России видят в основном предприниматели (24 %), домохозяйки (12 %) и, в целом, люди в возрасте 25–40 лет (12 %). Главной причиной Революции 1917 года большинство опрошенных считают тяжелое положение трудящихся (53 %). Если бы подобные события происходили сейчас, то 25 % постарались бы не участвовать в них. Активную поддержку большевикам оказали бы 14 % респондентов [см.: 14].

По оценкам ВЦИОМ, если в 2002 году положительно оценивали последствия Октябрьской революции явное большинство – 59 %, то в 2012 году – 48 %. Уменьшилось число россиян, полагающих, что революция дала импульс социальному развитию (2002 г. – 34 %; 2012 г. – 27 %) и открыла новую эру в истории России (25 % в 2002 году; 21 % в 2012 г.). Респонденты стали чаще признавать революцию катастрофой для страны (с 10 до 18 %), но препятствием на пути социально-экономического развития те события считали в 2012 году 17 % против 19 % в 2002 году. Решающим фактором Октябрьской революции, по мнению 43 % россиян, стало тяжелое положение народа. Еще 17 % винят в этом слабость прежних властей, 11 % считают главной причиной революции политический авантюризм. Если слабость прежней правящей власти в 2012 году стала казаться менее значимым фактором (2002 г. – 23 %; 2012 г. – 17 %), то доля уверенных в экстремистских целях революции выросла с 7 до 11 %, а доля тех, кто винит во всем заговор, увеличилась в 2 раза – до 10 % [см.: 15].

Согласно данным фонда «Общественное мнение» в 2012 году доля утверждающих, что Октябрьская революция принесла их семьям больше пользы, в 2 раза превышает долю заявивших, что

от нее было больше вреда. Пользу люди видят прежде всего в том, что стали бесплатными жилье, медпомощь и образование, вред – в жестких репрессиях и коллективизации. С тем, что 7 ноября – особый день, важный, значимый, согласились в 2012 году 38 % (2003 г. – 36 %), тогда как не согласились с таким утверждением 47 % (2003 г. – 56 %) респондентов [см.: 16].

В современном общественном сознании сосуществуют «советский», «антисоветский», «постсоветский» дискурсы, в русле которых сформированы «типовые» представления-образы о феномене 1917 года. Первые два – альтернативны, третий – компромиссен. На содержание и эволюцию представлений воздействуют коллизии глобального мира с его неопределенностью и «черными лебедями», реалии российского капитализма, образовательные ресурсы (историко-культурный стандарт), интернет-технологии (социальные сети), политико-идеологические предпочтения, психологические потребности личности в «антикварной», «монументальной» или «критической» версии истории.

1. Берхин И. Б. История СССР. 1917–1978. М., 1979.

2. Елисеева Н. Революция как реформаторская стратегия перестройки СССР, 1985–1991 годы // Михаил Гефтер – история и политика [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/7823> (дата обращения: 08.09.2016).

3. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Historic. Ru [Электронный ресурс]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000235/st060.shtml> (дата обращения: 08.09.2016).

4. Праздник угнетенных или социальная болезнь? // Интеллектуальная Россия [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.org/books/russia_book_bordugov1.htm (дата обращения: 08.09.2016).

5. *Наше Отечество*. Опыт политической истории / Кулешов С. В., Волобуев О. В., Пивовар Е. И. и др. М., 1991. Ч. 1.

6. Конрадова Н. Школьные учебники истории: сравнительный анализ. Ч. 1 // Уроки истории. XX век [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/learning/manual/2009/09/uchebniki-analiz-1> (дата обращения: 08.09.2016).

7. Шестаков В. А., Сахаров А. Н. История России. XX – начало XXI века. 11 класс. Профильный уровень. М., 2012.

8. *Левандовский А. А., Щетинов Ю. А., Мироненко С. В.* История России. XX – начало XXI века. 11 класс. М., 2007.

9. *Чубарьян А. О., Данилов А. А., Пивовар Е. И.* Отечественная история XX – начала XXI века. 11 класс. М., 2006.

10. *Данилов А. А.* Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2012. С. 108–117.

11. *Сыч А. И.* Октябрь 1917 года: переворот или революция? // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2008. № 1–4. С. 108–120.

12. *Отношение к революции 1917 года // Новый взгляд* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newlookmedia.ru/?p=19413> (дата обращения: 08.09.2016).

13. *Что принесла Октябрьская революция?.. // Левада-Центр* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2004/11/08/chtoprinesla-oktyabrskaya-revoljutsiya/> (дата обращения: 16.09.2016).

14. *Ноябрьские праздники: а что отмечаем? // Правда.Ру* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/society/fashion/couture/03-11-2011/1097518-revolucion-0/#> (дата обращения: 08.09.2016).

15. *ВЦИОМ: 78 % россиян не хотят революций // Ведомости* [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/11/06/vciom_chetyre_pyatyh_rossiyan_ne_hotyat_revoljucij (дата обращения: 08.09.2016).

16. *Россияне оценивают роль Октябрьской революции в судьбе страны и их семей // Фонд Общественное Мнение* [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Proshloe/10685> (дата обращения: 18.09.2016).

УДК 94(47).084.2

М. А. Пономарева

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года В КОНЦЕПЦИИ П. Б. СТРУВЕ

Статья раскрывает взгляды на истоки Революции 1917 года в России одного из ведущих политических деятелей начала XX века – П. Б. Струве. Рассматриваются четыре глобальные причины революционных событий: геополитические, экономические, национально-культурные, социальные. Обращается внимание на противоречие, вызванное положением России между Востоком и Западом и приведшее к необходимости сохранить баланс между сложившимися традиционными ценностями и необходимостью европейской модернизации. Делается вывод о понимании П. Б. Струве русской революции как неоднозначного и длительного процесса, затронувшего все уровни общества и в течение первой четверти XX века последовательно изменившего роль и ценности народа, власти и интеллигенции в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепция либерального консерватизма П. Б. Струве, Революция 1917 года, большевизм, русская интеллигенция, власть и общество, европейская модернизация.

Проблемы конструирования прошлого являются одними из наиболее интересных в исторической науке. Изучение революционных событий в России начала XX века как поворотного момента, определившего будущее страны на многие десятилетия вперед, позволяет выявить причины и особенности кризисных изменений, их дальнейшую трансформацию. Русская Революция 1917 года

в новейшей историографии рассматривается как неотъемлемая часть европейского теоретического полемика общества. Авторы все чаще обращаются к вопросам теории революционных процессов в целом и, в ее контексте, к попыткам классификации русской революции начала XX века [1; 2; 3; 4]. Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о третьей волне переосмысления причин, характера и итогов Революции 1917 года в России. Первая волна, как известно, состоялась в 1920–1930-е годы преимущественно в рамках сформировавшихся концепций представителей русского зарубежья, вторая – в период трансформации советской политической системы на рубеже 1980–1990-х годов в связи с публикацией новых исторических источников и доступностью последних для исследователей [5]. Третья волна, по всей видимости, отличает новейшую историографическую традицию [6]. Массовое обращение к данной теме вызвано столетним юбилеем революционных событий 1917 года. В связи с этим возникает необходимость повторного обращения к концептуальному осмыслению рассматриваемых событий представителями так называемой первой волны, т. е. непосредственными их участниками, чья роль в том числе детерминировала российский исторический процесс. Один из выдающихся политических деятелей начала XX века – П. Б. Струве – считал, что «...разыскание причин той поразительной катастрофы, которая именуется русской революцией...» [7, с. 235], является одной из первоочередных задач для конструирования прошлого и прогнозирования будущего страны.

В историографии по-прежнему доминируют оценки Р. Пайпса, согласно которым взгляды на революцию П. Б. Струве не были систематизированы и определялись ее пониманием как глобального российского феномена [см.: 8, с. 166]. В течение 2000-х годов в отечественной историографической традиции были выделены подходы, согласно которым П. Б. Струве исходил из «интегративной модели долиберального общества» [9], а анализ им в эмиграции произошедшего в 1917 году явился методологическим инструментарием для понимания истоков, сути и последствий произошедшего в России [см.: 10]. Однако новые оценки и подходы все еще находятся в стадии формирования [см.: 11].

В современной историографии принято считать, что русская эмиграция в оценке причин русской революции была разделена по двум направлениям. Представители наиболее традиционного, к которым можно отнести большинство евразийцев, Н. Трубецкого, П. Савицкого и др., видели в причинах революционного излома внешние факторы, в частности, европейское влияние на русскую интеллектуальную традицию и экономическую сферу. П. Б. Струве, равно как Н. Бердяев, В. Зеньковский, Ф. Степун, были отнесены исследователями ко второму направлению русской эмиграции. В их представлении истоками революции были внутренние факторы, такие как разрыв государства и общества, слабость церкви как религиозно-политического института, представления о мессианской роли интеллигенции [см.: 12]. На наш взгляд, П. Б. Струве при оценке причин революционного кризиса исходил из оптимального сочетания внутренних и внешних факторов. Он обратил внимание на четыре группы причин, «в общем, несомненно, благоприятствовавших» «коммунистическому перевороту» [13, л. 64]: геополитические, экономические, национально-культурные, социальные.

Геополитическое положение России, по мнению П. Б. Струве, определило сочетание в революции традиционных (национальных) и модернизационных (западных) черт. При этом национальное своеобразие определялось им не влиянием татаро-монгольского нашествия, а набегами кочевников (половцев, печенегов), привнесших в русский быт восточные черты. Принятие православного христианства также понималось П. Б. Струве как важнейший элемент русского традиционализма, выраженного в повышенной религиозности, нравственности и духовности общества. При этом в России не произошло превращения христианской морали в методичку ежедневной жизни, как это произошло в период Реформации в Европе [см.: 14, с. 6–7, 18].

Первая мировая война, изменив геополитическое положение в мире, по мнению П. Б. Струве, «... не породила революцию...» [15, с. 254], поскольку ее последствия для страны могли быть легко преодолены [16]. Ее роль заключалась в том, что она «... поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым

к деморализующей проповеди интеллигентских идей» [7, с. 237] и создала активную силу революции – «вооруженный народ» [17, с. 340], чем усугубила разрушительный характер влияния революции на последующее развитие России.

В начале XX века Россия развивалась быстрыми темпами, в сельскохозяйственной стране в короткий срок была создана крупная промышленность. Данные процессы вовлекали страну в мировое экономическое сообщество. Однако, по мнению П. Б. Струве, в экономике страны существовали две важнейшие проблемы, способствовавшие «крушению государственности» и «глубокому повреждению культуры» [7, с. 241].

Первая состояла в сохранении аграрных противоречий, поскольку «никакое “разрушение общины”» не могло ликвидировать «по существу междуклассовые аграрные проблемы» [19, с. 308]. В России не успели сформироваться ни «дух собственности в крестьянских массах», ни «институт собственности» в качестве «привычки, прочного регулирующего начала в жизни народных масс» [17, с. 341; 20, с. 113–114]. Русская революция 1917 года, по мнению П. Б. Струве, «...наделила крестьян землей, но не дала ему собственность» [см.: 21, с. 161].

Вторая проблема стала результатом модернизации экономики и заключалась в том, что за короткий срок в России не успели укрепиться традиции буржуазного порядка, что вызвало слабость крупной буржуазии. Немногочисленность мелкой и средней буржуазии не позволила ей отстаивать собственные интересы [см.: 16, л. 11; 25, с. 56, 64]. Данные противоречия в конечном итоге привели в 1917 году к превалированию европейской модернизации над традиционными ценностями, нарушив сохраняемый до этого баланс между Востоком и Западом.

Модернизация по европейскому пути в экономике, по мнению П. Б. Струве, должна была привести к укреплению «прогрессивных» либеральных европейских ценностей в политической сфере. П. Б. Струве поддерживал реформы П. Б. Столыпина, поскольку они явились воплощением, с его точки зрения, оптимального соотношения ценностей либеральной парадигмы и духовных и национальных связей предшествующего периода [см.: 22, с. 160–161].

Однако процесс «европеизации» носил стремительный, насильственный характер, что в конечном итоге стало одной из причин социального взрыва в 1917 году. Еще с 1906 года неизменным тезисом в концепции П. Б. Струве являлось убеждение, что для сохранения идентичности России необходимо соединить «революционный энтузиазм с мудрым уважением к самодеятельности народа» [23, с. 11–12].

В рассмотрении основополагающих причин революции П. Б. Струве обращается к взаимоотношениям между народом, властью и интеллигенцией: ее деструктивность была определена «похотью власти» [24, с. 217], максимализмом интеллигенции и подверженностью народа «максималистским социалистическим идеям» [20, с. 115]. Важнейшей характеристикой русской интеллигенции он называл сочетание «отвлеченных радикальных идей» с «максималистскими социалистическими идеями» их осуществления во имя материального благополучия основной массы населения. Под влиянием западноевропейской социальной мысли, усиливавшимся в связи с развитием европейского пути модернизации России, интеллигенция становилась все более «социалистической и в то же время радикально-демократической» [25, с. 283, 286].

Российская либеральная интеллигенция, в ходе революционного кризиса превращавшаяся из оппозиции в представителей власти, продолжала пребывать в уверенности, что русский народ – это особая «ведомая» политическая сила, имеющая «избранный» характер и пребывающая константно в своей избранности. Данное убеждение стало одной из причин, по которой либеральная интеллигенция не восприняла всерьез партию большевиков, «еще менее... прочность этого успеха» [26, с. 315], поскольку РСДРП(б), по их мнению, имела заведомо пассивную опору. Однако «логичен в революции, верен ее существу был только большевизм», так как идея уравнительности в большей степени отвечала потребностям русского народа. В. И. Ленин уловил полевание масс, о чем свидетельствовали опубликованные им в «Правде» 7 апреля 1917 года тезисы «О задачах пролетариата в данной революции» [см.: 27, с. 113–118]. Кроме него, только П. Н. Милуков, уходя в отставку из Временного правительства, язвительно заметил: «выпущенный “буржуа-

зией” из рук принцип буржуазной революции, приняли под свою защиту “умеренные социалисты”» [28, с. 57]. Дальнейший этап утраты демократической альтернативы в ходе революционного процесса, по мнению П. Б. Струве, завершился предъявлением обвинения в государственной измене генералу Корнилову, вследствие чего Временное правительство осталось «... наедине с большевизмом и со своей собственной слабостью» [29, с. 167]. Окончательная победа большевизма состоялась после «провала» Белого движения, обусловленного тактическими ошибками его руководителей. Гражданскую войну, таким образом, П. Б. Струве относил к последнему этапу революционного процесса в России. Как писал в своих воспоминаниях С. Л. Франк, П. Струве неоднократно утверждал, что для «разгрома большевиков» А. И. Деникин должен был опираться не на «морально и политически неустойчивых казаков», а на регулярную кавалерию [30]. В итоге в «революции победил» большевизм, поскольку «было бы слепотой отрицать известную народность большевизма» [25, с. 227; 31, с. 286].

Таким образом, по мнению П. Б. Струве, в России в 1905–1920 годах происходил единый революционный процесс, имевший две глобальные характеристики: во-первых, он начинался как буржуазная революция, главной составляющей которой стало «мощное течение буржуазного стяжания», т. е. создание новых политических и социально-экономических форм бытия, в первую очередь, начал земельной собственности, основных правовых институтов, а закончился «солдатским бунтом, “из политики” принятым интеллигенцией страны за революцию» [15, с. 250, 253, 254, 256]. Во-вторых, революция сопровождалась постепенной утратой либерально-демократической альтернативы, в итоге приведшей к Октябрьскому перевороту и реализации большевизма. Главными причинами данных изменений стали противоречия между необходимостью экономической модернизации при сохранении традиционных национальных черт социального быта.

1. *Миронов Б. Н.* Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // *Общественные науки и современность.* 2013. № 2. С. 72–84.

2. Кузнецевский В. Д. Октябрьский переворот неправомерно заслонил Февральскую революцию 1917 г. // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 4. С. 187–191.

3. Игрицкий Ю. И. Революции 1917 года: уроки для радикалов, либералов и консерваторов // Россия и современный мир. 2008. № 1 (58). С. 116–124.

4. Холяев С. В. Три Февраля 1917 года // Вопр. истории. 2003. № 7. С. 26–38.

5. Колеров М. А. Плотников Н. С. Творческий путь П. Б. Струве // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 91–102

6. Российские либералы : сб. ст. М., 2001.

7. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции // Из глубины. М., 1990.

8. Пайнс Р. Струве о русской революции // Вестн. рус. христиан. движения. 1978. № 126. С. 165–170.

9. Смагина С. М. Проблема революции и власти в работах П. Б. Струве 20-х годов // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 79–94.

10. Пономарева М. А. П. Б. Струве в эмиграции: развитие концепции либерального консерватизма : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2004.

11. Ямщиков С. В. Парадигмальные коллизии историографии революций 1917 года в России // Paradigmata poznani. 2016. № 1. С. 13–21.

12. Культурное наследие русской эмиграции, 1917–1940. М., 1994. Кн. 1. С. 88–94.

13. Струве П. Б. Экономическая эволюция советской России // ГАРФ. Ф. 5912 (Струве Петр Бернгардович, экономист и публицист, член ЦК Конституционно-демократической партии (1905 г.), редактор газеты «Освобождение», один из авторов сборника «Вехи», министр в правительстве Врангеля). Оп. 1. Д. 18.

14. Струве П. Б. Социально-экономическая история России с древнейших времен и до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952.

15. Струве П. Б. В чем революция и контрреволюция // Струве П. Б. Избр. соч. М., 1999. С. 253–257.

16. ГАРФ. Ф. 5912. Оп. 1. Д. 18.

17. Струве П. Б. Россия // Струве П. Б. Избр. соч. С. 331–349.

18. Струве П. Б., Львов Л., Линский Д. О. Голод // Русская мысль. София, 1921. Кн. 8–9. Прил. 40 с.

19. *Струве П. Б.* Некоторые черты нашего времени. 1910 // Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. СПб., 1911. С. 305–311.

20. *Струве П. Б.* Россия // Русская мысль. 1922. Кн. 3. С. 101–115.

21. *Струве П. Б.* Две речи. Отечество и собственность // Русская мысль. 1923. Кн. 3–5. С. 273–279.

22. *Струве П. Б.* Ошибки и софизмы по поводу «исторического» взгляда на революцию. По поводу ст. Зайцева // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 3. С. 160–161.

23. *Струве П. Б.* Русская интеллигенция на распутье // Полярная звезда. 1906. № 7. 27 янв. // Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. С. 7–13.

24. *Струве П. Б.* Академик Платонов. Борис Годунов // Русская мысль. София, 1922. Кн. 4. С. 215–221.

25. *Струве П. Б.* Размышления о русской революции // Струве П. Б. Избр. соч. С. 258–288.

26. *Струве П. Б.* Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма. По поводу смерти Ленина // Русская мысль. 1923–1924. Кн. 9–12. С. 313–318.

27. *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 31. С. 113–118.

28. *Милюков П. Н.* История Второй Русской Революции. София, 1921. Вып. 1, ч. 2.

29. *Струве П. Б.* Две речи. Героическая Воля // Русская мысль. 1923. Кн. 3–4. С. 273–279.

30. *Франк С. Л.* Непрочитанное. М., 2001.

31. *Струве П. Б.* Прошлое, настоящее, будущее... // Струве П. Б. Избр. соч. С. 319–330.

«СЛОМ» СТАРОГО И СОЗДАНИЕ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В РОССИИ в 1917 году

На примере всероссийских съездов Советов, ВЦИК, Совета народных комиссаров, наркоматов, их организации и кадрового состава рассмотрена трансформация в течение 1917 года теоретических представлений лидеров партии большевиков о строительстве нового государственного аппарата; обозначен вектор дальнейшего развития российской советской государственности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: представительные органы власти, правительство, народные комиссариаты, их организация и деятельность, новые и старые служащие.

К различным аспектам проблемы, вынесенной в заголовок, на протяжении 100 лет обращались исследователи разных областей гуманитарного знания. В советский период, как известно, идеологическая составляющая публикуемых в стране исследований была обязательным их стержнем. В работах, посвященных событиям 1917 года, обычно преследовалась цель доказать правильность избранного тогда пути, с одной стороны, и его исключительность, с другой. С начала перестройки до конца минувшего века все, написанное прежде, в большинстве случаев подверглось ревизии. Здесь следует оговориться, что вышесказанное относится в основном к отечественной историографии, зарубежная не была подвержена столь существенным изменениям. И дело не столько в том, что в научный оборот были введены недоступные прежде источники, сколько в смене парадигм. Отсутствие идеологического стержня, положив начало разномыслию, что само по себе было явлением положительным, привело в ряде случаев к огульному отрицанию наработок предшественников. В начале XXI века исследователи ищут связующие нити между модернизационными взрывами в истории российской цивилизации. Думается, что в настоящее время, используя весь спектр литературы, изданной в разное время, и источников, есть возможность подвести промежуточные итоги в оцен-

ках государственного строительства в первые месяцы после Октября 1917 года. Следующее поколение историков, конечно, предложит свои варианты такого исследования, на что имеет полное право. Однако ни сейчас, ни в будущем, наверно, не стоит оценивать события первых лет Советской России без учета реалий того времени.

В последнее время историки в событиях 1905–1917 годов видят единый процесс, приведший к кардинальной смене политической системы в России. С этим трудно не согласиться. В данном процессе в разной мере принимали участие не только большевики. Более того, всячески превознося революционный путь развития вообще, лидер большевиков очень долго не верил в возможность революции в одной отдельно взятой стране, тем более в России. В 1915–1916 годах В. И. Ленин писал о возможности победы социалистической революции не в России конкретно, а в Европе; анализируя развитие капитализма в России, он определял его как тенденцию, а не как готовность к переходу на более высокую, с его точки зрения, формацию – социалистическую. Фактически за месяц до Февральской революции, 9 (22) января, выступая в цюрихском Народном доме на собрании швейцарской рабочей молодежи с докладом о революции 1905 года, Ленин сказал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [1, с. 328]. Даже в первое время после Февральской революции большевики выступали за переход власти от буржуазного Временного правительства к демократически избранным многопартийным Советам. Таким образом, 1917 год большевики встретили без каких-либо серьезных планов по захвату власти в России и теоретических наработок по вопросам государственного строительства. История отвела весьма короткие сроки для глубокой проработки практических действий – события развивались стремительно.

Российским социалистам идеал государства виделся в демократической республике, власть в которой находится в руках представительных органов, одновременно осуществляющих законодательные и управленческие функции. Царскому самодержавию противопоставлялось самодержавие народа, своего рода организационно-правовое единство власти, правда, с привнесением в него классового принципа и ограничений в виде диктатуры пролетариата.

Возникшие в ходе первой русской революции Советы рассматривались Лениным как боевые органы вооруженного восстания, могущие со временем стать зародышем временного революционного правительства [см.: 2, с. 63]. Исход событий 1905–1907 годов вынудил его уменьшить восторги, связанные с этими событиями, но, начиная с «Апрельских тезисов» он меняет отношение к ним, становясь все большим их приверженцем. Будучи последовательным марксистом, он отказывается от парламентаризма с его разделением труда, презрительно именуя парламенты говорильнями, в пользу совмещения законодательной и исполнительной власти в руках «работающей корпорации». Единого мнения по этому вопросу у представителей социалистических партий не было, более того, его не было и в ближайшем окружении Ленина. Летом 1917 года он сосредоточил все свое внимание на доказательстве преимуществ Советов перед всеми известными в то время формами парламентаризма. Как известно, Ленину удалось добиться поддержки в этом вопросе значительной части своих соратников. Оставалось добиться распространения Советов на как можно большей территории страны, создать высший представительный орган власти. В последнем случае определенные надежды возлагались на 1-й Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. Ленину и его окружению он представлялся прообразом будущих высших органов власти нового государства. Несмотря на то, что многое в его организации и деятельности не устроило большевиков, форма была найдена.

Между тем, кризисы Временного правительства следовали один за другим, легитимность его актов подвергалась сомнению даже теми, кто их принимал [см.: 3, с. 172–173]. Более того, продолжали действовать акты, принятые до февраля 1917 года. Государство не имело ни парламента – иногда можно было услышать предложения реанимировать Государственную думу, ни главы государства. Конституировать уже существующие органы власти или принять закон о новых предполагалось с помощью Учредительного собрания.

Лето 1917 года было необычайно трудным для большинства участников политического процесса. С ростом разочарования в кумирах Февраля укреплялись позиции большевиков, но в большей

степени – эсеров. По некоторым данным в 1917 году партия эсеров насчитывала чуть ли не 1 млн членов. Крестьяне нередко записывались в партию целыми деревнями, а в армии – ротами [см.: 4, с. 184]. Тем временем власть Временного правительства слабела, оно демонстрировало полную нежизнеспособность. Н. Н. Суханову это правительство напоминало пароходный винт, вертящийся в воздухе [см.: 5, с. 147]. Как пишет В. А. Никонов, стране, привыкшей на протяжении последнего тысячелетия к централизованной системе власти, была предложена «крайняя форма политического либерализма» [6, с. 902–903]. Экономика разваливалась, управлять обученными воевать солдатами было некому. В конце концов власть упала к ногам большевиков. Во всяком случае, не случись известных событий в Москве и других городах, разгона Учредительного собрания со всеми вытекающими последствиями, можно было бы говорить чуть ли не о передаче власти в России из одних рук в другие.

Еще сравнительно недавно среди историков был весьма популярен спор о том, как именовать Октябрьские события – переворотом или все-таки революцией. Понятия эти очень близки по содержанию. Переворот чаще всего завершается сменой правящих элит, революция влечет за собой еще и смену характера государственного строя. Думается, правильнее оценивать события Октября 1917 года как завершение революции Февральской. Несколько перефразируя Л. Д. Троцкого, можно сказать, что ядро Октябрьской революции вышло из оболочки Февральской [7, с. 24].

Собравшийся вечером 25 октября II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов наутро провозгласил себя высшим органом власти в России. Таким образом, если при Временном правительстве более полугода не было представительного органа, то большевики создали его фактически в ходе захвата власти.

Поскольку в предреволюционных работах Ленина проблема главы государства не представлялась первостепенной, на съезде она не поднималась, хотя, безусловно, большевикам были известны проекты Основных законов, подготовленные Особой комиссией юридического совещания Временного правительства. Проблема главы государства не поднималась не только на II съезде, она не нашла отражения ни в Конституции 1918 года, ни в последующих

Основных законах СССР. Чаще всего имевшие место предложения такого рода наталкивались на неприятие их очередным лидером правящей партии и его окружением. Отсутствие главы государства создавало видимость коллективной ответственности за все действия институтов власти.

Захватив власть, большевики охладели к Учредительному собранию, но последующие события, требования его созыва представителями других социалистических партий заставили их о нем вспомнить, хотя бы для видимости, что и было сделано. Разгон Учредительного собрания развязал большевикам руки на поприще строительства «нового мира».

Согласно ленинской теории представительный орган должен был работать на непостоянной основе. Каким же образом он сможет совмещать законодательные функции с управленческими, кто будет осуществлять управление всеми сферами жизни в государстве? В пылу борьбы за власть об этом как-то забыли. Свою роль сыграла и теория постепенного отмирания государства. Видимо, поэтому ни перечня правительственных органов, ни списка членов будущего правительства у партии не было.

Тем временем экономика государства в условиях продолжающейся войны, разрухи и голода требовала принятия немедленных мер. Судя по всему, осознание необходимости «управлять Россией» заставило большевистское руководство задуматься о первоочередных шагах в этом направлении. 21 октября 1917 г. ЦК партии поручает Ленину подготовить тезисы докладов о земле, о войне, о власти. Точная дата написания Лениным заметок о власти не установлена – то ли они были написаны накануне заседания ЦК партии, то ли по результатам состоявшейся беседы с ближайшим окружением в одной из «комнатушек» Смольного [см.: 8, с. 416]. Судя по воспоминаниям очевидцев, это была чистой воды импровизация, да и сами заметки-наброски свидетельствуют о недостаточной проработке вопроса. В заметках написано о необходимости немедленного создания «комиссии народных комиссаров», состоящей из министров и товарищей министров. Помимо этой комиссии, названы еще две: революционного порядка (ее должен был возглавить М. Д. Бонч-Бруевич) и законодательных предположений

(во главе с Л. Б. Каменевым). Вторая комиссия должна была функционировать при министре-председателе, что изначально предполагало активное участие правительства в законодательной деятельности. В числе будущих министров названы только А. В. Луначарский с заместителем в лице Н. К. Крупской. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что среди комиссий должна была быть и комиссия по просвещению. Фамилия министра-председателя в тексте не названа, думается, не случайно. Ленин, по свидетельству очевидцев, поначалу отказывался занять этот пост. Согласившись, он сохранил за собой пост лидера партии. Это был, по существу, первый шаг в направлении подчинения государственного аппарата высшему органу пришедшей к власти партии. В то же время таким образом было положено начало практике совмещения высоких партийных и государственных постов. Программа деятельности «комиссии народных комиссаров» была намечена штрихами [см.: 9, с. 91–92].

По мнению В. П. Булдакова, «у власти оказались люди, менее всего склонные строить новую государственность» [10, с. 923]. Скорее всего, строить они хотели, но в отсутствие серьезных теоретических разработок, элементарного опыта и ограниченности во времени не знали, как это делать. В конце концов, практика пошла по пути использования прежнего госаппарата с привнесением в него новых форм и методов работы.

Таким образом, на коренную модернизацию исполнительной власти большевики не пошли. При создании правительства они последовали примеру предшественника, сохранив перечень ведомств с некоторыми новациями, к которым, в первую очередь, можно отнести комиссию по делам национальностей и объединение двух военных ведомств в один комитет. Понять в этом вопросе большевиков можно. При всей авантюристности своих теоретических построений они понимали, что, в конце концов, ответ перед обществом за все недостатки работы властных структур держат органы исполнительной власти, поэтому ее структуры и их функции следует менять с большой осторожностью. Разрушить быстрее и легче, чем построить, к тому же управленческая деятельность консервативнее законодательной.

На смену министерствам пришли народные комиссариаты, министрам – народные комиссары. Сложнее обстояло дело с кандидатурами на должность наркомов. Первый состав правительства был сформирован с большим трудом. В том числе и этим можно объяснить частые перестановки в нем и даже кризисы.

Не просто обстояли дела и с «созданием» новых наркоматов, а точнее – с «овладением» прежними министерствами. Как вспоминал А. В. Луначарский, Ленин сказал, что каждый нарком должен ехать в порученное ему бывшее министерство, завладеть им и, «если будут посягать на то, чтобы вырвать у него порученную ему часть власти», живым оттуда не уходить. Задача была труднейшая. Для овладения бывшими министерствами были созданы коллегии, куда пригласили самых преданных революции членов партии. Наркомы не спешили ехать в порученные им министерства. Ленин разве что не выгнал их из Смольного. Даже исполнительный Луначарский с товарищами больше недели не решались идти «овладевать» бывшим министерством. Он приводит весьма интересный факт: напутствуя его, глава правительства заявил, что у него самого пока отсутствует «какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просветительском деле. Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям». Как пишет далее Луначарский, на его упрек в том, что Ленин не уделяет достаточного внимания Наркомпросу, тот ответил буквально следующее: потерпите, «когда-то у нас будет только два громадных наркомата: наркомат хозяйства и наркомат просвещения, которым даже не придется ни в малейшей мере ссориться между собою» [11, с. 176–184]. Судя по последнему высказыванию, глава правительства в это время еще не расстался с идеей отмирания государства.

Не сразу направились в свои министерства и другие наркомы. В некоторых случаях поход был отложен на месяц и более. Так, лишь 6 декабря 1917 года было покончено с троевластием на железных дорогах страны, при котором существовало прежнее министерство, в стадии формирования находился аппарат НКПС, значительным влиянием пользовался Викжель [см.: 12, с. 189–190]. Более длительным, нежели в других ведомствах, был процесс «овладения»

военным ведомством – продолжавшаяся война, отсутствие собственных военных кадров не позволяли сделать это быстро.

Только во вновь образованных наркоматах структурные подразделения пришлось создавать с нуля, во всех остальных восприняли организацию прежних министерств. Так что здесь ломать ничего не пришлось.

Как отмечалось выше, в наркоматах были образованы коллегии. Высказываемая иногда исследователями точка зрения на них как на какое-то изобретение советской власти представляется не совсем верной. С заменой в России коллежской формы управления министерской в первые годы существования министерств коллегии были сохранены в целях обеспечения преемственности. С их упразднением единоначальник – министр – стал нуждаться в советниках. Итогом осознания такой необходимости стало появление в министерствах совета министра, куда, наряду с ним, входили товарищи (заместители министра) и директора департаментов. На заседания совета в качестве полноправных участников могли быть приглашены «сведущие» люди: фабриканты, заводчики, купцы, ученые, инженеры. Со временем в качестве совещательных органов появились и другие советы. Существование их было закреплено действующим законодательством и не отменяло единоначалия.

Захватив министерства, наркомы столкнулись с сопротивлением старого чиновничества, в большинстве своем отказавшегося от сотрудничества с большевиками. Наркомы оказались не в состоянии сделать первые шаги в управлении вверенной им отрасли, будь то экономика или социальная сфера. Они это вполне сознавали. Как писал позднее нарком продовольствия А. Д. Цюрупа, «волна революции подняла нас высоко, но сами по себе мы люди маленькие» [13, с. 289]. Выходом в сложившейся ситуации и стали коллегии. По данным Е. Г. Гимпельсона, среди членов коллегий наркоматов количество лиц с высшим образованием было достаточно высоким [см.: 14, гл. 2]. Не случайно чаще всего коллегии создавались по инициативе самих наркомов, причем не важно, по какому акту – ведомственному или правительственному. Без их квалифицированной помощи руководители центральных ведомств вряд ли смогли решать поставленные перед ними задачи. Постепенно кол-

легии, созданные для овладения ведомством, трансформировались в совещательные органы при наркомате, мнение которого было решающим. Руководство партии не оставило их без надзора: в их составе были и активные члены партии, и представители профсоюзов.

Отношение Ленина к так называемому старому чиновничеству известно. Поначалу предполагалось от него избавиться полностью, обучив на скорую руку управленческой работе кого угодно, хоть кухарку, позже предполагалось все-таки сохранить часть старослужащих, занятых в учетно-счетном аппарате. Жизнь опять внесла свои коррективы. Некомпетентность новых служащих, с одной стороны, привела к росту штатов наркоматов, с другой, потребовала привлечения работников бывших министерств, большинство которых демонстрировали откровенное неприятие новой власти. Для удержания на своих местах хотя бы их части использовались разные методы. Так, например, в Наркомате просвещения изыскали возможность к новому году поощрить старослужащих [15, оп. 2, д. 10, л. 23], создать специальный фонд для выдачи им пособий [15, оп.1, д. 131, л. 36–37].

Однако подобные меры не могли стать массовым явлением хотя бы из-за отсутствия у новой власти необходимых для этого средств. Это потом ВЧК стала карающим мечом советского народа, а поначалу она была создана для борьбы с саботажем в госаппарате. Совокупность таких мер привела к тому, что чем ниже располагалось подразделение на иерархической лестнице структуры наркомата, тем больше там оказывалось старых квалифицированных управленцев. Для всех центральных ведомств большое значение имели два обстоятельства: был ли у ведомства дореволюционный предшественник и не относилось ли оно к учетно-регистрационным, информационным, статистическим и иным подобным органам.

Как писал премьер-министр СССР, финансист по профессии, В. С. Павлов, «большевики никогда не преследовали банковских служащих, а наоборот, создавали для них привилегированные по тем временам условия работы», в банковских структурах при советской власти продолжали трудиться люди «дворянской крови». «Один из последних крупных банковских работников дворянского происхождения уволился со службы по достижении преклонного

возраста лишь в 1938 г.» [16, с. 100]. В результате такой политики уже через год число служащих бывших государственных и частных учреждений и предприятий в руководящем составе сотрудников советских центральных органов составило 58,3 %, а в ряде ведомств процент достигал значительно больших величин – в НКПС он был 88,1, в Наркомфине 97,5 [17, с. 54; 18, с. 424–427; 19, с. 109].

Конечно, в так называемых административно-политических органах такого быть не могло, но даже в ВЧК, хотя она по количеству членов партии и была на первом месте среди всех центральных учреждений, на оперативную работу были привлечены беспартийные старослужащие. Велико было число специалистов, владевших военными знаниями и имевших боевой опыт в годы мировой войны как в руководстве военного ведомства, так и непосредственно в армии. Как отмечал Ленин, без них не было бы Красной армии и тех побед, которые она одержала [см.: 20, с. 199, 218].

Таким образом, практика нового государственного строительства с самого начала существенным образом разошлась с теорией, в последующие годы расхождения только увеличивались.

1. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1973. Т. 30. С. 306–328.

2. Ленин В. И. Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 12. С. 59–70.

3. Александр Иванович Гучков рассказывает // Вопр. истории. 1991. № 12. С. 165–175.

4. История политических партий России. М., 1994.

5. Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2, кн. 3.

6. Никонов В. А. Крушение России. М., 2011.

7. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1 : Февральская революция. М., 1997.

8. Административные реформы в России: история и современность. М., 2006.

9. Ленин В. И. Заметки об организации аппарата управления // Ленинский сб. М., 1933. Т. 21. С. 91–92.

10. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014.

11. *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968.
12. *История железнодорожного транспорта России. XIX–XXI вв.* М., 2012.
13. *Ленин В. И.* Резолюция на записке А. Д. Цюрупы // Ленинский сб. М., 1975. Т. 38. С. 288–289.
14. *Гимпельсон Е. Г.* Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998.
15. ГАРФ. Ф. 2306 (Наркомат – Министерство просвещения РСФСР).
16. *Павлов В. С.* Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995.
17. *Ирошников М. П.* К вопросу о сломе буржуазной государственной машины в России // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973. С. 46–66
18. *Ирошников М. П.* Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Л., 1974.
19. *Ирошников М. П.* Рожденные Октябрем: Очерки истории становления Советского государства. Л., 1987.
20. *Ленин В. И.* Речь на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 40. С. 195–202; *Он же.* Речь на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта 15 марта 1920 г. // Там же. С. 213–220.

СОВЕТСКАЯ БЮРОКРАТИЯ КАК ПОРОЖДЕНИЕ ЭТАКРАТИСТСКОЙ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Рассматривается социально-политическая среда и особенности формирования советской бюрократии, прослеживается ее эволюция в условиях «развитого социализма». Делается вывод, что, имея немало патримониальных черт, советская бюрократия не смогла дать эффективный ответ на новые вызовы времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а: единство и неделимость государственной власти, номенклатурный принцип управления, патримониальный характер советской бюрократии.

С приходом к власти большевиков в России была предпринята попытка широкомасштабной социальной инженерии, нацеленной на реализацию утопического проекта совершенного общества. Данный проект предусматривал национализацию экономики, установление механизмов сознательного управления и контроля. В дальнейшем его практическая реализация привела к созданию уникальной этократистской системы, основанной на единстве власти и собственности и широко использующей командно-репрессивные методы управления и массированное политико-идеологическое воздействие.

До своего прихода к власти большевики питали иллюзию, что Советы как политический механизм диктатуры пролетариата способны привлечь к управлению государством широкие трудящиеся массы. По мнению Ленина, развитие капитализма создает для этого все необходимые предпосылки: крупное производство, фабрики, железные дороги, почта и банки упрощают функции управления «до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок» [1, с. 101]. В дальнейшем подобные идеи порождали некомпетентность и дилетантизм административных кадров.

Основываясь на идеологической доктрине полновластия Советов, большевики отвергли принцип разделения властей. Образцом для их подражания стала Парижская коммуна, которая, по мысли К. Маркса, являлась «работающей корпорацией, в одно и то же время законодательствующей и исполняющей законы» [2, с. 341]. Поэтому не случайно, что после революции новые органы государственного управления – Советы – во многом воспроизвели политические механизмы коммуны. В лице своих высших органов – сначала съездов Советов, а с 1936 г. Верховных Советов – они не только издавали законы, но и решали любые административные вопросы. Одновременно Советское правительство (сначала Совнарком, а с 1946 г. – Совет министров) как исполнительный орган власти могло издавать декреты, имеющие силу закона. Законами становились и решения партийных органов. А в годы «развитого социализма» функции законов выполняли совместные постановления ЦК КПСС, ВЦСПС и Совета министров. Считалось, что они имеют даже «большую юридическую силу, чем закон, так как подкреплены авторитетом партии, мудрость которой не может подвергаться сомнению» [3, с. 162]. В подобных условиях законодательная и исполнительная власть оставались сконцентрированными в руках одной партии, сфера компетенции которой не фиксировалась ни в одном законе. Тем самым в Советском Союзе был возрожден присущий самодержавной России принцип единства и неделимости государственной власти.

Возникшее внеправовым путем Советское государство не только унаследовало характерную для самодержавной России недооценку формально-правовых норм, но и довело эту ситуацию до абсурда. Отвергнув «узкий горизонт буржуазного права», В. И. Ленин объявил, что диктатура пролетариата создает свое собственное «пролетарское право». При этом оно рассматривалось как простой инструмент политической власти, подчиненный решению поставленных ею задач. Элиминирование общечеловеческих основ права породило власть человека, а не закона и расширение сферы личного усмотрения чиновников.

Нигилистическое отношение к праву привело к полной зависимости судебной власти от партийно-государственных органов

и фактически упразднило принцип беспристрастности суда, презумпцию невиновности, формальные процедуры судебного процесса и пр. В подобных условиях судопроизводство осуществлялось не только судами, но и внесудебными органами: «тройками», «особыми совещаниями» и др. В результате был восстановлен характерный для традиционного общества синкретический характер управления, при котором судопроизводство являлось лишь одной из функций административной власти.

Первоначально большевистские лидеры крайне негативно относились к бюрократии, характеризуя ее как орудие классового подавления и угнетения. Так, например, говоря о дореволюционной бюрократии, В. И. Ленин подчеркивал лишь ее дисфункциональные качества: оторванность от общества, привилегированное положение, погоню за должностями, чиновничество, коррумпированность, паразитизм, формализм и т. п. Считалось, что с упразднением частной собственности и буржуазного государства пролетарская власть упразднит и бюрократию. «Рабочие, завоевав политическую власть, – пишет Ленин накануне Октябрьской революции, – разобьют старый бюрократический аппарат... заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора...» [1, с. 109]. Руководствуясь подобными идеями, большевики предприняли ряд практических мер по разрушению старого административного аппарата. «Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» (1917) отменил все юридические акты, регламентирующие дореволюционную государственную службу: Табель о рангах, Устав о службе гражданской и др., что лишило административную деятельность всякого правового регулирования. Однако по мере осознания того обстоятельства, что альтернативы бюрократическому управлению не существует [см.: 4, с 169–170], большевики были вынуждены создавать новые бюрократические структуры.

Новая бюрократия во многом унаследовала институты и кадровый персонал царской системы управления. Как отмечают Т. П. Кор-

жихина и А. С. Сенин, «использовался не только старый аппарат учета и распределения, связи, путей сообщения и т. п., но и отдельные элементы буржуазного карательного механизма...» [5, с. 176]. Иерархия и бюрократическое единообразие, присущие царским министерствам, были распространены на все органы управления, включая Советы. Так, например, постановлением ВЦИК (1922) были учреждены унифицированные структуры и штаты для всех наркоматов и местных Советов. В исполкомах Советов было введено строго установленное число отделов и подотделов, фиксированное количество служащих, определена их субординация, упорядочена система отчетности и пр. Решения исполкомов более высокого уровня стали обязательными для исполкомов более низкого уровня. Отраслевые отделы подчинялись не только территориальному Совету, но и соответствующему наркомату в центре. Работники исполкомов Советов обычно не избирались, а назначались партийными комитетами. В подобных условиях в стране был выстроен иерархически организованный бюрократический аппарат, опирающийся на постоянных чиновников.

Решение практических задач по организации государственно-го управления заставило большевиков вступить на путь нормативно-го регулирования административной деятельности. Уже в 1922 году Совнарком принял «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», которые «содержали отдельные элементы Устава о гражданской службе досоветской России. Однако по степени проработки вопросов организации государственной службы они не могли идти ни в какое сравнение со старым Уставом» [6, с. 40]. Принятые первоначально как временные нормы, в дальнейшем данные правила стали постоянными. Помимо них государственная служба регулировалась также ведомственными актами, законодательством о труде и постановлениями Совета министров. Однако в СССР никогда не существовало единого закона о государственной службе.

По своему качеству новая советская бюрократия существенно уступала дореволюционной российской бюрократии. Отрицательную роль сыграло упразднение прежних нормативных актов, отстранение от дел многих опытных чиновников и периодические

«чистки» государственного аппарата. Немалое негативное влияние оказал также принцип классового подхода, устанавливающий безусловный приоритет классового происхождения над любыми управленческими знаниями и навыками. Лишь начиная с 1960-х годов к руководящим работникам стали предъявляться требования, связанные с наличием у них высшего образования – профессионального или партийного.

И. В. Сталину и его окружению требовалась не «рациональная бюрократия» веберовского типа, а бюрократия патримониального типа, способная быть лишь послушным исполнителем спускаемых сверху распоряжений. Она должна была демонстрировать не соблюдение законов, а политическую преданность и личную верность вождю, приказания которого имели безусловный приоритет над любыми формальными правилами и законами. Яркую характеристику управленцев такого типа дал известный русский философ Г. П. Федотов: «Вглядимся в черты советского человека, конечно, того, который строит жизнь, не смят под ногами, на дне колхозов и фабрик, в черте концлагерей. Он... очень целен и прост, живет по указке и по заданию, не любит думать и сомневаться... Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он очень честолюбив и довольно черств к страданиям ближнего – необходимое условие советской карьеры. ...Его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или Родину, смотря по временам. Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XVI века? Напрашиваются и другие исторические аналогии: служака времен Николая I, но без гуманности христианского и европейского воспитания; сподвижник Петра, но без фанатического западничества, без национального самоотречения» [7, с. 212].

Считалось, что партия не просто руководит социалистическим строительством, а ведет напряженную борьбу на всех фронтах, широко используя военную стратегию и тактику. Отсюда не случайно, что политическое руководство вождь отождествлял с командованием, отдачей приказов и безропотным подчинением. Весьма показательным определением, данное им Коммунистической партии: «Партия – это командный состав и штаб пролетариата...» [8, с. 72].

Характеризуя партийную иерархию, он широко использовал военную лексику: высшие руководители – «партийный генералитет», средние руководители – «партийное офицерство», низший командный состав – «партийное унтер-офицерство». По мнению Сталина, государственный аппарат должен быть во всем подобен военному. Отсюда его стремление унифицировать и ранжировать всех чиновников по образцу Красной армии, для чего в ряде министерств были введены особые мундиры и знаки отличия (после смерти Сталина в большинстве из них форма была отменена). Военизированный характер государственной службы лишь усиливал патриархальные свойства советской бюрократии.

С самого начала ядром бюрократического аппарата стала партийная номенклатура, представляющая собой некоторое подобие политической бюрократии. Именно она обеспечивала проведение партийной линии на всех этажах государственного управления. Номенклатурный принцип назначения, возникнув в 1920-е годы, окончательно оформился во второй половине 1930-х годов и просуществовал до конца 1980-х. При отборе кандидатов в номенклатуру более всего ценилось их происхождение, анкетные данные, преданность партии и вождю. Деловые и профессиональные качества также учитывались, но в меньшей степени. Психологические последствия такого подхода хорошо показал М. Восленский: «Каждый должен чувствовать, что он занимает место не по какому-то праву, а по милости руководства, и если эта милость прекратится, то он легко может быть заменен другим. <...> Этот принцип кадровой политики породил у счастливых назначенцев не просто покорность воле начальства, но бурное стремление выслужиться, чтобы хоть таким путем стать незаменимыми» [9, с. 212]. Денежное содержание номенклатурных работников неизменно дополнялось различными привилегиями и натуральными выплатами: спецпайками, бесплатными путевками в санатории, специальными больницами и поликлиниками, государственными дачами и пр.

В период преобладания директивно-приказных методов управления с их акцентом на волевые качества руководителей утвердилось мнение, что номенклатурные работники с одинаковым успехом могут руководить любой сферой общественной деятельности, будь то

образование, промышленность, сельское хозяйство и пр. В подобных условиях широко практиковалось номенклатурное перемещение кадров по различным отраслям народного хозяйства и сферам деятельности. Наличие номенклатурного чиновничества существенно усиливало сходство советской бюрократии с бюрократией патримониального типа, которая полностью зависела от милости и расположения своего господина и не обладала должным профессионализмом.

«Золотым веком» советской бюрократии стал период «развитого социализма», когда с прекращением сталинских «чисток» и хрущевских «ротаций» была достигнута значительная стабилизация руководящих кадров. Если при Сталине пребывание в должности нередко ограничивалось 2–3 годами, то при Брежневе этот срок мог составлять несколько десятилетий. Линия на стабильность кадров оборачивалась их застоем. На руководящих постах зачастую оказывались некомпетентные руководители, систематически не справлявшиеся со своими обязанностями, но входящие в номенклатуру. Подобная ситуация благоприятствовала «укоренению отношений личной преданности и утверждению системы ценностей, в которой верность патрону превалировала над компетентностью и “идеологической выдержанностью”» [10, с. 434].

Происходящие в послесталинский период перемены практически не затронули основ бюрократической системы: упразднялись и вновь создавались министерства, отраслевая организация управления заменялась территориально-совнархозной и снова отраслевой, вводились элементы хозяйственной самостоятельности предприятий, но одновременно сохранялись всеильные министерства. Некоторое смягчение политического режима уменьшило жесткую централизацию власти и привело к усилению самостоятельности местных властей. Произвол, сконцентрированный прежде на верху бюрократической пирамиды, переместился на более низкие ее уровни, породив локальные и ведомственные клики, а также мафиеподобные структуры в системе местного управления. Ослабление контроля «сверху» и отсутствие действенного контроля «снизу» сопровождалось усилением бюрократических дисфункций: имитацией руководителями своих служебных обязанностей, приписками, коррупцией, протекционизмом и пр.

Утвердившаяся при Сталине военно-бюрократическая система управления при Брежневе была дополнена и отчасти заменена бюрократическим рынком, субъектами которого являлись не только отдельные должностные лица, но и целые органы государственного управления. В отличие от экономического рынка на бюрократическом рынке шла торговля не материальными ценностями, а властными ресурсами, статусами, должностями, исключениями из правил и пр. Действовал принцип: «ты – мне, я – тебе». «Бюрократический рынок, – пишет В. Найшуль, – сформировал определенный тип управленца – не “солдата партии”, как в сталинское время, а “торговца партии”, для которого в государственной деятельности... ни распоряжения высочайшего “верха”, ни обязательные для всех правила, ни законы страны не являются... категорическими императивами» [11, с. 50]. Такой рынок был тесно связан с «теневой экономикой», которая в период ельцинских реформ максимально благоприятствовала «номенклатурной приватизации».

В период «застоя» советская бюрократия, достигнувшая апогея своей силы и влияния, начала проявлять и собственные властные амбиции. В лице партийно-аппаратных структур, сотен министерств и ведомств она монопольно распоряжалась государственной собственностью и навязывала политическому руководству свои решения, не неся за них никакой ответственности. В подобных условиях функции политического управления стали перемещаться в аппаратные структуры. Это полностью подтвердило прогноз М. Вебера, согласно которому при социализме «развивается диктатура не рабочего, а чиновника» [12, с. 327].

Несмотря на свое влияние, советская бюрократия вовсе не была сплоченной корпорацией. Между ее отдельными звеньями и структурными подразделениями шла постоянная борьба за бюджетные ресурсы, влияние на власть, статусные гарантии и пр. В последующем ее внутренние противоречия, усиливаемые властными амбициями «национальных» кадров, стали одной из причин распада Советского Союза.

На рубеже 1970-х – начала 1980-х годов экономически развитые страны Запада встали на путь перехода к постиндустриальному обществу. В Советском Союзе в повестку дня также была поставлена

задача проведения постиндустриальной модернизации, решение которой, однако, было невозможно без формирования рыночной экономики и активизации предприимчивости граждан. В результате начавшиеся в стране реформы не достигли своих целей. Во многом это было связано с наличием у советской бюрократии – единственной в то время силы, которая могла бы стать реальным инициатором преобразований, – целого ряда патримониальных черт: синкретического характера управления, игнорирования роли правовых регуляторов, номенклатурного принципа управления, низкого профессионального уровня и пр.

1. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 33. С. 1–120.

2. *Маркс К.* Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества Рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 39 т. 2-е изд. М., [б. г.]. Т. 17. С. 320–385.

3. *На пороге* кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе / под общ. ред. В. В. Журавлева. М., 1990.

4. *Лугвин С. Б.* Государственная бюрократия в условиях социальных трансформаций. Гомель, 2006.

5. *Коржихина Т. П.* История российской государственности. М., 1995.

6. *Мельников В. П.* Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность : в 2 ч. М., 2000. Ч. 2.

7. *Федотов Г. П.* Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 197–214.

8. *Сталин И. В.* О политической стратегии и тактике русских коммунистов. Набросок плана брошюры // Сталин И. В. Соч. : в 13 т. М., 1953. Т. 5. С. 62–87.

9. *Восленский М.* Номенклатура : фрагменты книги М. Восленского // Новый мир. 1990. № 6. С. 205–230.

10. *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. М., 1998.

11. *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: (анатомия застоя) / сост. и общ. ред. Т. А. Ноткиной. М., 1991. С. 40–60.

12. *Вебер М.* Социализм. Речь, произнесенная в Вене перед австрийскими офицерами с целью их общей ориентации (июнь 1918) // Вебер М. Политические работы (1895–1919) : пер. с нем. М., 2003. С. 300–342.

УДК 94(47).084.3

И. В. Алферова, В. Ф. Блохин

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ: «ГОСПЛАН В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ»

На основе архивных материалов и публикаций в «Вестнике Социалистической академии» отражаются отдельные моменты становления Социалистической академии наук, которая к 1924 году стала главным учреждением по распространению и насаждению коммунистической идеологии в сфере научных исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Социалистическая академия наук, коммунистическая идеология, марксизм, советская наука.

Приход к власти большевиков был неожиданным не только для их политических оппонентов, но и для них самих. Еще за полгода до известных октябрьских событий партия находилась на политической периферии, значительно уступая своим прямым конкурентам как в численности, так и в способности выдвижения продуманной и четкой программы выхода страны из кризиса. Стремительно развивавшиеся события не позволяли лидерам партии серьезно задуматься о будущих преобразованиях, выдвигая на первое место сначала проблему завоевания власти, а затем ее удержания любой ценой.

В этой ситуации, усугубленной развернувшимся военным противостоянием, многие из проблем, доставшихся в наследство от прежней государственной системы, отодвигались в отдаленную перспективу и выглядели весьма туманно. В числе таких вопросов находилось отношение к академической среде, остававшееся на протяжении нескольких лет крайне неопределенным и непоследовательным, что проявлялось как в противоречивых высказываниях большевистских лидеров, так и в их непосредственных действиях.

Людей, профессионально занимавшихся интеллектуальным трудом, они рассматривали как соперников в борьбе за умы не только определенной части населения страны, но даже и пролетарской массы. Тем не менее, до времени появления собственной «пролетарской интеллигенции» большевики предполагали мириться с существованием интеллигенции «буржуазной», в том числе и в научных кругах.

Было очевидно, что без представителей старой академической школы, деятелей науки большевикам не удастся восстановить разрушенную экономику и приступить к государственному реформированию.

В этой связи представляется интересным не столько определить круг людей, генерировавших идеи марксистской интерпретации науки, в том числе и исторической (они по большей части известны), сколько восстановить процесс проникновения новой методологии в научные изыскания, ее превращения в господствовавшую и единственную. Знаковой в этом смысле является история становления Социалистической академии общественных наук (САОН; с 1919 г. – Социалистическая академия), которой уже под названием Коммунистической академии наук (с 1924 г.) предстояло стать неким «научно-идеологическим» центром в государственном масштабе. Тем не менее, новейшая историография не уделяет должного внимания функционированию этого учреждения: история науки исключает ее деятельность из сферы своих интересов, по-видимому, по причине квазинаучности ее достижений, а политическая история – из-за претензии САОН на академический статус.

На самом деле Социалистическая академия далеко не сразу определилась со своими основополагающими задачами, ее образовательная и исследовательская концепции претерпевали ряд изменений. На отдельные моменты ее истории, не претендуя на исчерпывающее рассмотрение вопроса, обращена данная статья.

Основание САОН происходило в атмосфере определенной революционной эйфории, которая охватила и часть российского научного сообщества. Радикально настроенная интеллигенция, считая самодержавие тормозом на пути развития науки и образования, в новых политических реалиях усматривала возможность претворения в жизнь всевозможных научных (и околонаучных) проектов при всесторонней государственной поддержке. Действительно, «хаос и утопические причуды революционного времени позволили многим предложениям легко получить одобрение без длительного и внимательного рассмотрения их специалистами» [1, с. 102].

Историк Ф. Ф. Перченков, занимавшийся изучением социальной истории российской и советской науки, писал: «Идеи полного организационного переустройства науки витали в революционном

воздухе и в среде лиц, приставленных к ней новой властью, родился ряд проектов, сутью которых было создание всеохватного научного ведомства» [2, с. 203]. Он же справедливо отмечал, что авторы «исходили из признания нескольких положений, казавшихся им аксиомами: 1) в науке, доставшейся в наследство от старого строя, властвуют “жрецы науки”, и следует низвергнуть их господство; 2) науку надо “мобилизовать” на службу революции; 3) “концентрация и централизация” науки абсолютно необходима; 4) в государственном аппарате должна быть создана новая специальная командная структура для достижения этих целей» [Там же, с. 203–204].

Было создано несколько таких «командных структур», что уже само по себе указывает как на актуальность проблемы для новой власти, так и на отсутствие единого плана по реорганизации академической среды. Так, уже 9 (22) ноября 1917 года ВЦИК принял декрет СНК о формировании Государственной комиссии по народному просвещению, в состав которой входил научный отдел – специальный орган для руководства научными учреждениями республики. В 1918 году научный отдел вошел в состав возглавляемого Д. Б. Рязановым Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) [см.: 3, с. 8]. В 1921 году отдел был преобразован в секцию академического центра Наркомпроса – Главнауку. Комиссариату подчинялись университеты и Академия наук (до 1925 г.).

В январе 1918 года в системе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) был создан Центральный совет экспертов – орган, «объединяющий технические и научные силы России для разрешения экономических задач». В августе 1918 года Декретом СНК при ВСНХ был учрежден Научно-технический отдел «в целях централизации всего научно-технического опытного дела Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, сближения науки и техники с практикой производства, распределения между научными и техническими учреждениями, обществами, лабораториями, институтами, опытными станциями и т. п.» [4, с. 827–829]. Чудом уцелевшей Российской академии наук тогда же, в январе 1918 года, было предложено взять на себя «роль организующего центра в деле всестороннего изучения производительных сил Республики» [3, с. 7].

В 1918–1919 годах в стране было создано 33 новых научных центра. Конечно, прежде всего власть интересовали естественные науки, развитие которых могло бы способствовать экономическому восстановлению и развитию страны. Не случайно были открыты Физико-математический, Химический, Платиновый, Физико-химического анализа, Физиологический, Почвенный им. В. В. Докучаева институты под руководством ученых Академии наук, кроме того, создавались институты при соответствующих комиссариатах: Оптический, Радиевый, Рентгенологический и Радиологический, Физико-технический, Гидрологический, Керамический, Астрономический, Прикладной химии и др.

Достижения по реорганизации гуманитарной науки в этот же период были несравнимо скромнее. Большевицкая власть, претендовавшая на создание новой парадигмы в науке, но не определившаяся детально с ее идеологическими основаниями, в начальный период содействовала появлению в этом смысле нейтральных научных учреждений: 18 апреля 1919 года по декрету СНК РСФСР была создана Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), которая в дальнейшем стала одним из центров археологической деятельности в стране. Позднее были основаны Яфетический и Кавказский историко-археологический институты.

В это время и появляется Социалистическая академия общественных наук, первоначально явившаяся реализацией грандиозных планов А. А. Богданова по созданию Рабочего (или Пролетарского) университета. Отдельные идеи, относящиеся к новому типу образовательных учреждений, А. А. Богданов пытался реализовать, занимаясь просветительской деятельностью среди тульских рабочих в 1890-х годах, затем в «Первой Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школе для рабочих» на острове Капри (1909).

Концептуальное обоснование Рабочий университет получил в работе А. А. Богданова «Культурные задачи нашего времени» (1911). Причем уже тогда «университет» им понимался в широком смысле – как вся совокупность образовательных и научных учреждений разных степеней, «в их общей связи, в единстве их цели», «построенной на товарищеском сотрудничестве учащихся и учащихся»

ся и последовательно ведущий пролетария к совершенному обладанию научными методами и высшими достижениями науки» [5, с. 238].

Пролетарский университет был основан в Москве весной 1918 года после прихода большевиков к власти, при непосредственном участии А. А. Богданова. Перед заведением ставилась задача апробации новых форм обучения, основанных на равноправии преподавателей и слушателей и подготовке кадров «рабочих вождей» из среды самих рабочих. В то же время университет должен был стать организационным средством для «социализации науки», что означало «переработку современной науки по форме и содержанию с коллективно-трудоуемой точки зрения и передачу ее в таком преобразованном виде рабочим массам» [Там же, с. 249–250]. Курс «всеобщей организационной науки» в университете читал А. А. Богданов.

Летом 1918 года, как уже отмечалось, была создана Социалистическая академия общественных наук: «свободное сообщество лиц, имеющих целью изучение и преподавание как социальных знаний с точки зрения научного социализма и коммунизма, так и наук, которые соприкасаются с указанными знаниями» [6, с. 469]. СНК и ВЦИК СССР утвердили положение о Социалистической академии, и 1 октября 1918 года состоялось ее открытие.

Предполагалась тесная связь Академии с Пролетарским университетом, в котором будет обучаться человек-масса. «Она (т. е. Социалистическая академия) не есть нечто по существу, отличающееся от Пролетарского Университета, – отмечал А. А. Богданов. – Это – в силу обстоятельств успевшая раньше сложиться определенная его часть, его ученый коллектив. Временно она и вообще отчасти его заменяет, и не в главном. Между нею и зарождающимся университетом необходима тесная связь, которая в свое время завершится их полным слиянием» [5, с. 259–260].

Структура академии напоминала структуру Пролетарского университета. Она включала две основных секции: 1) научно-академическую и 2) учебно-просветительную [см.: 6, с. 469]. Первая должна была заниматься исключительно научной деятельностью, вторая решать задачи преподавания «социальных наук всем желающим, ознакомления широких народных масс с учениями научного социа-

лизма и коммунизма, а также распространения просвещения на основе социалистического мировоззрения» [6, с. 469].

Первоначальный состав академии был избран ВЦИК, ему же, согласно Декрету, она подчинялась и предоставляла отчеты. В состав академии вошли А. А. Богданов, В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, М. Н. Покровский, М. А. Рейснер, И. И. Скворцов-Степанов, Ю. М. Стеклов, В. М. Фриче и др., а также видные деятели международного коммунистического и рабочего движения: К. Либкнехт, Р. Люксембург, А. Гильбо, Фр. Меринг, К. Цеткин, Ю. Ю. Мархлевский и др.

Согласно книге расходов Социалистической академии за 1918 год ее сотрудники регулярно получали зарплаты и стипендии. Так, за первую половину декабря научно-академической секции было выделено 5040 руб.; учебно-просветительской – 1593 руб.; сотрудникам канцелярии – 15 920 руб.; служащим – 7200 руб.; стипендиантам – 15 920 руб. [см.: 7, ф. 350, оп. 5, д. 1, л. 26]. При этом принцип «равноправия преподавателей и слушателей» в стенах учреждения пытались реализовать на практике: зарплата профессора академии А. Д. Удальцова, например, за указанный период составила 558 руб., стипендия слушателя В. В. Судейкина чуть меньше – 500 руб. [7, ф. 350, оп. 5, д. 1, л. 26].

Из реальных дел академии можно отметить руководство сборкой и публикацией документов царской семьи под руководством М. Н. Покровского [см.: 8, с. 3–15], которая проходила совместно со специально созданной комиссией. Тогда же начала работать комиссия по изучению материалов войны 1914–1918 годов. Работа над сборником «История культуры», издание пособий, хрестоматий, сборников, бюллетеней Социалистической академии и др. [см.: 9, с. 9] оставались, по-видимому, только на бумаге.

В июле 1919 года Московский пролетарский университет был закрыт по официальной версии «ввиду тяжелой обстановки на фронтах гражданской войны». Кроме этого, А. А. Богданов отмечал следующие моменты, которые непосредственным образом могли способствовать закрытию: «планы и программы, выработанные спешно, оказались неудачными; лекторский состав, набранный на основе недостаточных связей, частью неподходящих к задаче

<...> состав слушателей в большинстве получился непролетарский» [5, с. 249–250].

Социалистическая академия продолжила свое существование, тем не менее «ошибки» Пролетарского университета были учтены. Согласно новому Уставу ее состав формировался из «числа лиц, проявивших себя самостоятельной работой в области научного социализма или имеющих значительные заслуги в деле его распространения» [10, с. 71–72], т. е. из проверенных большевиков. Действительно, после переизбрания состава в апреле-мае в академию стали входить только члены этой политической партии. Из ее состава были исключены «как представители западно-европейского социализма, к тому времени окончательно порвавшие с революционным марксизмом, вроде Каутского и Ф. Адлера, так и представители левого народничества» [см.: 11, с. 5]. А. А. Богданов, с дореволюционных времен оппонент В. И. Ленина по отдельным политическим и философским вопросам, лидер Пролеткульта, популярность которого начинала всерьез беспокоить большевистскую власть, формально сохранял свое членство в Президиуме Социалистической академии вплоть до 1923 года. Однако его имя с того времени не упоминалось в числе организаторов академии.

Между тем Социалистическая академия отказалась от массовой политико-воспитательной работы и переключилась на научно-теоретическую работу, а именно: на разработку «вопросов истории, теории и практики социализма» [3, с. 217]. Создание Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, повсеместное формирование сети коммунистических вузов, партийных школ, факультетов общественных наук университетов делали излишним существование специальной учебно-просветительной секции при САОН. Учебная деятельность академии сводилась, по новому Уставу, к «подготовке научных деятелей социализма и ответственных работников социалистического строительства, а также созданию соответствующих учебных пособий и учреждений» [3, с. 217], т. е. академия виделась как центр подготовки научной элиты государства, в том числе и своих будущих сотрудников.

Деятельность Социалистической академии активизировалась с окончанием Гражданской войны. Сотрудники получали академи-

ческие пайки, обновлялось оборудование, пополнялась библиотека [см.: 7, ф. 350, оп. 5, д. 1, л. 40]. На X съезде РКП(б) в марте 1921 года была принята резолюция об организации при Социалистической академии «систематических курсов по теории, истории и практике марксизма» [12, с. 360]. Первый набор слушателей был произведен осенью 1921 г. По-видимому, из-за «элитарности» учебного заведения он был небольшим – всего 50 человек. Для сравнения: при Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова в это же время проходили двухгодичный курс обучения 350 человек, шестимесячный – 2,5 тыс. человек, в Коммунистическом университете Востока насчитывалось 600 слушателей, в соцпартшколах РСФСР обучалось около 30 тыс. коммунистов [см.: 13].

Предполагалось, как следовало из статьи, опубликованной в июле 1922 года в газете «Рабочая Москва», что «губернские областные комитеты РКП в известный срок, определяемый Ц.К.Р.К.П. по установленной им разверстке, должны присылать наиболее способных к теоретической работе и наиболее активных товарищей, отдавая преимущество партийному стажу» [7, ф. 350, оп. 1, д. 12, л. 4]. Однако состав слушателей настолько не отвечал обозначенным требованиям, что в Социалистической академии было решено провести «чистку», в результате которой половина наличного состава была отчислена [Там же]. Из всех достижений Социалистической академии авторы статьи смогли отметить только организацию 27 июня 1922 года в богословской аудитории I Университета публичного торжественного заседания, посвященного Бабефу. Это мероприятие было объявлено, «знаменующим окончание организационной горячки». В заключение статьи выражалась надежда: «...если до сих пор почти все внимание товарищей, наиболее близко стоящих к Академии <...> было уделено главным образом административно-хозяйственной работе, то теперь... наступает период разрешения задач...» [Там же, л. 1].

Действительно, некоторые изменения в материальной базе могли свидетельствовать о том, что Социалистическая академия определилась, наконец, в сложной иерархии идеолого-просветительских учреждений РСФСР и заняла в результате лидирующее положение. В это время был поставлен вопрос о выделении Социалистической академии нового помещения, в котором могли бы разместиться

музей «по марксведению и марксизму», ряд научно-исследовательских помещений, читальный зал, аудитории для курсов по марксизму, организуемых по постановлению X съезда РКП(б), библиотеки и пр.

Таким помещением после обследования, проведенного комиссией академии, стал особняк в Малом Знаменском переулке № 5. Член президиума академии Д. Б. Рязанов, командированный за границу, смог договориться о покупке двух лучших частных библиотек по истории социализма: библиотеки венских адвокатов Теодора Маутнера и его друга Вильгельма Паппенгейма и библиотеки Карла Грюнберга [7, ф. 350, оп. 1, д. 10, л. 1]. В ноябре 1922 года начал издаваться печатный орган Социалистической академии – «Вестник Социалистической академии». Причем уже в первом номере журнала Е. А. Преображенский объявил Социалистическую академию «высшим научно-исследовательским институтом марксистской мысли» и «своего рода Госпланом в области идеологии...», выражая надежду, что она «будет вести усиленную работу за настоящую общественную науку под знаменем марксизма и в этом отношении не будет похожа ни на одно из аналогичных учреждений буржуазной общественной науки» [9, с. 7–9].

Названия научно-исследовательских подразделений академии – кабинетов, созданных по предложению Д. Б. Рязанова, определили основные направления исторических исследований: «История социализма», «История рабочего и социалистического движения на западе и в России», «История идеологий», «История войн», «История революций на Западе», «История революционного движения в России», «История рабочего класса», «Положение рабочего класса», «Формы рабочего движения», «Социалистическое строительство», «Советское право» [см.: 14, с. 34].

Тем не менее, проблемы у академии продолжали существовать и основные из них – именно в сфере «генерации идей». Не случайно, выступая на пленуме членов Академии наук 19 декабря 1922 года, Н. М. Покровский заявил: «Позвольте указать на то, что никто в мире, не исключая и Академию наук, которую мы считаем затхлым учреждением, не понимает значения Академии». Н. М. Покровский сетовал на то, что секции академии не могут найти «живую работу, которая была бы связана с живой действительностью и той

борьбой, которая происходит в настоящее время» [7, ф. 350, оп. 1, д. 8, л. 3]. Не смогла, например, начать работу секция по истории рабочего движения. Ее сотрудники «уперлись» в тот факт, что вести эту работу, в отличие от пропагандистской, «на печатном материале, по книжкам – нельзя» [Там же, л. 2].

Более-менее продуктивно на тот момент работала единственная секция – экономическая (под руководством Милютина) и только потому, что она занималась экономическими вопросами, связанными с советским строительством. Однако конкуренция со стороны Главнауки и научно-технического отдела ВСНХ, а также отсутствие постоянных руководителей привели к тому, что и она через год распалась.

Ничего не получалось с подготовкой высшей партийной элиты. Так, например, Д. Б. Рязанов, который занимался со слушателями, смог «пройти» за год только 54 страницы «Капитала» [Там же, д. 19, л. 17]. «Люди сидели, почитывали, никто их не контролировал, занимались с ними плохо», – сетовал Е. А. Преображенский на общем собрании членов Социалистической академии 11 октября 1923 года. В результате было принято решение сократить срок обучения на курсах марксизма с двух лет до одного года.

Президиум академии собирался крайне редко, а отдельные его представители (Бухарин, Смирнов, Скворцов и Кон) на протяжении 1922–1923 годов не нашли времени для его посещения. Складывается впечатление, что вся работа академии заключалась в редких встречах триумвирата Покровского, Преображенского и Ротштейна. Отсюда и неутешительный вывод: «Деятельность академии весьма далека от ожиданий, которые существовали с самого начала ее существования» [Там же, л. 4].

Более ясные перспективы для будущей работы академии были определены в постановлении XII съезда РКП(б) «По вопросам пропаганды, печати и агитации» от 25 апреля 1923 года: «В теснейшей связи с необходимостью организованного противодействия влиянию в первую очередь на учащуюся молодежь со стороны буржуазной и ревизионистски настроенной профессуры следует в большей степени, чем в настоящее время, выдвинуть задачу оживления работы научной коммунистической мысли, сделав центром этой работы Социалистическую академию» [15, с. 710]. Некоторая ли-

берализация в экономике, явившаяся следствием нэпа, не должна была коснуться идеологической сферы. Более того, коммунистическая идеология, согласно этому постановлению, становилась обязательной не только для общественности: Социалистическая академия должна была «теснейшим образом связаться в своей работе с научно-исследовательской деятельностью различных учреждений и органов (вузы, комуниверситеты, наркоматы и т. п.), постепенно превращаясь в научно-методологический центр, объединяющий всю научно-исследовательскую работу» [15, с. 710].

Заведующий агитпропом ЦК РКП(б) А. С. Бубнов в своей речи на упомянутом собрании 11 октября 1923 года конкретизировал «научно-методические» возможности академии в борьбе с «бесконечным количеством уклонов, уклончиков», предложив «мобилизовать несколько товарищей специалистов и дать им задачу в десятидневный срок разгромить эту книжку» [7, ф. 350, оп. 1, д. 19, л. 32]. (Речь шла о книге Энгемента, ставшей популярной в то время.)

По-видимому, академики и сами уже смогли определиться с «настоящей полочкой», которую Академия должна была, наконец, занять. Для Н. М. Покровского стали совершенно ясными два основных аспекта ее дальнейшей деятельности. Это, во-первых, «борьба с влиянием буржуазной профессуры», вплоть до выпрямления «пуанкаризма» в преподавании высшей математики и идеологически-правильного рассмотрения теории А. Эйнштейна в курсе физики. Социалистическая академия должна была стать и методологическим центром для точных и естественных наук. Во-вторых, видный историк-марксист предлагал академии заняться «расколом» в собственной среде «марксистов и в рядах Коммунистической партии» [Там же, л. 5].

Таким образом, к 1924 году, когда закончился период международной изоляции страны и российские ученые смогли каким-то образом взаимодействовать с иностранными коллегами, уже была в общих чертах создана своя «оригинальная» система науки. В стране, где официальной идеологией был объявлен марксизм, предполагалось не признавать научные исследования, не опирающиеся на это теоретическое направление. Более того, Социалистическая академия превратилась в центр единообразного понимания и тол-

кования марксизма, в действительный «госплан науки», а журнал «Вестник Социалистической академии» – в один из ключевых органов идеологической борьбы и пропаганды в сфере науки.

1. *Кожевников А.* Первая мировая война, гражданская война и избрание «большой науки» // *Власть и наука, ученые и власть. 1880–1920-е годы* : материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003. С. 87–111.

2. *Перченков Ф. Ф.* «Дело академии наук» и «великий перелом» в советской науке // *Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР*. М., 1995. С. 201–235.

3. *Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925)* : сб. документов. Л., 1968.

4. *Об учреждении Научно-Технического Отдела при Высшем Совете Народного Хозяйства* // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* Управление делами Совнаркома СССР. № 61 от 24 августа 1918 г. Отдел первый. М., 1942. С. 827–829.

5. *Богданов А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л. ; М., 1925.

6. *Положение ВЦИК и СНК о Социалистической академии общественных наук* 25 июня 1918 г. // *Декреты Советской власти*. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. Т. 2. С. 469–478.

7. *Архив Российской академии наук (РАН).*

8. *Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В.* История коллекции документов последнего российского императора и членов его семьи (Новоромановского архива) в 1917–1919 гг. // *Отеч. арх.* 2006. № 8. С. 3–15.

9. *Преображенский Е.* Ближайшие задачи Социалистической Академии // *Вестн. Социал. акад.* 1922. Ноябрь. № 1. С. 7–9.

10. *Декреты Советской власти*. М., 1971. Т. 5. С. 71–72.

11. *Деятельность Коммунистической Академии при ЦИК СССР*. К десятилетию ее существования. М., 1928.

12. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*. 1917–1922. М., 1983. Т. 2.

13. *Ярославский Е. М.* Поднятие уровня партии // *Правда*. 1921. 28 авг. № 190.

14. *Удальцов А.* Очерк истории Социалистической Академии (1918–1922 гг.) // *Вестн. Социал. акад.* 1922. Ноябрь. № 1. С. 13–37.

15. *Двенадцатый съезд РКП(б)*. 17–25 апреля 1923 года : стеногр. отчет. М., 1968.

УДК 94(47).084.3 + 329(47 + 57)

И. А. Анфертьев

ПРАВЯЩАЯ РКП(б):
ОТКАЗ ОТ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА
И РОСТ ВЛАСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ
ПАРТИЙНОГО АППАРАТА
В УПРАВЛЕНИИ СТРАНОЙ в 1920-е годы

Анализируется деятельность Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) в условиях перехода страны от так называемой политики военного коммунизма к новой экономической политике в первой половине 1920-х годов. В результате исследования задач, поставленных партийному аппарату в 1920-е годы, определен главный приоритет правящей группы в ЦК – превратить единственную в стране партию в реальную властную структуру. Анализируются основные цели руководства партии, деятельность партийного аппарата, взаимоотношения центральных и региональных парторганов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Российская Коммунистическая партия (большевиков), аппарат Центрального комитета РКП(б), Политбюро ЦК РКП(б), управленческие структуры РКП(б), новая экономическая политика (нэп), социальный состав компартии.

К началу 1920-х годов применяемые В. И. Лениным и членами Политбюро ЦК РКП(б) в ходе гражданской войны силовые методы коммунистической диктатуры перестали себя оправдывать. В результате в основном бессистемного управления страной власть правящей партии в феврале-марте 1921 года оказалась на краю гибели. Основная проблема, которая для правящей партийной группы лежала на поверхности, заключалась в практически ничем не ограниченных правах как отдельных членов партии, так и партийных организаций различного уровня, а «процесс деформации партийных нравов» достиг «размеров, которые стали представлять опасность для дееспособности партии как руководящей силы общества» [1, с. 4]. К 1921 году практика доказала абсурдность утверждения Ленина о том, что страной в состоянии управлять 240 тыс. коммунистов [см.: 2, с. 313], в марте 1921 года их насчитывалось уже 732 521 человек [см.: 3, с. 514], однако из-за вседозволенности и некомпетент-

ности основной массы таких управленцев партию охватили разброд и идейные шатания, быстрый рост партийных рядов увеличивал число «примазавшихся», откровенных стяжателей, карьеристов, нечистых на руку новых ее членов [см.: 4, с. 72].

Усилилось социальное расслоение внутри партии, деление на партийных назначаемых чиновников, так называемых руководителей-назначенцев, представителей аппарата и рядовых коммунистов, по сути обделенных властными полномочиями, к тому же обязанных беспрекословно одобрять все решения руководящих органов. Плодились оппозиционные центру, избранному ЦК и даже Политбюро ЦК, как отдельные группы, так и региональные парторганизации. Доходило до того, что коммунисты активно участвовали в восстаниях против советской власти, выражали протест против политики центра. В частности, 5 апреля 1921 года кандидат в члены ЦК РКП(б), руководитель Центрального управления каменноугольной промышленности Донбасса Г. Л. Пятаков обратился к Политбюро ЦК с просьбой урегулировать конфликт с местными украинскими парторганизациями. Политбюро ЦК РКП(б) вынуждено было уступить требованиям руководства украинского ЦК, Пятакова обязали поехать в Харьков и выслушать обвинения в свой адрес [см.: 5, оп. 3, д. 146, л. 2], а впоследствии отозвать его из Донбасса.

К 1920 году участились и случаи массового выхода из партии [см.: 6, с. 185]. Коммунисты-крестьяне агитировали против городских членов партии, профсоюзные активисты выступали против своих членов партии из среды интеллигентов [см.: 7, с. 364]. Например, в августе 1920 года в Петрограде из-за внутрипартийных разногласий своими товарищами по партии были расстреляны 7 коммунистов, среди которых члены ЦК Компартии Финляндии. Разобраться и наказать участников конфликта первоначально было поручено комиссии в составе Н. В. Крыленко, А. А. Сольца и Ф. И. Карклина, однако затем была создана новая комиссия в составе Г. Е. Зиновьева и Ф. Э. Дзержинского под руководством В. М. Молотова. В результате Политбюро ЦК 12 октября 1922 года было утверждено решение комиссии Молотова по делу финнов: «признать, что тов. Сольц допустил с самого начала грубую ошибку во всей оценке финского дела», ЦК РКП(б) объявил ему выговор и снял с судеб-

ной работы. Объявлены выговоры Крыленко и Карклину за допущенную халатность; дальнейшее ведение дела поручалось Дзержинскому при участии Крыленко; как итог – «считать всех причастных к убийству членов финского ЦК вне партии, список представить в ЦК» [5, оп. 3, д. 317, л. 4, 10].

Избранные партийные руководители нередко уличались огромным числом своих соратников – добровольных партийных контролеров и соглядатаев – во мздоимстве, использовании служебного положения, протекционизме, поощрении взяточничества и бюрократизма. О том, что разложение достигло верхушки партии уже в 1919 году, свидетельствует создание при управлении делами Совнаркома РСФСР кооператива с характерным названием «Коммунист», сотрудники которого при заключении сделок ссылались на связи в высшем партийном руководстве, пользовались в коммерческой переписке бланками СНК. В принятом постановлении ЦК от 5 марта 1919 года было записано: «поручить Ленину выразить тов. Бонч-Бруевичу строгий выговор с предупреждением, что если повторится указанная деятельность, то он будет «удален от должности, кооператив закрыть... служащим следить» [5, оп. 65, д. 3, л. 2]. И все это происходило в стране, охваченной несколько лет голодом и разрухой, с преобладанием неграмотного населения, в стране, из которой эмигрировали или были уничтожены в кровавой братоубийственной войне ученые, инженеры, организаторы производства, сельские труженики.

В программе Коммунистической партии большевиков предполагалось построение как социалистического, так и коммунистического общества [8, с. 71–73]. Однако основной недостаток программного документа просматривается в сознательно упрощенной негативной оценке капитализма, отождествлении негативных его сторон с государственным устройством дореволюционной России. 1917 год в России рассматривался в партийных документах исключительно как следствие острого и всеобъемлющего капиталистического кризиса в мировом масштабе, за которым последует пролетарская революция сначала в Европе, а затем и в других государствах. На реализацию этих ожиданий были брошены практически все имеющиеся у партийного руководства государственные средства,

собираемые методами военного коммунизма. Отмена института частной собственности, ликвидация банковской сферы, национализация промышленных предприятий, реквизиции продовольствия привели к экономическому коллапсу, недовольство в стране нарастало. Однако и после провозглашенного в 1921 году отказа руководством РКП(б) от политики военного коммунизма в документах обосновывается неизбежность диктатуры пролетариата как основного условия строительства коммунизма в России; советская власть рассматривается как общенародная и одновременно – как форма пролетарской диктатуры [9, с. 130]. Много внимания уделено национальному, военному и жилищному вопросам; необходимости пролетарского суда; в то же самое время выдвигаются на первый план проблемы организации промышленности, сельско-го хозяйства, банков и денежного обращения, охраны труда и социального обеспечения.

Будущее коммунистическое общество видится руководству РКП(б) организованным, бесклассовым, в нем не должно быть места государству, правда, с оговоркой, что такое возможно только в «окрепшем коммунистическом строе, после полной и окончательной победы пролетариата, не особенно даже скоро после нее» [Там же, с. 55]. Сформулировано и определение пролетарского коммунизма (пролетарского социализма) как крупного товарищеского объединенного хозяйства [Там же, с. 58]. В основе таких взглядов лежали постулаты работы В. И. Ленина «Государство и революция», с той лишь разницей, что последний труд впервые был издан в конце 1917 года, когда существование советской власти находилось под большим вопросом, однако его автор уже тогда достаточно четко и однозначно сформулировал собственную цель, являющуюся одновременно и основной задачей всей Коммунистической партии: «пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле “налаживания” социалистического хозяйства» [10, с. 26].

Но в начале 1920-х годов в повестке дня для руководителей партии со всей остротой продолжал стоять вопрос о необходимости

определить новые подходы в государственном строительстве, социально-экономических преобразованиях в городе и на селе. На этот раз основную опору ЦК увидел не в партийной массе, а в аппарате партии. В связи с этим предстояли реорганизация и чистка партийных рядов [11, с. 167–177; 12, с. 65–78], возрастали требования к управленческим структурам РКП(б), усиливалось влияние партийного аппарата во всех сферах Советского государства [13, с. 137–138]. Исследование задач, определенных в этот период партийному аппарату, выявило главный приоритет правящей группы в ЦК – превратить единственную в стране партию в реальную властную структуру. Так, 2 февраля 1921 года при обсуждении на Политбюро ЦК тезисов Преображенского о Главполитпросвете и агитационно-пропагандистской работе партии было решено дополнить их положением о том, что задачей партии должно быть не столько расширение состава партии, сколько повышение ее качественного состава и проведение чистки партии [5, оп. 3, д. 128, л. 4]. Исключался из тезисов пункт о партийной неделе как средстве вовлечения в ряды партии новых членов, что в общем противоречило действовавшей Программе партии, в которой имелся пункт о том, что РКП(б) позиционирует себя как партия рабочего класса, вместе с тем зовет в свои ряды «все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата» [8, с. 73]. После X съезда партии, 18 марта 1921 года, Политбюро ЦК утверждает письмо к членам партии о необходимости восстановления порядка и дисциплины в местных партийных организациях [5, оп. 3, д. 138, л. 3, 7–9].

Приняты также и активные меры по проведению административно-хозяйственной реформы, кадровому обновлению основных государственных органов. 21 марта 1921 года по докладу М. П. Томского утвержден состав основных 12 наркоматов: внешней торговли, внутренних дел, просвещения, социального обеспечения, почт и телеграфов, здравоохранения, по иностранным делам, земледелия, юстиции, финансов, по делам национальностей, рабоче-крестьянской инспекции [5, оп. 3, д. 140, л. 2, 3]. 25 марта 1921 года Политбюро вынуждено было, из-за встреченного сопротивления в высшем управленческом слое партии и государства, подтвердить собствен-

ное решение от 21 марта, а комиссии при Президиуме ВЦИК поручал утвердить коллегии наркоматов в соответствии с постановлением VIII съезда Советов; вопросы о составе президиума ВСНХ, коллегий наркоматов путей сообщения, продовольствия, по военным и морским делам планировалось определить позднее [5, оп. 3, д. 141, л. 1, 2].

В тот же день на заседании Политбюро ЦК было одобрено предложение Ф. Э. Дзержинского о перерегистрации командного состава армии во всероссийском масштабе [Там же, л. 2], а также поручалось Л. Д. Троцкому и Ф. Э. Дзержинскому ознакомиться с предложением по учреждению общественной организации – политического клуба революционных марксистов [Там же, л. 4]. Уже на следующем заседании Политбюро ЦК, 29 марта 1921 года, его члены согласились с заключением Троцкого о том, что в теоретической области программа клуба представляется «ребяческим лепетом», к тому же во многом совпадает с задачами «рабочей оппозиции», но в отличие от последней выдвигает необходимость «соглашательства с крестьянством», что экономически и социально правильно, но чему программа придает «контрреволюционное политическое выражение», так как предлагает «диктатуру Коммунистической партии растворить в системе Советов». При благоприятном развитии событий клуб стал бы для многих мостом в РКП(б), но при длительных затруднениях, по мнению Троцкого, грозит «превратиться в политический центр, питающий и формулирующий все виды недовольства и протеста» [5, оп. 3, д. 143, л. 2]. Делиться властью, даже в отдаленной перспективе, как видим, высшее партийное руководство не собиралось. Взамен была принята другая форма выявления мнения рядовых членов партии, повышения общего уровня образованности – организация работы накануне XI съезда партии дискуссионных клубов. Но и она не принесла желаемых результатов, так как на этой почве участились склоки и выяснения личных отношений [6, с. 183–193].

Решительный и в достаточно резких формах переход правящей партии к новой экономической политике в советской и отчасти в постсоветской историографии связывают с причинами, которые, конечно же, влияли на смену курса. К ним можно отнести:

окончание в основном гражданской войны; намечаемое признание новой власти международным сообществом; необходимость восстановления промышленности; поиски компромисса с основной массой крестьянского населения страны; негативные последствия неурожая 1920 года и разразившегося в стране голода 1921 года. Однако переход к нэпу связан и с другими, менее исследованными обстоятельствами. В частности, попытки правящей партии экономически поддержать беднейшие слои крестьянства способствовали росту в этой среде иждивенческих настроений; преобразование в массовом порядке помещичьих усадеб после их экспроприации в совхозы выявило их повсеместную убыточность; ликвидация торговли как таковой и замена ее всеобщим распределением товаров и продуктов, т. е. карточной системой, обернулась стихийным «черным рынком» с гигантскими неконтролируемыми оборотами.

Однако помимо этого имелась и еще одна, пожалуй, основная, причина такого резкого разворота правящей партии к новой экономической политике. Дело в том, что в начале февраля 1922 года финансистами, в частности Г. Я. Сокольниковым [14, с. 223–242; 15, с. 131–134; 16, с. 58–61], Ленину были направлены сведения о том, что государственных резервов, исчисляемых в тот период в «золотых рублях», в наличии имеется только до конца 1923 года, а уже в 1924 году Советское государство может быть объявлено банкротом из-за невозможности оплатить международные обязательства, содержать внутри страны государственный аппарат, вооруженные силы, кредитовать промышленность и сельское хозяйство. В частности, размеры золотого фонда (золота, платины, иностранной валюты в банкнотах) на 1 февраля 1922 года составляли 267,1 млн руб., с учетом валютной выручки Внешторга за 1921 год в размере 9,0 млн руб. золотовалютные резервы составляли 276,1 млн руб. Из этой суммы до завершения 1922 года были запланированы обязательные расходы в сумме 104,8 млн руб. Таким образом, свободной наличности имелось 171,3 млн руб., в то время как в 1923 году планировалось потратить 150,0 млн руб.

Таким образом, свободный остаток на 1924 год составлял всего 21,3 млн руб. [17, с. 106–109]. Во многом именно это обстоятельство, о котором, кроме Ленина, знал ограниченный круг высших

партийных руководителей, способствовало «временному забвению» идеологических норм, закреплённых партийной программой, принятой в марте 1919 года [18, с. 71–92]. Выход виделся в том, чтобы партийный аппарат нацелить на решение конкретных задач нэпа. Например, в связи с финансовым кризисом в течение 1920–1921 годов в 2 раза было сокращено число государственных служащих и военнослужащих – с 6 до 3 млн [19, с. 247]. После обновления аппарата был составлен список личного состава сотрудников ЦК; утверждена схема взаимоотношений ЦК с местными парторганами [20, с. 8]; учётно-распределительным отделом ЦК проведена перепись ответственных партийных работников в июле 1921 года; в целом возросла и значительно усилилась роль секретариатов отделов ЦК.

Особые надежды в этот период возлагались на организационный отдел ЦК, который традиционно готовил очередные партийные съезды и конференции; занимался сбором и анализом информационной и статистической отчетности, оформлением единого партбилета; штатами партийных и комсомольских организаций, порядком их финансирования. В связи с введением нэпа орготдел в техническом отношении обеспечивал работу особого совещания ЦК о партийном влиянии в кооперации и совещания при орготделе в составе Залуцкого, Хинчука, Гаврилова, Крамарова, Падерина, Каминского; специальной комиссии о партработе в деревне в составе Молотова, Сталина, Залуцкого, Кубяка, Сосновского, Месяцева, Смирнова; Центральной проверочной комиссии по генеральной чистке партии 1921 года [20, с. 5].

В структуре орготдела имелся организационно-инструкторский подотдел ЦК, который учитывал так называемый командный состав правящей партии: составлял списки руководящих органов партии, советов, профсоюзов и комсомола; разрабатывал организационную схему построения парторганов; обобщал сведения о работе местных парторганизаций; готовил материалы к докладам на оргбюро ЦК секретарей ЦК и губкомов. Особое внимание придавалось анализу деятельности вновь избранного, а по существу назначенного к исходу 1921 года «командного состава» партии в регионах, о чем свидетельствуют данные, приведенные в табл. 1, 2, 3.

Т а б л и ц а 1

**Сведения о партстаже 50 секретарей губкомов РКП(б), председателей губисполкомов,
секретарей губернских советов профсоюзов (ГСПС) РСФСР***

	Партстаж							
	До 1904	1904– 1908	1910– 1914	1915 – февраль 1917	С 1917	1918	1919– 1920	Всего
Секретари губкомов		9	9	9	11	7	5	50
Председатели губисполкомов	До 1904	1904– 1909	До 1915	1915 – февраль 1917	С 1917	1918	1919– 1920	
	2	16	3	3	14	10	2	50
Секретари губернских советов профсоюзов (далее – ГСПС)	До 1904	1905– 1910	1911– 1914	1917	1918	1919	1920	
	3	6	2	10	9	10	6	46

* Составлено по: Известия Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 1922. № 1 (37). С. 6.

Т а б л и ц а 2

**Сведения о возрасте 50 секретарей губкомов РКП(б),
председателей губисполкомов, секретарей губернских советов
профсоюзов (ГСПС) РСФСР***

	Возраст, лет				
	До 25	До 30	До 40	Старше 40	До 50
Секретари губкомов	10	17	22	–	
Председатели губисполкомов	До 25	До 30	До 40	До 50	
	4	11	32	2	
Секретарь ГСПС	До 20	До 25	До 30	До 40	До 50
	1	8	9	26	3

* Составлено по: Известия Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 1922. № 1 (37). С. 6.

Т а б л и ц а 3

**Сведения о социальном положении
50 секретарей губкомов РКП(б), председателей губисполкомов,
секретарей губернских советов профсоюзов (ГСПС) РСФСР***

	Социальное положение				
	Рабочие	Крестьяне	Интеллигенция	Прочие	Всего
Секретари губкомов	12	12	19	7	50
Председатели губисполкомов	23	13	11	3	50
Секретари ГСПС	26	7	7	7	47

* Составлено по: Известия Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 1922. № 1 (37). С. 6.

Из приведенных в табл. 1–3 сведений можно предположить, что к исходу 1921 года обновленный после генеральной чистки местный партийный аппарат вполне способен к реализации указаний ЦК: больше половины секретарей губкомов (27 из 50) и почти половина председателей губисполкомов (24 из 50) имели дореволюционный стаж (табл. 1); практически все секретари губкомов не достигли 40 лет, а из председателей губисполкомов только двое перешагнули этот рубеж (табл. 2); по социальному положению почти половина секретарей губкомов и две трети председателей губисполкомов – рабочие и крестьяне (табл. 3). Показатели руководителей профсоюзных органов несколько ниже, но и их роль в реализации партийных директив, как показала практика, была менее важна. Главное достижение – среди председателей губисполкомов и секретарей губернских советов профсоюзов (табл. 2, 3) нет ни одного беспартийного.

В самом аппарате ЦК были введены ответственные инструкторы, в обязанности которых входило контролировать деятельность партийных органов трех-четырёх губерний, закрепленных за каждым из них, по аналогии в губкомах каждый из вновь избранных после чистки членов закреплялся за несколькими уездными парторганизациями, соответственно и члены укомов контролировали волостные парторганизации. В аппарате губкомов выделялся ответственный организатор и инструктор по губернскому городу, а члены райкомов закреплялись за парторганизациями объединений предприятий. В некоторых регионах создавались образцовые волостные комитеты, к которым прикреплялись ответственные работники; проводился обмен работниками по партийной мобилизации между советскими и фабрично-заводскими ячейками; назначались волостные и участковые парторганизаторы. В связи с формированием в регионах штатных органов контрольных комиссий на местах в партийных структурах ликвидировались конфликтные отделы, организовывались корреспондентские бюро, вводился учет беспартийных, выдвинутых на ответственную работу [см.: 20, с. 7].

Учетно-распределительным отделом ЦК была определена четырехступенчатая классификация при формировании кадрового состава партийных, советских и хозяйственных органов: 1. Централь-

ные политические органы: ЦК РКП, ИККИ, ЦК РКСМ; 2. Центральные профсоюзные органы: Профинтерн, ВЦСПС, ЦК союзов; 3. Центральные советские учреждения и кооперативные организации: СНК, ВЦИК, ВСНХ, СТО, Политуправление Красной армии, наркоматы: по иностранным делам, по делам национальностей, земледелия, внешней торговли, рабоче-крестьянской инспекции, продовольствия, внутренних дел, путей сообщения, просвещения, по делам национальностей, труда, здравоохранения, социального обеспечения, почт и телеграфов, юстиции, финансов, Главполитпросвет, Центросоюз, Центральное бюро национальных секций, верховный трибунал; 4. Обкомы партии и краевые бюро ЦК РКП (б): ЦК КП Украины, Центральное бюро Белоруссии, Юго-Восточное бюро, Туркестанское бюро, Сибирское бюро, Кавказское бюро, Уральское бюро, Дальневосточное бюро, Татарский обком, Крымский обком, Вотский обком, Чувашский обком, Башкирский обком, Киргизский обком, Марийский обком, Коми обком [20, с. 16].

Реорганизация по вертикали и значительное в итоге усиление роли партийного аппарата на все сферы государственного управления позволили правящей партии преодолеть кризис, способствовали превращению правящей партии в реальную властную структуру. Началом этого процесса, однако, следует считать декабрь 1919 года, когда по итогам VIII партконференции в уставе было закреплено положение о том, что партия строится «по территориальному признаку» [8, с. 202], низовые организации подчиняются по вертикали вышестоящим. Однако попытка Ленина и в целом правящей группы в ЦК установить в ходе гражданской войны в стране коммунистическую диктатуру исключительно силовыми методами, с привлечением к управлению государством всей массы членов партии себя не оправдала, необходимы были новые подходы в государственном строительстве, социально-экономических преобразованиях в городе и на селе, что повлекло за собой второй шаг – проверку и серьезную реорганизацию партийных рядов, а также обновление и укрепление управленческих структур РКП(б), рост влияния партийного аппарата на характер и содержание принимаемых управленческих решений.

По-прежнему остается открытым вопрос – планировал ли Ленин в действительности, на практике, как это им заявлялось в конце сентября – начале октября 1917 года в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» [2, с. 287–339], сформировать «господствующий класс» из социально неоднородной в политическом и экономическом отношении российской пролетарской массы, которая в крестьянской России была немногочисленной разобщенной социальной группой, во многом незрелой в политическом и отсталой в культурном отношении. В действительности «господствующим классом» оказалась партийная номенклатура, которая формировалась в том числе и за счет представителей пролетарской массы.

Вероятно, Ленин, оказавшись осенью 1917 г. в кризисной ситуации, сознательно, для достижения политической цели – захвата и удержания большевиками власти, исходя из тактических соображений, выдвинул положение о пролетариате как «господствующем классе» для привлечения на свою сторону народных масс. В этом случае, сознательно или нет, в своих трудах он упрощал «видение» государства, рассматривал его роль исключительно как угнетателя народных масс, намеренно «забывая» о том, что государство, если это действительно социальное государство, о котором мечтали и которое обещали построить большевики, в определенном смысле принимает немалые обязательства перед населением. В противном случае такое государство рано или поздно исчезает, на смену ему приходит новая форма государственного устройства, более отвечающая социальным запросам большинства граждан страны.

1. *Партийная этика* (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) / под ред. А. А. Гусейнова и др. М., 1989.

2. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 287–339.

3. *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК* : в 2 ч. Ч. 1 : 1898–1925. 7-е изд. М., 1953.

4. *Девятый съезд РКП(б)*. Март-апрель 1920 г. М., 1934.

5. *РГАСПИ*. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)).

6. *Протоколы* одиннадцатого съезда РКП(б). 8–16 марта 1921 г. М., 1936.

7. *Преображенский Е. А.* Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. / сост. М. М. Горинев. М., 2006.

8. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2 : 1917–1922. М., 1983.

9. *Бухарин Н., Преображенский Е.* Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии большевиков. Пг., 1920.

10. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1962. Т. 33. С. 1–120.

11. *Анфертьев И. А.* Первая генеральная чистка правящей Коммунистической партии: причины, итоги, последствия. 1920–1924 гг. // Вестн. архивиста. 2015. № 3. С. 167–177.

12. *Анфертьев И. А.* Руководство РКП(б) в условиях перехода к новой экономической политике: Центральная контрольная комиссия и «чистки» партийных кадров // Нов. ист. вестн. 2015. № 3 (45). С. 65–78.

13. *Николаевский Б. И.* Тайные страницы истории / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1995.

14. *Анфертьев И. А.* Возвращение Сокольникова // Возвращенные имена : в 2 кн. / сост. А. Проскурин. М., 1989. Кн. 2. С. 223–242.

15. *Анфертьев И. А.* Что бы ни поручали Г. Я. Сокольникову, он все делал на совесть // Г. Я. Сокольников и экономическая реформа 1924 г. М., 2011. С. 131–134.

16. *Анфертьев И. А.* Военно-политическая деятельность Г. Я. Сокольникова // Деньги, кредит, бюджет России: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию Г. Я. Сокольникова / МФЮА. М., 2014. С. 58–61.

17. *Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты : документы и материалы* / сост. Л. Н. Доброхотов, В. Н. Колодежный, В. С. Пушкарев. М., 2008.

18. *Восьмой съезд РКП(б).* Март 1919 г. : протоколы. М., 1959.

19. *Сокольников Г. Я.* Финансовая политика революции : в 2 т. М., 2006. Т. 1.

20. *Известия* Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 1922. № 1 (37).

УДК 94(47).084.3 + 329(47 + 57)

В. А. Бондарь

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТРАЛИЗМ И ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РКП(б) в 1917–1922 годах: МЕЖДУ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЕЙ И ДЕМОКРАТИЕЙ¹

Статья посвящена особенностям реализации принципа демократического централизма в партийном строительстве 1917–1922 годов. Согласно первоначальному замыслу большевистских лидеров он должен был учитываться при формировании как общества, так и партийного механизма в форме сочетания демократии и централизации. Первые мероприятия были направлены на максимально возможную реализацию марксистских идей в партийно-государственном строительстве, в том числе демократического централизма с выраженной демократической составляющей. Однако к 1921 году в организации и деятельности партийных органов стал преобладать централизм с параллельным сужением внутрипартийной демократии. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что этому способствовали компромисс между теоретическими установками и реалиями Гражданской войны и неоднозначность первых результатов эксперимента по строительству социалистического общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: партия, марксизм, демократический централизм, партийный комитет, принуждение, дисциплина, централизация.

После Октября 1917 года стала активно претворяться в жизнь идея о государстве как диктатуре большинства трудящихся над меньшинством прежних эксплуататоров в форме марксистского «государства-коммуны». Несмотря на предположительно временный его характер для воспитания трудящихся в духе коммунизма и подавления остатков сопротивления, отказаться от него вскоре после революции не представлялось возможным. Среди отличительных признаков пролетарского государства — формируемые из трудящихся коллегиальные выборные и сменяемые в любое время органы управления, концепция отсутствия привилегий для ответственных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

работников, демократический централизм. Понимание демократического централизма В. И. Лениным включало в себя как централизацию наиболее важных отраслей общества и государства в целом, так и развитие «не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели» [1, с. 152]. В первую очередь, принцип демократического централизма был положен в основу партийного строительства и закреплен в уставе партии еще до ее прихода к власти [2, с. 202].

В процессе формирования пролетарского общества и государства партии большевиков отводилась роль авангарда рабочей партии, которая должна «направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни» [3, с. 26]. Сразу после переворота состав и структура РСДРП(б) не вполне соответствовали данным задачам, поскольку ориентировались на организацию революции и подпольную деятельность. В действовавшем на тот момент уставе не была закреплена четкая и разветвленная иерархия, лишь выделены Центральный комитет и областные комитеты с дальнейшим образованием, в случае необходимости, районных и подрайонных комитетов. Для координации деятельности и принятия наиболее важных решений с оговоренной в уставе периодичностью созывались съезды и конференции как локальные (губернские, территориальные), так и ежегодный Всероссийский съезд. Также съезд избирал ЦК и контрольную комиссию, местные организации избирались на областных и районных (при наличии) конференциях. Области, как зоны ответственности областных комитетов, не имели фиксированных границ, они устанавливались на областных конференциях.

В результате РСДРП(б) в 1917 году представляла собой сеть бывших подпольных парткомов, которой предстояло перестроиться и приспособиться для реализации стоящих перед ней, как перед партией власти, задач. В рамках партийного строительства основной тенденцией было сочетание жесткой партийной дисциплины и внутрипартийной демократии (выборность большей части ответственных работников, коллегиальность управления в рамках

партийных органов, автономность местных организаций, широкие обсуждения вопросов партийной жизни на общих собраниях и партийных конференциях и др.).

Первоочередной задачей в 1917–1918 годах признавалось создание системы эффективного и приближенного к марксистским представлениям государственного управления [см.: 4, с. 181–182]. Первоначально мероприятия, направленные на реализацию этого замысла, соответствовали проекту народного самоуправления «государства-коммуны», описанной К. Марксом [см.: 5, с. 342–343]. Они включали в себя передачу всей полноты власти на местах Советам [см.: 6, с. 191–192], в деревне – крестьянам [см.: 7, с. 4–6], установление рабочего контроля на предприятиях [см.: 8, с. 30–31], создание рабочей милиции [см.: 9, с. 16], передачу власти в армии солдатским комитетам [см.: 10, с. 135–136] с формированием Красной армии и Красного флота [см.: 11, с. 271; 12, с. 331–335]. К марту 1918 года власть Советов распространилась на всю территорию страны, большей частью мирным путем (73 губернии из 91) [см.: 13, с. 60].

Параллельно шло развитие партийного аппарата. Его структура приближалась к существовавшему в то время административно-территориальному делению, стремясь охватить как можно большую территорию и контролировать основные органы власти и управления. По замыслу партийных руководителей, партийные комитеты будут влиять на местные Советы и другие управленческие структуры не напрямую, подменяя их деятельность собственными инструкциями и распоряжениями, а с помощью продвижения в них своих кандидатов, создания фракций и руководства их деятельностью. Такая возможность в отношении Советов обеспечивалась ростом влияния коммунистов в них, особенно на уровне губернии (с 52,4% до 90,3% состава в 1918 г.), и, в несколько меньшей степени, на уровне уезда (с 48,4% до 72,8% состава в 1918 г.) [см.: 14, с. 97]. Тем не менее, несмотря на прилагаемые усилия, организация управления в целом и партийной работы в частности оставляла желать лучшего. Об этом свидетельствуют выступления на VIII съезде РКП(б) об «отсутствии общих директив» [15, с. 28], необходимости партработников на местах брать «инициативу на свой страх и риск» [Там же, с. 26], решении вопросов от случая к случаю [см.: Там же, с. 28].

В 1918 году В. И. Лениным было подчеркнuto, что организация учета и контроля (т. е. управленческих функций в его понимании) отставала от процесса «экспроприации экспроприаторов» [4, с. 181–182]. Несмотря на декларируемую важность создания новой эффективной системы управления, ее формирование шло слишком медленно для того, чтобы решать имеющиеся проблемы с помощью административных механизмов. Поэтому силовое воздействие и единоначалие оставались необходимыми в государственном строительстве первых лет советской власти, что подчеркивалось и обосновывалось В. И. Лениным [см.: 4, с. 194–200]. Эта позиция расходилась с большевистскими представлениями о способах строительства социалистического государства и вызвала возражения у некоторых большевиков с дооктябрьским стажем, например, у председателя ВСНХ РСФСР и редактора «Правды» Н. Осинского: «Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит» [16, с. 5–6].

Начавшаяся в 1918 г. Гражданская война лишь усилила ориентацию системы власти на чрезвычайные меры. Рабочее самоуправление оказалось не столь эффективным в стране с огромным количеством проблем и в условиях, когда коммунистам необходимо было наладить систему государственной власти и одновременно противостоять вооруженному сопротивлению. В дополнение к местным органам власти и партийным организациям в регионы с наименьшим влиянием советской власти назначались подотчетные только ЦК комиссары. Также была создана система назначений и переводов партийных работников по распоряжению ЦК и губкомов. В предполагаемом «демократическом централизмом» сочетании демократии и централизации, на основании которого, согласно уставу, должны были функционировать партийные организации, большее значение получила централизация.

В первую очередь, дисциплина и принуждение (как одно из основных средств ее поддержания) распространялись на коммунистов, поскольку они были основной движущей силой преобразований. Гражданская война обусловила преобладание мобилизаций

и системы боевых приказов среди методов работы партийных органов. «Военно-командная форма пролетарской диктатуры» осознавалась как вынужденная необходимость [15, с. 189–190]. До половины от общего числа членов партии состояло в рядах Красной армии [см.: 14, с. 140, 158], красноармейцев активно принимали в РКП(б). Случаи перехода красных командиров на сторону врага способствовали усилению идеологической работы в войсках, реорганизации пропаганды и введению института политических комиссаров в воинских подразделениях. Тем не менее, переводы и мобилизации требовали значительной работы, в первую очередь организационной и учетно-кадровой, и способствовали концентрации контроля над партийными кадрами в ЦК и, в меньшей степени, в крупнейших территориальных парткомах.

В результате структура партийных организаций тяготела к максимально возможной централизации и бюрократизации, о которой говорили как о «возрождающемся бюрократизме» [15, с. 164], «чиновничьей иерархии» [Там же, с. 188]. Тем не менее, несмотря на укрепление организации в целом, партийные органы, особенно местные, испытывали множество трудностей из-за нехватки партийных кадров, продолжающихся боевых действий, недостатков в организации деятельности территориальных партийных органов [см.: 17].

С целью приспособить партию к решению текущих вопросов активизировалось партийное строительство. В частности, в 1918–1919 годах сформирована и закреплена в уставе иерархия партийных органов, включающая в себя ЦК, обкомы и приравненные к ним парткомы автономных образований, губкомы, укомы, волкомы и первичные организации (ячейки производственные, сельские, при учреждениях и т. п.) [см.: 18, с. 202–205]. Они избирались партийными собраниями и конференциями соответствующего уровня от Всероссийского съезда до общего собрания ячейки [см.: Там же, с. 202–205]. Кроме того, в губернских городах с разрешения губкома могли быть образованы подчиняющиеся ему же горкомы. Санкт-Петербургский и Московский горкомы были приравнены к губкомам [см.: Там же, с. 205]. На всех уровнях, кроме первичных организаций, вместе с партийным комитетом должна была

избираться контрольная комиссия, которая проверяла проводимые им мероприятия и расходование средств партийными органами.

В 1920 году в рамках дальнейшего укрепления партийного аппарата сформированы областные бюро ЦК, подотчетные только Центральному комитету РКП(б), которые координировали деятельность партийных организаций (прежде всего губкомов) на территории нескольких соседних губерний. Их создание по особому постановлению ЦК и отсутствие ревизионной комиссии при них были закреплены в уставе 1922 года [см.: 18, 577–578]. Кроме того, в том же уставе закреплялась практика утверждения кандидатур секретарей парткомов вышестоящим партийным органом.

Перестройка партийного аппарата сопровождалась изменением политики в отношении льгот ответственным работникам различных уровней. Несмотря на изначальную установку на выравнивание доходов с трудящимися [см.: 19, с. 955–957; 20, с. 228–235], уже в 1919 году они получали увеличенный размер жалованья и другие преференции [см.: 21, с. 488–489; 22, с. 84–85], хотя и с обязательством выплат повышенных членских взносов и отчислений в фонд взаимопомощи [см.: 18, с. 595–598]. В то же время у рядовых членов партии обязанностей было значительно больше, чем преимуществ, что неоднократно являлось причиной обострения конфликтов.

Тенденция укрепления партийной дисциплины и централизации сохранялась и в 1920–1921 годах. В частности, формировалась система учета и перераспределения партийных кадров, включающая проведение переписей сначала центрального аппарата партии, затем ответственных работников губернского и уездного масштаба (1919–1920), чистку партии в 1921 году. Следующим шагом стало проведение Всероссийской переписи членов РКП(б) в 1922 году. Эти меры способствовали улучшению управляемости и усилению контроля центральных парторганов над региональными парткомами и их ответственными работниками.

Централизация и построение бюрократической модели взаимодействия между партийными органами сопровождались сужением внутрипартийной демократии, что существенно отличалось от идеалов коллегиальных органов управления со сменяемыми и под-

отчетными трудящимся членами. Так, в 1921 году X съездом принята резолюция «О единстве партии», согласно которой была запрещена фракционность в рамках партии и обсуждение уже принятых партийных решений [см.: 18, с. 334–337], активно применялись переводы и понижения несогласных. С 1922 года партийные конференции и отчетность ЦК перед местными парткомами стали проводиться реже (раз в полгода вместо раза в три месяца и раз в два месяца вместо ежесемесной отчетности соответственно) [см.: 23, с. 195–196; 18, с. 510]. Политика партийного руководства вызывала непонимание и неприятие части коммунистов, что выразилось в формировании оппозиционных групп (например, децистов в 1919 г., «рабочей оппозиции» в 1920–1921 гг.) и было одной из причин массовых добровольных выходов из партии (до 10 % ежемесячно в ряде узлов в 1921 – начале 1922 г.) [см.: 17].

Проведение в жизнь идеологических установок сталкивалось с большими трудностями в формировании государства «диктатуры пролетариата», восстановлении экономики и других сфер жизни, для решения которых у марксизма не было готовых рекомендаций. Эти обстоятельства приводили к необходимости компромисса между требованиями коммунистической доктрины и необходимыми мерами для решения текущих проблем. Так, несмотря на выборность большинства должностных лиц и некоторую степень автономности территориальных парторганов, принцип «демократического централизма» в партийном строительстве 1917–1922 годов реализовывался со все большим преобладанием централистских черт. В частности, уменьшалась возможность отстаивать собственную точку зрения, при декларируемой выборности ответственные работники крупных региональных парткомов утверждались или назначались и перемещались вышестоящими парторганами. Кроме того, почти одновременно с мерами по уравниванию материального положения и ограничению должностных преимуществ была установлена система привилегий для ответственных работников и специалистов. Формируемый управленческий аппарат был связан с партией и ее ЦК. Хотя он не полностью соответствовал изначальным идеологическим установкам, но постепенно приспосабливался

к окружающей обстановке и преодолению возникающих трудностей, что позволило большевикам удержать власть и создать государство в сложнейших условиях послеоктябрьского кризиса.

1. Ленин В. И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1974. Т. 36. С. 127–164.

2. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 1 : 1898–1917. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983.

3. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

4. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 36. С. 165–208.

5. Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 17. С. 317–370.

6. Инструкция о правах и обязанностях Советов // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 191–192.

7. О земле : Декрет II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 4–6.

8. О рабочем контроле. Положение о рабочем контроле : Декрет ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 30–31.

9. О рабочей милиции : Постановление по Народному Комиссариату по Внутренним Делам // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 16.

10. Декрет о выборном начале и об организации власти в армии // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 135–136.

11. О рабоче-крестьянской Красной Армии : Декрет Совета Народных Комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 271.

12. О Социалистическом Рабоче-крестьянском Красном флоте : Декрет Совета Народных Комиссаров // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 331–335.

13. Земцов Б. Н. Дискуссия о сущности пролетарского государства в РКП(б) в 1919–1923 гг. // Известия Уральского федерального университета. Екатеринбург, 2016 № 2 (151). С. 57–68 (Сер. 2. Гуманитарные науки).

14. *История Коммунистической партии Советского Союза* : нагляд. пособие : в 4 вып. Вып. 2 : Март 1917 г. – 1925 г. 2-е изд. М., 1966.

15. *РКП(б)*. Съезд, 8-й. Москва, 1919 : протоколы. М., 1959.

16. *Осинский Н.* Строительство социализма // *Коммунист*. 1918. № 2. 27 апр. С. 5–6.

17. *Назаров О. Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в условиях НЭПа. М., 2002 [Электронный ресурс]. URL: http://scerpsis.net/library/id_3545.html (дата обращения: 18.05.2016).

18. *Коммунистическая партия Советского Союза* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983.

19. *О заработной плате рабочих и служащих в Советских учреждениях* : Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* С. 955–957.

20. *О тарифных ставках служащих и рабочих советских, общественных, частных учреждений, торгово-промышленных предприятий и кооперативов* : Постановление Народного Комиссара Труда // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г.* С. 228–235.

21. *Об оплате труда служащих и рабочих в Советских учреждениях г. Москвы и Петрограда* : Декрет Совета Народных Комиссаров // *Декреты Советской власти*. М., 1959. Т. 2. С. 488–489.

22. *О повышении заработной платы* : Постановление ВЦИК // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г.* С. 84–85.

23. *РКП(б)*. Конференция 8-я. Москва, 1919 : протоколы. М., 1961.

ПРОЕКТЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье осуществлена реконструкция разработанных на рубеже 1920–1930-х годов проектов социалистической модернизации сельского хозяйства: колхозно-кооперативного («ленинский кооперативный план»), совхозно-колхозного и аграрно-индустриального. Дана характеристика сформированного в результате форсированной коллективизации аграрного строя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модернизация, сельское хозяйство, проекты аграрного развития, ленинский кооперативный план, коллективизация.

Высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские хозяйства в ходе аграрной революции рубежа 1910–1920-х годов, акторами которой являлись крестьяне, были ликвидированы. Организационно-производственной основой сельского хозяйства страны стало индивидуальное крестьянское хозяйство, отличавшееся относительно низким уровнем товарности. Данная модель аграрного строя не соответствовала теоретическим представлениям большевиков, пришедших к власти в России в 1917 году. Они были убеждены, что социалистическая модернизация аграрного сектора экономики может быть осуществлена только на основе организации крупных сельхозпредприятий, которые, по мнению марксистских теоретиков, позволяли широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения, превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность.

Свои теоретические воззрения лидеры большевистского режима попытались реализовать на практике уже в первые годы своего пребывания у власти. Задача «организации крупного социалистического земледелия» была поставлена в повестку дня аграрной политики правящей партии в начале 1919 года [1, 1983, т. 2, с. 86]. В качестве основных форм социалистического сельского хозяйства большевики рассматривали так называемые советские хозяйства

(«крупные социалистические экономии») и коллективные хозяйства («добровольные союзы земледельцев для ведения крупного общего хозяйства»). Наиболее совершенным («последовательно-социалистическим») типом сельхозпредприятия считался совхоз.

Однако крестьянство не только положило конец классу помещиков, но и своим все возрастающим сопротивлением заставило большевиков отказаться от «военно-коммунистического» эксперимента и перейти к новой экономической политике. После перехода к нэпу обобществление аграрного сектора экономики отодвигалось на отдаленную перспективу. Считалось, что «мелкое» крестьянское хозяйство «еще долго» будет отвечать целям поступательного развития экономики страны. При этом ставилась задача объединения крестьянских хозяйств в различные виды быто-снабженческой, кредитной и производственной кооперации.

К середине 1920-х годов в качестве долгосрочной программы большевистской партии в аграрном вопросе сложился так называемый ленинский кооперативный план, в соответствии с которым наиболее оптимальным путем перехода крестьян к социалистическому хозяйству провозглашалась кооперация. Построение социализма в сельском хозяйстве, которое должно было занять длительное время, рассматривалось как развитие всех видов кооперации и постепенный переход от ее «низших» форм (потребительских, кредитных и «простейших» производственных кооперативов) к «высшим» (колхозам). Обязательным условием данного процесса называлась добровольность. Крестьяне на собственном опыте должны были убедиться в преимуществах крупного общественного хозяйства. В резолюции XIII съезда РКП(б) указывалось, что «кооперированное крестьянское хозяйство неизбежно будет терять свой индивидуальный характер, превращаясь в хозяйство коллективное» [1, 1984, т. 3, с. 234].

Получившие хозяйственную свободу российские крестьяне достаточно быстро восстановили посевные площади и поголовье продуктивного скота. Однако применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономической и политической прессинг привел к консервации мелкотоварности крестьянского хозяйства и замедлению темпов развития сельского хозяй-

ства. В конце 1920-х годов сталинское большинство в ЦК ВКП(б) пришло к выводу, что мелкотоварное аграрное производство стало препятствием на пути модернизации страны. XV съезд ВКП(б) в качестве основной цели партии в деревне поставил задачу «объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы» [1, 1984, т. 4, с. 299]. При этом речь шла не о немедленном переходе к форсированному колхозному строительству, а о его ускорении. Форсировать следовало вовлечение крестьянских хозяйств в простейшие производственные кооперативы, рассматривавшиеся в качестве «вернейшего средства постепенного перехода от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств» [Там же, с. 306].

Важная роль в социалистическом преобразовании аграрного сектора экономики отводилась совхозам, которые должны были превратиться «в образцовые крупные хозяйства социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества крупного общественного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств.

Выдвижение социалистической реконструкции деревни в текущую повестку дня актуализировало проблему определения оптимальной организационной схемы радикально перестраиваемого сельского хозяйства, которую также пришлось решать форсированными темпами. Итогом мозгового штурма стало появление концептуальной модели социалистического сельского хозяйства, условно определяемой нами как «совхозно-колхозная». Структурными частями модели являлись совхозы и колхозы, полностью вытеснившие индивидуальное крестьянское хозяйство из аграрной экономики. Колхозное производство на начальном этапе социалистической реконструкции превосходило по объемам совхозное. Данное соотношение должно было постепенно меняться в пользу «последовательно-социалистических» совхозов. В более отдаленной перспективе кооперативная форма собственности сливалась с общенародной (государственной), а колхозы фактически превращались в совхозы. Тем не менее совхозный сектор сельской экономики

с самого начала преобразований был призван вносить существенный вклад в валовое и товарное производство сельхозпродукции. Превосходя колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда, совхозы становились «локомотивами» аграрной экономики. При этом они должны были стать не только «крупнейшими сельскохозяйственными фабриками», но и оказывать окружающим колхозам организационно-хозяйственную помощь.

Существенный вклад в разработку вопросов организации совхозного производства внес А. В. Чайнов [2]. В конце 1920-х годов он был вынужден пойти на компромисс с системой «государственного коллективизма». По-прежнему весьма скептически относясь к перспективам колхозного строительства, Чайнов считал более приемлемой экономической формой организации сельхозпроизводства совхозы, которые позволяли широко внедрять средства механизации и агрикультурные новации. В предлагаемые организационные планы совхозов ученый включил новые способы использования техники: тракторные колонны, применение конвейерного использования системы машин (трактор, комбайн, грузовик), таборное выполнение работ, когда сельхозтехника, иногда с работниками, остается на ночь в поле и т. д.

Применительно к колхозам подобных организационно-производственных схем создано не было. Отчасти это было связано с убеждением, что они вскоре также превратятся в высокомеханизированные крупные специализированные сельхозпредприятия, возможно, продолжая уступать совхозам по размерам. Ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б) указал на необходимость строительства «крупных механизированных колхозов, которые должны использовать в своей технической организации опыт совхозов, постепенно превращаясь в подлинные социалистические предприятия, построенные на базе современной машинной техники и новейших научных достижений». В качестве одного из путей укрупнения колхозного производства в резолюции пленума назывались кустовые объединения колхозов или колхозных комбинатов, создаваемых «для совместного строительства предприятий, тракторных колонн и крупных машинных станций» [1, 1984, т. 4, с. 32]. Следует отметить,

что самостоятельные машинно-тракторные станции (МТС) не рассматривались теоретиками коллективизации как постоянно действующие структуры, а должны были функционировать лишь в условиях переходного периода, обслуживая мелкие колхозы. После их укрупнения техника МТС становилась составной частью материально-технической базы колхозного производства.

Взаимоотношения между государством и кооперацией и внутри кооперации должны были строиться на договорной основе. В качестве основного метода этих взаимоотношений и базовой формы организации колхозного производства предлагалась контрактация, представлявшая собой договор между колхозом и кооперативным союзом (колхозсоюзом). В соответствии с заключенным договором контрактанты обязывались произвести указанную в нем продукцию с соблюдением обязательных агротехнологических и зоотехнических приемов и поставить ее оговоренный объем коопсоюзу. Последний брал на себя обязательства проавансировать будущие поставки или предоставить в кредит материально-технические ресурсы, необходимые для ее производства (денежные средства, семена, орудия труда, агрономические и зоотехнические услуги и т. п.). Коопсоюз, в свою очередь, заключал договор с государством о поставке сельхозпродукции и получении в обеспечение поставок материально-технических и финансовых ресурсов.

Теоретические построения аграрников-марксистов и конкретные планы колхозного строительства не предусматривали возникновения личного сектора сельской экономики. В них лишь поднималась проблема степени обобществления имущества новоиспеченных колхозников, которая зависела от формы колхоза. Для коммун, которые провозглашались «высшей» формой коллективного хозяйства, предполагалось полное обобществление средств производства. Члены сельхозартели могли иметь приусадебный участок и мелкий скот. В ТОЗах в личной собственности мог оставаться рабочий скот. В перспективе же планировалось образование единой формы колхоза с максимальной степенью обобществления. О личных подсобных хозяйствах работников совхозов и прочих рабочих и служащих речи вообще не шло.

Организация крупных сельхозпредприятий, которая являлась целью и итогом социалистической реконструкции сельского хозяйства, позволяла широко внедрять в сельское хозяйство новейшие технические достижения (трактора с соответствующими орудиями, комбайны и другие уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т. п.), применять агрикультурные новации, в том числе минеральные удобрения, и за счет этого резко повышать производительность. Достигнутое за счет этого существенное наращивание валового и товарного производства сельхозпродукции должно было привести к многократному увеличению объемов и стоимости аграрного экспорта и таким образом обеспечить средствами ускоренное развитие тяжелой промышленности. В задачи колхозов и совхозов входило не только наращивание экспорта, но и обеспечивающее повышение материального благосостояния городского и сельского населения удовлетворение внутренних потребностей страны. Программа строительства крупных сельхозпредприятий индустриального типа позволяла поставить на повестку дня реализацию задачи перестройки села на урбанистических основах как одного из магистральных путей преодоления различий между городом и деревней.

Разбуженный XV съездом ВКП(б) полет футурологической мысли был неудержим. В конце 1920-х годов параллельно с оформлением основных положений совхозно-колхозной модели функционирования сельского хозяйства была разработана модель агропромышленной интеграции, предполагающая объединение сельхозпредприятий различных форм и перерабатывающих предприятий в единые хозяйственные комплексы. В качестве организационных центров подобных комплексов рассматривались совхозы. Ноябрьский (1929) Пленум ЦК ВКП(б) рекомендовал создавать совхозно-колхозные объединения «под общим руководством» совхозов «с согласованным хозяйственным планом, с общей технической базой (тракторные колонны, ремонтные мастерские и т. п.), с общими предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции (маслодельные, сыроваренные и льноперерабатывающие заводы, мельницы и т. п.)» [1, 1984, т. 4, с. 32].

Наиболее перспективной формой организационно-производственного комплекса в сельском хозяйстве признавался агро-индустриальный комбинат (АИК), представляющий собой объединение хозяйственных ячеек в виде совхозов, колхозов и перерабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и другой инфраструктурой. Центральное место в структуре АИКа занимал головной специализированный совхоз, который владел перерабатывающими предприятиями и базовыми элементами инфраструктуры. Комплекс, создаваемый вокруг крупного государственного перерабатывающего предприятия, определялся как индустриально-аграрный комбинат (ИНАК). Одной из целей создания комбинатов являлось преодоление сезонности сельскохозяйственного производства путем временного перераспределения работников между аграрными и индустриальными структурами. АИКи должны были также обладать развитой социально-культурно-бытовой инфраструктурой, основная часть которой сосредоточивалась в центральном населенном пункте комбината, фактически становящегося агрогородом.

Агро-индустриальные комбинаты должны были способствовать не только многократному наращиванию валовой и товарной сельхозпродукции. Они были призваны внести существенный вклад в решение краеугольных социально-экономических задач коммунистического строительства: слияния кооперативной и государственной собственности, превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, преодоления различий между городом и деревней. Один из теоретиков агропромышленной интеграции Я. П. Никулихин писал: «В перспективе мы, конечно, не будем иметь раздельно существование совхозов и колхозов. Мы будем иметь какую-то новую высокую форму предприятий, где промышленность и сельское хозяйство будут сливаться в прочном единстве». При этом «отойдет в прошлое грань, которая отделяла город от деревни» [цит. по: 5, с. 207–208].

К 1930 году сформировалось два ведущих центра разработки теоретических и практических вопросов аграрно-индустриального комбинирования: Аграрный институт Коммунистической академии в Москве и объединенная группа экономистов в Новосибирске

[см.: Там же, с. 207]. Результатом изысканий последних стал опубликованный в 1930 году Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края, согласно которому сельское хозяйство региона к началу 1940-х годов представляло собой систему агро-индустриальных комбинатов [см.: 6]. Всего на территории края предполагалось создать 173 АИКа. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился.

К середине 1930 года специалисты сельхозсекции Сибплана разработали несколько подробных проектов агро-индустриальных комбинатов, которые рассматривались как типовые. Так, ведущей специализацией Шипуновского АИКа (Рубцовский округ) должно было стать производство пшеницы. На ее отходах базировалось птицеводство. В севооборот в качестве пропашной культуры вводилась соя. Отходы ее переработки, сеяные травы, окультуренные сенокосы и естественные выпасы создавали кормовую базу для разведения крупного рогатого скота мясного направления. На менее продуктивных пастбищах развивалось шерсто-мясное овцеводство. Организационно АИК состоял из базового зерносовхоза, двух крупных колхозов, птицеводческого и овцеводческого хозяйств. На центральной усадьбе совхоза, расположенной на железнодорожной станции, располагались большое мельпредприятие, зернохранилище, маслоперерабатывающий (соевый) завод, холодильник, электростанция и ремонтный завод (отдельные мастерские строились и в колхозах). Первоначально проектируемая площадь земельных угодий комбината составляла 200 тыс. га. Впоследствии ее планировалось увеличить до 700–800 тыс. га, а число входящих в АИК колхозов – до 7. Были созданы также проекты Маслянинского льно-молочного (Новосибирский округ), Еланского молочного (Барабинский округ), Прокопьевского пригородного овощеводческо-молочного (Кузбасс) АИКов и специализирующегося на производстве мяса и шерсти совхозно-колхозного комбината в Горном Алтае [см.: 5, с. 263–264].

Однако сформированный в процессе форсированной коллективизации аграрный строй радикально отличался от принятых к реализации теоретических конструктов. Его организационно-производственной основой являлись колхозы, к которым в качестве

фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне. Колхозы, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой, функционировали на принципах самокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Как по своим размерам, так и по уровню механизации колхозы не стали «фабриками зерна, мяса и молока». Они обладали лишь простым конно-ручным инвентарем. Сложные сельхозмашины находились в МТС. Важной составляющей колхозной системы были личные приусадебные хозяйства. Совхозы отличались относительно высоким уровнем механизации и существенно превосходили колхозы по своим размерам. Однако они не стали, как это планировалось, ведущей организационно-производственной формой сельского хозяйства, а превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики.

Предпринятый большевистским режимом эксперимент не удался в силу противодействия ему со стороны крестьянства, традиционные ментальные основы жизнедеятельности которого не были учтены при разработке планов социалистической модернизации сельского хозяйства [см.: 6].

Колхозная система, ставшая неотъемлемой составной частью мобилизационной экономики, выполнила поставленные перед ней задачи тотальной мобилизации ресурсов для решения стоявших перед Советским государством геостратегических задач («сверхиндустриализации» страны в 1930-е годы, победы в Великой Отечественной войне, послевоенного восстановления народного хозяйства), но в то же время в силу неэффективности принудительного труда отличалась низким уровнем развития производительных сил. После смерти Сталина Н. С. Хрущев, взявший политическую власть в стране в свои руки, приступил к демонтажу аграрного строя сталинского социализма и его замене на совхозно-колхозную модель функционирования сельского хозяйства [см.: 7].

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983, 1984.

2. Никулин А. Чайновская версия коллективизации // Отеч. зап. 2004. № 1. С. 215–230.

3. Фигуровская Н. К. Агро-промышленные комбинаты в историческом развитии // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975. С. 206–214.

4. *Материалы* к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930.

5. Долголюк А. А., Ильиных В. А., Ламин В. А. и др. Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). Новосибирск, 2002.

6. Ильиных В. А. Коллективизация деревни: проекты и реальность // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 27–33.

7. Андреенков С. Н., Ильиных В. А. Аграрный вопрос в 1950-е гг.: выбор модели решения // Эконом. история. 2014. № 2. С. 80–90.

РЕВОЛЮЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: ИДЕИ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ И ИХ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОССИИ в 1917–1919 годах¹

В статье рассматривается развитие идеи коммуны и ее реализация в российской деревне в 1917–1919 годы. Установлено, что основным фактором появления коммун явилось административное вмешательство властных структур в вопросы землевладения и землепользования крестьян. На основе архивных данных доказано, что деревенское население в общей массе негативно отнеслось к искусственному насаждению коммун и не поддержало данную инициативу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сельскохозяйственная трудовая коммуна, российская Революция 1917 года, российские крестьяне.

Идеи равенства, справедливости и гармоничного существования всегда будоражили умы человечества. Создание коммунального хозяйства, основанного на совместном труде и быте, в разные исторические периоды вызывалось как внешними агрессивными (критическими, разрушающими) обстоятельствами, так и внутренней человеческой потребностью идеального мира, представления о котором формировались на религиозно-нравственной основе.

Развитие социалистических идей в XIX веке дает новый толчок к практической реализации представлений о справедливом распределении труда и капитала, свободе и равенстве. Одним из ярких идеологов и организаторов различного рода предприятий, основанных на совместном труде и проживании, был Роберт Оуэн. В своих произведениях он постарался максимально приблизиться к представлению об идеальной общине-колонии («деревне единства и взаимного сотрудничества» – в переводе Г. В. Плеханова), где организация труда и быта поселян ведет к формированию совершенного мира.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

В одной из своих работ Р. Оуэн так описывает идеальное совместное проживание и труд людей: «На участке, примерно в 480 дес. земли, помещается до 1500 человек, которые сообща работают в сельском хозяйстве и промышленных предприятиях, расположенных на участке. Каждый выполняет ту работу, которая наиболее соответствует его способностям. Изготовленные продукты поступают в распоряжение общины. Весь быт коллективизируется: устраиваются общественные столовые, кухни и т. д. Воспитание детей также носит общественный характер. С малых лет они поступают в ясли, детские сады, школы, где получают навыки и привычки совместной жизни и труда» [цит. по: 1, с. 13]. Особенностью теоретических разработок Р. Оуэна был тезис о мирном вращении новых производственных форм и отношений в капиталистическое тело через систему «убеждений и примеров». По его мнению, коммунальные общины, сочетающие в себе промышленность и земледелие, должны «перерасти и преодолеть капитализм в процессе длительного органического развития» [цит. по: Там же, с. 13, 25]. Позднее это положение вступило в противоречие с мнением таких видных европейских социалистов, как К. Маркс и Ф. Энгельс, настаивавших на невозможности сосуществования капиталистического общества и новых форм общежития из-за их изначального антагонизма.

В России в XIX веке наиболее ярким идеологом коммуны как социалистической ячейки с высоким обобществлением труда являлся Н. Г. Чернышевский. В его романе «Что делать?» была представлена идеальная картина рая на земле, где все трудятся и отдыхают по совести, где «нет ни воспоминаний, ни опасений, нужды или горя; здесь только воспоминания вольного труда в охоту, довольства, добра и наслаждения, здесь и ожидания только все того же впереди» [2, с. 293]. Эти идеи свободы в трудовой и частной жизни были наиболее популярны среди молодежи, что проявилось в создании коммун народников (например, в Санкт-Петербурге было около 10 подобных коммун, которые со временем распались из-за «убытия членов» и под давлением бытовых и организационных проблем), представителей богемы (организованное И. Н. Крамским «общежитие» молодых художников на Васильевском острове и Знаменская коммуна литератора В. А. Слепцова и др.) [см.: 3].

Примеры создания в России крестьянских трудовых сельскохозяйственных коммун до 1917 года носили единичный характер и чаще всего были связаны с необходимостью освоения новых территорий. Революция 1917 года и кризисная ситуация в народном хозяйстве, связанная с Первой мировой и Гражданской войнами, вызвали потребность у части населения в совместном аграрном производстве с высоким обобществлением собственности и труда.

Первые сельскохозяйственные коммуны появляются в конце октября – декабре 1917 года. Сведения по ним скудны, так как «в первых коллективах, созданных по инициативе самих трудящихся, не имелось необходимой документации, не были составлены еще уставы, отсутствовала связь с органами Советской власти. Будучи в основном земледельческими организациями, они вплоть до весны 1918 года не могли приступить к активной хозяйственной деятельности. Некоторые из них прекратили свое существование, не выдержав трудностей организационного периода» [4, с. 14].

Пришедшая к власти в октябре 1917 г. партия большевиков во главе с В. И. Лениным декларативно поддержала начинания с мест в соответствии со своими программными принципами. Согласно «Апрельским тезисам» в России должна была быть проведена конфискация всех помещичьих земель, национализация всех земель в стране, а также применен классовый принцип при «распоряжении землею». Кроме того, в этом программном документе было заявлено о требовании создания «государства-коммуны» («то есть такого государства, прообраз которого дала Парижская коммуна») [5, с. 113–118].

На законодательном уровне большевики по тактическим соображениям были вынуждены согласиться с проведением в жизнь принципов социализации земли, поддержанных большинством крестьян. Идея национализации, заложенная в программе партии, была реализована только в отношении некоторого числа помещичьих имений, на основе которых создавались советские хозяйства (совхозы). Что касается идеи классовой борьбы и социалистической революции в деревне, то уже в январе 1918 года был сделан шаг на пути к их реализации. В «Основной закон о социализации земли», принятый 18 января 1918 года III Всероссийским съездом

Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и утвержденный в окончательной редакции ВЦИК 27 января 1918 года, были внесены положения об особом статусе в Советской республике коллективных форм хозяйства, что включило механизм внешнего стимулирования. В ст. 11 ставилась задача «развития коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству». В ст. 35 было заявлено: «РСФСР в целях скорейшего достижения социализма, оказывает всяческое содействие (культурная и материальная помощь) общей обработке земли, давая преимущество трудовому коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным» [6, с. 416]. Кроме того, были созданы особые структуры для реализации этой программы – земельные отделы (земотделы) Советов.

11 апреля 1918 года Народным комиссариатом земледелия (Наркомземом) была разослана «Временная инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона “О социализации земли”». В ней говорилось, что земотделы Советов должны были немедленно выселить всех бывших помещиков и взять имения в свое ведение. При распределении земли предпочтение отдавалось трудовым сельскохозяйственным товариществам и коммунам [см.: 7, с. 23].

Реализация данной инструкции оказалась в полной зависимости от деятельности местных властей. Однако в большей степени на этот процесс повлияла активная позиция крестьянства в осуществлении их представлений о справедливости в условиях «архаизации общественного сознания», вызванного политическим кризисом и «функциональным рассогласованием вновь созданных властных структур» [8, с. 234].

Еще до официального санкционирования крестьяне Европейской части России начали «черный передел», уничтожив помещичье землевладение, вернув в состав общинных земель большую часть хуторских и отрубных земель и укрепив уравнительное землепользование [см.: 9, с. 20]. Так, в Пензенской губернии «уже в июне 1917 г. власти вынуждены были констатировать практически полную реализацию утопической программы крестьян» [8, с. 241]. В Ярославской губернии земли небольших помещичьих имений

были подвергнуты «распределению между беднейшим крестьянством», «безземельными солдатами, пришедшими с фронта», живой и мертвый инвентарь – «между неимущими» [10, оп. 5, д. 8, л. 15, 15 об.]. Во Владимирской губернии, по данным А. Н. Усатовой, еще до принятия закона «О социализации земли» «скот отдельных частновладельческих имений был расхищен крестьянами соседних селений» [7, с. 31].

Процедура ликвидации бывших помещичьих имений весной-осенью 1918 года чаще всего характеризовалась отсутствием строгих и точных указаний для местных земельных отделов и массовыми хищениями: «Бывшие прекрасно оборудованные здания бывших помещичьих домов превращались в голые стены, а кое-где и самые стены начинали разбираться и увозиться» [10, оп. 5, д. 8, л. 4]. Созданные на этих землях коммуны изначально испытывали очень серьезные трудности. Еще большие невзгоды претерпевали члены коммун, организованных на надельных землях. Главным последствием могли стать нехватка продовольствия, одежды и обуви, которые, наряду с недоброжелательным отношением окружающего населения, спорами внутри коллектива, отсутствием добросовестности и трудовой дисциплины, нерадивым отношением к имуществу, были главными причинами распада коммун.

Коммунары часто являлись представителями беднейшего крестьянства, рабочего класса, мастеровых или ремесленников, не имеющих необходимого живого и мертвого инвентаря для обработки земли. Иногда у них отсутствовали или были слабыми навыки земледелия, также среди них встречались и лица с малым стремлением к труду. В. В. Гришаев отметил, что, «как правило, в коммуны наиболее охотно шли многодетные крестьянские семьи с неблагоприятным соотношением трудоспособных и иждивенцев, которых сама жизнь, безысходная нужда и нищета ставили на путь коллективного хозяйствования» [4, с. 23]. О коммуне «Искра» Нижегородской губернии в декабре 1918 года сообщалось: «Нет обстановки, спят на полу, нет ни скамей, ни стульев. Жизнь по обстановке нищенская» [10, оп. 5, д. 8, л. 87]. Из Ярославской губернии: «Организована коммуна при фабрике бывшего князя Гагарина; состав этой коммуны чисто пролетарский, члены большей частью фаб-

рично-заводские служащие; у них нет ничего, они только привились к сырой земле» [10, оп. 5, д. 8, л. 19].

Красноречиво характеризует ситуацию письмо председателя коммуны Калужской губернии З. Семенова от 27 ноября 1918 года: «Темное и неразвитое крестьянство нам грозило ссорами, угрозой виселицей и даже некоторые служители совета грозили разганами, и мы ни с чем не считались... Но вот пришел конец и нашему терпению. Вышли у нас все продукты питания, я лично не стал бы просить, а умер без ропота. Но жаль детей, первых детей социализма, которые как никто скоро его воспринимают. Мы голодаем и только получаем из местного комбеда муку и больше ничего, нет картофеля, соли, керосина, спичек» [Там же, оп. 4, д. 23, л. 5].

Стоит отметить, что были и «состоятельные» коммуны, сформированные с помощью местных властей или самостоятельно местными жителями в помещичьих имениях, сохранивших обстановку и инвентарь. Но и здесь крестьяне пытались провести в жизнь свое представление о справедливости. Так, Первый съезд коммун Козловского уезда Тамбовской губернии постановил 20 декабря 1918 года: «все имения, не исключая и высококультурных и богатых экономий, не должны пользоваться исключительными привилегиями и преимуществами перед бедным и отсталым, ввиду чего богатые коммуны должны делиться имуществом с бедными и открыть в свою среду широкий доступ всем желающим, отвечающим требованиям положения и инструкциям о коммуне, вступать в нее, дабы сравнять в материальном отношении существующие коммуны и поставить в равные условия членов их» [Там же, оп. 5, д. 8, л. 90].

Анализ архивных источников показал, что отношение основной массы крестьянского населения к коммунаам было если не негативным, то, как минимум, настороженным. На съезде волостных земотделов Могилевской губернии 25–26 февраля 1919 года сообщалось: «Крестьяне настроены не в пользу коммунальной и артельной обработки земли, а стоят за единоличное хозяйничание; ссылаясь на то, что отец с сыном в одном хозяйстве не уживаются и, в конце концов, делятся, а ... коммунары друг другу чужие и не равные по рабочей силе. Работники (агитаторы. – О. С.) нужны, т. к. крестьяне, несмотря на указанное настроение, все же ждут чего-то

свыше». Из Новгородской губернии 28 ноября 1918 года сообщалось: «Местное население недоброжелательно относится к коммуне»; из Смоленской губернии 17 мая 1918 года: «Замечается враждебное отношение окружающего населения, заключающееся в потраве лугов и распространении про коммунаров вообще всяких вздорных слухов»; из Ярославской губернии 14 ноября 1918 года: «Дело насаждения коммун продвигается очень туго», «население к коммунальной обработке земли относится антипатично. Необходима усиленная агитация»; из Нижегородской губернии 3 сентября 1919 года: «Коммуна “Возрождение” должна была распасться благодаря злостному отношению местного населения (угрозы поджогов, убийств и проч.) к коммунарам» [10, оп. 5, д. 8, л. 7, 24 об., 40, 45, 97, 104]. Значительную роль в неприятии коммун в деревне сыграло негативное отношение к ним женского населения, а также активное участие некоторых коммунаров в деятельности комбедов.

Несомненно, в целом такая ситуация была вызвана несоответствием принципов создания и функционирования коммун традиционным представлениям о справедливом землевладении и землепользовании, а также особенностями крестьянского быта и семейного уклада. Крестьяне не только обсуждали новые формы коллективного хозяйства, но и активно противодействовали их внедрению, отстаивая при этом свои интересы. Так, из Смоленской губернии в мае 1918 года сообщали о претензиях крестьян соседних селений на сохранение пользования бывшими помещичьими сенокосами и пашнями, переданными коммуна, которые ранее были самовольно захвачены и использовались крестьянами. Ольховская коммуна сообщала: «Отношения с крестьянами почти мирные, за исключением деревни Погуляевки, которая, во-первых, засеяла вспаханные нами десятины и, во-вторых, грозит не дать нам покосу». Починковская коммуна отмечала «претензии соседних граждан, пользовавшихся покосом в прошлом году в имении, и на этот год, при этом выставляют циркуляр № 312², при каком положении вещей коммуна остается без корма для скота» [Там же, л. 45 об.].

² Циркуляр, согласно которому на текущий хозяйственный 1918 год сохранялось право крестьян на обработку и сбор урожая с ранее самовольно захваченных земель.

Для поддержки хозяйственных объединений (коммун, артелей, товариществ), ориентированных на совместную обработку земли, Советское правительство с лета 1918 года начинает их систематическое финансирование через выдачу ссуд, с преимущественным правом коммун на их получение. Решением Советского правительства 3 июля 1918 года было ассигновано 10 млн руб. для расширения материальной базы коллективных хозяйств, 3 августа – 50 млн. В ноябре 1918 года декретом СНК был образован специальный фонд в размере 1 млрд руб. для содействия организации новых коммун и помощи в хозяйственном развитии и укреплении существующих [см.: 7, с. 74, 75].

При поступлении средств на места чаще всего они тратились не на расширение производственных мощностей и приобретение орудий труда, а на бытовые нужды: приобретение продовольствия, одежды, постройку и ремонт общего дома. Во многом это было обусловлено объективными внешними и внутренними обстоятельствами. В 1918 году В. И. Ленин признавал, что «экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств *нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий* (курсив наш. – О. С.)» [11, с. 71]. На наш взгляд, это положение можно отнести к общей ситуации в деревне Центральной России, где формировались первые коммуны, на которые возлагались несопоставимые с их возможностями задачи.

При продвижении идеи коммунального хозяйства использовался и административный ресурс. Из Курской губернии 5 декабря 1918 года сообщали: «Председатель Корочанского исполнительного комитета Кашников указал (на волостном съезде сельскохозяйственных коммун. – О. С.), что когда будут организовываться коммуны и артели к ранней весне, то им будет даваться земля в первую очередь в самых удобных местах, а те богатеи, которые не будут идти с бедняками рука об руку и не будут работать с ними на коммунальных началах, то земля им будет отводиться в самых неудобных местах» [10, оп. 5, д. 8, л. 53]. Из Нижегородской губернии 3 июля 1919 года сообщалось: «В сентябре 1918 г. из Наркомзема

прислано законоположение о коммунах и другие материалы по коммунах. Было определено указано организовывать коммуны и отводить им участки земли во что бы то ни стало». Правда, не всегда эта установка центра срабатывала. В том же документе отмечалось: «Между тем сверху указания были только насаждать коммуны. Крестьянин-средняк, да и бедняк с их собственнической психологией туго идут в коммуны» [10, оп. 5, д. 8, л. 62]. Речь идет о том, что, помимо коммун, существовали иные формы коммунального хозяйства: артели и товарищества по совместной обработке земли (ТОЗы), создание которых не форсировалось властью.

Общее число коммун, образованных в первые годы советской власти, и число жителей страны, вовлеченных в этот процесс, было незначительно. Количество данных предприятий не всегда можно точно подсчитать в силу совпадения этого процесса с гражданской войной, небольшими сроками существования большинства коммун, сложностями в документообороте. В книге В. В. Гришаева представлены четыре варианта наиболее корректных показателей по 1918 году: 950, 676, 1181 и 1375 коммун³ [см.: 4, с. 35–36]. Коммуны в основном были по 5–20 семейств (20–100 человек), преобладали же коммуны от 7 до 12 хозяйств (данные по Владимирской губернии) [см.: 7, с. 91]. В Воронежской губернии на 25 июня 1919 года было 27 коммун, в среднем на каждый коллектив приходилось по 11 семей и 47,7 человек (подсчитано нами. – О. С.) [10, оп. 4, д. 88, л. 2]. Данные по Смоленской губернии демонстрируют существование коммун из 3–7 семей как норму [10, оп. 5, д. 8, л. 45, 45 об., 46, 46 об.].

Мотивы, побуждавшие крестьян к вступлению в коммуны, были многообразны. И. А. Конюков в 1923 году в книге «Трудовые земельные коммуны и артели» указал, что «коллективное движение – результат весьма сложного комплекса субъективных факторов

³ Данные приведены в следующих работах: Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.): документы и материалы. М., 1954. С. 512 (цифры по 26 губерниям); Ист. архив. 1960. № 5. С. 183–184 (цифры по 168 уездам); *Першин П. Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Кн. 2. С. 512–515; *Гришаев В. В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России, 1917–1929. М., 1976. С. 35–36 (цифры по 34 губерниям).

и объективных условий». Он выделил 2 группы причин: мотивы хозяйственного порядка и стремление к получению тех или иных хозяйственных выгод. В их состав входили осознание выгоды коллективных форм хозяйства, необходимость введения улучшенных технологий, избавление от чересполосицы, дальнеземелья и малоземелья, помощь от государства, желание сохранить свое имущество в рамках коммуны [см.: 12, с. 79]. Реальность, однако, была гораздо многограннее и спектр мотивации шире. С мест порой сообщали: «Мы видим, что в коммуну идут, но исключительно преследуя цель лентяйства, т. е. они надеются на опеку государства, а сами ничего не делают. Если поглубже всмотреться в структуру коммуны: в состав входит и кулак, и поп, и полицейский; на местах допускают в состав коммуны ее инициатора, который может быть помещик или кулак» [10, оп. 5, д. 8, л. 24 об.]. Подобные коммуны позднее ликвидировали как несоответствующие коммунистической идее.

Таким образом, рассмотрев общие тенденции в развитии идеи коммуны и ее реализации в Советской России в 1917–1919 годах, необходимо констатировать преобладание административного фактора в их формировании. Часть коммун была организована самостоятельно из числа деревенских или городских жителей, превалирующими причинами являлись желание повысить свой материальный статус и (или) желание выжить и не умереть с голоду (обеспечить себя необходимым продовольствием). Число коммун в этот период было незначительно как по количеству самих объединений, так и по числу их членов. Большая часть коммун к 1920 году распалась либо была ликвидирована в результате перерегистрации коллективных хозяйств из-за несоответствия их деятельности уставным документам.

1. *Линтварев В.* Очерки из истории кооперации. Был ли Р. Оуэн кооператором. Л., 1926.

2. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? М., 1957.

3. *Зеленинова В.* Коммуны: история рая // Клуб «Моя планета»: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.moya-planeta.ru/travel/view/kommuny_istoriya_gaya_10690/ (дата обращения: 30.08.2016).

4. *Гришаев В. В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России, 1917–1929. М., 1976.

5. Ленин В. И. Апрельские тезисы (О задачах пролетариата в данной революции) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 31. С. 113–118.

6. Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 407–419.

7. Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир, 1961.

8. Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007.

9. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015.

10. РГАЭ. Ф. 478 (Народный комиссариат земледелия РСФСР).

11. Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии.

12. Гришаев В. В. История сельскохозяйственных коммун: Итоги изучения, проблемы. Красноярск, 1986.

ПРИРОДООХРАННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается процесс складывания государственной экологической политики в России – СССР, основополагающие принципы и механизмы реализации на различных этапах развития страны. В процессе изучения правовых, экономических и административных аспектов экологической политики Советского государства автор приходит к выводу об ее противоречивости и незначительной эффективности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экологическая политика, природоохранное законодательство, охрана окружающей среды.

Особенности экологической политики неразрывно связаны со спецификой экономического, социального, политического и культурного развития общества. Революция 1917 года, гражданская война и интервенция приостановили активный процесс становления природоохранной политики, но не прекратили его. Советская государственная политика в сфере охраны природы и природопользования основывалась на следующих принципах:

- 1) научно обоснованное использование природных ресурсов, соблюдение научно-технических правил при их эксплуатации;
- 2) комплексный подход к природопользованию;
- 3) непримиримость к расхитителям природных богатств.

Именно эти принципы были положены в основу природоохранного законодательства. В 1920-е годы появилось множество документов, предписывающих проведение лесовосстановительных работ, выделение водоохранных лесов, охрану особо ценных природных объектов, регламентирующих лесопользование и другие виды деятельности. К основополагающим законодательно-нормативным документам относятся:

– декрет «Об охране памятников природы, садов и парков» (1921), которым разрешалось заповедниками и национальными

парками объявлять участки природы, представляющие собой научную и культурно-историческую ценность;

– постановление Совета труда и обороны «О борьбе с засухой» (1921), которое предписывало Наркомату земледелия принять экстренные меры по борьбе с засухой путем лесоразведения;

– «Правила производства охоты, ее сроки и способы» (1922), способствовавшие образованию Всероссийского производственного союза охотников, учреждению Центрального управления по делам охоты (Центрохоты) Наркомзема и его местных органов (Губохоты);

– Лесной кодекс РСФСР (1923), содержащий 7 разделов и 73 статьи;

– декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (1924), на основе которого разработана соответствующая инструкция «Об учете и охране памятников природы», организованы первые заказники;

– декрет «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное и культурно-историческое значение» (1925) (СУ РСФСР, 1925).

Однако социально-политическая ситуация в стране не позволяла воплощать в жизнь эти полезные документы, а обнищание народа не способствовало бережному отношению к природе. В то же время запустение значительных территорий, вызванное гражданской войной и вынужденными миграциями населения, иногда способствовало сохранению и даже восстановлению ресурсов живой природы в отдельных районах страны.

Среди основных проблем, стоявших перед государственной властью в сфере обеспечения рационального использования ресурсов и охраны окружающей среды, наиболее важной была проблема создания государственных природоохранных органов и координации их деятельности. Первоначально правительство пошло по пути создания специальных органов в рамках соответствующих отраслей природопользования. Так, в 1918 году были организованы Главное управление по рыболовству и рыбной промышленности и Центральное управление лесов России. В 1919 году по постановлению ВСНХ создан Центральный комитет водоохранения, в задачи которого входила охрана водоемов от загрязнения про-

мышленными и бытовыми сточными водами. Тогда же была создана Временная комиссия по охране природы, преобразованная сначала в Научный комитет, а затем в Государственный комитет по охране памятников природы, действовавший в рамках Главного комитета по делам музеев Народного комиссариата просвещения [см.: 1, с. 10]. Такое решение было обусловлено тем, что Наркомпрос оказался единственным ведомством, экономически не заинтересованным в эксплуатации ресурсов, и в то же время осознававшим необходимость научного изучения природы. По закону «Об охране памятников природы, садов и парков» от 16 сентября 1921 года вся ответственность за охрану природы возлагалась на Наркомпрос и, в частности, на Главный комитет по делам музеев.

Государственный комитет по охране памятников природы в начале 1920-х годов осуществлял руководство природоохранными мероприятиями и координировал деятельность местных природоохранных органов. Основным направлением деятельности комитета стало создание и развитие заповедников с целью научного изучения природы. В связи с отсутствием бюджетного финансирования и трудностями НЭПа работа по созданию системы охраняемых территорий шла медленно. Местные органы власти, как правило, не проявляли заинтересованности в создании и развитии заповедников, а население, особенно крестьянское, часто препятствовало этому. По выражению Д. Вайнера, над природой нависла новая опасность со стороны «анархической и бунтующей деревни, взбудораженной революцией» [2, с. 40]. Чрезвычайно низкий уровень культуры населения стал одним из факторов, препятствовавших охране природы в этот период.

Важным шагом в создании системы охраняемых территорий стало издание ВЦИК в 1925 году закона «Об охране участков природы и ее отдельных произведений, имеющих преимущественно научное или культурно-историческое значение». Народному комиссариату просвещения поручалось создать новое природоохранное учреждение – Государственный межведомственный комитет по охране природы с целью «упорядочения и управления политикой различных комиссариатов и правительственных учреждений, относящейся к охране природы» [2, с. 90, 335]. В него вошли представи-

тели Наркомата просвещения, Госплана, Наркомата финансов, Наркомата здравоохранения, НКВД, Академии наук, Российского географического общества. За комитетом были закреплены следующие функции:

- 1) формирование общей политики в области охраны природы и контроль за ее реализацией;
- 2) контроль за природопользователями, разработка рекомендаций по изменению характера природопользования в случае необходимости;
- 3) пресечение нарушений природоохранного законодательства.

Таким образом, Государственный межведомственный комитет по охране природы стал одним из первых специализированных органов в области охраны окружающей среды, полномочия которого не ограничивались охраной отдельных территорий. Данный факт свидетельствует о признании Советским государством значимости экологических проблем.

Одним из основных недостатков Госкомитета по охране природы было то, что он подчинялся Наркомату просвещения, а не СНК напрямую. Недостаточное финансирование и отсутствие поддержки деятельности комитета на местах усложняло процесс принятия решений и затрудняло работу по формированию экологической политики Советского государства. Вскоре комитет был реорганизован, а затем ликвидирован.

В то же время по инициативе Госплана создавались межведомственные комиссии, в состав которых входили представители Наркомата просвещения (Главнауки), советских органов, землеуправлений, местных союзов охотников и рыболовов и других организаций. Задача комиссий – объединять работу различных ведомств и учреждений, вырабатывать общие решения, касающиеся проблем охраны природы [см.: 3, с. 21]. Однако сделать это было практически невозможно, так как природоохранные функции фактически были рассредоточены между различными ведомствами, что приводило к противоречиям и конфликтам между природопользователями.

Значительный вклад в процесс формирования государственной политики природопользования и охраны окружающей среды внесли представители научной и педагогической элиты. В непрос-

тые для страны годы они не только пропагандировали экологические знания, но и принимали участие в разработке законодательства Советской России, способствовали созданию Центрального бюро краеведения, Всероссийского общества охраны природы и ряда государственных комитетов и комиссий [см.: 1, с. 13–14]. Учрежденное в 1924 году Всероссийское общество охраны природы (ВООП) со временем стало массовой организацией, которая внесла большой вклад в дело воспитания бережного отношения к природе, привлечения населения к охране, рациональному использованию и восстановлению природных ресурсов.

Со второй половины 1920-х годов начался новый этап в экологической политике государства, который продолжался вплоть до начала 1950-х годов. Индустриализация набирала обороты, быстрыми темпами строились промышленные предприятия металлургического, химического, машиностроительного, лесохимического профиля, осваивались новые территории. Как правило, эти процессы происходили без учета влияния народного хозяйства на окружающую природную среду, что обусловило появление целого ряда экологических проблем в регионах.

Смена приоритетов в государственной экологической политике проявилась в закрытии ряда заповедников, прекращении научных исследований по экологической тематике, критике ученых-экологов и общественных организаций.

Изменения затронули и систему специальных природоохранных органов: Государственный комитет по охране природы в 1930 году был преобразован в Межведомственный комитет содействия развитию природных богатств в РСФСР, а в 1933 году – в Комитет по заповедникам при Президиуме ВЦИК, что повлекло за собой сокращение полномочий и изменение функций комитета, а также способствовало утверждению ведомственного подхода в сфере охраны природы.

Обострение проблем, связанных с бесконтрольным, хищническим природопользованием, привело к тому, что специалисты и общественные деятели стали обращаться с предложениями по охране природы в правительство Советской России: они выступали против бессмысленного разрушения природы, происходившего

в период индустриализации и призывали к использованию научных методов изучения природных ресурсов с целью их дальнейшего использования [см.: 2, с. 62–63]. Практически на всех зоологических и ботанических съездах 1920-х – начала 1930-х годов высказывалось мнение о необходимости более строгой политики в области охраны окружающей среды. Тогда же ученые стали обращать внимание на проблему промышленного загрязнения, которое является следствием активного индустриального освоения и модернизации [см.: Там же, с. 163].

На IV Всероссийском съезде зоологов в мае 1930 года было заявлено об «исключительном значении» экологии с практической и теоретической точки зрения. Подчеркивалось, что экология должна занять надлежащее место в программах высших учебных заведений, особенно сельскохозяйственного и педагогического профиля [см.: Там же, с. 244].

Первые признаки нарушения экологического равновесия имели локальный характер и проявлялись в основном в городах, особенно там, где не было налажено снабжение населения качественной питьевой водой. Ухудшение качества окружающей среды в городах заставило государственные органы уделять большее внимание созданию системы контроля за качеством среды в городах, на предприятиях, в учебных заведениях. Общий контроль за состоянием окружающей среды осуществляла созданная в 1922 году Государственная санитарная инспекция, на которую были возложены следующие функции: контроль качества внешней среды, санитарная охрана воды, воздуха, почвы, жилищ, пищевых продуктов; противоэпидемические мероприятия; борьба с социальными и профессиональными болезнями; охрана здоровья детей и др. [см.: 4, с. 3]. В 1930-х годах к этим функциям были добавлены следующие функции: промышленная гигиена, контроль за транспортом, жилищно-коммунальным хозяйством [см.: 5, с. 5].

Наряду с практической работой санитарные органы проводили серьезные научные исследования по гигиене воды, атмосферного воздуха, изучали влияние факторов окружающей среды на здоровье человека, в том числе шума, излучения и т. д. Целый комплекс исследований проводился в крупных городах с развивающейся

промышленностью – Москве, Ленинграде, Магнитогорске, Челябинске, Новокузнецке. Полученные данные использовались при разработке природоохранного и санитарного законодательства, организации санитарных зон предприятий, размещении промышленных производств и жилья [см.: 6, с. 8–10].

В 1930-е годы началась разработка системы нормативов в природопользовании, были установлены предельно-допустимые концентрации (ПДК) для 12 вредных веществ [см.: 7, с. 47]. За двадцать первых лет работы санитарной службы было принято несколько принципиально важных документов, в числе которых можно назвать «Положение о нормах чистоты сточных вод» (1923), «О загрязнении воздуха выбросами электростанций» (1937), «Временный стандарт качества воды, подаваемой в сеть хозяйственно-питьевых водопроводов» (1939), ГОСТы по питьевой воде (1944) и др. [см.: 8, с. 18].

Начиная с середины XX века в СССР для теоретической и практической разработки вопросов охраны природы создавались научно-исследовательские институты, лаборатории, научные комиссии; исследования по природоохранной тематике проводились в вузах. Постепенно сформировалась особая наука об охране природы, призванная в комплексе изучать это сложное социальное явление. В настоящее время она известна как природопользование, а в процессе становления – в конце 1950-х – начале 1970-х годов она имела различные названия – от натурсоциологии до созологии [см.: 9, с. 11–12]. Теоретические и практические разработки по проблеме использования природных ресурсов и охране окружающей среды нашли отражение в изданных учебных пособиях по охране природы и сборниках статей [см.: 11; 12; 13]. Ученые, работавшие на стыке наук о природных ресурсах, охране природы и экономики, создали концепцию рационального природопользования, которая впоследствии была положена в основу теории устойчивого развития [см.: 14; 15].

Если в предыдущий период экология в СССР не рассматривалась как самостоятельная сфера государственного управления, то начиная с 1961 года стали происходить качественные изменения, обусловленные положениями Закона об охране природы (1961). Изменения затронули систему государственного управления в сфере

охраны природы: в 1961 году создана Комиссия по охране природы при Госплане СССР; в 1964 году при Министерстве сельского хозяйства СССР образована Центральная лаборатория охраны природы; в 1966 году основным руководящим органом в сфере охраны природы стало Главное управление по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству при Министерстве сельского хозяйства СССР.

В 1960-х годах для экологической политики характерны две тенденции: с одной стороны, активная разработка научных основ рационального природопользования, с другой, нарастание тенденции потребительского, а зачастую хищнического отношения к природе, что проявлялось в повсеместном нарушении природоохранного законодательства как предприятиями-природопользователями, так и отдельными гражданами. Природопользование и охрана окружающей среды строились на принципе ведомственности, в то время как эффективным могло быть только комплексное решение экологических проблем.

Глобализация и международное сотрудничество способствовали тому, что в начале 1970-х годов в стране начался новый этап формирования экологической политики, отличительной чертой которого является комплексный подход к решению накопившихся экологических проблем [см.: 1, с. 13–15]. Действительно, в это время были разработаны и приняты фундаментальные законы о земельных и водных ресурсах, недрах, лесах, атмосферном воздухе, животном мире и здравоохранении; актуализировалась теория рационального природопользования; в условиях роста промышленного производства и усиления экологического кризиса получили развитие экономические механизмы; возросла роль государства как регулятора процесса природопользования.

Вопросы природопользования и охраны окружающей среды нашли отражение в таких законодательно-нормативных документах, как Конституция СССР (1977), Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» (1972), Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» (1978) и др. В них отражены принципы экологической

политики на государственном уровне, механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды, функции природоохранных органов, права и обязанности природопользователей.

В то же время факты свидетельствуют о том, что правовой механизм регулирования охраны окружающей среды и природопользования в СССР был недостаточно отрегулирован; не установлены критерии загрязнения окружающей среды; слабо проработан механизм юридической ответственности за нарушения природоохранного законодательства [см.: 16, с. 35]. К основным причинам несовершенства природоохранного законодательства следует отнести: потребительское отношение общества к природе; недооценку экологической опасности; отсутствие научно-обоснованных подходов к определению приоритетов в развитии общества.

Значительное влияние на формирование экологической политики в СССР оказала Стокгольмская конференция 1972 года, посвященная проблемам охраны окружающей среды. Инициатива проведения конференции принадлежала Генеральной Ассамблее ООН, которая в 1968 году приняла решение о созыве в 1972 году международной конференции по окружающей среде. Это решение способствовало заметной активизации действий международных организаций, началась подготовка к разработке природоохранных программ, и проблема окружающей среды стала рассматриваться уже как глобальная задача мирового масштаба. Несмотря на то, что СССР отказался принять участие в этой конференции по политическим мотивам, ее основные положения и рекомендации были отражены в постановлениях партии и правительства и других материалах, посвященных проблемам охраны окружающей среды в 1970–1980-х годах.

Отказ от участия в конференции не означал, что для руководства СССР экологические проблемы не являлись приоритетными. В качестве примера можно привести документ, который был представлен на международной выставке ЭКСПО-74 в г. Спокане, США. В нем подчеркивалось, что «Советский Союз в своей политике в области охраны окружающей среды исходит из признания жизненной важности этой проблемы не только для советского народа, но для всего человечества» [17, с. 1].

Сама выставка и участие в ней делегации Советского Союза – знаковые события начала 1970-х годов. Именно здесь впервые мировой общественности была представлена советская политика в области охраны окружающей среды, базирующаяся на принципах социалистического природопользования. В качестве основной задачи государства провозглашалось «разумное преобразование природы, рациональное использование ее ресурсов в интересах нынешнего и будущих поколений» [17, с. 2]. Впервые признавалось, что проблема охраны окружающей среды приобрела глобальный масштаб и международный характер. «Надлежащее качество окружающей человека природной среды» воспринималось как «элемент материального благосостояния людей», а меры по охране природной среды соответственно приравнивались к «увеличению производства материальных благ, строительству жилищ, развитию здравоохранения, улучшению условий труда, быта и отдыха населения» [18]. Особо подчеркивалась роль Советского государства, которое законодательно регламентирует использование природных ресурсов и устанавливает правила охраны окружающей среды.

В этой логике были приняты два постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР: «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» от 29 декабря 1972 года и «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов» от 1 декабря 1978 года, регулирующие административно-хозяйственную деятельность в области использования природных ресурсов и охраны окружающей среды. Они определили основные направления природоохранной деятельности всех субъектов экологической политики до конца 1980-х годов.

По мнению авторитетного специалиста в области природоохранного законодательства О. С. Колбасова, основная особенность постановления «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» заключалась в том, что оно «предусматривало систему взаимосвязанных организационно-хозяйственных, финансовых, научно-технических и других мероприятий, гарантирующих успешную реализацию политического курса охраны окружающей среды, зафиксированного в партийных решениях и законодательстве Союза ССР, союзных и автономных респуб-

лик» [18, с. 3]. Кроме того, это постановление разграничило функции различных министерств и ведомств в сфере охраны природы и предполагало увеличение ответственности природопользователей.

Постановление обязывало министерства и ведомства, начиная с 1974 года, разрабатывать проекты планов проведения мероприятий по охране природы и рациональному использованию природных ресурсов в качестве составных частей перспективных и годовых планов развития народного хозяйства СССР. Планирование мероприятий должно было осуществляться в виде планов-прогнозов, перспективных и годовых планов. Устанавливалась государственная отчетность о выполнении министерствами и ведомствами соответствующих мероприятий.

Таким образом, в начале 1970-х годов охрана природы стала не только функцией государства, но и обязанностью всех хозяйственных субъектов, которые должны были проводить мероприятия по охране природы и улучшению использования природных ресурсов. Эти нововведения были направлены на повышение ответственности руководителей предприятий и сокращение неблагоприятного воздействия производства на окружающую среду. Однако практика показывает, что такие решения не реализуются быстро и в полном объеме.

Недостатки советской экологической политики в рассматриваемый период не воспринимались как системные просчеты, скорее они рассматривались как досадные упущения или промахи. Об этом свидетельствует, например, выступление В. А. Кириллина на IV сессии Верховного Совета СССР, в котором он обращал внимание депутатов на «недостаточное внимание со стороны министерств вопросам охраны окружающей среды, невыполнение ими соответствующих постановлений, недостаточное изучение природных факторов при сооружении водохранилищ, недостаточное обоснование при отводах сельхозугодий для промышленного строительства, расточительное использование земель, недостатки в ведении лесного хозяйства и воспроизводстве лесных ресурсов, ухудшение условий обитания промысловых зверей и браконьерство, беспечное, халатное отношение отдельных лиц к природе» [цит. по: 19, с. 70].

Помимо законов и постановлений общего характера, в 1970–1980-х годах были приняты специальные постановления, касаю-

щиеся отдельных территорий: озера Байкал, бассейнов р. Волги и Урала, Черного, Азовского, Балтийского морей и др. Их появление было обусловлено продолжающимся ухудшением качества окружающей среды и конфликтом ведомственных интересов, в результате чего природоохранная деятельность носила противоречивый характер. Указанные постановления были направлены на преодоление этих недостатков и предполагали использование комплексного подхода к решению экологических проблем. Однако многие решения так и остались на бумаге. Вследствие отсутствия действенных экономических рычагов и стимулов, предприятия и организации были не заинтересованы в обеспечении комплексного и рационального использования природных ресурсов и снижении загрязнения окружающей среды. Лишь в конце 1980-х годов необходимость разработки государственной экологической политики, стратегии и тактики природопользования с учетом общенациональных целей и мировой ситуации стала восприниматься как обязательное условие дальнейшего развития страны.

В настоящее время достаточно сложно дать однозначную оценку деятельности Советского государства в области природопользования и охраны окружающей среды. С одной стороны, были разработаны научные основы природопользования и охраны окружающей среды; совершенствовалась законодательно-нормативная база; накоплен значительный практический опыт по разработке и осуществлению природоохранных мероприятий; проводилась работа по охране отдельных природных ресурсов; в стране действовали общественные природоохранные организации; значительное внимание уделялось экологическому просвещению и образованию в высших и средних учебных заведениях. С другой стороны, в природоохранной политике, как и в других сферах жизни государства, имелись глубокие противоречия, которые наиболее ярко проявлялись в промышленно развитых регионах, ставших заложниками существовавшей системы.

1. Тихонова Н. Е. Решение экологических проблем в СССР: история и современность. М., 1989.

2. *Вайнер (Уинер) Д. Р.* Экология в Советской России : пер. с англ. / послесл. и ред. Ф. Р. Шгильмарка. М., 1991.
3. *Соколов В. В.* История экологической политики в Российской Федерации (1920–1930-е гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995.
4. *Петровский Б. В.* 50-летие санитарной службы страны // Гигиена и санитария. 1972. № 9. С. 3–5.
5. *Бургасов П. Н.* 50-летие органов СЭС в СССР // Гигиена и санитария. 1972. № 7. С. 5–7.
6. *Развитие* актуальных проблем гигиены в РСФСР // Гигиена и санитария. 1972. № 12. С. 8–10.
7. *Коростелев Н. Б.* Четыре периода в истории отечественной гигиены // Гигиена и санитария. 1996. № 4. С. 45–48.
8. *Сидоренко Г. И.* Развитие общей и коммунальной гигиены в СССР за 60 лет // Гигиена и санитария. 1982. № 9. С. 17–21.
9. *Лаптев И. П.* Научные основы охраны природы : курс лекций. Томск, 1964.
10. *Лаптев И. П.* Теоретические основы охраны природы. Основы зоологии. Томск, 1975.
11. *Иоганзен Б. Г., Иголкин Н. И.* Охрана природы : учеб. пособие для пединститутов. Томск, 1976.
12. *Шапошников Л. К.* Вопросы охраны природы : пособие для студентов педвузов. М., 1971.
13. *Воронцов А. И., Харитонова Н. З.* Охрана природы. М., 1977.
14. *Анучин В. А.* Основы природопользования : Теорет. аспект. М., 1978.
15. *Герасимов И. П.* Ресурсы биосферы на территории СССР: научные основы их рационального использования и охраны. М., 1971.
16. *Бринчук М. М.* Правовая охрана окружающей среды от загрязнения токсичными веществами. М., 1990.
17. *Политика* Советского Союза в области охраны окружающей природной среды (Представлено в г. Спокане, США, на выставке ЭКСПО-74 23 октября 1974 г.). М., 1974.
18. *Кокорев Б. В., Назаров А. Г.* Первая всемирная выставка: охрана окружающей среды. М., 1976.
19. *Колбасов О. С.* Правовая охрана природы. М., 1984.

Раздел 3

ИДЕИ, МИФЫ И ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

УДК 94(47).084.5

М. В. Брянецв

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР в 1920-е годы

Статья посвящена актуальной проблеме взаимоотношений личности и власти в условиях строительства социалистического общества в 1920-е годы. Автор показывает всю сложность восприятия населением идей социализма, транслируемых властями, и приходит к выводу о том, что значительная часть населения не верила в возможность построения социализма в такой отсталой – и экономически и политически – стране, как Советский Союз.

К л ю ч е в ы е с л о в а: представления, социализм, население, коммунисты, СССР, буржуазия, капитализм, новая экономическая политика, политика военного коммунизма.

Социализм как некая идеальная форма существования человечества в будущем являлся краеугольным камнем революционных потрясений 1917 года. Увлеченные тактическими вопросами и вопросами выживания большевики долгое время не пытались очертить контуры будущего социалистического общества и исходили из смутных представлений марксизма о социализме как одной из стадий будущей коммунистической формации.

В марксизме утвердилась мысль о том, что построение социализма в одной стране невозможно, и эту мысль, естественно, в той

или иной мере отстаивали русские марксисты вплоть до 1924 года. Однако крах «германского Октября» 1923 года заставил большевиков искать пути существования в условиях неопределенности перспектив мировой революции в капиталистическом окружении. Уже в ноябре 1924 года Сталин, опираясь на фразу Ленина, оброненную им в одной из статей 1915 года, заявил о своем выборе в пользу доктрины «социализма в одной стране» [1, с. 358–401]. Претендуя на роль теоретика марксизма-ленинизма, Сталин пошел дальше и сформулировал отрицательную программу, назвав ее «троцкистской теорией перманентной революции», придав ей совершенно иной, чем у Троцкого, характер и приписав последнему теорию, отрицающую возможность построения социализма в Советском Союзе. Дискуссия во многом носила схоластический характер, принципиальных разногласий между противниками не было, но длилась она вплоть до 1928 года [см.: 2].

Следует заметить, что изменение взглядов Сталина на построение социализма в отдельно взятой стране было замечено современниками, которые, видя противоречия в позиции Сталина, задавались вопросами, например, таким: «В книге “Ленин и ленинизм” Сталин говорит, что если в течение 10–15 лет в капиталистической стране не будет революции, – мы погибнем. Теперь его точка обратная. Чем это объяснить?» [3, ф. П-48, оп. 1, д. 52, л. 6 об.]. Для некоторых было важным услышать официальный ответ на вопрос: кто «выбросил» лозунг о возможности построения социализма в отдельно взятой стране – Ленин или Сталин? [см.: 3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 96].

Другие, например коммунисты плужного цеха завода «Профинтерн» в Брянске на собрании партийной ячейки, возражая докладчику и ссылаясь на то, что «партия когда шла в октябре на бой, то не ставила себе задачу построить социализм в одной стране», заявляли, что теория строительства социализма в одной стране была выдвинута только в последние годы в пику теории перманентной революции Троцкого [см.: 4, ф. П-1, оп. 1, д. 1684, л. 35]. Таким образом, у некоторой части населения, знакомого с основами марксистского учения, возникали сомнения в правильности той постановки вопроса о социализме, какую предложил Сталин. Все это – свидетельство того, что споры в верхах в той или иной интерпретации

доходили до низов и массы на свой лад толковали не только полемику верхов, но и демонстрировали свое понимание проблемы социализма. Как понимали социализм массы, каким им виделось будущее социализма в России? Эти и другие вопросы становились предметом размышлений, разговоров, слухов, имевших хождение среди населения СССР в 1920-е годы.

Специфика предложенной темы предопределила и источниковую базу исследования. Основным источником стали первичные «информационные» сводки – различного рода информационные материалы уездного и губернского уровня, политдонесения на уровне дивизий, сообщения о ходе обсуждения партсъездовских инициатив и решений, вопросы, задаваемые в ходе обсуждений различных государственных мероприятий. Понимая всю сложность информационного материала, о которой уже не раз говорилось в отечественной историографии [см.: 5, с. 31–76; 6; 7], следует все же отметить, что в работе использованы материалы региональных архивов, а не аналитически обработанные сводки ИНФО ОГПУ. Кроме того, сведения, почерпнутые в информационных сводках, дополнялись письмами «простых» людей во власть, роль которых высоко оценивается исследователями в деле изучения представлений и психозов, порождаемых противоречивой реальностью [см.: 8, с. 17] и материалами, связанными с «проработкой» вопросов в ходе обсуждения различных мероприятий власти.

Интерес к социалистическому будущему новое советское общество проявляло еще до официального провозглашения XV партийной конференцией курса на построение социализма в СССР. Разумеется, общего представления о социализме и возможности его построения в отдельно взятой стране не было: происхождение, образование, условия существования и многое другое определяло эти взгляды. До теоретических размышлений о социализме большинство населения не поднималось, оно исходило из тех реалий, в которых находилось. Приход к власти большевиков и гражданская война породили своеобразную форму существования Советского государства, получившую название военного коммунизма, в котором воплотились и теоретические представления большевиков, и реалии военного времени, и надежды на светлое будущее. Пережив

трудности гражданской войны, большинство населения и после ее окончания воспринимало социализм как мероприятия времен военного коммунизма. Введение новой экономической политики в 1921 году сломало этот стереотип, но не избавило от желания возвратиться к политике того времени немедленно, отрицая возможности нэпа.

Вполне очевидно, что наблюдаемые реалии новой экономической политики никак не вписывались в массовое представление о коммунизме. В откликах на XIV съезд партии слышалось негодование людей на обещания властей о строительстве социализма. В Калужской губернии один из крестьян сомневался в том, что нэп с его «безобразиями» в виде пьянства, картежной игры, разногласий среди рабочих и безработицей, и блатом и есть социализм [см.: 9, ф. П-1, оп. 9, д. 126, л. 191]. В прокламации, появившейся на столбах в г. Белом Смоленской губернии, высказывалось сомнение в построении социализма в России. Автор заявлял о том, что социализма «нам не ждать» и причиной этого был как раз нэп: «Вот как они приближают нас к социализму: учат молодежь покупать и продавать, любить деньги. Допустили к продаже вино – водку. Кооперацию направили на снабжение населения предметами роскоши, все это “временно”, в то время как для деревни нет пользы от многотысячной партии карьеристов – ВКП (б), сваливает с себя всю хоз[яйственную] экономическую работу на плечи беспартийных, показывая этим то, что партия ВКП(б), как вредный нарост, никому не нужна с тех пор, как нахальство стало ее лозунгом». Автор/авторы прокламации выставляли счет советской власти, которая, обременяя крестьян всевозможными поборами, тратит деньги, эксплуатирует рабочих, подавляя всякую инициативу. Заканчивается листовка призывом: «Ленинизм ведет к нищете. Долой Ленинизм! ДОЛОЙ НАЛОГИ!» [10, ф. 3, оп. 1, д. 3214, л. 180].

Ветеринарный фельдшер г. Речицы Гомельской губернии Андриянцев, выражая неверие в построение социализма в СССР, говорил, что «... в 1918–1919 гг. было видно больше социализма, например, крестьяне луга косили бесплатно, делили помещичью землю, зарплата по предприятиям и учреждениям была почти одинаковая». Мероприятия же периода нэпа он явно не относил к социа-

листическим, отмечая негативное отношение к тому, что «теперь за сенокосы взимают плату не меньше, чем при помещиках, комиссары и другие партийные работники разъезжают на автомобилях, получают большое жалованье, а рабочие и рядовые служащие как жили нищими, так и живут». Социализм – это только обещания, похожие на те, которые давали и попы, обещая царство небесное [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 496].

Сомнения в том, что власть имущие хотят социализма, были присущи различным слоям советского общества. Так, один из крестьян Воронежской губернии в письме 1926 года в «Крестьянскую газету» обратился с просьбой опубликовать статью, разъясняющую, «какой порядок будет существовать при социализме». Ссылаясь на мнение односельчан, он обозначил проблему, волновавшую крестьян в деле построения социализма. Понимая социализм как общество социального равенства, как безденежное общество, крестьяне не верили в скорый его приход. Причину этого они видели в том, что находящиеся у власти, получая большое жалованье, не заинтересованы в строительстве социализма. О незаинтересованности правящих в строительстве социализме писал крестьянин из Курской области [см.: 12, с. 205, 213].

Рассуждения о социализме были характерны и для красноармейцев, особенно партийцев. В частности, информаторы из Западного военного округа (ЗапВО) отмечали, что «среди части слабо развитых партийцев и комсомольцев и сейчас (в 1926 г. – М. Б.) еще остаются неясными вопросы: возможность строительства социализма в нашей стране, характер нашей промышленности, необходимость союза с середняком» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1516, л. 1]. Однако несмотря на ссылку об отсталости слушателей, вполне очевидно, что для огромной массы населения оказывалась непонятной уступка большевиков частному капиталу в виде нэпа. Даже для людей старой культуры переход к нэпу казался катастрофой, отмечает современный исследователь [см.: 8, с. 22].

Недовольство нэпом проявляли представители различных слоев населения, различных политических взглядов, возрастов. В частности, в Юхновском уезде Калужской области в листовке, наклеенной на стене избы-читальни, молодежь призывалась идти к социализму

через комсомол, обладающий программой [см.: 9, ф. П-1, оп. 9, д. 126, л. 440]. Появление такого обращения, вероятно, является свидетельством недоверия молодого поколения, поверившего в социализм, старой большевистской гвардии в деле строительства нового общества.

Таким образом, новая экономическая политика и идея социализма не укладывались в сознании многих. Для огромной массы населения мероприятия периода военного коммунизма оказывались понятнее и ближе, тем более что эти представления подпитывались идеями некоторых руководителей РКП(б), тяготевших к политике военного коммунизма [см.: 13, с. 194–195].

Разочарование в новой экономической политике порождало не только недоверие к мероприятиям, проводимым властью, но и подводило многих к мысли об эфемерности самой идеи социализма. В частности, в ноябре 1926 года в Ржевском уезде Тверской губернии на районном собрании один из выступавших заявил: «Социализм – это предрассудок и к нему мы никогда не подойдем». Он говорил о диктатуре пролетариата в крестьянской стране и предупреждал власти: «Крестьянство сколько не терпит, но этому терпению придет конец, и мы повернем свои руки против наших угнетателей» [14, с. 871]. Другой представитель крестьянства, учитель Н. И. Лелянов из пос. Дубровка Брянской губернии в сентябре 1925 года на конференции учителей, в беседе перед официальными занятиями, говорил собравшимся, что построение коммунистического общества возможно только при условии, если у развитого человека «вынуть часть мозга для уравнивания его с остальными людьми или у физически развитого человека отрезать часть тела» [4, ф. Р-271, оп. 2, д. 661, л. 2, 5–5 об.].

С ним был солидарен машинист Горбунов, который 9 июня 1927 года на ст. Темкино Сызрань-Вяземской ж. д., касаясь построения социализма, обозначил его как утопию «дураков и проводить его можно только с Вашими бараньими головами, нам раньше попы обещали царство небесное, а теперь коммунисты обещают рай на земле, но 10 лет никак не устроят» [9, ф. П-1, оп. 10, д. 126, л. 160]. Такими доводами часть населения Советской России отрицала саму возможность строительства такого общества, как социализм. Другие же задавались вопросом: «да нужен ли социализм, что обеща-

ют коммунисты» Один из крестьян на Смоленском уездном съезде Советов в 1926 году заявил: «Мне кажется, кто разумен да старателен, тот и теперь, и при социализме будет жить хорошо, а кто глуп да ленив, тот при социализме и при коммунизме все равно будет жить плохо, везде будет последним, видно сам от себя не убежишь никуда... лучше всего быть самому хозяином, что заробил, то и съел» [10, ф. 3, оп. 1, д. 2711, л. 173; д. 3214, л. 112].

Аргументом, направленным против возможности построения коммунистического общества, довольно часто являлось мнение о наличии в СССР капиталистической промышленности. Особенно характерным это было для той части рабочих, которые ранее состояли в политических партиях и были теоретически более подготовленными, чем основная масса. В частности, этот взгляд высказывали бывшие меньшевики предприятий г. Гомеля: на щетинной фабрике «Красный Октябрь» и кожевенном заводе «Пролетарский путь». Так, бывший меньшевик, рабочий завода «Пролетарский путь» Гиндин и рабочие этого же завода Боданис и Дубов говорили, что оппозиция в вопросе о госкапитализме была права, что рабочим сейчас живется не лучше, чем в старое время, что они эксплуатируются так же, как при хозяине, что свобода слова отсутствует, если «что-либо скажешь и слова твои кому-нибудь не понравятся, то тебе закроют рот» [11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 52].

О наличии капиталистической промышленности или хотя бы ее элементов говорили слушатели школы II ступени 6-го полка 37-й стрелковой дивизии [см.: 10, ф. 3, оп. 1, д. 2710 а, л. 108 об.]. Такое мнение встречалось среди рабочих, крестьян, партийных и беспартийных. Оно стало общим местом в сознании многих граждан Советского Союза.

Население отмечало среди признаков капитализма наличие эксплуатации в СССР. Так, рабочие Зубовской фабрики в Клинцах не согласны были работать «на чью наживу», заявляя, что в 1917 году большевики обманули их, сохранив деление общества на классы – только теперь места капиталистов заняли партийные руководители, которые стараются «избавиться от войны и к социализму они итти не хотят, потому что ему хорошо жить, а про нас не думают». Это подводило их к мысли о необходимости второй революции,

к которой нужно привлечь рабочих, но только не идеей социализма – «тот, кто много получает, не захочет пойти с нами жить на одну точку» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1678, л. 107].

Во всяком случае, многие рабочие признавали, что, несмотря на введение 8-часового рабочего дня, им приходится работать больше, чем в дореволюционное время [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 44]. Все разъяснения о прибыли, идущей на общественные нужды, вряд ли кого успокаивали. Обсуждение решений ноябрьского Пленума ЦК 1928 года в ячейках типографии ГСНХ (Губернского Совета народного хозяйства. – М. Б.) и фабрики «Игла» в Брянске показало, что многие рабочие, доведенные до крайней нужды, не то что не верили в возможность построения социализма, а просто мечтали о нормальной жизни сейчас, а не в далеком будущем, возмущаясь тем, что хлеба нет, подошву «по книжкам дают». Так, работница фабрики «Игла» Неймарк открыто заявила: «Идеалы, социализм, коммунизм – для меня второстепенное, главное быть сытым»; «Для кого мы боролись? Для себя или для детей? Какой же интерес для детей? Социализм – это второй рай на земле. Мы говорим: дайте нам пожить здесь, на земле, а то как буржуй обещал – в раю жизнь». Реалии жизни заставляли их не верить в обещания власти о строительстве коммунизма.

Экономические проблемы СССР, низкий уровень жизни заставляли людей сомневаться не только в построении социализма, но и в том, что мы догоним капиталистические государства, опасаясь, что «эта догонка отразится еще на бюджете рабочего». Рабочие негодовали, что фабрики и заводы строить научились, а про рабочего забыли: «мы голодны, разуты», – говорили они [4, ф. П-1, оп. 1, д. 2311, л. 13].

Низкая оплата труда и ослабление советского рубля подвели их к мысли о необходимости более справедливого распределения прибылей предприятий в пользу рабочих. При обсуждении материалов дискуссии на XIV партсъезде на Зубовской шпигатной фабрике имени Троцкого в клубе на вечере вопросов и ответов токарь фабрики Кузьмиченко задал вопрос: «Какая у нас власть и есть ли у нас социализм» и, получив ответ на этот вопрос, спрашивал, почему рабочим не выдают прибыли, а эта прибыль идет тресту, почему рабочие за границей, в капиталистических государствах получают прожиточный минимум и имеют еще кое-какие сбереже-

ния? В конце своих вопросов Кузьмиченко сделал вывод, что советская власть не социалистическая, а капиталистическая [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 154].

Для рабочих очевидным являлось то, что социализм, социалистическая промышленность – это равенство и оплата труда выше, чем при капитализме, а иначе зачем было совершать революцию. Задаваясь экономическими вопросами, рабочие пытались идентифицировать советскую промышленность – есть ли на государственных предприятиях прибыль и является ли она признаком капитализма: «6. Почему нет социалистичности на фабриках. 7. К чему причислить концессии и аренду» [10, ф. 3, оп. 1, д. 3199, л. 51]. Другие ставили вопрос о разнице между прибавочной стоимостью на социалистическом и частном предприятии [см.: 9, ф. П-1, оп. 9, д. 40, л. 41].

Отношение к советской действительности как обществу, где нет никакого социализма, процветают капитализм и эксплуатация, выражал сотрудник Смоленского уездного финансового отдела (УФО) В. П. Гондедоров [см.: 10, ф. 3, оп. 1, д. 3214, л. 28].

Уверенность в наличии капиталистической эксплуатации в советском обществе проникла и в партийные массы. На общем собрании поселковых ячеек Навли Брянской губернии в начале февраля 1926 года некоторые выступавшие с обидой говорили о неравенстве, «зажимании ртов», командовании, а двое коммунистов уже после собрания говорили неофициально с агитатором, убеждая его в том, что «у нас есть эксплуатация, и все госкапиталистическое» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1378, л. 170].

Мнение о наличии эксплуатации в СССР подкреплялось речами «новой оппозиции», которая говорила о госпредприятиях как о капиталистических. Рост кулачества в деревне и его влияния на крестьян подтверждал правильность оппозиции, оценивавшей ситуацию как захлестывание мелкобуржуазной стихии. Все это, наряду с бюрократизацией правления, ничего общего с социализмом не имело. Такой взгляд особенно остро обозначился в ходе кампании по проработке решений июльского расширенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 1926 года [см.: 4, ф. П-1, оп. 1, д. 1409, л. 339] и получил большую популярность среди различных слоев населения.

В ходе многочисленных мероприятий по популяризации решений пленума обнаружилось, что население воспринимало партийцев как новую буржуазию. Об этом прямо говорил перед односельчанами житель д. Холмовой Вяземского уезда Смоленской губернии Романов Иван, отмечая, что в СССР возрождаются капитализм и новая буржуазия, «которая и начинает эксплуатировать безработных». Он отмечал, что от завоеваний Октября остались только профсоюзы, общество разделилось на партийцев, которые получают все, и остальных, среди которых много безработных, находящихся на грани выживания. Таким путем, по мнению крестьянина, «мы никогда не придем к социализму» [10, ф. 3, оп. 1, д. 3214, л. 180].

Поляризация советского общества, где «у верхов власти сидят совершенно чужие рабочему классу люди, сумевшие примазаться к рабочим и обманувшие их доверие» и объединившиеся в компартию, «которая ворочает всеми делами государства, а рабочие стоят в стороне», вызывала не только неприятие коммунистического правления, но и ненависть, желание расправиться с ним. Такого рода речи оказывали заметное влияние на рабочих, как отмечали составители информационных сводок [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 3, 801, 713].

Восприятие правящих коммунистов как чуждого интересам народа слоя находило отражение в ассоциации их с дворянством, которое было так памятно для многих. Эту мысль высказывал житель с. Тростани Новозыбковского уезда Гомельской губернии М. Агрощенко, заявивший, «что члены ВКП и члены профсоюза – те же дворяне, что были раньше, что коммунисты над беспартийными ставят свой контроль, что коммунисты руководят страной и расхищают государственные деньги, что правителем государства должно быть крестьянство». Об этом же говорил крестьянин с. Старые Юрковичи Чуровичской волости того же уезда Качуро на перевыборном собрании [см.: Там же, д. 1938, л. 120, 160]. О том, что коммунисты стали «новыми дворянами», сидящими у власти и защищающими «только свой карман», занимающими «все ответственные посты» и пользующиеся «земными благами», а «простые рабочие и крестьяне, отстоявшие революцию своей кровью, ничего не получили, кроме тех же цепей рабства», – заявлял рабочий Стодольской сукон-

ной фабрики имени Ленина в Клинцах Массоков, имевший большую популярность среди рабочих [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2751, л. 3].

К населению приходило осознание того, что, несмотря на революцию, в России «вместо буржуазного класса» сформировался «новый класс коммунистов», который живет «лучше старых дворян, а крестьян держат в худшей кабале, чем при старом режиме. Говорят, что идут против капитала, а сами же капитал создают. Только им пользуется не крестьянство, а коммунисты». В результате тяжелых раздумий о своей доле крестьяне приходили к неутешительному для них умозаключению: «трудоустроенных коммунисты угнетают, говорили, что владыкой мира будет труд, а выходит, что владыкой является лодырь» [Там же, д. 2932, л. 598, 682–683, 670–671].

Таким образом, в среде рабочих и крестьян складывалось твердое убеждение в том, что советская власть породила новый класс эксплуататоров: для одних это была новая буржуазия, для других – новое дворянство, но суть от этого не менялась – коммунисты захватили власть и эксплуатируют трудящееся население.

Некоторая часть крестьянства видела эксплуататоров в пролетариате. В частности, выходец из крестьян учитель Н. И. Леянов полагал, что эксплуатацию в СССР осуществляет пролетариат, который живет за счет других «сословий, а эти другие сословия находятся в самых нечеловеческих условиях, и крестьянству нет настоящей свободы». Он говорил, что «рабочий весьма избалован и живет за счет крестьянина», а выдвигенцы же из крестьян – это только прикрытие, они не имеют самостоятельности, и ими командует компартия, «крестьянам необходимо иметь свой крестьянский союз, как за границей» [4, ф. Р-271, оп. 2, д. 661, л. 2]. Ему вторил красноармеец из крестьян-середняков Данилов, заявлявший: «Рабочие эксплуатируют крестьян. В колхозы идут лодыри, а в совхозах воровство. Были рабами и остались ими. На костях крестьян строят социализм» [11, ф. 3, оп. 1, д. 496, л. 208].

Ревность к рабочим отмечалась повсеместно среди различных групп крестьянства. Задавленные тяжестью налогов, крестьяне готовы были обвинять всех, не сообразуясь с действительностью и перенося свой гнев не только на коммунистов, но и на рабочих, которые якобы «захватили власть, хорошо себя материально обеспечили,

а своих обещаний крестьянам об улучшении их жизни и о передаче им земли не выполнили, и землю по-прежнему сдают в аренду». Некоторые полагали, что «Соввласть нам не дает жить, ей нет никакого дела до нас, она стремится лишь к тому, чтобы пополнить свои прорехи в государственном бюджете и оплачивает все остальные группы населения за счет крестьянства» [11, ф. 1, оп. 1, д. 1938, л. 110, 153].

Но характерно, что в то же время и сами рабочие приходили к аналогичным выводам в отношении советской власти. Так, рабочие спичечной фабрики «Волна революции» в г. Новозыбкове были убеждены, что коммунисты проповедуют социализм в силу своего привилегированного положения, которое позволяет им получать высокие оклады и быть материально обеспеченными: «если всех коммунистов посадить на рабочий паек, то они запели бы совсем иное» [Там же, д. 2932, л. 154, 292, 407].

Среди рабочей массы особенно актуальным вопрос о построении социализма в СССР стал в ходе проработки и изучения решений XV Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1926 года. Авторы отчета о проведенной идеологически-воспитательной работе отмечали: «Более всего собрания интересовались вопросом “о возможности построения социализма в нашей стране”. Так, в машино-сборочном цеху бежицкого завода “Профинтерн” один из выступавших (якобы анархист) заявил, “что, конечно, как будто решения партии верны, но вот скажите, когда же мы хотя вступим одной ногой в социализм, к которому мы стремимся”» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1684, л. 34, 166]. В плужном цеху на собрании партийной ячейки прозвучало сомнение в возможности построения социализма без мировой революции, «без денежной валюты и без штыков». В итоге оратор заявил: «Мы социализм полностью построим, но назвать его социализмом нельзя, если он будет в одной стране» [Там же, л. 35]. Очевидно, что вопрос о социализме был весьма актуальным для части населения страны, которое, опираясь на опыт его строительства, выражало сомнения в возможности его построения, допуская, что система, формируемая в СССР, никоим образом не является социалистической.

Важным приемом снижения напряжения в обществе и создания единства мнений в отношении СССР как социалистического го-

сударства стало противопоставление СССР и западного мира. В ходе пропагандистских мероприятий властям удалось выработать в сознании населения образ СССР как государства, проводящего миролюбивую политику в противопоставлении с агрессивностью Запада. Гражданам транслировалось то, что на протяжении десяти лет удалось закрепить власть трудящихся, несмотря на «устраиваемые капиталистами Запада козни против Советского Союза». Главным оружием в противостоянии с Западом должна была стать сплоченность «вокруг ВКП, под ее руководством» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1678, л. 145].

Создававшийся образ врага, стремящегося помешать строительству новой жизни/социализму, был понятен для основной массы населения, а потому оказывался эффективным приемом в достижении поставленных властью целей. Пропагандистскими мероприятиями властям удалось породить у населения возмущение милитаристскими намерениями буржуазных государств и готовность дать решительный отпор всяким проискам врагов советской власти. Крестьяне Брянской губернии говорили на собраниях: «Долго ли нас буржуазия будет мучить и бить, надо дать решительный отпор». Но насколько крестьяне были готовы жертвовать для защиты «социалистического отечества» сказать трудно и если одни предъявляли требования к правительству «больше готовить оружия и создавать запасные полки», то другие заявляли о готовности отправиться в поход против буржуазного мира «по зову правительства». Эта агрессивная часть населения, опираясь на опыт гражданской войны, когда все «бандиты, до сих пор нападавшие на нас, были нами изгнаны и разбиты», призывала не «бояться войны» [Там же, л. 131].

Таким образом, условием воплощения планов строительства социализма являлось невмешательство иностранных государств в дела СССР. Вместе с тем советское руководство постоянно внушало населению мысль о том, что «...война между капиталистическим миром и миром строящегося социализма неизбежна, соперничество этих двух, в корне противоположных систем неизбежно должно привести к решительным столкновениям между ними. Война между СССР и капиталистическим миром весьма вероятна в ближайшие годы» [3, ф. П-1, оп. 1, д. 1732, л. 21–22 об.]. Пропаган-

да неотвратимости столкновения с капиталистическим миром порождала не только ситуацию ожидания, но и формировала милитаристские настроения среди населения СССР. Весной 1925 года в чайной пос. Дудино, Калужского уезда слышались такого рода рассуждения: «Раньше все было хорошо, а теперь хотят какого-то социализма, который никогда не осуществится. Нам не социализм нужен, а нужно втрое больше крепостей и заняться снова войной за отечество, которой мы найдем скорее богатств» [9, ф. П-1, оп. 8, д. 104, л. 98].

Вместе с тем создававшиеся образы врага и враждебного капиталистического окружения формировали в сознании населения не только нужные властям настроения, но и порождали сомнения в возможности построения социализма. Усвоившие азы марксизма партийцы 9-го полка 37-й Новочеркасской стрелковой дивизии говорили: «какой социализм, когда сохраняются армия, суд, которых мы упразднить не можем, находясь в капиталистическом окружении» [10, ф. 3, оп. 1, д. 2710 а, л. 108 об.–109]. Такие сомнения были характерны и для коммунистов 6-й Орловской стрелковой дивизии и части «товарищей» Западного военного округа [см.: Там же, л. 108 об.; 3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 95]. На Медынском уездном съезде Советов Калужской губернии в одном из заданных вопросов наряду с уверенностью в построении социализма в СССР было выражено и сомнение: «но может ли быть уничтожено государство, армия и все проч. и окончательно построить социализм в одной стране в капиталистическом окружении» [9, ф. П-1, оп. 9, д. 40, л. 38].

Обострение отношений с капиталистическим миром, и прежде всего с Англией, ставило вопрос об экономических возможностях СССР в строительстве социализма. У наиболее оптимистично настроенной части населения такая уверенность была. Более того, на Луганской районной беспартийной конференции Севского уезда раздавались голоса о том, что следует освободиться от экономической зависимости капиталистических стран и, проводя миролюбивую политику, укреплять обороноспособность страны, чтобы «в каждую минуту» быть готовыми «отразить натиск мировых вампиров». С этой целью следует «сплотить ряды ОСОавиахим и принять активное участие в его работе» и «откликнуться на призыв о постройке эскадрилии “Разрыв”» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1678, л. 132]. Думается, что сторон-

ников таких взглядов было не так много: даже в среде коммунистов присутствовали сомнения относительно возможности построения социализма в экономически отсталой стране. Так, среди партийцев Спас-Деменского уезда Калужской губернии ходили разговоры: «где уж нам построить социализм при нашей бедности, а что там спорят вожди, то для нас непонятно» [9, ф. П-1, оп. 10, д. 48, л. 92].

Понимание необходимости для построения социализма высококоразвитой экономики было очевидным. Один из крестьян летом 1925 года, оценивая негативно движение СССР к социализму, задавался вопросом: почему Германия за эти годы смогла решить вопрос безработицы, а рабоче-крестьянская власть нет [см.: 12, с. 203]. Как видно, для него преимущества социализма в СССР были не вполне очевидными. И таких скептиков оказывалось большое количество. Многие крестьяне подвергали сомнению саму возможность построения социализма в условиях изоляции, а потому и возникал вопрос: «Сможет ли СССР строить социализм без иностранных государств» [10, ф. 3, оп. 1, д. 2711, л. 172]. На Дорогобужском уездном съезде Советов среди множества вопросов, поставленных делегатами, был и такой: «Может ли Советский Союз существовать на протяжении десятков лет, если не будет революции в других странах, может ли быть осуществим социализм в одной стране, как Советский Союз с его отсталой техникой...» [Там же, д. 3214, л. 126].

Существенным в строительстве социализма оказывался уровень развития общей культуры и образования. Так, один из выступавших на общеволостном собрании Болховской организации Орловской губернии 13 ноября 1927 года говорил: «Построение социалистического общества возможно тогда, когда все будут иметь высшее образование, у нас в школах наблюдается больше детей инженеров и проч., что является известной угрозой» [Там же, д. 1882, л. 69]. Подобное представление рождало сомнение в возможности построения социализма в такой отсталой стране, как СССР. По мнению многих, социализм, скорее всего, можно было построить в таких промышленно развитых странах, как США и Германия, где население более образованное и культурное – «одним словом, трудолюбивых народах». В России же социалистическое строительство «не пройдет. Побьются, побьются, да и отложат его в сторону» [12, с. 209].

Для некоторых причиной невозможности построения «идеального коммунизма» являлся низкий морально-нравственный уровень строителей коммунизма. Еще в феврале 1924 года вольнослушатель III курса Тюнинского педтехникума Смоленской губернии коммунист И. С. Морозов в письме на имя А. Рыкова и Г. Зиновьева писал, что «коммунисты на местах испортились, все стараются пополнить карманишки, что всем беспартийным бросается в глаза» [10, ф. 3, оп. 1, д. 1942, л. 396 об.]. Общую негативную характеристику коммунистам на местах давали многие современники, подчеркивая трудность строительства социализма, особенно в деревне. Они отмечали, что «с партийными низами верхи не разговаривают, есть какой-то партактив, а почему бы мне не быть в партактиве как собрание выбирают, в Президиум – партактив, а низы не сажают» – «боятся провалят, не доверяют, в верхах сидят, разговаривают, а в низах слушают и голосуют» [3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 140].

Весьма критично воспринимали успехи в строительстве социализма красноармейцы ЗапВО, которые уже в 1928 году говорили о том, что «...никаких достижений в социалистическом строительстве нет. Это враки. Коммунисты сами разлагаются». Дополнялось все это критикой внутренней политики правительства и партии [см.: 10, ф. 3, оп. 1, д. 4053, л. 13]. В задаваемых на собраниях в момент проведения дискуссии на XIV партсъезде вопросах обнаружилось, что среди огромной массы населения распространено мнение о невозможности построения социализма в России [см.: Там же, д. 3214, л. 93].

Определенные опасения среди комсомольцев и партийцев вызывало и то, что по мере построения социализма в СССР будет утрачена перспектива мировой революции. Эта мысль волновала комсомольцев 37-й стрелковой дивизии, расположенной в Брянской губернии [см.: Там же, д. 2710 а, л. 108 об.]. В Смоленской губернии об этом говорил на партийном собрании военком 2-й гаубичной батареи 33-го артполка, заявивший, что «дело строительства социализма ускорится только при международной революции» [Там же, д. 3211, л. 35]. Такое мнение стало уже еретическим, партийная организация поспешила указать на неправильность этого выступления. Однако несмотря на партийное давление на сомневающихся, понимание тесной связи успехов в построении социализма в СССР

с мировой революцией имело распространение на протяжении 1920-х годов. Уже осенью 1927 года о наличии таких взглядов говорили некоторые партийцы из Должанской организации Ливенского уезда, коммунисты Дросковской волостной организации Малоархангельского уезда Орловской губернии при обсуждении тезисов к XV съезду РКП(б) [см.: 3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 62, 75]. В 1928 году выступавшему с докладом о работе губкома на Песоченском волостном партийном собрании Матвееву был задан вопрос: «Можно ли построить в одной стране социализм» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1293, л. 156].

Таким образом, попытки сталинского руководства навязать населению идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране – СССР – имели массу противников, эта мысль с трудом приживалась в массах. Среди разных слоев населения СССР существовало устойчивое представление о том, что социализм в стране построить не удастся и причиной тому являлась неспособность социально-экономической и политической системы, возглавляемой новым классом – коммунистами, только декларирующими о высоких целях, но не желающими этого строительства.

Народные представления о социалистическом/коммунистическом будущем явно расходились с целями и задачами правящей партии.

1. *Сталин И. В.* Октябрьская революция и тактика русских коммунистов : предисловие к книге «На путях к Октябрю» // Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 358–401.

2. *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Утопия у власти. М., 2000 // Электронная библиотека RoyLib.com: сайт [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/comment/geller_mihail/utopiya_u_vlasti.html (дата обращения: 30.09.2016).

3. *Государственный архив* Орловской области (ГАОО).

4. *Государственный архив* Брянской области (ГАБО).

5. *Виноградов В. К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1, ч. 1 : (1922–1923 гг.). М., 2001. С. 358–401.

6. *Извозик В. С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995.

7. *Лившин А.* Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. М., 2010.
8. *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.
9. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО).
10. *Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО).*
11. *Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).*
12. *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1993. Т. 3.
13. *Даниелс Р. В.* Взлет и падение коммунизма в России. М., 2011.
14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 4, ч. 2 : 1926 г. М., 2001.

УДК 94(47).084 + 929(47) "19"

А. П. Килин

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЕЛОМНУЮ ЭПОХУ: ПЕТР ПЕТРОВИЧ КАПУСТИН (1890–1938)¹

Радикальная трансформация общества в условиях революционных потрясений происходит столь динамично, что с неизбежностью приводит к обратной реакции, к трансформации целей и задач тех социальных групп, которые пришли к власти в ходе переворота. На смену идее разрушения существующего строя приходит необходимость стабилизации, консервации существующего положения новых элит. Рассматривая насилие, ресурсы и доверие как три институциональные основы власти, можно наблюдать смену приоритетов в доминировании каждого элемента на различных этапах развития раннесоветского общества. Изменялся и пространственный фокус власти, которая, масштабируя стоящие перед ней проблемы, отдавала приоритет глобальному, национальному или локальному пространству. Человек в этих условиях мог в большей или меньшей степени соответствовать изменяющимся условиям. С целью адаптации и выживания он был вынужден меняться, трансформироваться, воплощаться во множестве идентичностей, точнее, в той из них, которая была наиболее востребована властью. Порой это приводило к отказу или потере собственной идентичности, служило основой для массовой маргинализации населения страны. Биография П. П. Капустина служит примером того, как активный и деятельный человек из народника, борца с царским режимом и союзника социал-демократии превратился во врага большевиков, затем вновь в их союзника (или попутчика), а затем был репрессирован. В судьбе одного человека оказались сосредоточены все наиболее значимые исторические сюжеты эпохи, он прошел через все перипетии переходного периода. В статье делается попытка сопоставить исторические этапы развития страны с биографией индивидуума, показать как противоречивость, так и закономерность, согласованность индивидуальной жизненной траектории с внешними обстоятельствами, что может привести как к стремительному карьерному росту, так и к маргинализации и гибели человека.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция, гражданская война, нэп, репрессии, переходный период, Петр Петрович Капустин, автобиография, власть, политика, идеология, человек, периодизация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Проблема достоверности исторических фактов является непреходящей и всегда актуальной. Исторические события в изложении их непосредственных участников, как правило, имеют множество интерпретаций, они могут быть далеки от объективности, полноты и достоверности. Однако именно этот материал представляет особую ценность, так как лишь человеческий взгляд, «одушевленная оптика» позволяют ощутить нерв, дух эпохи, вызвать чувство сопереживания или отторжения, включить эмоции читателя, слушателя или зрителя.

Поэтому, знакомясь с материалами периодической печати, делопроизводительной документации правоохранительных и административных органов, наше внимание всегда привлекают биографии современников тех событий. Эти документы позволяют рассмотреть судьбу человека в период радикальных изменений, проследить одновременно специфическую и типичную «траектории» человеческих судеб на фоне трансформации общественного строя. Личная, индивидуальная история может синхронизироваться с историей страны, а может вступать с ней в резонанс, двигаться в противофазе, предопределяя либо стремительный карьерный рост, либо маргинализацию и трагическую гибель индивида.

Особый интерес представляют переходные периоды, эпохи радикальных преобразований, которые ломают не только общественные институты, но и человеческие судьбы. Смысл восточного проклятья – «Чтобы ты жил в эпоху перемен» – в наши дни осознается россиянами все с большей отчетливостью, несмотря на популярность песни В. Цоя с требованием перемен.

В данной статье нами будет предпринята попытка совместить наше представление об общих закономерностях трансформации общественного строя в России на рубеже XIX–XX веков с биографией Петра Петровича Капустина (1890–1938) [1].

Хронологический отрезок в 50 лет не столь продолжителен по историческим меркам, однако настолько насыщен историческими событиями, что может быть разбит на этапы, а количества переломных моментов вполне хватило бы на несколько жизней.

Осмисливая события 1917 года, мы воссоздаем образ государственного переворота, революции, ознаменовавшей смену эпох и предопределившей развитие не одной, а нескольких (если не всех)

стран мира на десятилетия. «Дело Октября» живет и сегодня, поскольку часть россиян либо тихо тоскует по СССР, либо активно призывает нас с вами вернуться в «светлое прошлое», которое «гарантировало уверенность в завтрашнем дне». Парадокс ситуации заключается в том, что если в СССР была гарантирована уверенность в завтрашнем дне, то почему она не была реализована на практике и СССР распался?

Революции, как оправы для камня, плотно зажимают в тиски советский период отечественной истории, поскольку и в 1917, и в 1991 годах были осуществлены радикальные изменения, произошли революции. Трансформации подверглись формы правления, государственного устройства, модели хозяйствования, пространственной формы государства и социальной структуры общества. Для обозначения этих процессов слово «реформы» менее адекватно, чем термин «революция», хотя стоит согласиться с тем, что радикализм и скорость преобразований в начале века намного превосходили темпы реформ в конце XX века.

Революции, несомненно, можно назвать точками бифуркации с непредсказуемым результатом. Революционеры, декларируя на этапе подготовки переворота одни цели и задачи (программы минимум и максимум), придя к власти, существенно их корректируют. Лишь после свершения переворота победителями формулируются выводы (тексты, главы школьных учебников) о закономерности и неизбежности победы свершившейся революции. Такая манипуляция выглядит оправданной с точки зрения легитимизации власти новых элит, формирования национальной идентичности и патриотизма. Обман заложен и в самом революционном движении на стадии подготовки, так как кумулятивный эффект достигается путем объединения масс, имеющих самые разные интересы, при помощи максимального накала существующих противоречий, в ситуации высокой неопределенности и максимальных рисков.

В рамках своего теоретического анализа способности государства приобретать и осуществлять власть Джефф Малган четко обозначил три источника власти: насилие, деньги и доверие [см.: 2, с. 33]. Вслед за ним в качестве институциональных основ мы рассмотрим «трех китов» власти: насилие, ресурсы и доверие. Используя эти

категории, можно проследить как соотношение этих факторов, так и приоритет, вес каждого из них на разных исторических этапах.

«До», «во время» и «после» революции радикально меняются как политические установки, так и «пространственные» приоритеты акторов процесса. Пространственные рамки радикальных преобразований, масштаб первоочередных проблем, стоящих перед властью, можно рассматривать в локальном (региональном), национальном и глобальном (интернациональном) измерениях. Масштабируемость проблем, которые объявляются доминирующими на том или ином этапе революции, также находится в динамике. В зависимости от ситуации приоритет может отдаваться как глобальным проблемам, так и национальным или региональным (локальным). Это зависит от того, какие цели в приоритете: стратегические или тактические, либо речь идет лишь о маневре. Следует учитывать и степень агрессивности внешней среды в процессе реализации внешнеполитических и внешнеэкономических задач.

Доминирующие институты власти, масштабируемость проблемного поля и адекватность этим «предлагаемым обстоятельствам» жизненного сценария конкретного человека на нескольких, отличных друг от друга этапах этого исторического периода – вот основная идея данной статьи. Не уверен, что это инновационный подход, так как социально-экономические условия и биография человека рассматриваются в тесной связи не только в истории, но и в политологии, социологии, литературоведении и других дисциплинах, являются атрибутами антропологического подхода. Возможно, что данная постановка вопроса служит цели освежить в нашем восприятии исторический материал, который до некоторой степени канонизирован в отечественной историографии.

О чем бы ни говорил человек, он в конечном итоге говорит о себе, какой бы период ни изучал историк, он пишет о своем времени. Неизбежно возникают исторические параллели, а вслед за ними и прогнозы, так как стремление человека заглянуть в будущее существовало всегда.

Крайние хронологические рамки исследования определены периодом жизни П. П. Капустина (1890–1938), в рамках которых мы выделяем четыре этапа:

- 1) подготовительный период (с точки зрения руководителей социал-демократических партий и движений) (1890–1916)²;
- 2) этап, который непосредственно следовал за переворотом (гражданская война) (1917–1921);
- 3) период восстановления экономики (1922–1928);
- 4) этап форсированного, мобилизационного развития (1929–1938).

Период 1890–1916 гг. привлекает внимание исследователей, которые существенно расходятся в его оценке. Существует точка зрения, что это период расцвета Российской империи, годы, которые предопределили интенсивное развитие страны, если бы не неблагоприятные внешние обстоятельства в виде войн и революций. Противоположная точка зрения призвана обосновать неизбежность революции, поэтому акцентирует внимание на негативных тенденциях, признаках деградации и распада.

Среди революционно настроенных слоев доминирует дух отрицания и разрушения. Циники и романтики объединены идеей радикального изменения существующего строя. Происходит консолидация деструктивных по отношению к существующей системе социальных слоев (маргинальных – по версии властей, передовых и прогрессивных – по мнению их противников). Основные идеи связаны с подрывом, дискредитацией, демонтажем, разрушением системы, прежде всего политической. Будучи оппозиционной силой, их основными задачами является подрыв доверия к власти, попытка получить косвенный (нелегальный) контроль над распределением ресурсов, нейтрализовать существующую систему насилия и подавления. Арсенал методов традиционный, так как изобрести нечто принципиально новое весьма сложно, он во многом заимствован у правящего режима. В контексте нашей темы следует отметить, что в эти годы произошло становление революционеров как личностей, и поскольку в большинстве своем они были российскими поданными, а не приезжими иностранцами, необходимо

² Этот этап может и должен быть подразделен на два периода: 1890–1913 и 1914–1916, так как война, несомненно, внесла свои коррективы в развитие страны и сделала возможной осуществление революции. Однако наш герой не был призван на фронт, и это обстоятельство сильно осложнило бы наше сравнение.

объективно оценить систему воспитания и образования, которая позволила сформироваться столь критически мыслящим личностям.

На этом этапе с целью пропаганды и агитации, расширения рядов своих сторонников наиболее эффективным является обращение к локальным, жизненно важным и насущным интересам конкретного человека. Проблемы конкретной фабрики, села, района или губернии активно обсуждаются. На стадии агитации наблюдается стремление вписать индивидуальные интересы в общемировой контекст, дать объяснение целей и задач с точки зрения глобальной теории – марксизма. Были распространены по своей сути мессинские идеи – коммунизм и освобождение всего трудового народа, идеи пролетарского интернационализма и т. п.

Наш герой Петр Капустин родился 18 марта 1890 года (по старому стилю) в д. Зилан, Крейцбургской волости, Двинского уезда, Витебской губернии (эта территория впоследствии вошла в состав Латвийской республики), в семье латышского крестьянина. Помимо Петра в семье было еще трое детей: две сестры и младший брат. Этническая принадлежность П. П. Капустина в ряде документов указана «латыш», а в некоторых «русский». Принадлежность к иностранцам, но в то же время и к жителям западных губерний Российской империи, с одной стороны, могла сформировать чувство ущемленности, а с другой, более высокий имущественный и социальный статус. Крестьянское происхождение не помешало ему получить образование. В своей автобиографии П. П. Капустин писал: «Первоначальное образование я получил в Крейцбургском народном училище, обучаться в других учебных заведениях на родине я был лишен возможности следствием отсутствия у отца средств. Работая усиленно над самообразованием, я сдал экстерном через Реальное училище в городе Великие Луки, после чего поступил в Московский сельскохозяйственный институт, но по той же причине его не окончил» [3, л. 21].

Будучи студентом, П. П. Капустин работал на Московской окружной железной дороге, где втянулся в революционное движение. За агитацию среди рабочих он был выслан на три года из Москвы в Сибирь (как он сам пишет в своей автобиографии), в Акмолинскую область (в настоящее время – территория Северного Казахстана).

Можно считать, что этот факт свидетельствует об оппозиционности его к власти, поэтому был призван в дальнейшем подтвердить его политические взгляды до Октября 1917 года.

Из ссылки он эмигрировал в Данию (после отбытия наказания или нелегально, не указывается). В Дании он работал в сельском хозяйстве и занимался практическим изучением мелкого крестьянского хозяйства. Его возвращение в Россию и работа в земских учреждениях демонстрируют, с одной стороны, не столь негативное отношение к нему со стороны властей, а с другой, его последовательность в выборе профессиональной карьеры. Он работает в должности районного инструктора по сельскому хозяйству в кредитной кооперации в Ржевском и в Калужском уездах, занимает пост управляющего Григорковской сельскохозяйственной школой близ Сергиева-Посада в Московской губернии.

После переезда на Урал работает инструктором по животноводству и молочному хозяйству в Златоустовском хозяйстве Уфимской губернии. В своей биографии П. П. Капустин упоминает, что в это время помощником уполномоченного Министерства земледелия по Уфимской губернии был А. Д. Цурюпа, будущий нарком продовольствия. Впоследствии, до Февраля 1917 года П. П. Капустин работает в должности агронома-животновода Вологодского общества сельского хозяйства.

С 1908 по 1919 год являлся членом партии народных социалистов, выполняя отдельные поручения партии, а затем входит в руководящие органы на губернском уровне. Агитация среди рабочих, ссылка, эмиграция в Данию и работа в партии народных социалистов – это те факты из биографии, которые говорят о его политических пристрастиях. Большая же часть его жизни посвящена получению образования и работе в аграрной сфере. Очевидно, что его нельзя отнести к профессиональным революционерам, а его самоидентификация строится прежде всего на основе выбранной сферы деятельности. Он – агроном и специалист по сельскому хозяйству. Однако в соответствии с народническими установками он работает «на земле», непосредственно выполняя свои обязанности. На данном этапе биография П. П. Капустина выглядит как прогрессивная и вполне соответствующая духу времени судьба человека,

народника в полном смысле этого слова, вышедшего из крестьянской среды и выучившегося на агронома человека, который постепенно строит свою профессиональную карьеру.

Второй этап (1917–1921). В ходе самого переворота, непосредственно после него и после прихода к власти перед акторами стоит задача завоевания захваченных позиций. Доминируют военные и политические цели, задача канализации накопившейся деструктивной энергии против врагов «нового», завоевание реальной, а не символической власти, в соответствии со словами первого гимна Советского государства в оригинальном варианте звучало так: «Весь мир насилья мы разруем до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...»

На данном этапе основной акцент делается на насилие и уничтожение, в том числе физическое (реальных в большей степени, мнимых в меньшей степени), противников новой власти. Стремление получить полный контроль над ресурсным потенциалом не столько для того, чтобы им рационально распоряжаться (в таких условиях даже учесть его было невозможно), сколько для того, чтобы лишить прежние элиты экономической базы. Осуществляются массовая национализация и экспроприация, «красногвардейская атака на капитал». Разумеется, эти шаги вызывают недовольство, в том числе среди бывших соратников.

Происходит перелом в интерпретации доверия. С одной стороны, совершив переворот, т. е. реализовав ранее декларируемые цели, новые власти получили аргумент в свою пользу. С другой стороны, легитимность переворота ставится многими под сомнение и не признается значительной частью населения, потому к «сомневающимся» активно применяются насильственные способы убеждения. Доверие, символический капитал новой власти, строится на прежних лозунгах, на идеях прямого противопоставления, войны с врагами, с «бывшими». Складывается сложная и весьма противоречивая психологическая ситуация гражданской войны, которую, используя современную терминологию, назвали бы «гибридной войной». Распространен популизм, направленный на разжигание идей реванша со стороны угнетенных, деклассированных, люмпенизированных и лишенных прежде доступа к каналам

распределения ресурсов социальных слоев населения. Ожидания широких масс, вдохновленных революционными лозунгами, отодвигаются до лучших времен. Зачастую происходит переход граждан из одного в другой противоборствующий лагерь, иногда по собственной воле, в соответствии со своими убеждениями, зачастую под угрозой применения насилия. Чередование «белых» и «красных», а порой «зеленых» полос в биографии человека является не исключением, а весьма распространенной практикой.

В этот период серьезно подрывается интеллектуальный и экономический потенциал страны, так как прежние элиты и политические оппоненты являются носителями технологических и научных знаний, подлинными акторами модернизационного процесса. Исключения подтверждают правила, поэтому происходит вербовка временных союзников, большевики проявляют прагматизм в выборе попутчиков, в том числе «прощают» им их буржуазное, а порой и «контрреволюционное» прошлое.

В силу объективных причин в годы гражданской войны и военной интервенции физически сокращается территория государства, реализуются идеи сепаратизма и областничества, набирает популярность концепция регионализма. В условиях дисперсной структуры власти и управления большевики стремились заручиться поддержкой этнических и региональных элит, в сознание которых активно внедрялись идеи федерализма. Сужение пространственных горизонтов заставляет сосредоточить внимание на сохранении суверенитета, основное внимание фокусируется на национальном масштабе. Локальный уровень радикально отходит на второй план, так как период военного времени диктует свои требования: надо потерпеть с реализацией частных интересов ради общего дела. Однако учитывая неординарность ситуации (пролетарская революция) и активное вовлечение в конфликт ряда иностранных держав (интервенция), глобальный уровень сохраняет свою актуальность. Глобальный уровень, как фон происходящих событий, построен на бинарном подходе. Во внешнем мире есть друзья, готовые помочь (международное рабочее движение), при этом основной акцент делается на внешней угрозе (мнимой или реальной), подчеркивается крайняя агрессивность внешней среды. Это обстоятельство

выступает в качестве основного аргумента в пользу формирования мобилизационной экономики и отхода от декларируемых, на этапе романтико-революционной пропаганды, принципов. «Вот закончится война, тогда...» мы сможем приступить к воплощению в жизнь своих обещаний.

Это, пожалуй, самый динамичный период в биографии П. П. Капустина (1918–1921). Его общественно-политическая деятельность явно доминирует над профессиональной, хотя и непосредственно с ней связана. С октября 1917 года он занимает должность губернского агронома при Архангельском губисполкоме в тот период, когда у власти в губернии находились большевики. В 1918 году после переворота социалистов-революционеров он остался на своей должности и был отстранен лишь по рекомендации дипломатического корпуса иностранных государств, который располагался тогда в Архангельске. С декабря 1919 года, после возвращения власти большевиков, он занимает пост заведующего сельскохозяйственным подотделом сначала уездного земского отдела, затем губернского земского бюро и работает в должности губернского агронома. Впоследствии становится начальником Управления земледелия в Москве. Вскоре он занимает должность уполномоченного Главпрофобра на юго-востоке по сельскохозяйственному образованию и руководителя Средне-Волжского сельскохозяйственного техникума в с. Усолье Симбирской (Ульяновской) губернии, а по совместительству – пост уполномоченного Главземтрана НКПС.

На этот период приходится пик его политической активности, причем не на стороне большевиков. В феврале 1917 года он официально вступает в партию народных социалистов. В 1917–1919 годах является членом Вологодского комитета партии народных социалистов, а с декабря 1917 по август 1919 года – членом, руководителем организационно-исполнительного бюро Северо-восточного областного съезда. По его словам, в 1918 году во время переворота эсеров во главе с Н. В. Чайковским он был в командировке и не разделял их взглядов. По другим данным П. П. Капустин являлся активным участником антибольшевистского переворота в Архангельске. Он сформировал в прилегающих к Архангельску волостях, а затем возглавил отряд крестьян. «Крестьянский отряд под руко-

водством Г. Моисеева и земского агронома П. П. Капустина насчитывал 200–300 человек, одна только Лисестровская область выставила 49 добровольцев» [4, с. 292]. Отряд принял участие в захвате города. После переворота П. П. Капустин играл видную роль в общественно-политической жизни Архангельска. Интересен тот факт, что он выступил в качестве идеолога регионализма. В ноябре 1918 года он подготовил для правительства Северной области доклад, в котором обосновал необходимость объединения в ее границах ряда губерний. В 1919 году он являлся членом Союза кооперативов в Архангельске. В феврале-марте 1919 года был ответственным секретарем, а затем председателем Архангельского губернского совета профсоюзов. В этом качестве в марте 1919 года был выбран членом комиссии городской думы Архангельска по расследованию эпидемии тифа в тюрьмах. После обострения отношений с интервентами и зависимым от них правительством Северной области в сентябре 1919 года стал организатором и руководителем нелегального комитета по организации забастовки рабочих в Архангельске, которые выступали за политическую амнистию (в том числе и большевиков), против военной интервенции. За эти и ряд других действий П. П. Капустин был исключен из антибольшевистского «Союза возрождения России», арестован на месяц за организацию забастовки правительством Северной области, а затем выслан из Архангельска на Печору, в Пустозерск. Основное обвинение, которое ему предъявлялось, заключалось в поддержке большевиков. Среди высланных «большевиков» был и П. П. Капустин. Создается впечатление, что он сам критически оценивал степень своей «большевизации» и большевиком себя не считал. В биографии с определенной долей иронии говорится, что на месте высылки «местные кулаки» полагали, что «таких опасных большевиков, как Капустин, в таком мирном уголке, как Пустозерск, держать нельзя» [1, с. 414].

Свои политические настроения и переживания П. П. Капустин после возвращения в Архангельск, когда он был очищен от белых, изложил в пространном письме и в личных разговорах с уполномоченным ВЧК товарищем Кедровым. Тогда же он официально отказался от любой контрреволюционной деятельности.

Таким образом, на данном историческом этапе П. П. Капустин выступил как противник переворота большевиков, не как активный сторонник, а как попутчик эсеров, принимал участие в управлении Северной областью. Именно его членство в «Союзе возрождения России» являлось основанием для обвинений в контрреволюционной деятельности. Возможно, что именно это обстоятельство послужило поводом для обвинения, за которым последовала его гибель. Он выступил сначала как противник, а затем как попутчик советской власти, «спец», чьи услуги были востребованы в период становления новой государственности. Его контрреволюционная деятельность в этот период не воспринималась столь критически, как в последующие годы, это был эпизод в его биографии, на который до определенного времени можно было закрыть глаза.

Третий период – стабилизация (1922–1928), стремление придать устойчивость системе, восстановить хозяйство страны и нейтрализовать, притормозить или свести на «нет» деструктивные силы, разбуженные накануне революции и в первые послереволюционные годы (период торможения). Происходит очень резкий поворот, к которому многие наиболее революционно-настроенные товарищи оказались не готовы (так называемые левые), а «правые», искренне поверив в возможность эволюционного развития, напротив, были обвинены в реваншизме, в стремлении восстановить старые порядки.

В этот период, в годы новой экономической политики произошла частичная реставрация традиционных форм хозяйственной деятельности, точнее, использование сложившихся до 1913 года хозяйственных практик. Власти признали наличие многоукладной экономики и декриминализировали некоторые виды экономической активности, для этого они пошли на допущение частной собственности, концессий, торговли, предприняли попытки внедрить принцип коммерческого расчета на государственных предприятиях.

Стремление придать динамизм экономическим отношениям сочеталось с попытками законсервировать политическую, прежде всего партийную, систему.

В экономике ставилась цель добиться восстановления хозяйства страны в максимально короткие сроки, мобилизовать все имеющиеся ресурсы, в том числе при помощи местной инициативы. Было

необходимо не только реанимировать прежние хозяйственные связи, но и, получив контроль над ними, выстроить собственный, советский аппарат. Демонстрировалось стремление сбалансировать развитие отраслей народного хозяйства (смычка города и деревни, ликвидация «ножниц цен»).

Напротив, политическая система предполагала централизацию и унификацию ради «единства партии». Это повлекло за собой борьбу с фракционными группировками внутри РКП (б), запрет оппозиционных партий, повсеместное введение цензуры и ряд мероприятий, которые накануне революции вызывали яростную критику со стороны большевиков.

На данном этапе в тройке «насилие, ресурсы, доверие» на первый план выступил ресурсный потенциал, для его извлечения необходимо было доверие хозяйственных субъектов, а насилие могло претендовать только на третье место.

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной или регионально-корпоративной модели региональной политики предполагало предоставление больших прав регионам. Специфика этой модели управления выражалась в локализации производства с учетом местных условий, в общности интересов предприятий различных форм собственности. Территориальный принцип управления экономикой способствовал развитию кооперативных связей, осуществляемых через рынок. В дихотомии «план – рынок» рыночные начала, идеи хозяйственного расчета порой доминировали, так как органично вписывались в ценностные ориентиры субъектов хозяйственной деятельности. Напротив, идеи тотального планирования и распределения не всегда находили понимание, тем более что реальная практика свидетельствовала о неэффективности данных механизмов.

Как следствие, на стадии стабилизации происходит локализация пространственного аспекта. Часть ожиданий населения вновь была отложена, но при этом существовала насущная необходимость активизировать инициативу с мест, поскольку ресурсный потенциал центральной власти был ограничен. Вся масса формально национализированного имущества в статичном состоянии ничего не стоила, а запустить механизм в действие большевики не могли.

При формальном богатстве Советского государства каналы распределения не работали, а порой и распределять было нечего, как следствие, власть апеллировала к насущным потребностям граждан, декларировала заботу государства о простом человеке. Регионам предоставляется самостоятельность, проводится административно-территориальная реформа, направленная на укрупнение территорий. Внешний фон с неизбежностью должен был представляться агрессивным, в виде «враждебного капиталистического окружения», однако риторика смягчается, поскольку осознается необходимость включения страны в мирохозяйственные связи. Одновременно во внешней политике происходят положительные сдвиги: заключение торговых договоров и признание СССР зарубежными странами.

В 1922–1928 годах в биографии П. П. Капустина происходит ряд изменений. Он уходит с должности руководителя техникума в результате конфликта, о котором пишет так: «Особенное внимание было сосредоточено на сохранение техникума, здесь работа осложнялась общим недостатком средств, кормовых ресурсов, тяжелым внутренним положением техникума, отвлекавшим внимание на второстепенные вопросы, и, наконец, теми злоупотреблениями, которые были выявлены на судебном процессе Топильского, Позигунда, Теплова и других в Москве и с которыми, только инстинктивно улавливая, нужно было иметь дело и вести тяжелую борьбу. В связи с указанными вопросами возникло много склок и недоумений, оставшихся до последнего времени не выявленными и послужившими моему вынужденному уходу из техникума» [1, с. 415–416]. Речь идет о «Деле “Гукон”», которое рассматривалось в мае-июне 1923 года судебной коллегией Верховного суда РСФСР. Обвиняемыми являлись чиновники «Секции по спасению животноводства», которая входила в структуру ЦК Помгол.

Затем он занял должность начальника агрономической службы Пермской железной дороги в Екатеринбурге. Этот пост он занимал с 1 декабря 1922 года до момента своего ареста 6 августа 1924 года. Данный период характеризуется активным вовлечением населения в коммерческую деятельность. Государственные организации также были нацелены на получение прибыли и одновременно – на выполнение плановых заданий. Оказавшись в такой

двойственной ситуации, рыночные, коммерческие соображения порой доминировали.

В обвинительном заключении говорилось: «По всей работе Агрослужбы делается определенный уклон в сторону промышленно-хозяйственную и даже, в ряде случаев, в чисто коммерческую <...> Капустин в ущерб интересам Агрослужбы занялся устройством своего собственного хозяйства на одном из плодороднейших участков сельскохозяйственного коллектива железнодорожников Свердловского (бывшего Екатеринбургского) узла при станции Свердловск II. В данном случае следствием установлена явная “недобросовестность” Капустина, обуславливающая вменение ему в вину в порядке уголовном “безхозяйственности” по Агрослужбе» [3, л. 242–270]. П. П. Капустину и его сотрудникам было предъявлено обвинение на основании статей 113 (дискредитация власти) и 128 (бесхозяйственность) Уголовного кодекса РСФСР [см.: 5]. В материалах дела отсутствуют протоколы судебного заседания и приговор, поэтому мы не можем утверждать, что данное дело было доведено до суда.

Отметим, что подобного рода ситуации встречались повсеместно, поскольку власти, с одной стороны, разрешали коммерческую деятельность в государственных организациях, допускали частное предпринимательство в экономику, но, с другой стороны, периодически экспроприировали частника и наказывали наиболее предприимчивых хозяйственников.

Четвертый период (1929–1938) можно рассматривать как переход от модели эволюционного развития к модели мобилизационной экономики, формирования ускоренными темпами специфической формы социализма, существенно отличающейся от теоретических построений предреволюционного периода и частично воссоздающей черты дореволюционного прошлого (централизация, этатизм, авторитаризм, элитаризм, унитаризм). Насилие в виде перманентного террора и репрессий решало как политические задачи (узурпация власти номенклатурой), так и отчасти экономические (использование принудительного труда). Высокие и сверхвысокие темпы развития в рамках первых пятилетних планов потребовали большого количества ресурсов. В условиях автаркии необходимо было использовать внутренний потенциал страны, где в качестве

источника «первоначального социалистического накопления» рассматривался необобществленный сектор экономики. Как результат, происходит наступление на частный капитал с использованием административных, прежде всего фискальных, методов и грядет очередная волна экспроприаций. Основным массовым источником ресурсов являлось сельское хозяйство (сырье, кадры, финансы). Дефицит ресурсов и борьба с частным капиталом предопределили отмену рыночных механизмов, в том числе в сфере торговли и замену ее механизмом распределения. В кадровой политике (если рассматривать человеческий потенциал как ресурс) отказываются от компромиссов, связанных с широким использованием «бывших» как «спецов». Начался процесс формирования собственных кадров – менее квалифицированных, но более лояльных.

Доверие к власти формируется с использованием пропаганды, работавшей на идею построения социализма в одной отдельно взятой стране в условиях враждебного капиталистического окружения. Культивировалась идея грядущей войны и обострения классовой борьбы по мере построения социализма.

«Предчувствие войны», потенциальная угроза военного противостояния являлись архитипичным образом в массовом сознании. Формировался замкнутый круг: среди населения циркулировали слухи о грядущей войне (варианты противников были самые разнообразные – Англия, Франция, Германия, Польша, Румыния, Япония и др.), в свою очередь, официальная пропаганда распространяла сведения об агрессивности капиталистических стран, оправдывая ожидания населения. Именно поэтому эффективность пропаганды была очень высока. Вопрос о реальности или мнимости степени угрозы является дискуссионным.

Неудачи в планировании, дефекты управления, низкий уровень жизни и иные недостатки списывались на субъективный фактор, проблемы (впрочем, как и достижения) персонифицировались, что давало повод для новых репрессий. Чем больше неудач и проблем в стране, тем больше было оснований для выявления все новых и новых «врагов народа».

В пространственном плане декларируются глобальные цели, связанные с необходимостью сохранить и укрепить первое в мире

социалистическое государство в «кольце врагов». Провозглашается идея построения социализма в одной отдельно взятой стране, в условиях враждебного капиталистического окружения. Основное внимание сосредоточено на автаркии, укреплении обороноспособности страны. Региональные интересы игнорируются, проводится административно-территориальная реформа, направленная на дробление крупных территориальных образований.

Этот период (1929–1938) в жизни П. П. Капустина состоит из череды судебных процессов. П. П. Капустин был приговорен 14–15 декабря 1929 года по ст. 169 УК (злоупотребление доверием или обман) к трем годам лишения свободы и поражен на два года в избирательных правах [см.: 6, л. 1–14]. После вынесения приговора П. П. Капустин оказался на должности агронома в Курганской исправительно-трудовой сельскохозяйственной колонии Уральской области РСФСР НКВД в с. Утятское. В колонии он занимал должность агронома и вернулся к образовательной деятельности, состоял преподавателем курсов по животноводству [см.: 8, л. 10].

Нет сведений о том, где в это время находилась семья П. П. Капустина. Известно, что в 1925 году П. П. Капустин был женат на Анне Ниловне Капустиной и имел двоих детей трех и семи лет [см.: 3, л. 320].

В декабре 1930 года в отношении П. П. Капустина было начато еще одно уголовное дело, на этот раз по ст. 109 УК (злоупотребление властью или служебным положением), которое должно было рассматриваться 5 декабря 1930 года Народным судом второго участка г. Свердловска [см.: 6, л. 13]. Итоги данного рассмотрения нам не известны, но 10 января 1931 года П. П. Капустину было предъявлено новое, на этот раз более серьезное обвинение по ст. 58 п. 7 и п. 11 УК (противодействие нормальной деятельности государственных учреждений и предприятий).

Народническое прошлое вновь дало о себе знать. П. П. Капустин вопреки своей воле вновь оказался втянут в острые и опасные для него политические баталии. В постановлении о предъявлении обвинения говорилось: «...Капустин П. П., являясь в прошлом членом партии Народных Социалистов, имел до последнего времени антисоветскую идеологию, идущую в разрез с политикой советской

власти, с целью активной борьбы с советской властью вступил в контрреволюционную вредительскую организацию. Совместно с другими антисоветскими лицами он, Капустин, осуществлял контрреволюционные вредительские акты, направленные к срыву и дезорганизации работы советских органов. Своими действиями Капустин добивался создания кризисов и перебоев в снабжении, организаций на этой почве массового недовольства, а в конечном итоге, стремясь к свержению советской власти» [6, л. 4].

В материалах судебно-следственного дела содержится протокол допроса П. П. Капустина от 21 января 1931 года, в котором он категорически отрицал свое участие в контрреволюционной деятельности и сформулировал свои политические принципы, которые по своей сути оставались народническими [см.: 1, с. 409–410]. В 1931 году они воспринимались уже не столь безобидно, поскольку содержали критические замечания относительно государственной политики. Это уголовное дело 20 апреля 1931 года было закрыто [см.: 6, л. 1]. На наш взгляд, показателен тот факт, что откровенная и обоснованная аргументация, предложенная П. П. Капустиным, была услышана, и он был оправдан.

17 апреля 1935 года он был вновь арестован в колхозе «Аксай» Алма-Атинской области и на основании ст. 58.10 (шпионаж) УК РСФСР был приговорен к высылке сроком на 3 года [см.: 7]. Обращает на себя внимание несоответствие тяжести преступления, в котором его обвиняли, и меры наказания.

П. П. Капустин относительно благополучно прошел через серию судебных разбирательств, но его жизнь окончилась трагично. Возможно, что весь период с 1935 по 1937 год, будучи в ссылке, он работал агрономом колхоза «Кустарь» д. Смирновка, г. Ишим. Последний арест в 1937 году закончился его гибелью. «Капустин Петр Петрович. 1890 г., с. Зила Витебской губ. Ссылный. Агроном колхоза «Кустарь» д. Смирновка, г. Ишим. Арестован 14.10.1937 г. Осужден “тройкой” Омского УНКВД 15.03.1937 г. Расстрелян в Омске 03.04.1938 г. Реабилитирован 23.03.1957 г.» [8]

На различных исторических этапах меняются приоритетные направления развития страны, порой на диаметрально противоположные: отказ от рыночных механизмов в период военного комму-

низма сменяется нэпом; деструктивный период революционного подъема сменяется консервацией режима с элементами реставрации прошлого; интернационализация революционного движения, мировой революции заменяется идеей построения социализма в отдельно взятой стране.

В столь динамичной среде вполне закономерно, что человек вынужден адаптироваться, менять свою идентичность, включаться в те системы и «сети» (экономические, политические, социальные связи), которые предоставляли возможности или преимущества для адаптации, выживания или карьерного роста и пытаться дистанцироваться или выйти из «сетей», несущих максимальные риски (частное предпринимательство, контрреволюционная деятельность). «Да, я колебался, но только вместе с линией партии», – эти слова старого большевика из анекдота советской эпохи вполне адекватно отражают ситуацию.

Человек в этой среде постоянно менялся, трансформировался, приобретал или скрывал массу идентичностей. Зачастую «прогрессивность» развития личности виделась в полном отказе человека от своего прошлого. Поэтому особый интерес вызывает тот уникальный пример, когда человек сохранил свои убеждения, весьма прогрессивные для своей эпохи, но которые впоследствии стали причиной репрессий.

Если на первом этапе П. П. Капустин мог восприниматься как соратник, прогрессивно мыслящий человек, который стремился получить образование в аграрной сфере, работать на благо страны, но одновременно выступающий против существующей власти на стороне народных социалистов, то после победы большевиков ситуация меняется. Первоначально он выступает как их противник, принимает участие в антибольшевитской организации «Союз возрождения России». Затем практика работы в профсоюзе и взаимоотношений с интервентами в Архангельске меняют его позицию. После установления власти большевиков в Архангельске он возвращается в город и публично берет на себя обязательство не заниматься политической деятельностью. Однако быть вне политики не получается. Груз прошлого постоянно его преследует. Занимаясь своей профессиональной деятельностью, он проявляет инициативу,

что вновь приводит к столкновению с властями. Например, он активно включился в коммерческую деятельность в годы нэпа, что заканчивается судебным процессом. П. П. Капустин работал в образовательных учреждениях и хозяйственных организациях в тот период, когда его профессиональные навыки были востребованы, а принадлежность к народным социалистам не считалась столь критической. Он был активно вовлечен во все более или менее значимые исторические события и процессы волею судьбы, как он говорил, «помимо моей воли». Он оказывался в том месте и в тот час, когда происходили изменения, когда возникала ситуация выбора и оставаться в стороне не представлялось возможным. Эта активность вызвана особенностями личности, склада его характера или была предопределена объективными обстоятельствами (его знали в определенных кругах, дефицита кадров в регионах, востребованности как профессиональных, так и административных умений и навыков, относительно лояльных режиму «спецов»).

Развитие аграрного сектора в России было актуальной задачей для власти. Показательно, что как «царские», так и «большевистские» управленцы, несмотря на политические разногласия, привлекали П. П. Капустина для модернизации сельского хозяйства и развития профессионального образования. Символично, что в ходе репрессий 1937–1938 годов ценность профессиональных знаний утратила актуальность и на первый план выступили идеологические установки и фактор насилия, даже в ущерб развитию ресурсного потенциала страны. В этой связи возникает представление о том, что модернизационный потенциал был исчерпан и на первый план выдвинулись совершенно иные цели и задачи. Речь идет не только о сравнении целесообразности и суровости репрессивных мер в годы гражданской войны и в конце 1930-х годов, создается устойчивое представление о деградации управленческих институтов, контрмодернизаторских тенденциях с целью удержания власти. В этой связи вопрос о том, когда началась революция и когда она закончилась, когда был инициирован радикальный реформаторский импульс и когда он угас, по-прежнему не утрачивает своей актуальности.

П. П. Капустин как народный социалист, противник «царского режима» и сторонник народной демократии имел разногласия,

столкновения с большевиками как до, так и после революции, при этом он сохранил верность своим убеждениям.

Следовавшие буквально один за другим судебные процессы демонстрируют усиление нажима на нашего героя, с каждым разом тяжесть обвинений усиливается (от злоупотреблений до шпионажа).

Изучая судьбу человека в данный период, возникает вопрос, кто он был в реальности и как он воспринимался окружающими, прежде всего властями – как случайный попутчик или активный и заинтересованный деятель? Он был «актером», т. е. человеком, который осознанно и инициативно реализовывал свои интересы, зачастую вопреки обстоятельствам или «актером», т. е. субъектом, имитирующим общественную и трудовую активность, симулякром, человеком, отказавшимся от реализации своих интересов и ассимилированным, растворенным в безликой массе?

Рассмотрение судьбы конкретного человека демонстрирует как одни и те же факты его биографии по-разному интерпретировались на различных этапах отечественной истории. Если рассматривать общественно-политическую и профессиональную деятельность П. П. Капустина (несмотря на то, что он всячески пытался отделять их друг от друга), то очевидно, что в этих сферах он проявлял особую, отличную от рядовых обывателей активность. Поэтому, делая попытку емко охарактеризовать этого человека, можно говорить о нем как о народном социалисте, агрономе, советском работнике и репрессированном. На вопрос следователя о социальном положении, он ответил «советский работник» [2, л. 21]. Его профессия была стабильно востребована на всем протяжении его жизненного пути, вопреки его политическим предпочтениям, которые являлись специфическими и выбивались из общей массы как накануне, так и после Октября 1917 года. Поэтому, если резюмировать и одной фразой охарактеризовать жизненный путь этого человека, то на ум приходит выражение «свой среди чужих, чужой среди своих».

1. *Кишин А. П.* Против всякого желания, я вновь очутился в вихре политической борьбы...». Автобиография Петра Петровича Капустина // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. Вып. 16.

С. 396–417. На основе автобиографии создан аккаунт в социальной сети «ВКонтакте», где размещен иллюстрационный материал. См.: Петр Петрович Капустин (1890–1938) // Социальная сеть «ВКонтакте»: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/id334025735> (дата обращения: 15.08.2016).

2. *Mulgan G. Good and Bad Power: The Ideals and Betrayals of Government*. 2nd ed. L., 2007. Цит. по: *Кастельс М.* Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2016.

3. ГАСО. Ф. 148 (Свердловский областной суд). Оп. 1. Д. 181. Уголовное дело следственной части № 327/24 Уральского областного суда по судебному отделению по обвинению администрации Агрослужбы Пермской железной дороги Капустина, Суховерских, Новикова и других в числе десяти человек в бесхозяйственности и должностных преступлениях. 128, 128-а, 113 и др. ст. Уголовного кодекса (06.09.1924–1925).

4. *Новикова Н. Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011.

5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Юридическая Россия. Федеральная правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 15.08.2016).

6. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2 (Архивно-следственные дела на арестованных и осужденных по политическим мотивам (ст. 58 УК РСФСР), впоследствии реабилитированных). Д. 9645 (Следственное дело № 6161 по обвинению Капустина Петра Петровича (26.12.1930 – 19.02.1931)).

7. *Капустин П. П.* Сервис «Мемориал» // Министерство внутренних дел республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mObl2/mObl2_K/2461526F32423F93E054002655122E6A (дата обращения: 15.08.2016).

8. *Капустин П. П.* Мемориал. Списки жертв. Тюменская область // Международное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/memory/tumen/> (дата обращения: 15.08.2016).

УДК 94(47).084.2/.084.6

К. Д. Бугров

МАРКСИЗМ И «КРАСНЫЙ РЕСПУБЛИКАНИЗМ» В ДОВОЕННОМ СССР: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье ставится и рассматривается вопрос о трансформациях политической культуры России, произошедших под влиянием Октябрьской революции и прихода к власти большевистской партии. По мнению автора, две ключевые манеры политической речи, характерные для большевиков, можно условно называть марксизмом и «красным республиканизмом». Марксистская социология стала под пером Ленина важнейшей инновацией, переломным моментом в истории отечественной политической культуры, позволившей обосновать взятие власти большевиками в 1917 году и закрепление монополии партии на власть. Однако разочарование в прогностической способности марксистской социологии и переход к построению социализма в отдельной стране привели к формированию другого политического языка, который можно назвать республиканским, отсылая к хорошо изученному феномену европейской политической мысли. Политическую культуру раннего сталинского СССР можно считать республиканской, т. е. опирающейся на признание примата политического над экономическим и на концепцию гражданской доблести (энтузиазма), неразрывно связанной с особым политическим строем страны. Взаимодействие марксистского и «красного республиканского» политических языков на рубеже 1920–1930-х годов стало основополагающим для советской политической культуры и остается чрезвычайно важным и для современной России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Советский Союз, республиканизм, марксизм, революция, диктатура пролетариата, Ленин.

I

Октябрьскую революцию 1917 года можно считать водоразделом для российской политической истории, кроме прочего, еще и по той причине, что она означала жестокий и бескомпромиссный разрыв с предшествовавшими традициями отечественной политической культуры (несмотря на наличие целого ряда работ, авторы которых указывают на преемственность или «цикличность» российской политической культуры [см.: 1; 2; 3]). Если мы будем исходить из того, что политика – это процесс коммуникации и, следовательно, политическая культура определяется доступностью ее ак-

торам тех или иных политических языков (с помощью которых они описывают положение дел, аргументируют, убеждают друг друга и, наконец, отдают распоряжения), то можно сказать, что прорывный, новаторский характер изменений, привнесенных на российскую политическую арену большевиками, определялся сочетанием двух крупных политических *манер речи*. Одна из них легко поддается идентификации и достаточно хорошо известна – это марксистская «классовая диалектика». А вот вторая находится на виду несколько меньше и не имеет устоявшегося названия, поэтому мы будем ее определять как «красный республиканизм».

Почему Октябрь 1917 года можно считать рубежом? Российская политическая традиция не знала отношения к власти как к предмету, который можно захватить; как ни странно, даже XVIII век, век дворцовых переворотов, официально выглядел «эрой чудес». В массиве панегирической литературы, циркулировавшей при дворе императоров и доминировавшей в политической культуре страны, а также в публицистике, конечно, не отрицался факт смены одних царей другими. Однако основным агентом изменения считалось Провидение: два важнейших дворцовых переворота – переворот 1740 года Елизаветы Петровны и переворот 1762 года Екатерины II – рассматривались в контексте божественной милости, а не тактики и стратегии борьбы заговорщиков за власть. Указания на божественный характер власти императоров присутствуют практически во всех высказываниях о власти, появившихся в печати в XVIII – начале XIX века; к сожалению, функционирование религиозно-политического языка в России имперского периода не становилось пока предметом специального исследования, равно как не исследован с этой целью и корпус панегирической литературы (духовной и светской). Тем не менее, можно с уверенностью назвать основную черту дискурса о власти, сформировавшегося в монархически-абсолютистской политической культуре XVIII века: власть нельзя «взять», поскольку короны раздают не люди, но Провидение. Соответственно, царствование тирана – Божье наказание, а свержение тирана – Божья милость [см.: 4, с. 7–16]. К середине XVIII века состоялось наделение российского дворянства особыми правами и привилегиями, не имевшими аналогов и носившими характер пожалования со сто-

роны императора. Формирование системы дворянских привилегий на фоне общего модернизаторского курса имперской элиты привело к формированию взгляда на российское общество как на глубоко расколотый социум, в котором просвещенное меньшинство волей императора (т. е. Провидения!) осуществляет управление неразвитым, несознательным большинством, преимущественно крестьянским.

Провиденциализм плюс априорное признание российской отсталости! Эта традиция оставалась чрезвычайно влиятельной – настолько, что, например, заговорщики-декабристы в начале XIX века так и не смогли решить в своем кругу вопрос о том, откуда должно черпать легитимность предполагаемое революционное правительство (от Бога? от народа?); а, например, народовольцы рассчитывали «подтолкнуть» царское правительство к преобразованиям с помощью террора. Провиденциальная легитимность оставалась достоянием царя – помазанника Божьего; апелляция же к народной «общей воле» оставалась проблематичной именно из-за признания существования глубокого культурного разрыва и массовой «отсталости».

II

Речь Ленина на Финляндском вокзале и последовавшие за ней «Апрельские тезисы» (1917) рвали с описанной выше традицией, явившись оригинальной адаптацией марксистской социологии (в ее радикальном изводе) к российским реалиям: лидер большевиков выдвинул требование немедленного перехода к республике Советов и, в конечном счете, к «коммуне», вовсе не опасаясь показаться нелегитимным. Работы и статьи Ленина лета-осени 1917 года – это не только памятник радикальной марксистской мысли, но и грандиозная инновация на почве российской политической культуры. Большевики, уверял Ленин, готовы взять власть; напрасно лидер Петросовета И. Г. Церетели «говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: “есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком”» [5, с. 267]. Это – первое в российской истории откровенное, публичное признание в желании взять власть, а не получить ее от Бога, народа или какого-либо иного агента.

Провиденциалистская легитимность для материалиста Ленина, конечно, была пустым звуком; альтернативная ей легитимность «общей воли» народа Лениным энергично развенчана как маска, прикрывающая объективную «классовую» реальность социума: или диктатура буржуазии, или диктатура пролетариата, но не «народное» государство, которое является буржуазной фикцией. Более того, «единство нации» предстоит еще организовать, когда «пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и объединят действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее всей нации, всему обществу» [6, с. 53]. Следовательно, важной является не формальная легитимность, полученная путем выборов или унаследованная от существующего властного органа (наподобие Государственной думы), но владение своеобразной «классовой арифметикой», понимание логики исторического процесса по Марксу (кризис капитализма, пролетарская революция в повестке дня) и понимание объективных «интересов» пролетариата, существующих вне зависимости от того, осознает их сам класс или нет. Если «классовая арифметика» освоена должным образом, то сам захват власти – это лишь вопрос тактики и стратегии вооруженного восстания (детали Ленин скрупулезно изложил в работе «Марксизм и восстание» в сентябре 1917 г.).

Концептуальные инновации Ленина позволили большевистской партии взять власть в 1917 году и удержать на эту власть монополию, отказываясь идти на компромиссы с иными политическими группировками и партиями. Марксистская социология стала могучим инструментом политической мобилизации, предложив вместо монархического провиденциализма и ссылок на волю народа своеобразный взгляд на ход исторического прогресса. Однако кроме марксистского политического языка, большевистская партия располагала и иным концептуальным инструментарием, который оказался востребован уже после смерти Ленина, в 1920-е годы.

Объективизм марксистской социологии содержал и угрозу: каким образом способна диктатура пролетариата реализоваться в крестьянской стране в условиях отсутствия ожидавшейся боль-

шевиками мировой революции? Тот же марксистский объективизм, который помог Ленину сокрушить Временное правительство и отмахнуться от Учредительного собрания, теперь грозил самой пролетарской диктатуре. Оппозиция упрекала партийное большинство в капитулянтской политике, намекая на близкое «термидорианское перерождение» большевиков. Тогда и оказалась выдвинута идея построения социализма в отдельной стране, оправдывавшая жертвы прошлого и усилия настоящего. Н. И. Бухарин в 1926 году на XIV съезде ВКП(б) сделал знаменитое заключение: «из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем, мы можем строить социализм даже на этой нищенской технической базе, этот рост социализма будет во много раз медленнее, мы будем плестись черепашью шагом, но все-таки мы социализм строим, и мы его построим» [7, с. 135].

Итак, или термидорианское перерождение – или «черепаший темпы»? Оба варианта представлялись большевистской элите, точнее определенной части этой элиты, неудовлетворительными.

III

Ответ на дилемму, очерченную выше, был дан с помощью той оригинальной манеры говорить о политике, которую мы называем «красным республиканизмом», ссылаясь на хорошо известное историкам политической мысли понятие. Республиканизмом называют набор политических идей и понятий, восходящих к греко-римской философии и возрожденных в эпоху Ренессанса. Существует обширная литература по истории республиканизма, трактуемого как влиятельная альтернатива либерализму в Европе Нового времени [8]. Кратко суммируя основные черты республиканизма, отметим: отправная точка здесь – философия Аристотеля о естественной социальности человека, для которого единственно достойной жизнью является гражданская жизнь в свободном городе [9]. Таким образом, в центре республиканской теории – гражданская доблесть (*virtu*), связанная со своего рода «соревнованием» граждан города между собой в проявлениях *virtu* ради блага горожан, и одновременно – с особой политической организацией, делающей

подобное соревнование возможным; наличие доблести позволяет гражданам решать судьбу республики вне зависимости от внешних факторов (удачи, времени, обстоятельств), опираясь только на свою выдающуюся доблесть. Дебаты вокруг наследия Макиавелли (развивавшего изложенные выше взгляды в «Рассуждении о первых десяти книгах Тита Ливия» [10]) стали ключевым моментом в истории ренессансного республиканизма; республиканские вопросы поднимались во Флоренции, в Нидерландах, в Англии эпохи Кромвеля и, наконец, в Соединенных Штатах и революционной Франции [11].

Сложно с определенностью указать единый источник республиканского влияния, из которого большевистские лидеры черпали вдохновение (можно предполагать здесь влияние опыта французской революции?), однако следует констатировать: большевистской (ленинской) идеологии была присуща своеобразная и контрастирующая с марксистским объективизмом уверенность в громадном потенциале энтузиазма. В 1920-х годах интерес к энтузиазму возродился на фоне разочарования в «черепашьих шагах» нэпа и страха перед грядущим термидором. Разгром «правого» уклона и старт первой пятилетки оказались событиями, оформившими триумф своеобразного «красного республиканизма» – разумеется, обогащенного марксистским социологизмом.

Партия, замкнувшая с 1928 года все рычаги экономической активности на себя, собиралась заменить рынок административным нажимом, особым искусством управлять «по-большевистски» и разнузданием массового энтузиазма. Само по себе это искусство управлять, о котором постоянно говорилось на партийных собраниях, может считаться особой красной *virtu*, заменявшей капризную и непредсказуемую стихию рынка – самоотверженной доблестью гражданина, способного добиваться успеха наперекор обстоятельствам и черпающего силы только в своем гражданском мужестве. Характерное внимание к кадрам дополнялось, однако, апелляциями к сознательности рабочего класса, призывами проявить дисциплину, энтузиазм и высочайшую самоотверженность. Если рабочий класс является правящим классом, то он должен проявить гражданскую доблесть на трудовом фронте. Не случайны аналогии с военными подвигами пролетариата эпохи гражданской войны,

которыми буквально переполнены речи советских вождей начала 1930-х годов: предполагалось, что тот же классовый (или уже гражданский?) энтузиазм, который сделал Красную армию «непобедимой» (в отличие от царской армии, инструмента отчуждения и оболванивания солдат), позволит пролетариату совершить небывалые экономические прорывы: это вопрос не конъюнктуры рынка, а воли, энтузиазма, мобилизации.

На совещании хозяйственников 23 июня 1931 года Сталин так завершил свое выступление: «Реальность нашей программы – это живые люди – это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь. Реальность нашей программы – это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость. Есть ли у нас она, эта самая решимость? Да, есть. Стало быть, наша производственная программа может и должна быть осуществлена» [12, с. 80]. Искусство управлять «по-большевистски» оставалось основным; например, в 1933 году Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК заявил: «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках, а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами, и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне» [13, с. 233].

Иными словами, советская экономика способна осуществить колоссальный рывок не только потому, что она плановая и научная, но и потому, что ее строят «герои». Энтузиазм поддерживался различными формами соревнования в патриотизме и проявлениях гражданской доблести, таких как «социалистическое соревнование» или стахановское движение; тогда же в СССР была введена система орденов и почетных званий; наконец, формирование «культов» партийных вождей вполне может считаться проявлением особого рода республиканской культуры (в СССР площади и улицы оказались заставлены изображениями «вождей» и «слуг народа» едва ли не более густо, чем улицы городов Древнего Рима).

В 1939 году на XVIII съезде ВКП(б) Сталин провозгласил «морально-политическое единство советского народа», состоявшего отныне, после ликвидации враждебных классов, из рабочих, кол-

хозных крестьян и «советской интеллигенции»: эти классы, «перегородки» между которыми «стирались», формировали единую общность – носительницу той самой «общей воли», от которой когда-то старательно отмежевывался Ленин. Однако республиканский *tour de force* 1930-х годов вовсе не предполагал отказа от марксистской политической речи: напротив, оба дискурса сосуществовали, поддерживая друг друга и черпая друг в друге легитимность: залогом *virtu* советских граждан считалось не Провидение или историко-национальная традиция («почва»), но особое политическое и экономическое устройство Советского Союза, которое, в свою очередь, зависело от активности и сознательности советских граждан и которое надлежало укреплять и защищать (в том числе ценой жизни).

«Новояз» первой пятилетки – с его гигантоманией, апелляциями к энтузиазму и призывами к соцсоревнованию – вполне можно считать республиканским. Этот «новояз» обладал собственной средой бытования: скорее лозунг, чем дискуссия, скорее газетная передовица, чем полемические тезисы. Как отмечает американский исследователь Д. Бранденбергер, «повышенное внимание к народному героизму, заметно контрастирующее с ориентацией на безымянные общественные силы, принятой в 1920-е годы, привело к возникновению по существу нового жанра агитационной литературы», формировавшего «пантеон советских героев, социалистических мифов и современных легенд» [14, с. 40]. Пятилетка означала небывалый подъем пропагандистского искусства: интенсивно использовались различные формы выразительности: фотография, кинематограф, музыка; достаточно назвать знаменитый фильм Дзиги Вертова «Энтузиазм: симфония Донбасса» (1930) или впечатляющие по своему визуальному оформлению серии журнала «СССР на стройке».

Упомянутый выше Д. Бранденбергер в знаменитой работе о «национальном большевизме» выделяет три легитимационных режима в довоенном СССР: марксизм (приходивший, по его мнению, в упадок), «руссцентричный этатизм» (набиравший, по его мнению, силу) и упомянутый вскользь «советский патриотизм» (который примерно соответствует тому, что мы называем «красным республиканизмом»). Под «советским патриотизмом» Бранденбергер понимает особый язык социальной мобилизации, призванный сме-

нить акценты с сухой марксистской социологии на формирование «героического» нарратива о социалистическом строительстве и потерпевший крах из-за чудовищных репрессий конца 1930-х годов, когда вчерашние герои пятилеток оказались объявлены «предателями» [см.: 14, с. 18–138]. Однако Бранденбергер почти не уделяет внимания первым двум режимам, концентрируя внимание исключительно на третьем, тогда как, на наш взгляд, именно взаимодействие первого и второго явилось для советской политической культуры (а в громадной степени – и для российского сегодняшнего дня) определяющим, почему и заслуживает всестороннего и глубокого изучения.

1. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997.
2. *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.
3. *Янов А. Л.* Россия и Европа : в 3 т. М., 2007–2009.
4. *Vugrov K. D.* Religious Legitimation in 18th century Russia // *European J. of Science and Theology*. 2016. Vol. 12, Nr 4. P. 7–16.
5. *Ленин В. И.* Речь об отношении к временному правительству // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 32. С. 263–276
6. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 33. С. 1–120
7. *XIV съезд* Всесоюзной коммунистической партии (б) : стеногр. отчет. М., 1926.
8. *Republicanism. A Shared European Heritage* : in 2 vol. / ed. by M. van Gelderen, Q. Skinner. Cambridge, 2005.
9. *Роскок J. G. A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975.
10. *Скиннер Кв. Макиавелли.* Очень краткое введение. М., 2012.
11. *Baker K.* Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France // *The J. of Modern History*. 2001. March. Vol. 73, Nr 1. P. 32–53.
12. *Сталин И. В.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства : речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. // Сталин И. В. Соч. М., 1951. Т. 13. С. 51–80.
13. *Сталин И. В.* О работе в деревне : речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 11 января 1933 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 216–233.
14. *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. СПб., 2009.

УДК 94(47).084.3 + 394.2

Е. В. Барышева

МИР ИДЕАЛОВ СОВЕТСКОГО ПРАЗДНИКА (К вопросу конструирования социальной реальности)

Проблема легитимации власти, вставшая после завоевания власти, решалась большевиками в значительной степени посредством организации массовых политических празднеств. Советские государственные праздники представляли особую форму коммуникативного символического действия. В ходе праздника конструировалась новая социальная реальность, создавались и пропагандировались идеалы общественной жизни и поведения советского человека, нормы социалистического общежития, образа жизни, духовных ценностей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовые политические праздники, коммуникативное символическое действие, социальная реальность, пропаганда идеалов, образ жизни, духовные ценности.

Символическое восприятие власти и властных отношений в постреволюционной России выражалось в различных формах репрезентации, включавших в себя архитектуру, монументальную пропаганду, фото- и кинопродукцию, символическую атрибутику. Среди этих форм особое место занимали праздничные парады и шествия.

Согласно теории праздничной культуры М. М. Бахтина переломным моментам жизни общества сопутствуют и новые праздники [см.: 1, с. 14]. Родившиеся в результате смены режима советские праздники стали своего рода символической коммуникацией власти и общества. В дни государственных праздников складывался особый ритуал, который не только демонстрировал имитацию счастливой жизни в Советской стране, но и конструировал новую политическую реальность. Для советских праздников были характерны свойственные любому политически организованному обществу черты ритуального процесса: повторяемость, театрализованность действия, представляющая собой как бы часть пьесы; специально выработанный стиль поведения; упорядоченность; особое эмоционально-приподнятое состояние участников; обязательность социального значения ритуала, наличие некоторого передаваемого

ритуалом социального общения, выделенные Муром и Майергофом в соответствии с концепцией «гражданской религии» Р. Белла [см.: 2, с. 40].

Советские руководители уже в декабре 1918 года в опубликованных Совнаркомом «Правилах СНК о еженедельном отдыхе и праздничных днях» установили праздничные нерабочие дни, посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях [см.: 3, с. 123]. Таким образом, власть, вычлняя наиболее важную для себя информацию и предавая забвению то, что противоречило ее идеологическим установкам, способствовала конструированию новой социальной реальности [см.: 4, с. 160].

Любая власть всегда нуждается в репрезентации. Создаваемый образ власти, представление о власти является реакцией населения на государственную идеологию. Для адекватности восприятия власть различными способами активно влияет на население.

В современных исследованиях репрезентация власти рассматривается как одно из главных условий для поддержания стабильности потестарных структур [см.: 5, с. 24], для чего требуется, чтобы субъект и объект власти владели общим символическим языком коммуникации, а их идентичности определенным образом совпадали.

В процессе репрезентации происходит как производство новых значений в виде символов и образом, так и обмен ими между носителями определенной культуры [см.: 6, с. 313–326; 7; 8]. При этом символы и образы создаются как властью, стремящейся в собственных целях манипулировать общественным сознанием, так и самим обществом, которое воспринимает власть в виде образов и символов, основанных на традиционном, архаическом сознании [см.: 9, р. 110–187].

Используемая советской властью политическая символика как форма коммуникативного символического действия была направлена на эстетизацию власти и формирование политической идентичности; освещение и разъяснение политического процесса в соответствии с задачами власти; конституирование особого информационного пространства общества, в котором символически отображалась реальность. Утверждаясь, большевики стремились стереть следы

прошлой власти из жизни российских городов: уничтожали памятники, переименовывали улицы, вытесняли религиозные праздники советскими и т. д. Таким образом, пространство города стало сценой репрезентации властных дискурсов.

Одним из способов воздействия власти на общество стало психологическое и нравственное воспитание населения с использованием праздничной культуры. Советский массовый праздник должен был консолидировать граждан на основе официального канона символов и риторических фигур. В этой связи празднику была отведена чрезвычайно важная роль в строительстве нового общества.

Разработанные новой властью праздничные мероприятия (парады, праздничные концерты, салюты, театрализованные массовые действия с торжественным сожжением чучела «буржуя») имели идеологические основания. Изложение российской истории в массовых театрализованных инсценировках, далеких от реальных событий (таких как «Взятие Зимнего дворца» или «К мировой коммуне», «Всемирный Октябрь»), запечатлевалось в памяти участников празднеств именно в предложенной трактовке. Сценариями праздников Октябрьская революция и режим большевистской партии представлялись как неизбежное и логическое завершение борьбы трудящихся за свои права [см.: 5, с. 75, 73].

Внушение советским людям состояния постоянного праздника и эмоционального подъема было необходимо для снятия ощущения неустроенности и неуверенности в завтрашнем дне. Поэтому для поддержания заведенного образа жизни демонстрации и митинги стали обрядоподобной формой.

Праздники, юбилеи, обряды, ритуалы, церемониалы составляют неотъемлемую часть, характерную черту, социально-культурную форму общения членов общества. Для советского общества это почти всегда была торжественная, необыденная, праздничная сторона самой жизнедеятельности [10, с. 165–177] и один из специфических способов выражения, закрепления и воспроизводства, соответствующих социальных и духовных ценностей. В ходе праздника формировалось новое отношение к «празднику» как к труду: в праздник можно и нужно было работать, трудовые свершения стали называться праздником. Особенную выразительность эта установка

получила в ходе торжественных демонстраций в дни государственных праздников: 7 Ноября и 1 Мая. Несмотря на отмечавшиеся современниками недостатки демонстраций: их однообразие, длительные остановки, разбивающие внимание участников мелкими эпизодами, демонстрации рассматривались как «метод культурного, организационного и политико-воспитательного воздействия на массы» [11, с. 4]. Какого-либо конкретного практического результата праздничные демонстрации трудящихся не подразумевали (в отличие от демонстраций на Западе), они призваны были создавать впечатление принадлежности человека к некоторой целостности – трудящимся, рабочему классу, советскому народу.

Социалистическая обрядность, основанная на искусственно создаваемых массовых агитационных действиях и зрелищах, насильственно внедрялась в жизнь общества, сознательно и планомерно разрушая при этом «пережитки прошлого», религиозные обряды и традиции [см.: 12, с. 162–169].

Власть становится зрелищной. Торжественные инсценировки (не только праздники, но и собрания, «активы», съезды советских времен) служили средством представления власти и включения в коммуникационный процесс [см.: 5, с. 23] и со временем стали обычным способом самовыражения властной элиты [см.: 13, с. 67–76].

Новые праздники и обряды создавались в целях репрезентации советского образа жизни, оформляли советские ценности как эталоны общественной жизнедеятельности человека, пропагандировали нормы социалистического общежития, образа жизни, духовных ценностей.

Одной из политических целей было сделать отдых трудящихся организованным, целесообразным и занимательным. Революционная тематика, коллективное действо и эмоциональная зарядка, по замыслу идеологов, не только отрывали массы от возможных «бытовых влияний» – церкви и водки, не только вызывали творческую активность масс, но и содействовали общественно-политическому воспитанию [см.: 11, с. 14].

Самоконтроль и самодисциплину масс предполагалось развивать путем введения в праздник определенного церемониала, создания торжественной обстановки. Сценаристами праздника предла-

гались для исполнения стандартные варианты открытия игр и гуляний: «слушание “Интернационала”. Труба играет призыв. Объявляется громким, мерным голосом: “Салют Интернационалу!” Масса повторяет жест салюта. Вздвигается флаг. Оркестр играет “Интернационал”. Руководители стоят смирно, давая пример массе» [11, с. 25].

Церемониальное оформление, таким образом, давало нужную строгую установку, облегчающую дальнейшую работу и определяющую основную стержень и характер действий самой массы.

Как в играх массового действия, так и в демонстрациях главными формами деятельности были имитация, повторение и отображение трудовых процессов, производственных и общественных взаимоотношений [см.: 11, с. 15].

Это обуславливало и оформление праздничных шествий, стремящееся к точному воспроизведению действительности: радиобашня, электростанция с веревочными проводами, шахты, броненосцы, поезда и т. д. Причем многие из элементов были действующими: машины и станки в действии, работающий радиоприемник, типография, набирающая и печатающая листовки, и т. д. Дополнением служили диаграммы, демонстрирующие производственные достижения. Эти и другие знаки индустриализации влияли на мысли и эмоции и выполняли связь между праздником и серьезными задачами социалистического строительства [см.: 11, с. 27].

Если в 1920-е годы лозунги, плакаты и транспаранты в основном отражали производственную тематику, а портреты руководителей партии и правительства практически отсутствовали, то в 1930-е резко сокращается число объектов, воспроизводящих в процессе демонстрации повседневный контекст, и столь же резко возрастает число лозунгов и диаграмм. Основную часть транспарантов теперь составляют восхваления партии и портреты ее вождей.

Пародийное осмеяние врагов революции, религии, пьянства, курения и хулиганства использовало традицию народной смеховой культуры, которая в 1930-е годы была сведена к навешиванию ярлыков и требованию смертных приговоров.

Другая актуальная идеологическая задача в оформлении праздников – военизация населения. Организаторы праздников стремились использовать сценические игры при любом благоприятном

случае и для пропаганды военных знаний и навыков: «Изображают группы Красную армию – военком говорит им речь о значении Красной армии, о ее частях и управлении. Идет Красная армия в поход – руководители дают советы, как беречь ноги, как обуться, как подогнать снаряжение, как идти, как отдыхать и т. п. Занимает армия боевую позицию – командиры располагают ее то цепочкой, то стайкой и дают разъяснения, для чего нужен данный порядок» [14, с. 28–29].

В игре все моменты, дающие возможность проведения военизации и военного образования, должны были быть детально предусмотрены и разработаны с целью привлечения внимания к вопросам военизации и обороны. Военизированная риторика 1920-х годов проникала не только в трудовые будни, но и в праздники советского человека: «В строю первомайской демонстрации пролетариат СССР покажет весь свой боевой энтузиазм индустриальных штурмовиков, всю свою гибкость, подвижность, инициативность, самостоятельность и напряженность для труда, беспредельную готовность на всякую жертву для обороны свободного труда... Все враги рабочего класса в этот день будут трепетать перед мощным энтузиазмом пролетариата СССР» [11, с. 4]. Тем не менее партийные идеологии представляли праздничную активность трудящихся не как борьбу, а как выражение их активности и сплоченности.

«Физкультурное» оформление демонстраций трудящихся демонстрировало значение, которое придавалась физкультурному движению как необходимому условию для поддержания и укрепления здоровья и основание для воспитания активного и общественного характера.

Политические события и праздники (1 Мая, День Конституции, годовщина Октябрьской революции, День молодежи, открытие партийных съездов) сопровождались спортивными мероприятиями. Эта практика началась с парада Всеобуча в 1921 году в честь 4-й годовщины революции и стала всеобщей в 1930-е годы.

Пристальное внимание власти к физкультуре обосновывалось партийными теоретиками тем, что физические упражнения и движения «широко могут быть использованы... для зрелищ как массового развлекающего характера, так и агитационного и даже пропагандистского», так как «...с помощью физических движений можно с успехом выразить почти всякую идею, придавая ей живую

наглядную форму» [15, с. 4]. Гимнастические упражнения также часто создавались из имитации того или иного вида труда. Включение элементов физической культуры в празднество значительно увеличивало число активных участников из числа молодежи.

Идеологическое содержание праздников подсказывало особенности организации и художественного оформления, которое изображало ударные темпы социалистического хозяйственного и культурного развития, стремилось доказать при помощи всех видов искусства различие социально-политического содержания и экономических результатов между *большевицкой* рационализацией и *капиталистической* [см.: 11, с. 3–4].

Советские государственные праздники выполняли ряд социальных функций, среди которых: торжественное обновление жизни; удовлетворение потребности в общении и снятии социальных барьеров; снятие напряжения, вызванное ограничениями в быту, в поведении, суровыми трудовыми буднями, эмоциональной бедностью жизни и восстановление физических и психических сил; средство эмоциональной разрядки. Праздник нес в себе также и идеологическую функцию, приобщая подрастающее поколение к традициям и идеям общества. Мир идеалов, выраженный в праздничных действиях, на протяжении десятилетий использовался властью в целях самоутверждения, навязывания господства своей идеологии и ценностей.

Праздник порождал коллективное чувство, укреплял в индивидуальном виде чувство причастности, принадлежности к целому – обществу, формировал социальную идентичность.

В ходе праздника это достигалось не только символическим антуражем, но и имитацией события (участие в театрализованном действе или встреча с участниками события и людьми, знавшими их), что создавало восприятие исторического факта как реальности и ощущение личной причастности к памяtnому событию.

Создание новых – коммунистических – ритуалов и праздников, противостоящих религиозным праздникам, утверждало наличие нового государственного образования и призвано было устанавливать каналы коммуникации между «низами» и «верхами».

Анализ проведения советских государственных праздников свидетельствует, что до 1922 года общая картина празднования

состояла из манифестаций, митингов-концертов, театральных представлений, не подчиненных еще жесткой структуре. С 1921 года в структуре праздника появляется такой элемент, как приведение к присяге воинов Красной армии и парад, после которых – многочасовая демонстрация с участием представителей всех районов города. С 1922 года эта схема становится каноном с небольшими вариациями.

Приход в 1917 году к политической власти большевиков еще не означал окончательной победы коммунистической идеологии. Чтобы удержаться у власти недостаточно было политики насилия и подавления. Нужно было просветить население, заручиться поддержкой и согласием всех акторов политического процесса, добиться взаимопонимания. Легитимация властных институтов была тесным образом связана с различными формами визуальных коммуникативных технологий, которые, в конечном счете, были использованы для получения фиктивного массового согласия с политикой властей. Государственные праздники в Советском Союзе были символически насыщенными и являлись выражением «высших ценностей», что проявлялось в монументальности и стремлении к эпической мощи (большое число участников и большая территория праздничных действий – городские улицы и площади).

Советские государственные праздники были обращены к прошлому общества и в то же время ориентированы на настоящее и способствовали налаживанию связи между современностью и тем, что произошло в прошлом, происходило последовательное инвертирование различных социальных связей и социальных ролей, составляющих каркас «бытового» социального пространства, будничных ценностей, правил поведения. Проведение государственных праздников способствовало созданию мифа о солидаризации общества и ощущения каждого человека членом коллектива. Они дают нам яркий образец мифотворчества и создания ритуалов как со стороны власти, так и со стороны общества.

1. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

2. *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре. М., 1998.

3. *Декреты Советской власти*: 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. Т. 4.
4. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М., 2005.
5. *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009.
6. *Щепанская Т. Б.* Символическая репрезентация власти: атрибутика // *Антропология власти : хрестоматия по политической антропологии*. Т. 1 : Власть в антропологическом дискурсе. СПб., 2006. С. 313–326.
7. *Hall S.* The work of representation // *Representation: Cultural representation and signifying practices* / ed. by Stuart Hall. L., 1997.
8. *Moore S. E., Myerhoff B. G.* Secular ritual: Forms and Meanings // *Secular Ritual*. Assen. 1977.
9. *O'Malley J. B.* *Sociology of Meaning*. L., N. d. P. 110–187.
10. *Закович Н. М., Зоц В. А.* Праздники и обряды как элемент советской культуры // *Вопр. научного атеизма*. 1980. Вып. 26. С. 165–177.
11. *Массовое действо*. Первомайский праздник 1932 года. М. ; Л., 1932.
12. *Алексеевский М. Д.* Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // *Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология : Материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2004 г.)*. Архангельск, 2004. Вып. 2. С. 162–169.
13. *Муратова А. С.* Обряд и праздник // *Мир психологии*. 2001. № 4. С. 67–76.
14. *Массовое действо*. Сценические игры. Труд 1-го коллектива массового действия ОСМСК / под ред. Н. И. Подвойского. М., 1929.
15. *Массовые гимнастическо-спортивные инсценировки* / под общ. ред. М. Г. Собецкого. Л., 1924.

УДК 94(47).084.9 + 394.2

О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова

ЮБИЛЕИ РЕВОЛЮЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Статья посвящена формированию мемориального дискурса об Октябрьской революции 1917 года в странах Восточной Европы, который анализируется как один из важных смысловых элементов советской культурной дипломатии эпохи холодной войны. С помощью конструирования памяти о событиях Октября агенты советской культурной дипломатии добивались создания общих мест памяти «социалистического лагеря» и инсценировали существование общей социалистической идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская культурная дипломатия, Октябрьская революция, места памяти, юбилеи, холодная война.

8 мая 1945 года был подписан акт о капитуляции нацистской Германии, и мир вступил в новую фазу своего развития, которая некоторое время спустя получит название холодной войны. Эта фаза ознаменовалась формированием биполярного мира, военно-политическим, экономическим и идеологическим соперничеством двух супердержав – СССР и США. Прежде чем полигоном для их соревнования стали страны третьего мира, в фокус геополитической борьбы попали страны Европы. В условиях холодной войны супердержавы активно использовали для достижения своих целей символический капитал: в то время как США превращали в свое оружие лозунги свободы и демократических ценностей, СССР апеллировал к идеям справедливости и нового общественного строя, рожденного в Октябре 1917 года. Мемориальный дискурс об Октябрьской революции стал одним из важных средств формирования «социалистической» идентичности в странах Восточной Европы, маркером для проверки политической лояльности, топосом, вокруг кото-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10213).

рого формировались общие для соцлагеря «места памяти». Советизация стран Восточной Европы имела и прикладное значение, превратившись в инструмент создания «пояса безопасности» вокруг СССР. Вспоминая о ситуации завершения Второй мировой войны, Вячеслав Молотов подчеркивал: «...Нам надо было закрепить то, что завоевано. Из части Германии сделать свою социалистическую Германию, а Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия – они тоже были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядки» [1, с. 86].

Превращению восточноевропейских стран в союзников и сателлитов СССР благоприятствовала их внутривнутриполитическая ситуация. В демократических правительствах большинства освобожденных Красной Армией стран Восточной Европы присутствовали силы, открыто симпатизировавшие демократическим и социалистическим идеям. Видные фигуры политического истеблишмента, такие как президент Чехословацкой Республики Э. Бенеш, выступали за переход к народной демократии, правда «мирным путем», без диктатуры пролетариата [см.: 2, с. 10]. Советский лидер И. В. Сталин, пользовавшийся после войны огромным авторитетом в демократических кругах Европы, вплоть до 1947 года неоднократно высказывался в пользу мирного, постепенного перехода к социализму. В беседе с представителями Польской социалистической партии в августе 1946 года Сталин подчеркнул, что «в Польше новое демократическое правительство осуществило аграрную реформу и национализацию крупной промышленности, а это вполне достаточная база для того, чтобы без диктатуры пролетариата двигаться по пути дальнейшего развития в сторону социализма» [3, с. 511].

1947 год стал переломным во взаимоотношениях СССР со странами Восточной Европы, обозначив переход от контроля к массивному политическому, экономическому и идеологическому воздействию на государства, находившиеся в зоне советского влияния. Созданный для реализации политики контроля и информационного воздействия Коминформ был институционально подкреплен специальными организациями советских вооруженных сил и военной администрации, а также пропагандистскими учреждениями партии. Дискурс об Октябрьской революции, ставший частью культурной

экспансии СССР в странах Восточной Европы, формировался с помощью организационной сети культурной дипломатии, в которую входили как партийно-государственные учреждения различных уровней (например, Госкомитет по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР, Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей), так и квази-общественными (Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (до 1956 г. – ВОКС), общества дружбы с отдельными восточноевропейскими странами, Советский комитет защиты мира и др.).

Октябрь 1917 года был одним из трех ключевых мемориальных «брендов» публичной истории стран «соцлагеря», выступая чаще всего в связке с нарративами о победе во Второй мировой войне и об успехах социалистической интеграции. По мере отдаления Октябрьской революции память о ней все крепче привязывалась и к объектам, олицетворявшим разные достижения социализма – освоение космоса, крупнейшие индустриальные стройки. Актуализация памяти о революции носила ярко выраженный юбилейный характер, становилась поводом для «праздничной мобилизации общестственности» [4, с. 83–109]. Символическое присутствие образа Октябрьской революции в праздничной коммеморации восточноевропейских стран можно продемонстрировать, например, обратившись к частоте упоминаний Октября в прессе ГДР: если в 1946 году оно встречалось в газетных статьях лишь 81 раз, то уже в 1947 году мы найдем 279 упоминаний, в 1957 – 1970, в 1967 – 4566, в 1977 году – 4524. И лишь в период максимального перестроечного охлаждения отношений с Советским Союзом, в 1987 году, наблюдается относительный спад – 1352 упоминаний [см.: 5], но и эта цифра превышает среднегодовое число публикаций в неюбилейные годы в несколько раз. В Югославии к 30-летию юбилею революции был снят сериал, герои которого – крестьяне и рабочие Истрии – оказались участниками революционных событий, а сам юбилей также стал одной из тем публикаций в газетах [см.: 6, р. 107].

Юбилеи революции становились поводом для формирования дискурса о социалистическом вожде В. И. Ленине. В дни празднования 50-й годовщины Октября в Праге была открыта новая экспо-

зиция музея Ленина, а в прессе широко освещалось присвоение одному из новых проспектов чехословацкой столицы имени вождя мировой революции [см.: 7, д. 298, л. 15]. К 100-летию Ленина, которое праздновало в 1970 году «все прогрессивное человечество», в ГДР по проекту советского скульптора Томского был возведен монументальный памятник, превращенный в одну из ключевых туристических достопримечательностей Восточного Берлина.

Там, где это было возможно, топос об Октябрьской революции переплетался с нарративами о международном рабочем движении, национальными историями и историей марксизма. В Восточной Германии активно использовался образ общих с СССР социал-демократических корней рабочего движения и международного характера революционных событий. В текстах путеводителей для советских туристов в качестве важных достопримечательностей отмечались города, связанные с основателями марксизма, редакция «Искры» в Лейпциге, место основания СДПГ в Эйзенахе.

В ситуации кризисов социалистического лагеря инструментализация мемориальных образов приобретала ярко выраженный политический характер. Так в Венгрии, где после жестокого подавления восстания 1956 года пропаганда любых советских символов была обречена на провал, к 40-летию Октябрьской революции советская сторона планировала создать фильм о роли венгерских военнопленных в революционных событиях [см.: 8, д. 505, л. 162] и апеллировать тем самым не только к совместному историческому прошлому, но и к причастности венгров к сотворению социалистического проекта. Тогда же планировалось безвозмездно передать стране ряд исторических ценностей: архивных документов, памятников культуры [см.: Там же, д. 504, л. 17] и широко осветить эти мероприятия в местной прессе.

Помимо юбилеев важным каналом укоренения дискурса об Октябрьской революции в публичной коммуникации стран «соцлагеря» была партийная учеба и агитационно-пропагандистская работа с населением. Как указывает немецкий историк Ян Берендс, «Краткий курс истории ВКП (б)», в котором Октябрьская революция приобрела очертания мифа основания, стал обязательным элементом партийной учебы польских и восточногерманских комму-

нистов. Термин «Великая Октябрьская социалистическая революция» вошел в канон партийной агитационной литературы. Значение Октября приобрело «всемирные масштабы» и знаковое толкование «рубезжа», за которым начался путь человечества к эпохе народного господства и подлинной общественной демократии [см.: 9, s. 65]. Необходимо отметить, что Берендс также обращает внимание на привязку агитационных кампаний, связанных с Октябрем, к юбилейным датам.

С усложнением медийной среды соцлагеря формы включения Октябрьской революции в праздничную коммеморацию становились более разнообразными. Памятные мероприятия все чаще содержали массовые зрелищные эффекты, к примеру, набиравшие популярность элементы спортивных состязаний. В 1967 году, к юбилею Октябрьской революции планировались встречи спортсменов СССР и ГДР в 30 видах спорта [см.: 10, s. 8], которые активно освещались в прессе. В 1987 году 70-летие Октября в Венгрии отмечали в рамках дней советских профсоюзов. По сообщению советской газеты «Труд», в Будапеште и 12 крупных городах страны прошли «совместные юбилейные трудовые вахты советских и венгерских рабочих, деловые встречи профсоюзных активистов двух стран, семинары и симпозиумы ученых научных центров ВЦСПС и ВСП, выступления художественных коллективов двух стран» [11, с. 4].

Формирование коммеморативного дискурса об Октябре в странах Восточной Европы нельзя представить без участия негосударственных агентов культурной дипломатии, в том числе представителей рядовых граждан стран социалистического «блока», творческой интеллигенции восточноевропейских государств, журналистов. Немецкий поэт Штефан Гермлин, в 1948 году побывавший в СССР в составе делегации деятелей культуры Восточной Германии и в этом же году опубликовавший свои воспоминания о поездке в издательстве Восточного Берлина, так описывал «колыбель революции» – Ленинград: «История – в каждом уголке, в каждом камне; из этого торжественного спокойствия разразилась титаническая буря, которая зажгла человечество» [9, s. 66–67].

Благодаря корректировке индивидуальных воспоминаний, представители старших поколений получали возможность сохра-

нять значимые социальные позиции. Так, в 1967 году «Берлинская газета» чествовала Якоба В., рядового участника рабочих стачек в Берлине, который праздновал свое 75-летие одновременно с юбилеем Октябрьской революции. В газетном материале Якоб вспоминал о воодушевлении своих товарищей, когда те получили известие о событиях в России, а также признавал в своем рассказе о прошлом безусловное лидерство большевиков в деле революционной борьбы [см.: 12, с. 9].

Болгарский журналист Дамян Обрешков в 1987 году поделился с болгарскими и советскими читателями своими воспоминаниями об участии в юбилейных мероприятиях. К 50-летию Октября Обрешков готовил специальный номер газеты «Поглед» («Взгляд»), для чего объехал СССР от Ленинграда до Новосибирска и написал репортаж «Взгляд на СССР», к 60-летию юбилею готовил для болгарского радио комментарии о праздничных мероприятиях в Москве, а десять лет спустя, передав свою журналистскую эстафету молодым товарищам по перу, опубликовал в газете «Труд» восторженные строки о докладе М. С. Горбачева. В духе революционного романтизма журналист писал: «Среди вершин человеческой истории Великая Октябрьская социалистическая революция, бесспорно, является политическим и духовным Эверестом. Лишь одно событие было бы одинакового с ней значения – встреча землян с неземной цивилизацией. Именно потому, что революция 1917 года стала началом новой цивилизации здесь, на нашей исстрадавшейся Земле. Цивилизации высшей человеческой справедливости – коммунистического строя» [13, с. 4].

Таким образом, образ Октябрьской революции стал одним из важнейших элементов советской культурной дипломатии в странах Восточной Европы в годы холодной войны. Он использовался для создания общих «мест памяти» и инсценирования социалистической идентичности. После окончания Второй мировой войны коммеморативный дискурс об Октябре 1917 года формировался в тесной связи с топосом военной победы и нарративами о достижениях социалистического общества. Интенсивность обращения к образам Октября нарастала в юбилейные годы, даты, связанные с годовщинами отдельных революционных событий и историчес-

ких персонажей, в ситуациях кризисов восточного блока. Вокруг создававшихся в социалистических странах мемориалов целенаправленно имитировалась постоянная общественная активность: они включались в туристические маршруты, праздничные мероприятия, программы визитов. С развитием медийной среды социалистического лагеря коммеморация вокруг Октябрьской революции трансформировалась в сторону усиления массовости и зрелищности.

-
1. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
 2. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953 : документы : в 2 т. М., 1999. Т. 1.
 3. Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. Т. 1 : 1944–1948. М., 1997.
 4. Rolf M. Leere. «Räume des Jubels»: Zur Erosion der Kampagneöffentlichkeit in der späten Sowjetunion // Boskovska N., Strobel A., Ursprung D. (Hg.), «Entwickelter Sozialismus» in Osteuropa. Arbeit, Konsum und Öffentlichkeit. Berlin, 2016. S. 83–108.
 5. Суммировано по данным каталога «Пресса ГДР». Staatsbibliothek zu Berlin. DDR-Presse [Электронный ресурс]. URL: <http://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/ddr-presse> (дата обращения: 25.09.2016).
 6. Mihelj S. The Dreamworld of New Yugoslav Culture and the Logic of Cold War Binaries // Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West. Edited by Peter Romijn, Giles Scott-Smith, Joes Segal. Amsterdam, 2012. P. 97–114.
 7. ГАРФ. Ф. 9576 (Союз Советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). 1958–1992). Оп. 4. Д. 298. Л. 15.
 8. РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС). Оп. 28.
 9. Jan C. Behrends. Die erfundene Freundschaft: Propaganda für die Sowjetunion in Polen und in der DDR. Boehlau Verlag Koeln ; Weimar ; Wien, 2006.
 10. Grosse Erfolge verpflichtet. ADN-Interview mit den Praesidenten des DTSB Manfred Ewald // Neues Deutschland. 1967. 1. Jan. S. 8.
 11. Югов Н. Деловое сотрудничество // Труд. 1987. 7 нояб. С. 4.
 12. Jakob Weber. Damals im Jahre 1917... // Berliner Zeitung. 13. Jan. 1967. S. 9.
 13. Обрешков Д. Мы с вами, советские братья! // Труд. 1987. 7 нояб. С. 4.

УДК 94(47).084.2

Л. Я. Баранова

СОЛДАТСКИЕ МАССЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1917 года: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ (К 70-летию со дня рождения профессора Н. Н. Попова)

Автор на материале монографии Н. Н. Попова анализирует поведение солдат в Революции 1917 года и их реальные требования, тактику партии большевиков по усилению влияния на солдатские массы. Утверждается, что фронтовики и солдаты тыловых частей были далеки от идей социализма, что большевики под их лозунгами пошли на захват власти в Октябре 1917 года.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, Революция 1917 года, солдаты, большевики, социализм, аграрный вопрос, мифы, реальные интересы.

Изучение любого исторического события интересно не только его конкретным содержанием, но и выявлением причин, к нему приведших. В ряду особых событий во всеобщей истории стоит Революция 1917 года в России. Советская историография рассматривала этот процесс в основном исходя из революционной идеи смены капитализма и построения социализма. Также у историков был популярен поиск внешних факторов: немецкий след, масоны и др. Распад СССР и смена исторической парадигмы привели к тому, что сегодня тон задают «антикоммунисты», насаждая тезисы «о насильственном введении большевизма», о силе и предвидении лидеров партии, уходя в сторону от серьезного изучения объективных причин. В настоящее время в связи с приближающимся юбилеем революции, данному вопросу уделяется все больше внимания, примером чего может служить обстоятельная историографическая статья В. Булдакова [см.: 1, с. 178].

Важнейшим моментом в рассмотрении причин и самих событий 1917 года, в приходе большевиков к власти является Первая мировая война, в условиях которой социальная революция приобрела принципиально новый характер. Война не только изменила привычный уклад жизни, заставила по-другому действовать политическую элиту, она привела к особой роли и влиянию солдатских

масс. Эту особенность сразу же в ноябре 1917 года заметили оппоненты В. И. Ленина. А. Богданов, один из лидеров российской социал-демократии, в письме А. Луначарскому отмечал, «что корень всему – война. Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все ее методы, всю ее специфическую культуру и ее идеал» [2, с. 353]. Он же утверждал, что большевики под влиянием солдат и матросов меняли свою тактику, становились более радикальными. В советской историографии вплоть до 1990-х годов существовало обратное мнение: РСДРП(б) вело за собой солдатские массы, предлагая им свои социалистические идеи и лозунги. Изменения акцентов в оценке взаимоотношений большевиков и солдат можно проследить на трудах уральских ученых Н. Н. Попова, О. С. Поршневой и др. [см.: 3; 4; 5].

Н. Н. Попов в монографии «Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях» на основе архивных источников, периодической печати обстоятельно исследовал процесс развития отношений между РСДРП(б) и солдатами, особенно в 1917 году. Из содержания работы видно, что большевики прикладывали колоссальные усилия, чтобы управлять солдатами, организовывать их на выполнение своих партийных задач и лозунгов. Активное участие военных (особенно частей Петроградского гарнизона) в Февральской революции сформировало у них свое собственное видение происходящего, свои цели. Это вызывало тревогу у лидеров большевистской партии, что нашло отражение в работах Ленина. В апреле 1917 года он писал: « У нас власть в руках солдат, которые настроены оборончески», они бессознательно доверяют эсерам и меньшевикам» [6, с. 243]. Из этого анализа вытекали конкретные задачи по овладению большевиками солдатским контингентом, по созданию солдатских организаций, изданию специальных газет, проведению активной агитации.

Опираясь на документы, свидетельства очевидцев, Н. Н. Попов на примере воинских подразделений Урала показывает, насколько тяжело выполнимой для большевиков была эта задача. Только в мае 1917 года на Урале была создана первая военная организация РСДРП(б), а солдаты Екатеринбургского гарнизона поддержали

меньшевиков и эсеров и не допустили в местный Совет большевиков [см.: 3, с. 78–79]. В резолюциях собраний военных организаций постоянно звучали требования о публичных обсуждениях и публикациях материалов, где «вопросам крестьянской жизни должно быть уделено достаточно места» [3, с. 85]. Как видно из этих примеров, солдат больше волновали не вопросы социализма и революции, а вопросы об окончании войны и о земле. Большевики сознательно пошли на увеличение в газетах материалов по аграрному вопросу, на большую простоту и доступность их изложения [см.: 7, с. 15–16].

Революционные события, провал летней военной кампании заставили лидеров большевистской партии обратить особое внимание на солдат. Об этом свидетельствует проходившая 16–23 июня 1917 года Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), где были предствители 43 фронтовых и 17 тыловых организаций, объединяющих 26 тыс. членов партии (от Урала – один представитель) [см.: 3, с. 87]. В докладе Ленина, в резолюциях конференции и последующих партийных документов проводилась идея сотрудничества «пролетариата и революционной армии», «ускоренной демократизации армии», «усиления агитации против войны» [6, с. 363–364]. Решения партийных органов, усиленная работа среди солдат, особенно фронтовиков, свидетельствуют о том, что большевики с учетом психологии солдатских масс вносили коррективы в революционные лозунги, с которыми победили в октябре 1917 года [см.: 5, с. 225–226].

На наш взгляд, в работе Н. Н. Попова объективно излагаются события, связанные с корниловским мятежом и его последствиями. Отмечается, что во фронтовых и тыловых частях были сильны прокорниловские настроения не только офицеров, но и солдат. Сказывалась повсеместно усталась от революции и войны, желание порядка и стабильности, что находило подтверждение в солдатских письмах [см.: 4, с. 286]. С учетом этой ситуации военная организация РСДРП(б) призывала революционных солдат «отстранять от командования и арестовывать всех реакционных офицеров», создавать чрезвычайные органы по борьбе с контрреволюцией с широчайшими правами (13 из них были созданы в городах Урала)

[см.: 3, с. 114–115]. Процесс формирования боевых отрядов рабочих осенью 1917 года, их вооружения и обучения, влияния военных организаций РСДРП(б) подробно изучен многими историками. Все они отмечают особую роль большевистской резолюции «О всеобщем вооружении народа», об обязательном привлечении к этому «партийных товарищей-офицеров и унтер-офицеров» [3, с. 117–118]. Как видно из документов, большевики вели разноплановую работу среди солдат фронтовых и тыловых частей с целью создания вооруженной силы и ее использования в сложившейся в России ситуации.

Естественным, исходя из доктрины советской историографии, является вывод, который делает в своей работе в 1983 году Н. Н. Попов: «Борьба большевиков за армию, увенчавшаяся исторической победой в октябре 1917 г., доказала глубочайшую правильность марксистско-ленинского положения о том, что солдатские массы буржуазных армий могут быть превращены во время революционных битв в боевой резерв пролетариата, а империалистические силы можно лишить войска, являющегося важнейшим орудием их классового господства» [3, с. 165]. Подобное воззрение опиралось на марксистскую догму о социалистических предпосылках Октябрьской революции, о ведущей роли большевиков и прогрессивности их программ в решении политических конфликтов. Указывая на итог анализируемой работы, мы хотим прежде всего подчеркнуть, что в работах советских историков наблюдались противоречия между объективными источниками, их анализом и выводами, которые содержали идеологическую составляющую.

В настоящее время часто встречается крайне негативное отношение и отрицание научной ценности исследований историков, работавших в советское время. На наш взгляд, это прямое нарушение принципа историзма и объективности. Ученые XX века ввели в научный оборот большой массив документов, их научные выводы вступали в противоречие с партийной доктриной (например, попытки уральских историков В. В. Адамова и других поставить под сомнение экономический и социальный фундамент событий в октябре 1917 г.), что закономерно приводило к репрессивной практике в отношении таких ученых. Сам Н. Н. Попов в 1990-е гг. внес зна-

чительный вклад в обсуждение острых вопросов российской истории, особенно касающихся Революции 1917 года и формирования советской системы. Он занимался публикацией документов, которые были ранее засекречены (например, о поддержке Корнилова воинскими частями Урала [см.: 8, с. 78–79]), реабилитацией репрессированных военных, партийных работников [см.: 9], организовывал научные конференции и семинары, привлекал молодых ученых к разработке новых проблемных вопросов истории. Такая работа способствовала отходу от ранее доминирующей марксистско-ленинской концепции, новому осмыслению событий 1917 года, роли различных классов, социальных слоев и партий в революционных процессах. В исследованиях 1990-х годов можно найти мнение Н. Н. Попова о том, что историческую судьбу страны определили не партии, а социальная борьба низов за выживание, резкая маргинализация общества в условиях войны и революции. Он объяснял популярность большевиков среди населения, в том числе и среди солдат, тем, что они смогли увлечь народ, «истосковавшийся по лучшей жизни не столько сказочным идеалом светлого будущего, сколько силой отрицания старого порядка», они, «выражая интересы недовольных жизнью низов, несли в себе не столько конструктивное начало, сколько разрушительное» [8, с. 122]. К сожалению, ранний уход из жизни не позволил Н. Н. Попову изложить свои представления по многим актуальным вопросам отечественной истории.

1. *Булдаков В.* Историкографические метаморфозы «Красного Октября» // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. Бордюгова. М., 2013. С. 178–205.

2. *Богданов А. А.* Вопросы социализма : работы разных лет. М., 1990.

3. *Попов Н. Н.* Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1983.

4. *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000.

5. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

6. *Ленин В. И.* Доклад о текущем моменте и об отношении к Временному правительству 14 (27) апреля // *Ленин В. И. Полн. собр. соч.* М., 1969. Т. 31. С. 239–246

7. *Огоновская И. С.* Борьба политических партий на Урале за идейное влияние в массах в 1917 г. (по материалам периодической печати) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.

8. *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Время упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997.

9. 37-й на Урале. Свердловск, 1990.

УДК 316.323.7

Д. Ланца

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БОЛЬШЕВИСТСКОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье идет речь о понятии идентичности, которая начинает формироваться в постреволюционном русском обществе. События 1917 года повлекли за собой кардинальные изменения, которые оказались способны изменить индивидуальное и коллективное сознание: это было началом процесса, который продлился на протяжении поколений и заключался в формировании другого ощущения себя. Результат этого процесса – появление так называемого *Homo Sovieticus*. Данная статья концентрируется на вопросе отношения идеального октябрьского революционного социалиста к идее нации. Универсальность социалистического послания и его адаптация к субстрату национальных идентичностей имела целью создать такую наднациональную модель, которая вобрала бы в себя всех жителей страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: патриотизм, национализм, идентичность, *Homo Sovieticus*, СССР, социализм.

Значение событий Октября 1917 года является одним из узловых вопросов истории XX века, который до сих пор продолжают распутывать историки. Один из подходов к пониманию социалистической революции заключается в дихотомическом рассмотрении взглядов извне, т. е. тех, кто наблюдал за событиями издалека и не был в них вовлечен, и тех, кто непосредственно пережил процесс утверждения и дальнейшего развития социализма. Такая задача предполагает достаточно сложный анализ, который позволяет увидеть формирование советской культурной амальгамы, в которой новое накладывается на предшествующий культурный слой и дает начало новой национальной культуре.

Это сочетание и является центральной проблемой, побуждающей и современников событий, и сегодняшних историков, и политологов задаваться вопросом о природе социализма и его связи с понятиями нации и национальности. Без сомнения, Революция 1917 года является историческим событием, которое больше, чем любое другое,

задействует такие историко-политические категории, как «национализм» и «социализм». Взяв за отправную точку концепт национализма, можно обнаружить его очень быстрое развитие в XIX веке, когда происходила сначала деконструкция, а затем реконструкция патриотизма на новой основе. После Французской революции закончилась эпоха династических государств, что открыло дорогу национальным государствам в длительной перспективе от Венского конгресса до Первой мировой войны. Этот период можно определить как романтическую фазу европейского национализма, который характеризуется единством народа и определенной территории, формирующих фундамент нового национального государства. «Мистический союз истории и судьбы» [1, р. 831], пронизывавший психологию буржуазной элиты на протяжении всего XIX века, прервался катастрофическими событиями мировых войн в первой половине прошлого века.

Следующий этап приходится на начало XX века и характеризуется неспособностью либеральной буржуазии управлять социальными потрясениями, которые привели к утверждению на континенте социалистических движений: после периода романтического национализма наступило время так называемого массового государства. Оно отразило метаморфозу национализма, отказавшегося от либерального и романтического обличья и принявшего новую, гораздо более жесткую форму, связанную с коммунистическими и фашистскими идеологиями, породившими после Первой мировой войны свои тоталитарные государства. Мы сконцентрируемся именно на этом втором этапе, фундаментальным элементом которого является возникновение политических религий. Понятие политической религии является абсолютно необходимым для нашего анализа, поскольку оно образует фундамент институтов и психологии нового, утверждающегося вида государства.

Как можно заметить, идеи Ж. Сореля и Г. Моска в основе своей совпадают с ленинской интерпретацией марксизма после революции: именно в марксистско-ленинской концепции решающее значение имеет активное меньшинство, или лучше сказать, интеллектуальной элиты, чья задача состояла в том, чтобы принести и распространить «новую веру» среди масс. Мистический аспект

этой концепции, принявший признаки вероучения после успеха революции, был усвоен русским коллективным сознанием и стал средством выражения национальных чувств, присутствовавших в обществе. Описание основных особенностей встречи и последующего симбиоза марксистского социализма и русского духа – трудная задача. Если проследить эволюцию националистической идеологии, то можно заметить, что она характеризуется постоянным стремлением к поглощению иных воззрений. Форма агрегации, которая во время Французской революции освобождала людей от классовых ограничений во имя объединения под знаменем общего языкового и культурного происхождения, называемого нацией, в конце XX века пошла еще дальше: современные социалистические доктрины стремятся к еще более полной унификации всего и вся, желая преодолеть разделение на национальные и этнические группы. Тем не менее, даже социализм, несмотря на свою идеалистическую претензию на универсальность, старается избежать подчинения культуuroобразующим материальным факторам. Говоря о роли марксистско-ленинской доктрины в придании новой формы национальной идентичности, следует заметить, что она достаточно специфична и сильно отличается от взглядов русских социалистов образца 1903 года своей «верой в исторический детерминизм с волей к власти» [2, р. 85]. Это была концепция политического лидерства партии как революционного, элитарного и авторитарного авангарда, которая породила системный раскол в рядах европейского социализма, так как этот подход устанавливал ленинский путь русского социализма как особый по отношению к Западной Европе. Сформулированная Лениным «особость» России в сравнении с Западом стала первым этапом разработки оригинальной «советской идеологии». Это дало основание сегодняшним исследователям [см.: 3, р. 111] утверждать, что национальное направление развития социализма, предопределившее исход идеологического спора между Сталиным и Троцким, было заявлено уже у Ленина.

Помимо ленинской интерпретации марксизма, другое большое отличие между социализмом в России и в Западной Европе кроется в самом ходе истории: в то время как на Западе социализм так никогда и не стал реальной силой, оставшись изолированным веро-

учением, находившемся в конфликте с государством, в России он являлся единым целым с государством и обществом, теряя часть своих изначальных характеристик и воспринимая другие. Можно сказать, что элемент, который находился в конфликте с системой, стал ее частью, и в этом качестве влиял на остальную систему и сам был подвержен ее влиянию. В случае с Россией этот процесс был особенно проблемным, учитывая противоположность антитетической природы интернационалистского социализма марксистского толка и выраженного националистского субстрата русского общества.

В этом случае необходимо подчеркнуть то, что представляется наиболее важным в контексте так называемой советской идентичности: хотя для большинства советских граждан понятия «Россия» и «Советский Союз» являются почти синонимами, всегда будет существовать разделяющая их тонкая граница [см.: 4, р. 6]. В историческом плане эта двусмысленность идентичности имеет довольно простое решение, однако в более неопределенном психологическом и социологическом аспектах она так и останется до конца не разрешенной. Основные исторические вопросы необходимо сформулировать следующим образом: чем являлся Советский Союз? Федерацией народов, уравниваемой на базе нематериального наднационального идеала, или многонациональным супергосударством, отражающим историческое доминирование великого русского элемента? В каком направлении в этой связи формируется идентичность *Homo Sapiens*?

Идеальные ответы на эти вопросы, конечно, слишком длинны и обширны, чтобы можно было ограничиться их краткой трактовкой, и находятся в плоскости тонкого взаимодействия трех различных типов идентичности [см.: 4, р. 5]:

1) идентаризм полностью национальный (т. е. этнический и потенциально сепаратистский);

2) институциональный идентаризм, который отражает официальную политику государственной структуры;

3) идентаризм патриотическо-экстраинституциональный, который хоть и отличается от националистического сепаратизма варианта 1, все же представляет патриотизм, который не совсем совпадает с официально разработанными институциональными догмами.

Рассматривая цепь главных событий, берущих начало от начала революции и до смерти Ленина, мы замечаем, что отношения между национализмом и социализмом, касающиеся сферы национальной идентичности, уже находились в состоянии неопределенности. Стоит вспомнить, что еще до Октябрьской революции – в момент напряженности между Лениным и Отто Бауэром (и австрийскими социалистами) – ярко проявилось расхождение мнений по данному вопросу. Хотя идеологические установки Ленина были по преимуществу марксистскими, у него не было полного и тотального неприятия национализма.

Другими словами, Ленин, рассматривая национализм как что-то, претерпевшее историческую эволюцию, предпочитал, тем не менее, не определять свою позицию по этому поводу, оставляя за собой право регулировать ее в зависимости от конкретной ситуации [см.: 5, р. 1071]. При таком подходе критерием следования идеологическим принципам должно было стать большее или меньшее слияние принципов и духа Октябрьской революции, т. е. осуждение тех националистических движений, которые демонстрировали сепаратистские и деструктивные тенденции и не признавали никаких принципов, кроме своих собственных. Напротив, там, где они демонстрировали желание следовать высоким принципам социальной ответственности, единения и сотрудничества, они могли поощряться. Таким образом, это был вопрос мировоззрения, шкалы моральных ценностей, которая не осуждала существование национализма самого по себе, но только отслеживала его соответствие либо несоответствие высшему идеалу, каковым являлся социализм. Последний должен был оставаться приоритетным в иерархии ценностей по сравнению с ценностями национализма: если национализм сам по себе играл значимую роль в марксистско-ленинском менталитете, оставалось, тем не менее, нечто, имевшее характер специфический и ограниченный, что должно было уступить идеалу более абстрактному, высокому гуманитарно-социальному и универсальному, подобного тому, чем была Октябрьская революция.

Такая политическая философия была очень функциональной с точки зрения укрепления Советского государства в период его создания. Она затрагивала внутреннюю и внешнюю политику, вы-

ражая двойную мораль: националистические движения антиколониального характера в западных державах уверенно поддерживались, в то время как сепаратистские движения на национальных территориях бывшей империи решительно осуждались. Исходя из этой логики, использование силы и геополитическое укрепление не отличались от «великого русского духа», ранее вдохновлявшего почившую царскую империю. Таким образом, уже на начальной стадии постреволюционного институционального и государственного генезиса формировалась предпосылка аномалии в вопросе о советской государственной идентичности. В экзистенциальной основе нового Советского государства существовал интернационалистский идеал, который по своему значению был выше всех национальностей (и нации как таковой), но в то же время был тесно связан с ними, и прежде всего с великорусской идентичностью. Ленин выражал свою позицию по этому вопросу вполне определенно, хотя эта ясность содержала непостижимую двусмысленность: формально осуждая русский национализм как препятствие на пути формирования общего сознания, он в то же время вводил понятие нового чувства идентичности – «социалистического по содержанию, но национального по форме» [6, р. 1072].

Именно отсюда растут корни новой концепции национализма, более не связанного общим языком или этническим происхождением как общим знаменателем разделяемых обществом ценностей. Эта концепция сделала возможным формирование «гражданского национализма», чувства принадлежности к государству по аналогии с латинскими культурами, особенно после 1789 года. Парадокс состоит в самой природе этого явления: постреволюционный гражданский национализм по сути своей являлся централистским, выходившим за рамки стандартов Российской империи. В нем идеологическое управление было неразрывно связано с важнейшей задачей создания общей идентичности. Центрами новой идентичности выступали крупные города страны, в которых преобладал русский (или русифицированный) элемент. Эта амальгама неизбежно объединяла новое революционное государство с этническим элементом, который в предшествующие века был основой Российской империи, а теперь поневоле становился его историческим преемником.

Справедливости ради следует сказать, что Советское государство фактически наследовало проблемную идентичность, существовавшую в течение длительного времени и являвшуюся предметом обсуждения уже в конце эпохи царизма [см.: 6, р. 612]. Джеффри Хоскинг отмечает, что в то время как Англия и другие державы являлись обширными империями, рассредоточенными за пределами метрополии, Россия была империей по самой своей природе [см.: 7, р. 27]. Территориальная организация Российской империи, которая характеризуется нерасчлененностью пространства либо исторически русского, либо постепенно завоеванного, делает невозможным проведение границы между русским «территориальным центром» и его «окрестностями», а это значит, что уже с конца эпохи царизма Россия отождествляется не со своими центральными регионами, а с имперским расширением, что отмечали и иностранные, и русские обозреватели.

Другими словами, в коллективном восприятии русская идентичность выступает как сущность, выходящая за пределы своих собственных границ и располагающаяся в имперском измерении. Для выяснения связи между Октябрьской революцией и национальной идентичностью еще более важны слова самого Ленина, который в начале Первой мировой войны писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину <...> Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика» [8, р. 1].

И хотя документ, о котором идет речь, написан в специфический период доминирования патриотического дискурса, он все же представляет интерес с точки зрения перспективы революционной морали: великорусский элемент никоим образом не принижается и не обвиняется, но, напротив, выставляется жертвой насилия со стороны государства и источником всех благородных попыток бунта против него. Именно «великий русский народ» является инициа-

ром выступления против предавшей его государственной власти: на этом этапе видно радикальное переосмысление патриотизма Лениным. Великий русский народ не является угнетателем, напротив, он сам угнетен институциональной структурой; царская монархия является не защитником русских, а их хозяином, причем хозяином далеким и чуждым, полностью изолированным от подлинного духа страны. Царская система становится сущностью посторонней и вредной для истинной Родины, которая, в свою очередь, является настоящим выражением социалистической революции: в ней возрождается когда-то утраченная истинная природа великого русского народа. В новой прогрессистской исторической философии, таким образом, великая русская идентичность выступает как истинная и глубокая энергия страны. На разных стадиях исторической эволюции она подпитывала сначала аристократический дух, затем буржуазный и, наконец, народный. Поэтому сейчас народу необходимо отвоевать власть у отжившей свой век аристократии и устранить тем самым «плохой национализм» реакционного и монархического толка, и заменить его «хорошим национализмом» народного социалистического происхождения.

В исторической ретроспективе не менее удивительна и роль самой Коммунистической партии. Хотя с самого начала она представляла собой политическую силу не русского, а межэтнического происхождения, именно по этой причине она приобрела особое значение и характеристики, присущие властям старой империи. Коммунистическая партия не представляла Россию в этническом смысле, но воплощала Российское государство в его географическом и духовном измерениях, выходящих за пределы собственно России. Благодаря своему наднациональному призванию ВКП(б) невольно унаследовала роль, прежде принадлежавшую царской монархии, хотя и в несколько ином контексте. Революция 1917 года при всем своем огромном влиянии не смогла внести ясность в отношения между национальной идентичностью и государством, созданным на месте прежней империи.

Как утверждает Андреас Каппелер, концепция «политической» России отдельно от «этнической» России была мало представлена, если вообще существовала в политическом дискурсе со времен

Екатерины [см.: 9, р. 31]. В результате в канун 1917 года «русская нация» не существовала отдельно от прочих. В какой степени новое Советское государство усвоило это наследие, сказать трудно. С уверенностью можно сказать, что Ленин, абстрагируясь от своих конъюнктурных политических соображений, в конце концов пришел к теоретическому выводу о существовании двух видов национализма [см.: 10, р. 645], один из которых – национализм угнетенных народов (антиколониальный), т. е. тот, которому стоит следовать. Что еще более важно, «хороший» социалистический национализм стремится объединять, а не разделять народы [см.: 11, р. 345]. В основе всей ленинской теории лежит трудноразрешимая проблема: его интерпретация марксистской доктрины является почти мистической и заключается в идее, что последовательность разных этапов социального развития ведет к высшему единству. Однако у Ленина на смену разрушенному старому единству должно было прийти новое единство, основанное на иной идеологической базе. Такая динамика разрушения и созидания порождает новую логику, согласно которой распад старого – это неизбежный шаг при строительстве нового. В интеллектуальном плане эта логика абсолютно верна, однако, когда зашла речь о реальной политике, это «новое» оказалось довольно близким «старому»: воссоздавались территориальные и геополитические формы бывшей Российской империи. И это расхождение между теорией и практикой вскоре обнаружилось во всем своем историческом драматизме.

1. *Wilson William A.* Herder, folklore and romantic nationalism // *J. of popular culture*. 1973. Vol. 6. Iss. 4. P. 819–835.

2. *Bracher K. D.* Il Novecento. Secolo delle ideologie. Laterza, 2006.

3. *Melograni P.* Lenin e la rivoluzione // *Mondoperaio*. 1981. 7/8. P. 111–119.

4. *Brudny Y. M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Harvard, 1998.

5. *Herb G. H., Kaplan D. H.* Nations and nationalism: a global historical overview. Vol. 3 : 1945–1989. S. Barbara, California, 2008.

6. *Szporluk R.* Lenin, great Russia and Ukraine // *Harvard Ukrainian studies*. 2006. Vol. 28, Nr 1/4.

7. *Szporluk R.* Russia Ukraine and the breakup of Soviet Union. Cit Geoffrey Hosking. The Freudian frontier // Times Literary supplement. 1995. 10 march.

8. *Lenin Y. V.* On the national pride of the great russians // Sotsial-Demokrat. 1914. Nr 35. 12 dicembre.

9. *Kappeler A.* Great Russians and little Russians: Russian-Ukrainian relations and perceptions in historical perspective. Washington, 2003.

10. *Avineri S.* Marxism and nationalism // J. of contemporary history. 1991. Vol. 26, Nr $\frac{3}{4}$: The impact of western nationalism : Essays Dedicated to Walter Z. Laqueur on the Occasion of His 70th Birthday. 1991. P. 637–657.

11. *Staney W. Page,* Lenin and self determination // The slavonic and east european review. 1950. Vol. 28, Nr 71. P. 342–358.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРОТИВ «БЫВШИХ БЕЛЫХ» в 1920–1930-е годы

В статье рассматривается идеология большевизма, заложившая основы для проведения карательной политики против так называемой исторической контрреволюции. Показано отношение большевиков к насилию как к универсальному средству решения внутренних проблем, а также советской власти к справедливости и реализации демократии «по-пролетарски».

К л ю ч е в ы е с л о в а: гражданская война, репрессии, «бывшие люди», «бывшие белые», «историческая контрреволюция», карательная политика.

1917 год положил начало новой эпохе в истории нашей страны. Революционные потрясения и разгоревшаяся гражданская война оказали значительное влияние на форму существования Советского государства. Большевистская идея на бумаге провозгласила новую эру – эру существования государства социальной справедливости и равенства, но на деле восторжествовала новая система социального неравенства и усиленной эксплуатации. Попытка найти причины карательной политики советской власти только в обстоятельствах борьбы за власть, враждебном внешнем окружении, а также необходимости ускоренной модернизации «имеет место быть», но этого недостаточно. На наш взгляд, для объяснения процессов, проходивших в советском обществе, необходимо прежде всего обратиться к идеологии большевизма. Данная статья ставит целью рассмотреть идеологические основы карательной политики большевиков в отношении так называемой исторической контрреволюции.

Идеологические догматы большевиков сформировались задолго до Октября 1917 года и последовавшей за ним гражданской войны, а вся дальнейшая политика коммунистического правительства являлась лишь продолжением и развитием этих принципов. Это не значит, что история Советского Союза была объективно обусловлена исключительно большевистской идеологией. Конкретные

исторические события и обстоятельства, личные воззрения большевистских деятелей, борьба за власть в эшелонах власти имели немалое значение. Но выбор, который делало руководство страны, во многом был обусловлен той фундаментальной идеологической базой, о которой и пойдет речь.

При всем своем радикализме и новаторстве идеология большевизма в значительной степени являлась модернизированным вариантом традиционного массового сознания России. Для подтверждения этого тезиса рассмотрим несколько позиций, в которых наиболее заметна эволюция традиционных представлений и их трансформация в большевистской идее: отношение к насилию и террору; стремление к однозначности бытия (разделение на «наших» и «не наших»); понятие о справедливости и воплощение ее в «демократии по-пролетарски».

Если говорить о проблеме насилия в советской истории, то стоит отметить, что отношение большевиков к насилию как к универсальному средству не являлось новшеством, а было продолжением развития восточных методов в управлении государством, свойственным России, по крайней мере, еще со времен Московии. Большевики унаследовали это воззрение вместе с другими особенностями мышления в дореволюционной России. Но в период борьбы за революцию и удержание власти насилие как способ решения множества проблем – военных, политических, экономических – был гипертрофирован. «Мы всегда стояли за применение насилия как в массовой борьбе, так и в связи с этой борьбой», – говорил главный идеолог большевиков В. И. Ленин за год до Октябрьской революции, выступая с речью на съезде швейцарской социал-демократической партии [1, с. 182–183]. Дело не ограничивалось применением насилия в тех случаях, когда не действовали другие методы. Насилие применялось для острастки, на всякий случай: «Устрашение есть могущественное средство политики, и международной и внутренней», – утверждал Л. Д. Троцкий [2, с. 66]. «Диктатура пролетариата обязательно включает в себя понятие насилия. Без насилия не бывает диктатуры, если диктатуру понимать в точном смысле этого слова», – писал И. В. Сталин [3, с. 42].

Применение насилия как универсального средства управления государством позволило некоторым исследователям говорить о такой качественной составляющей российского сознания, как репрессивность. Российский культуролог И. Г. Яковенко истоки репрессивности сознания россиян видит в манихейских идеях, укоренившихся на почве православия. Суть манихейских воззрений, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой теме, заключается в резком разделении мира на силы Добра и Зла. Отсюда исходит и разделение на «наших» и «не наших»: «Обыденное манихейское понимание мира, утвердившееся в традиционном российском сознании, состоит в том, что “нашим” (а “наши” – это, естественно, и есть воплощение сил Добра) противостоят наши противники, попавшие под власть сил Зла. В собственном смысле противники не есть люди» [4, с. 48]. Поскольку «не наши» – не люди и однозначно являются существами враждебными, перемирия и мира с которыми быть не может, то и борьба с ними должна вестись беспощадная, до победного конца. И, таким образом, «манихейское переживание мира превращает репрессию в генеральный фактор бытия» [Там же, с. 49]. Подобной точки зрения придерживается и немецкий историк Й. Баберовски, говоря о культуре насилия в России. Источник он также видит в манихейских предтечах православия. Отсюда, по его мнению, проистекает и «большевистская идея социальной однозначности» [5, с. 12–13]. Большевики не принимали возможность устройства миропорядка, отличного от своей модели. Именно поэтому любое инакомыслие рассматривалось как угрожающее советской системе и каралось как преступление.

С самого начала борьбы за власть в большевистской среде получает большое хождение термин «классовый враг». И борьба с контрреволюцией на протяжении всего рассматриваемого периода заключалась не в том, чтобы сломить сопротивление отдельных личностей, а чтобы сломить целые классы, относящиеся к «исторической контрреволюции». Строгое разделение окружающих по принципу «наши»/«не наши» (а при абсолютизации классового сознания появились «наши» и «не наши» классы) логически приводило к аксиоме «кто не с нами – тот против нас». Эта позиция еще более укрепилась и стала абсолютной в годы гражданской войны, когда

Советская власть боролась за существование (в военных условиях человеческое сознание моментально проводит маркировку «свой»/«чужой»). В ноябре 1918 года заместитель председателя Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности Мартин Лацис опубликовал заметку в газете «Красный террор», в которой высказал очень показательную точку зрения на принципы проведения классовой политики в ходе гражданской войны: «Мы ведем войну не против отдельных личностей – мы уничтожаем буржуазию как класс. Во время расследования мы не ищем доказательств того, совершил ли обвиняемый на словах или на деле преступление против Советской власти. Самые главные вопросы, которые следует ему задать, звучат так: к какому классу он принадлежит? Каково его происхождение? Какое у него образование и профессия? Именно эти вопросы должны определить судьбу обвиняемого. В этом состоит смысл и сущность красного террора» [5, с. 36].

Опыт гражданской войны «наложил» на идеологический фундамент марксизма-ленинизма и тем самым были заложены формирующиеся основы Советского государства. На смену исторически-реакционному классу буржуазии должен был прийти, взяв власть с бою, класс пролетариата «как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее» [6, с. 24]. При построении социалистического государства, управляемого всей массой трудового народа, не предполагалось оставить место для «исторически-отживших» эксплуататорских классов. И поскольку социальное происхождение изменить было невозможно, то этот «первородный грех» невозможно было искупить никакими заслугами. Заверения в лояльности, отречения как от своего класса, так и от родственников в массе своей не действовали. «Чистота» происхождения распространялась не только на социальную принадлежность, но и на «исконную» партийность: лица, перешедшие в партию большевиков из других партийных групп, часто попадали под подозрение по одной только этой причине и их могли подвергать чистке в первую очередь (часто с формулировкой «примазавшиеся»). Подобные воззрения о чистоте клас-

совой/партийной принадлежности распространялись горизонтально и вертикально, охватывая и низовые инстанции. Вот как рассматривался вопрос о «чистокровной» принадлежности к партии в Екатеринбурге: на заседании II Екатеринбургской окружной партийной конференции, состоявшейся в апреле 1924 года, из уст некоего тов. Харитоновна прозвучала следующая фраза: «Поскольку у нас имеются товарищи из других классов, которые приносят нам и свои настроения, поскольку есть выходцы из других партий... постольку не мог(ли) вытравить из своего мозга то, что у него накопилось, некоторые остатки былого пребывания в других классах они сохранили». Далее следовал далеко идущий вывод – «если у человека осталось кое-что от той среды, где он был, как бы он не старался выйти, если он не успел на 100 %, это не его вина» [7, с. 26].

Стремление к однозначности бытия в новом мире, однородности общества, четкое разделение на «наших» и «не наших» отдельных граждан и целых классов привело к появлению нового понятия демократии, которое кардинально отличалось от западного. Новый мир строился для классов угнетенных и эксплуатируемых в дореволюционном прошлом, в нем не было места для классов эксплуататоров, в каком бы бедственном положении они ни находились после всех перипетий военного времени. И построение первого в мире рабоче-крестьянского государства требовало передачи всех льгот от класса эксплуататоров классу эксплуатируемых или диктатуры пролетариата. Диктатура пролетариата, по мнению идеологов большевизма, предполагала передачу всех политических прав и свобод в руки пролетариата. Известный лозунг «Кто был никем, тот станет всем» предполагал логическое продолжение «Кто был всем, тот станет никем». Мир менял свои крайние стороны, ничего не меняя сущностно. Демократия по-пролетарски заключалась в предоставлении политических прав и свобод только трудящемуся народу: «Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа – вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму» [6, с. 89–90]. Предоставление же избирательного права всем без исключения рассматрива-

лось как пережиток, причем пережиток буржуазный: «...придется распрощаться с буржуазным предрассудком о непогрешимости “принципа” всеобщего избирательного права. Избирательное право будет, должно быть предоставлено лишь тем слоям населения, которые эксплуатируются или, во всяком случае, не эксплуатируют чужого труда. Это естественный результат факта диктатуры пролетариата и деревенской бедноты» [8, с. 71].

Подобные воззрения были не только проявлением стремления если не уничтожить, то максимально ослабить бывших эксплуататоров в политическом отношении, но и являлись следствием народных представлений о справедливости. Речь идет не о справедливости вообще, для всех, а только для своих, для тех, кто ранее был беззащитен и унижен. Именно этим можно объяснить подчеркнута уничижительное отношение к заложникам – как к бывшим офицерам, так и к представителям дворянства, буржуазии, интеллигенции. Одесские «Известия» писали в апреле 1919 года: «...если мы заставим их чистить улицы (буржуазию. – *Е. Р.*), а их жен мыть красноармейские казармы (честь немалая для них), то они поймут тогда, что власть у нас твердая...» [9, с. 92]. Особо фанатично настроенные большевики не ограничивались подобными пожеланиями, а переходили к действию. Материалы «Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков» свидетельствуют, что «одним из любимых видов глумления над генералами и полковниками, попадавшими в “яму” (подвал в доме, где располагалась Чрезвычайная комиссия в г. Пятигорске. – *Е. Р.*), были принудительные работы по очистке двора и отхожих мест без помощи каких бы то ни было вспомогательных средств, лопат, метел или тряпок» [10, с. 10]. «Террор царизма был направлен против пролетариата. Царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистический строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот... оттенок? Да? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно» – эти слова одного из виднейших большевистских лидеров Л. Д. Троцкого как нельзя лучше характеризуют понятие справедливости у большевиков [см.: 2, с. 66].

Учитывая классовое сознание в Советской России, вполне логичным было принятие тезиса об усилении классовой борьбы в конце 1920-х годов. Начавшаяся индустриализация и последовавшая за ней коллективизация, обострение обстановки на международной арене привели к усилению эксплуатации всего советского общества и попытке закрыть слабые места системы (а они сразу проявлялись при ускорении общественного развития). Тот факт, что большевики объясняли свои экономические и социальные проблемы не несовершенством самой системы, а происками классовых врагов, отмечают многие исследователи. Происками классовых врагов, в первую очередь «исторической контрреволюции», представлялось невыполнение планов, аварии на производстве, некачественная продукция. Из классового сознания в первую очередь проистекают истоки тезиса об усилении классовой борьбы: «Продвижение к социализму не может не вести к сопротивлению эксплуататорских элементов этому продвижению, а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы» [11, с. 171]. Эта мысль будет повторяться постоянно в выступлениях и статьях И. В. Сталина и его сторонников. В сочинениях Сталина, его ответах на различных конференциях, а также в письмах и телеграммах на места антисоветские элементы в деревне и городе фактически приравниваются к элементам белогвардейским, т. е. в любом проявлении недовольства власть видит проявление активизации «исторической контрреволюции».

Весьма показательна в этом отношении телеграмма И. В. Сталина и В. М. Молотова, отправленная 14 февраля 1931 года Р. И. Эйхе и Ф. П. Грядинскому по поводу взрыва на Кемеровской коксовой батарее: «Оказывается, что все эти катастрофы произошли, как вы сообщаете, по “неизвестной причине”. Хорошее объяснение, нечего говорить. Неизвестно только, куда девалась бдительность крайкома, бдительность парторганизаций, наконец, бдительность ГПУ <...> Не пора ли взяться за чистку и разгром колчаковских офицеров, массами осевших в организациях Сибири» [12, с. 90]. «Да, товарищи, класс есть класс. От этой истины не уйдешь», – эти слова И. В. Сталина, сказанные в адрес кулачества на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года как нельзя лучше характеризуют отношение

власть предрешающих ко всем своим классовым врагам вообще. В какой-то степени этим и объясняется постоянное если не преследование, то настороженное отношение, недоверие и к бывшей буржуазии, торговцам, а также участникам Белого движения даже спустя десятилетия после окончания Гражданской войны – все так называемые бывшие люди представлялись имманентной угрозой.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью утверждать, что построение социализма в одной отдельно взятой стране предполагало перманентную карательную политику против значительной части советского общества. Идеология марксизма-ленинизма, провозгласив за основу основ классовый принцип жизни, наложила на особенности российского массового сознания и привела к разделению общества на своих и чужих. И эти чужие – «историческая контрреволюция» – находились под постоянным подозрением и контролем.

1. *Ленин В. И.* Речь на съезде швейцарской социал-демократической партии 4 ноября 1916 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 30. С. 180–183.

2. *Троцкий Л. Д.* Терроризм и коммунизм. М., 2015.

3. *Сталин И. В.* К вопросам ленинизма // Сталин И. В. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 8. С. 6–45.

4. *Яковенко И. Г.* Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011.

5. *Баберовски Й.* Красный террор: история сталинизма. М., 2007.

6. *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 221. Л. 26.

8. *Сталин И. В.* Организация Российской Федеративной республики // Сталин И. В. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 4. С. 66–73.

9. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России (1918–1923). Чекистский олимп. М., 1990.

10. *Красный террор в годы Гражданской войны* / под ред. Ю. Фельштинского. М., 2004.

11. *Сталин И. В.* Об индустриализации и хлебной проблеме // Сталин И. В. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 11. С. 157–187.

12. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 40. Л. 90.

Раздел 4

УРАЛ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ И ПРОЦЕССАХ ПЕРВОГО ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

УДК 94(470.5).084.2

М. А. Фельдман

ОКТАБРЬ 1917 года В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ОТЛИЧИЯ

В статье рассмотрены новые оценки содержания и характера, движущих сил Октябрьской революции. Приведены доказательства ведущей роли армии в событиях Октября. Отрицается пролетарский характер революции в России. Прослежена связь неравномерности индустриального и капиталистического развития регионов России и динамики революционных событий осенью 1917 года.

К л ю ч е в ы е с л о в а: армия, рабочие, леворадикалы, Октябрьская революция, Россия, либералы, капитализм, Урал.

Приближение столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 года подталкивает к определенному подведению итогов исследований по проблеме характера, движущих сил, значения революции в России и в отдельных ее регионах.

Гигантский пласт советской историографии оставил мифологическую, «незыблемую» парадигму концептов: о «закономерности Октябрьской революции»; ее всемирно-историческом значении; «руководящей роли рабочего класса»; «научности действий партии большевиков» и т. п. Мифы, тем более столь длительный срок внушаемые сверху на всех информационных уровнях, не исчезают под давлением критики, а трансформируются в новые, далекие от научности конструкции. В исторической литературе XXI века

широко представлена *теория заговора либералов* как определившая весь ход революционного процесса 1917 года [см.: 1, с. 494, 509–514]. В этой связи характерна книга В. А. Никонова «Крушение России, 1917», фактически выстроенная вокруг тезиса: «на массовый протест могут подвигнуть только элиты» [Там же, с. 600].

При таком подходе, например, многочисленные протестные выступления промышленных рабочих с экономическими и политическими требованиями на протяжении 1917 года рассматриваются не как выход рабочих масс на самостоятельную политическую сцену, изменивший конфигурацию политических сил в стране, а всего лишь как фон действий либералов [см.: Там же, с. 582–587].

Это не случайно: фактически, порождение «теории элит» – «теория заговора» (масонского, либерального, леворадикального и т. д.) – как правило, связана с эклектичным подходом к накопленному историческому знанию.

Попытки объяснить революции 1917 года «заговорами элит» (включая, «изменческие» действия большевиков) не являются чисто российским изобретением. Легенда об «ударе кинжалом в спину» либералов и социалистов как причине поражения германской армии в 1917–1918 годах прочно вошла в немецкую историографию уже с 1920-х годов, что не мешает современным серьезным исследователям относить ее к разряду мифологии [см.: 2]

Судя по систематическому поиску врагов среди демократов в 1990-е годы и среди либералов в 2000-е годы, марксистские принципы живут в современном научном мире в России нового века.

Главное достижение отечественной истории последних трех десятилетий – признание России страной раннего капитализма с глубокими феодальными пережитками во всех сферах экономической и общественной жизни; глубочайшей дифференциацией в развитии регионов и со слабо развитым рабочим социумом; империей, чей внешнеполитический курс в первые годы XX века нередко носил авантюристический характер, подрывающий реформирование страны; наконец, государства с многонациональным составом населения, часть которого (прежде всего в польских губерниях) относилась враждебно ко всему русскому.

Однако именно это достижение исторической науки с трудом входит в содержание школьных и вузовских учебников; еще труднее – в сознание многих политиков и публицистов – как на федеральном, так и на региональном уровне.

Как оценить события Октября 1917 года, произошедшие в Уральском регионе? В чем в этих событиях проявились общероссийские закономерности? В чем заключалась специфика Урала?

Начнем с того, что индустриализация в России в конце XIX века – первых десятилетиях XX века носила только *островной, локальный характер с волнообразной технической революцией* [см.: 3]

Неравномерность индустриального и капиталистического развития представляла столь характерную черту Российской империи, что позволительно говорить о слабом развитии капитализма в России, в сравнении с индустриально развитыми странами Европы и США, за исключением Петербурга, Москвы, Юга России, Прибалтики и Польши.

Результатом такого различия промышленного развития стало формирование двух типов индустриальных регионов: завершивших промышленный переворот и завершивших промышленный переворот только в отдельных отраслях или на крупных предприятиях. Урал, *как и большинство регионов России*, относился ко второму типу развития. В этой связи закономерным стало и появление двух социумов промышленных рабочих.

Если для Урала, как и для большинства российских провинций, было характерно значительное преобладание местных рабочих над «пришлыми», то для немногих территорий, отмеченных наиболее быстрым промышленным ростом (прежде всего Петербурга и Москвы, Юга России), была закономерна *принципиально иная картина*.

С точки зрения формирования индустриального рабочего класса на огромных пространствах империи, доминирование массива местных рабочих может рассматриваться как благоприятная предпосылка для формирования постоянных рабочих кадров с *устоявшимся социокультурным обликом*. Квалифицированных рабочих-металлистов Урала, как правило, местных, т. е. живущих длительный срок в одном поселении, определяло владение значительными

земельными участками, собственным жильем и – в казенных горнозаводских округах – гарантии социальной защиты. Личное хозяйство рабочих позволяло не только выжить в условиях политических и социальных потрясений, но и выступало в качестве объекта культуры, так как передавало традиции отношения к земле и природе [см.: 4, с. 134].

С учетом владения земельными участками и наличия своего жилья значительная часть местных рабочих Урала, как и большинства российских провинций, мало подходила под определение «пролетариев» и, по определению О. С. Поршневой, «сохраняя в своем менталитете консервативно-патриархальные представления и ценности», только в незначительной степени поддерживала леворадикальные организации. К 1914 году в рядах большевиков и меньшевиков, национальных социал-демократов состояли (по разным подсчетам) от 18 до 30 тыс. рабочих, или от 0,5 % до 0,8 % численности российского пролетариата [см.: 5, с. 126, 130, 132].

Доказано, что в дни Февральской революции на Урале численность партийных организаций всех направлений была невелика. Например, действовало всего 12 большевистских организаций, насчитывающих 306 человек [см.: 6, с. 84].

Если общую численность социал-демократов на Урале историки определяют в начале 1917 года примерно в 900 человек [см.: 7, с. 89], то получается, что в рядах меньшевиков находилось порядка 600 партийцев, или в 2 раза больше, чем у их оппонентов-большевиков.

«Классический пролетариат» (даже «разбавленный» пополнениями мировой войны) находился прежде всего в столицах, главным образом, в Петрограде [см.: 8, с. 230–232]. Именно с этой частью рабочего социума на протяжении двух десятилетий было связано радикальное течение марксистского движения в лице большевистских организаций.

Первая мировая война принесла невиданную милитаризацию труда на промышленных предприятиях [см.: 9, с. 55], массовую мобилизацию в вооруженные силы. Спецификой Урала стал массовый уход рабочих с частновладельческих предприятий на казенные заводы, освобождавшие занятых на производстве от призыва

в армию [см.: 10, с. 12]. Такой перелив рабочей силы, превращая вчерашних «местных» рабочих в «пришлых», ухудшал положение работников; обострял социальную ситуацию, порожденную войной.

Российская армия к 1917 году представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров насчитывалось 9620 тыс.; еще от 1, 5 до 2,3 млн солдат и офицеров находились в запасных частях военных округов, в том числе 250 тыс. – в тыловых гарнизонах Урала [см.: 11, с. 472, 477].

Как и по всей стране, на Урале армейские части превратились в *важнейший политический институт*; стали ведущей силой революционных событий. Признанием активного участия военных в событиях Февральской революции в уральских провинциях стало широкомасштабное избрание военнотружеников в органы исполнительной власти.

Показательно, что назначенные в начале марта 1917 года губернские комиссары вскоре уступили свои посты младшим офицерам, активно включившимся в процесс революционных преобразований. Так, правительственным комиссаром по Пермской губернии был назначен прапорщик запасного полка Б. Туревич, комиссаром по Оренбургской губернии – поручик запасного полка Н. Архангельский. Только в Пермской губернии к июню 1917 года на различных должностях в органах управления, военно-промышленном и продовольственном комитетах, в органах управления заводских поселков было задействовано 16 офицеров и 20 солдат из состава гарнизонов Пермской губернии. В большинстве административных центров Урала солдаты и младшие офицеры, создавая городскую и уездную милицию, выступали ее руководителями; входили в состав местных общественных организаций – комитетов общественной безопасности и Советов рабочих и солдатских депутатов [см.: 12, с. 62–65].

Солдаты и младшие офицеры широко были представлены и в Советах рабочих и солдатских депутатов. По подсчетам О. А. Васильковского и Е. Б. Заболотного, в марте 1917 года из 117 Советов, созданных на Урале, в 25 преобладали большевики. Из них 21 Совет находился на территории Пермской губернии; 4 – в Уфимской. На территории Вятской и Оренбургской областей не было ни одного [см.: 13, с. 17]. Как видно, ареал большевистского влияния был

очерчен и в количественном и в территориальном плане. Практически все Советы, находившиеся под влиянием большевиков, были расположены на территории Пермской губернии.

В этом явлении довольно полно раскрывается политическая специфика Урала: весной 1917 года большевики пользовались определенным влиянием в Пермской губернии, где преобладали частнокапиталистические предприятия, и минимальным – в Вятской губернии, где доминировали казенные заводы, а также в Оренбургской, известной своим казачьим войском. Спецификой Оренбуржья было сочетание новых структур и органов казачьего самоуправления. После Февральской революции в казачьих районах возникло даже не двоевластие, а, по образному выражению А. И. Деникина, самое настоящее «троевластие» [см.: 14, с. 30]. Указанная расстановка сил определит и ход октябрьских событий в регионе.

В советское время причины преобладания меньшевиков и эсеров в Советах Урала весной и летом 1917 года историки объясняли традиционно: «засорением» состава рабочих в годы войны, «непролетарской» привязанностью части рабочих к своим домам и хозяйству и «заражением» оборонческими и соглашательскими настроениями [см.: 15, с. 106, 110]. Современные исследователи, подвергая критике тезис о «заражении», обоснованно отмечают возможность рабочих весной 1917 года самостоятельно высказать свои политические убеждения [см.: 16, с. 35–37], обращают внимание на устойчивую традицию сохранения определенных политических взглядов и линии поведения у различных социальных групп внутри рабочего социума края как до 1917 года, так и в период 1917–1920 годов [см.: 4].

Весной и летом 1917 года для Урала типичной была картина сотрудничества большевиков, меньшевиков и эсеров внутри Советов, а также многостороннего взаимодействия Советов и местных органов власти. Такую картину историки зафиксировали в Перми, Нижнем Тагиле, а в целом – в большинстве рабочих поселков горнозаводских округов [см.: 17, с. 29]. Подобная специфика сотрудничества социалистических партий, в отличие от столиц, была характерна и для большинства провинций России.

Советы горнозаводских поселков Урала достаточно редко занимались политической деятельностью, обращаясь к ней лишь

в случаях угрозы закрытия заводов [см.: 18, с. 23–25]. В такой ситуации леворадикальные политические лозунги большевиков, нацеленные на социалистическую революцию, казались абстракцией.

Ситуация в экономике Урала была сложной, но главным образом, – для частных предприятий, не включившихся в выполнение оборонных заказов. В целом она была далека от кризисной, как ее характеризовало большинство публикаций советского периода. Более того, промышленность Урала наращивала военное производство и на протяжении 1917 года, выполнялись оборонные программы, принятые в 1916 году, ведь Россия продолжала мировую войну [см.: 19].

Современные исследователи достаточно высоко оценивают принятое Временным правительством трудовое законодательство, а время весны-лета 1917 года называют опытом социального реформирования, пришедшимся на благоприятный период взаимных уступок рабочих и предпринимателей [см.: 20, с. 351].

Выполнение этой программы усилиями правительства, его органов на местах и профсоюзов могло лишить леворадикальные партии основы для расширения своего влияния на рабочие массы. Не случайно, на Урале доля большевистских Советов в общем количестве Советов, возникших в марте-июне, неуклонно снижалась. Это означало, что наибольшим влиянием на Советы большевики обладали в марте. Затем шло последовательное снижение уровня этого влияния [см.: 16, с. 34].

В марте-июне 1917 года, по определению авторов трехтомника «Рабочий класс Урала в годы войны и революции», Советы *фактически выполняли всю работу профессиональных союзов*, сконцентрировавшись на рассмотрении профессиональных вопросов, например, на выработке элементов коллективных договоров. Основы таких договоров к маю 1917 года имелись на предприятиях Урала в виде соглашений Советов с заводоуправлениями по вопросам регулирования заработной платы. Не случайно спецификой Урала стал тот факт, что до июля 1917 года в регионе отсутствовали фабзавкомы (ФЗК) [см.: 18, с. 23–25, 33–36].

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что уровень конфронтации правительственных структур, предпринимателей и рабочих в Уральском регионе в марте-июне 1917 года

заметно уступал общероссийским показателям Петербурга и Москвы [см.: 21, с. 102–104, 116–119].

В условиях крушения монархических политических сил, быстрого обострения отношений буржуазных и социалистических партий весной-летом 1917 года [см.: 22, с. 38–39, 52–53] произошел сдвиг симпатий рабочих казенных и крупных частных заводов к представителям *умеренных левых партий*. Так, в Златоусте, Ижевске, Мотовилихе, некоторых других рабочих центрах горнозаводских округов крупнейшими партийными организациями располагали эсеры. В Советах Нижнего Тагила, Воткинска тон задавали меньшевики [см.: 23, с. 50],

Однако главной проблемой в отношениях Временного правительства и большинства населения России, включая рабочих, оставался *вопрос о продолжении войны*. Отсюда реализация законов о труде наталкивалась на все те же препятствия: милитаризацию экономики и массовые призывы в армию. Кроме того, правительство не имело цельной концепции политики в области труда: узаконив 8-часовой рабочий день в столице, власти затянули (до своего падения) дело с принятием соответствующего законодательства по всей России. *Продолжение непопулярной войны девальвировало любые социальные преобразования в тылу*.

Дополнительным стимулом к полевению настроений масс и в России, и на Урале стал масштабный вывод частей гарнизонов края на фронт. Численность солдат, отправленных из тыловых гарнизонов Урала на фронт в июле-августе, составляла более 100 тыс. человек (40 % от состава тыловых гарнизонов) [см.: 16, с. 100]. Негативное отношение солдат к подобному действию фокусировалось большевиками в форму разоблачения «контрреволюционной и антисоветской акции».

В таких условиях в течение лета 1917 года в масштабах России большевики сумели установить контроль над ФЗК. Быстрая радикализация ФЗК означала и переход части рабочих на леворадикальные позиции [см.: 24, с. 50, 56]. На практике это означало, что фабзавкомы были превращены в барьер на пути реализации социального законодательства Временного правительства в сфере трудовых отношений.

Тем не менее, отмечая заметное нарастанием напряженности в отношениях рабочих и предпринимателей на Урале, следуют в то же время заметить: аналогичного *быстрого* обострения по линии рабочие – органы власти в регионе, свидетельствующего о смене вектора политического развития, не прослеживалось.

Показателен отказ областной конференции большевиков Урала поддержать очередной зигзаг ленинской политики: снятие в июле 1917 года лозунга «Вся власть Советам», а также несогласие областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (в середине августа) поддержать противоположный программный тезис Ленина: *перехода* всей власти к Советам [см.: 16, с. 77–78].

Определенная самостоятельность поступков большевиков Урала объяснялась пониманием лидеров областной организации особенностей рабочих Уральского края. На шестом съезде РСДРП(б) от уральской областной организации выступал Е. А. Преображенский, обоснованно охарактеризовав специфику региона. Он не скрывал сохранения на Урале сильных пережитков феодализма; характерной чертой было и то, что многие рабочие оставались «связанными с землей и не являлись «чистыми» пролетариями. Большевикам приходилось приспосабливаться к местным условиям, применяя методы и средства, отличные от классических марксистских [см.: 16, с. 76].

Продолжение войны было главной, но не единственной причиной ослабления власти и сужения поля взаимодействия официальных властных структур и рабочих. В середине лета 1917 года под влиянием транспортного кризиса на Урале произошло обострение продовольственной проблемы. Так Исетские мельницы в Екатеринбурге, снабжавшие заводы мукой, были остановлены. Выдача муки рабочим прекратилась; затем продолжалась с перебоями [см.: 15, с. 82].

Тем не менее, данные о забастовках летом 1917 года, казалось, не предвещали осенних потрясений. Так, в июле 1917 года в регионе прошли 13 забастовок, в которых приняли участие всего 1040 человек. Как видно из приведенных данных, бастовали либо рабочие небольших предприятий, либо занятые в отдельных цехах и участках. Не на много изменилась ситуация в августе 1917 года: забасто-

вочная активность была в основном связана с рабочими одной фирмы – компании «Зингер» [см.: 15, с. 395].

Проблема на сей раз заключалась в том, как относиться к такой практике соглашений между предпринимателями и рабочими: в качестве вырванных односторонних уступок или как к форме поиска взаимоприемлемого классового мира. *Летом 1917 года леворадикальные и правые политические силы как в России, так и на Урале отрицали саму возможность достижения прочного согласия и мира в обществе.* В ряде горнозаводских округов Урала последовательное вытеснение рабочими неугодных представителей заводской администрации с предприятий привело к трудностям дальнейшей работы. Например, к июлю 1917 года была устранена значительная часть администрации заводов Богословского горнозаводского округа (ГЗО), в том числе почти все начальники цехов, директор крупнейшего на Урале Надеждинского завода. Вопрос о ситуации в Богословском ГЗО обсуждался в Петрограде на совещании у министра торговли и промышленности, но рабочие отказались пойти на компромисс [см.: 18, с. 11–17].

Все это говорило о том, что переговорный процесс в регионе становился все более затруднительным. Прослеживалось намерение буржуазии не идти на уступки рабочим; готовность закрывать предприятия, лишь бы одержать верх над рабочими. Сказывалось и изменение настроений предпринимателей: утрата веры в эффективность уступок; усиление роли предпринимательских организаций, оправившихся от шока революции; происходило и снижение веры во Временное правительство как инструмент, способный «умиротворить рабочих».

Август 1917 года стал месяцем изменения соотношения сил в Советах Уральского региона. В конце июля – в августе 1917 года прошли пере выборы в Советы в ряде городов и рабочих поселков. Большевики, вступив в коалицию с левыми эсерами, укрепили свое влияние в Советах крупных горнозаводских поселений, значительно расширившихся в годы Первой мировой войны: Кыштыме, Полевском, Нижнем Тагиле [см.: 15, с. 318].

Перемены в партийном влиянии в Советах наглядно проявились в работе второго Уральского областного съезда Советов, проходив-

шего в Екатеринбурге 17–21 августа 1917 года. На областном съезде произошел ряд примечательных событий, отразивших эволюцию политической жизни края. Произошел разрыв региональной коалиции меньшевиков и эсеров; более того, часть левых эсеров вступила в блок с большевиками. Поскольку большевикам принадлежало более половины мандатов делегатов, это позволило съезду принять большевистские резолюции. Областной съезд, впервые в России проходивший под руководством большевиков, не только отметил, что *мирный период революции закончился*, но и связал решение всех социально-экономических вопросов с установлением диктатуры пролетариата. По вопросу о войне съезд признал, что «единственным путем к миру является завоевание во всех воюющих странах власти рабочими, а в России – рабочими и беднейшими крестьянами» [25, с. 45].

В сочетании с установлением контроля большевиков над профсоюзами [см.: 23, с. 62] это означало, что ведущие органы рабочего самоуправления в регионе оказались в руках леворадикалов, взявших курс на захват власти.

В такой ситуации чрезвычайные меры, предпринятые Временным правительством для борьбы с мятежом генерала Корнилова, сыграли на руку большевикам. Созданные в регионе временные чрезвычайные органы власти – революционные комитеты (центры) – оказались, во-первых, вне контроля правительственных структур [см.: Там же, с. 62]

Во-вторых, стали еще одним каналом усиления влияния леворадикалов в армии. Более того, в воинских частях гарнизонов Урала массовыми стали отказы солдат исполнять приказы командиров, изгнание негодных офицеров. В-третьих, привели к легальному вооружению рабочих в отрядах Красной гвардии [см.: 16, с. 129].

Если в середине августа на Урале речь шла об изменении соотношения политических сил в пользу леворадикалов в области политики, то с конца августа большевики и левые эсеры получили превосходство и в военной сфере. Об этом говорило создание при большинстве крупных и средних предприятий региона отрядов Красной гвардии, поддержка большевистских лозунгов во многих воинских частях уральских гарнизонов [см.: 15, с. 358–359].

Неразрывной частью большевистской пропаганды в тыловых частях было настраивание солдат против офицерства, что вело к подрыву и падению армейской дисциплины, росту дезертирства и преступности [см.: 18, с. 358–359]. Фактически это означало возвращение многовластия марта 1917 года. Острыми были и переговоры рабочих и предпринимателей о повышении заработной платы.

При всей существенной разнице подходов владельцев предприятий и их работников, речь, тем не менее, шла о переговорах, сохраняющих возможность достижения компромиссных решений. Как видим, ни экономическое, ни социальное положение в регионе не носило катастрофического характера, закрывающего эволюционный путь развития.

Показательной можно считать реакцию рабочих Урала на призыв второго Уральского областного съезда Советов провести 1 сентября общеуральскую однодневную политическую забастовку под лозунгами «Долой капиталистов, закрывающих заводы!», «Требуем немедленного созыва Всероссийского съезда Советов», а также с осуждением корниловского мятежа [см.: 18, с. 322–323].

В забастовке приняли участие приблизительно 110 тыс. человек, или примерно $\frac{1}{3}$ занятых в промышленности края. Интересная деталь: анализ списка бастовавших 1 сентября 1917 года заводов Урала показывает, что крупнейшие частные предприятия края (например, Надеждинский, Чусовской), подавляющее большинство казенных заводов *не поддержали политическую стачку* [см.: 18, с. 336–337].

Если антиправительственное выступление мятежного генерала осудили все партии социалистов, то политическую забастовку как метод решения проблемы в сентябре 1917 года осудили и отклонили не только эсеры и меньшевики [см.: 25, с. 47–49], но и большинство рабочих Урала.

Тогда чем можно объяснить ощутимый процесс стремительного полевения настроений и поведения населения Урала осенью 1917 года? Продолжение войны и связанные с ней тяготы действительно вызывали недовольство рабочих Урала, большинства населения, всесторонне подогреваемое леворадикальной пропагандой.

В начале сентября 1917 года Екатеринбургский комитет РСДРП(б), являвшийся партийным центром Урала, признал дело организации Красной гвардии «насущнейшим вопросом данного момента» [26, с. 84]. Тем самым был дан импульс ускоренного формирования вооруженных подразделений, подчиненных Советам.

Заметим, однако, что сдвиг политических настроений рабочих и солдат горнозаводского Урала в пользу большевиков (известный в советской историографии как процесс «большевизации Советов») носил далеко неоднозначный характер на территории края. В постсоветской литературе только отмечался, но не объяснялся феномен столь различного восприятия рабочих каждой из четырех губерний Урала большевистского лозунга «Вся власть Советам».

Голосование в сентябре-октябре 1917 года в Советах Урала показало весьма примечательную картину. Если в Пермской губернии, сосредоточившей основную массу новых механических цехов военного характера и столь же новых рабочих коллективов, большевистский призыв к взятию власти поддержали 76 из 140 Советов (т. е. почти половина), то в Вятской губернии, где тон задавали крупные казенные заводы Ижевска и Воткинска, только 3 из 34 Советов!

В Уфимской и Оренбургской губерниях, где наряду с проблемами с начала XX века предприятиями существовали и успешные на рыночном пространстве заводы и рудники, «референдум сентября» показал примерно равную расстановку сил: большевистский призыв к взятию власти поддержали 12 из 27 Советов в Уфимской, и 6 из 10 в Оренбургской губернии [см.: 16, с. 93]. Таким образом, ленинский лозунг «Вся власть Советам» был поддержан *только половиной* из 216 Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов Урала (без учета волостных крестьянских Советов) – примечательное и не осмысленное в научной литературе явление.

Противоположные подходы Советов по важнейшим политическим вопросам показывают глубину социальной неоднородности как общества в целом, так и рабочего социума Урала. На наш взгляд, поддержка половиной Советов края прежней демократической системы органов власти в конце октября 1917 года говорила о возможности альтернативного варианта развития событий.

Характер голосования носил показательный характер еще и потому, что стал предтечей территориального среза политического поведения рабочих и на выборах в Учредительное собрание, и в начале Гражданской войны в Уральском регионе. Характерно, что даже в конце октября 1917 года под контролем меньшевиков и эсеров оставались Советы в трех из четырех губернских городов – Перми, Оренбурге, Вятке, ряде уездных центров, а в целом – в почти половине Советов Урала [см.: 15, с. 423].

Не менее важным было и другое: еще в середине сентября 1917 года даже рабочие коллективы наиболее большевизированных заводов Урала выход из создавшейся ситуации видели в *эволюционном переходе власти* в руки коалиции социалистических партий. Так, резолюция рабочих Верх-Исетского завода от 15 сентября 1917 года содержала требование «организации однородной демократической власти, ответственной перед полномочными органами революционной демократии». Предлагаемый путь: «разрыв с соглашательством и переизбрание ЦИК» [18, с. 349], оставлял меньшевикам и эсерам возможность для политического маневра.

Заметим, что аналогичные требования выдвинули в конце октября 1917 года рабочие Путиловского и Обуховского заводов в Петрограде, трудовые коллективы ряда предприятий страны, Петроградский совет профсоюзов, руководство Всероссийского союза металлистов, Центральный и Московский городские советы фабзавкомов [см.: 27, с. 12–14]. Приведенные факты показывают нежелание противоборства с властью; неприятие революции и гражданской войны не только того слоя рабочих, который большевики с презрением относили к слою «рабочей аристократии», но и квалифицированной части рабочего класса; рабочих, обладающих жилищной и земельной собственностью, т. е. части рабочего класса, наиболее близкой в условиях России к категории «индустриальные рабочие». Указанное явление подтверждает мнение ряда исследователей об обусловленности, но не обязательности Октябрьского переворота ни в столицах, ни в регионах.

В роли защитников (до начала Гражданской войны преимущественно пассивных) прежней государственной власти и общественного устройства во многом выступали местные (коренные)

рабочие казенных горнозаводских округов. В этом заключалось не только стремление данной социальной группы сохранить свои имущественные права, унаследованные от феодальной эпохи, но и проявление осознанных интересов индустриальной части наемных работников буржуазного общества.

Представляя себя в качестве пролетарской партии, большевики свою социальную базу нашли в социальной группе малоквалифицированных рабочих, чаще всего недавних выходцев из деревни [см.: 28, с. 298–303]. В условиях Урала это положение усиливалось важным обстоятельством: если индустриальные рабочие формировались, как правило, в среде местных пролетариев, то маргинальную группу рабочих подпитывали те, кого официально называли «пришлые». Владение или невладение земельными участками, собственными жилищами, столь важными для рабочих Урала, превращало взаимоотношения указанных двух групп рабочих в социальный конфликт рабочих-собственников и рабочих-пролетариев.

Какой фактор стал той решающей силой, которая при примерном равенстве сторонников и противников революционного и эволюционного путей определила реальное развитие исторических событий в России и на Урале, в событиях Октября 1917 года?

Рабочие России в своей массе довольно сдержанно откликнулись на призыв вступать в отряды Красной гвардии. Определенным исключением являлся Петроград. В отрядах Красной гвардии, сыгравших важную роль в политическом перевороте в октябре 1917 года, преобладали молодые рабочие, уроженцы сельской местности, с небольшим стажем работы в промышленности. Именно в этой социальной группе большевистская пропаганда нашла наибольшее применение: почти половина красногвардейцев являлись членами партии большевиков [см.: 29, с. 261].

В такой ситуации решающую роль в силовом захвате власти играли армейские части. Как известно, единственным политическим руководителем солдат тыловых гарнизонов с 1 марта 1917 года в Петрограде, с 6 марта – по всей стране – выступали Советы рабочих и солдатских депутатов [см.: Там же, с. 48–52, 66–67]. Мысль о значительной роли солдатских масс в событиях осени 1917 года

в целом в России в 90-е годы XX века прочно вошла в статьи и монографии историков [см.: 30].

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях участвовало 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооруженных рабочих, при этом рабочие-красногвардейцы были полностью вооружены только 28–29 октября [см.: 26, с. 10, 135]. Сфокусируем также внимание на одном, но очень важном моменте: основу наступающих на Зимний дворец составили солдаты трех полков Петроградского гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа [см.: 31, с. 339].

Сопоставление численности двух основных социальных групп участников октябрьских событий на Урале: 3 тыс. красногвардейцев и свыше 60 тыс. солдат местных гарнизонов края, попавших под влияние и контроль леворадикального блока большевиков и левых эсеров [см.: 16, с. 127, 136], подводит к четкому выводу о том, кто же сыграл основную роль в установлении советской власти в Уральском регионе. События осени 1917 года на Урале только иллюстрируют закономерности российской действительности, вошедшие в историю как Октябрьская революция.

Доведенные до крайности противоречия столичной социально-политической жизни 1917 года были транслированы по всей стране так же, как и модель поведения Петроградского гарнизона – активнейшего участника Февральской и Октябрьской революций – была возведена в норму поведения солдатских масс всей армии. Два выброса столичного политического вулкана: в феврале и в октябре армейские части под воздействием леворадикалов определили политическую погоду в Петрограде, а затем были направлены для насильственного навязывания населению провинций радикально-уравнительной формы политического устройства – Советского государства. *Гипертрофированная роль столицы в революциях 1917 года* подводит к суждению о гарантиях демократии только при равновесии политического веса провинции и стольных городов.

Водоворот Первой мировой войны обусловил преимущественно антивоенный формат Октябрьской революции: выбраться из воронки цивилизационной катастрофы Россия могла уже только путем одностороннего выхода из войны. Все достижения довоенной модернизации (равно как и ее издержки) в конкретно-исторической

ситуации осени 1917 года стали вторичны. Антивоенный формат революции включил в себя требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, вошедшие в первые декреты Советской власти. В мифологизированной советской истории эти документы получили название «первых социалистических преобразований». Даже беглый анализ указанных декретов свидетельствует: ни о какой «пролетарской революции» речи не идет.

По подсчетам Н. Н. Попова и Д. В. Бугрова, за октябрь–декабрь 1917 года новая власть установилась только в 13 из 34 губернских и уездных центрах Урала, т. е., по сути, в трети. Еще в 21 губернском и уездном центре такой процесс растянулся на январь–март 1918 года [см.: 16, с. 107]. Центром антибольшевистского сопротивления уже в дни большевистского переворота стал Оренбург – столица Оренбургского казачьего войска. Противоречие сохранившегося сословного строя и зарождающегося индустриального общества наиболее полно проявилось на Оренбургской земле. В Оренбурге городская дума в резолюции от 28 октября 1917 года объявила большевистский переворот «преступной и предательской авантюрой», потребовала «возвратить власть Временному правительству». Войсковое правительство во главе с атаманом А. И. Дутовым начало военные действия, которые стали прологом Гражданской войны на Урале [см.: 16, с. 40–43]. Потребовалась концентрация 10–12 тыс. солдат, матросов, красногвардейцев Урала и Поволжья, большого числа пулеметов при 20–25 орудий и 2 самолетах для подавления антибольшевистского сопротивления, для того чтобы к апрелю 1918 года оттеснить казаков-дутовцев за пределы Оренбургской губернии [см.: 26, с. 254]. Грань между революцией и Гражданской войной и в России, и на Урале оказалась весьма условной.

Два типа индустриального развития регионов России обусловили и две модели социального развития, включая и специфику рабочих социумов. Это, в свою очередь, вызвало два сценария событий, получивших название Октябрьской революции.

Быстрый захват власти леворадикалами в столицах, опираясь на многочисленные армейские и флотские части и поддержку части промышленных рабочих [см.: 32], позволяет увидеть в этом *политический переворот в рамках антивоенного движения*.

Длительный (осень 1917 – зима 1918 г.) переход власти в руки леворадикалов в провинциях России, включая Уральский регион, осуществлялся с помощью распадающейся, но все еще многочисленной армии, при незначительной поддержке рабочих, немногочисленности большевистских организаций и отрядов Красной гвардии, локального характера индустриализации, в силу чего натолкнулся на более активное сопротивление антибольшевистских сил, позволяя определить события как *начальный период Гражданской войны*.

1. Никонов В. А. Крушение России, 1917. М., 2011.
2. Цимбаев К. Н. Историография Ноябрьской революции 1918 г. в Германии // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 124–145.
3. Фельдман М. А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления // Отеч. история. 2005. № 4. С. 167–175.
4. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001.
5. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.
6. Заболотный Е. Б. Российская историография революции 1917 г. на Урале. Тюмень, 1995.
7. Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале. Челябинск, 1995.
8. Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России. М., 1979.
9. Протасов Л. Г. О мобилизации рабочих в армию в годы Первой мировой войны // Рабочие России в период капитализма: сравнительный порайонный анализ. Ростов н/Д, 1972. С. 36–64.
10. Таяев А. П. Уральский рабочий в годы войны и революций в документах и материалах. Свердловск, 1927. Т. 1.
11. Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. М., 2015.
12. Романов В. И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 г. // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Челябинск, 2007. Вып. 20, № 11. С. 59–65.
13. Васьяковский О. А., Заболотный Е. Б. Итоги изучения социально-политических проблем Октябрьской революции на Урале // Историография истории Урала переходного периода. 1917–1937. Свердловск, 1985. С. 5–20.

14. *История казачества Азиатской России*. Екатеринбург, 1995. Т. 3.
15. *Лисовский Н. К.* 1917 г. на Урале, Челябинск, 1967.
16. *Бугров Д. В., Попов Н. Н.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917. Екатеринбург, 1997.
17. *Андерсон Э. П.* Первый и второй областные съезды Советов Урала // 1917 г. на Урале : сб. ст. / под ред. Ф. С. Горового). Пермь, 1957. С. 28–40.
18. *Рабочий класс в годы войны и революций*. Свердловск, 1927. Т. 2.
19. *Залесский С. А.* Мобилизация горнозаводской промышленности на Урале в годы Первой мировой войны // Ист. зап. М., 1959. Т. 65. С. 80–118.
20. *Орлова Н. Е.* Социальная политика Временного правительства. Март-октябрь 1917 г. // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007. С. 350–360.
21. *Постников С. П., Фельдман М. А.* Власть и рабочие Урала в 1917. Екатеринбург, 2011.
22. *Керенский А. Ф.* Потерянная Россия. М., 2014.
23. *Московкин В. В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999.
24. *Чураков Д. О.* Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998.
25. *Обухов Л.* Советы на Урале в 1917 г. Пермь, 1992.
26. *Цыпкин Г. А., Цыпкина Р. Г.* Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. М., 1977.
27. *Чураков Д. О.* Бунтующие пролетарии: рабочий протест в России (1917–1930-е гг.). М., 2007.
28. *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России, 1900–1941. М., 2009.
29. *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М. ; Л., 1965.
30. *Булдаков В. П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.
31. *Революционный Петроград. Год 1917*. Л., 1977.
32. *Фельдман М. А.* Была ли Октябрьская революция пролетарской? // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 112–120.

УДК 94(470.5).084.3

И. В. Нарский

КОГДА И ЧЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ НА УРАЛЕ, ИЛИ БЫЛ ЛИ НЭП В РЕГИОНЕ?

Революция заканчивается тогда, когда кончается массовое сопротивление вновь пришедшей к власти элите. На Урале голод 1921–1922 годов поставил точку в революции в региональном измерении. Здесь революция закончилась в 1921 году, но закончилась не благодаря успехам новой экономической политики, а вследствие беспрецедентного голодного бедствия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : революция, голод, новая экономическая политика.

Британский специалист по истории русской революции Орландо Файджес свою последнюю книгу [см.: 1] начал важным вопросом: «Когда закончилась русская революция? Историки выбирали разные даты, в зависимости от собственной основной задачи, и, конечно, все они могут быть обоснованы» [2, с. 7]. В кратком обзоре основных точек зрения он перечисляет следующие. Многие историки заканчивают революцию началом 1921 года, когда было разбито якобы последнее вооруженное сопротивление большевистскому режиму (имеется в виду Кронштадтский «мятеж») и наступила консолидация режима. Другие, в том числе и сам Файджес в «Трагедии народа» [см.: 3], связывают конец революции со смертью В. И. Ленина в январе 1924 года. Немногие историки датируют конец русской революции поражением Л. Д. Троцкого и левой оппозиции в 1927 году или новым революционным поворотом к индустриализации и коллективизации в годы первой пятилетки. Есть предложение завершить историю революции в России серединой или второй половиной 1930-х годов – временем отступления от утопических целей мировой революции, стабилизации сталинского режима и «Большого террора» в качестве постскриптума революции (Шейла Фицпатрик). Однако террор продолжался до смерти Сталина, а количество обитателей ГУЛАГА достигло рекордной отметки в 1952 году. Кроме того, экспорт революции набирал обороты после 1945 года. Холодная война была своего рода международной

гражданской войной, а советские лидеры до самого краха СССР были убеждены, что продолжают ленинскую революцию. Все эти соображения позволили британскому историку выстроить эффектный столетний цикл русской революции с 1891 года – с массового крестьянского голода и мобилизации общественности на борьбу с ним – до роспуска СССР в 1991 году.

Обсуждать убедительность предложения Файджеса не входит в задачи моей статьи. Оно является лишь поводом к нескольким размышлениям о русской революции и ее непосредственных последствиях в региональной перспективе. Они сформулированы в заглавных вопросах. Последний из них намеренно провокативно заострен. Я не сомневаюсь в том, что нэп на Урале был. Но то, как он проводился и как он воспринимался очевидцами, имеет прямое отношение к вопросу о времени и причинах конца революции в регионе. Чтобы ответить на поставленные вопросы, предстоит в самом сжатом виде напомнить, во-первых, о динамике хозяйственного состояния Урала в годы революции; во-вторых, об особенностях нэпа здесь и, в-третьих, о роли голода 1921–1922 годов в судьбе революции.

Динамика хозяйственного развития

Относительно благополучный регион, став одним из эпицентров гражданской войны с подвижными линиями фронтов и многочисленными сменами власти, за несколько лет между 1917 годом и началом 1920-х годов превратился в руины с разрушенной промышленностью, разоренным сельским хозяйством, нищим, голодным населением [см.: 4]. В 1913–1920 годах промышленное производство в стране сократилось в 5 раз, выплавка чугуна – в 33 раза, добыча нефти – в 2 раза. Сумма ущерба, причиненного событиями 1914–1921 годов, составила $\frac{1}{4}$ всего довоенного достояния страны. Валовая продукция уральской промышленности в 1921–1922 годах составляла всего 15 % от объема 1913 года. Наиболее стремительно падало производство железа и стали. В 1920–1921 годах на Урале выплавлялось всего 8 % довоенного чугуна от уровня 1913 года. В 8–20 раз понизились производство маргеновского металла, про-

ката, кровельного железа, добыча железной руды, прекратилась выплавка меди.

Изменение состояния сельского хозяйства напоминало прыжок в пропасть. В 1905 году на одно крестьянское хозяйство на Урале в среднем приходилось более 20 десятин земли – почти в 2 раза больше, чем в Европейской России. На казачьих же территориях Южного Урала, где средний надел составлял 67,4 десятины, население почти не знало земельного голода. За 1913–1920 годы посевная площадь на Урале сократилась в 3 раза. Валовая продукция зерна в 1921 году уменьшилась до 22 % от уровня 1916 года. поголовье лошадей понизилось за 1913–1920 годы в 2 раза, крупного рогатого скота – в 2,5 раза. Темпы сокращения посевной площади были различными в отдельных уральских губерниях, сокращаясь с севера на юг. Эта же тенденция наблюдалась в уральском скотоводстве.

Рука об руку с распадом промышленности и сельского хозяйства шли галопирующая инфляция, свертывание торговли, разрушение экономических связей между городом и деревней, переход на нормированное снабжение городов продовольствием. Выход из сложившейся катастрофической хозяйственной ситуации был специфичным.

Особенности нэпа на Урале

В области промышленности содержание нэпа на Урале невозможно свести к хрестоматийному клише о восстановительном периоде. Восстановление уральской промышленности, конечно, имело место. Оно растянулось до второй половины 1920-х годов. Лишь в 1926/27 хозяйственном году был достигнут объем продукции 1913 года. К осени 1927 года было восстановлено $\frac{3}{4}$ разрушенных мостов и железнодорожных станций.

Однако суть ситуации в уральской промышленности в 1920-е годы состояла не в восстановлении, а в тупиковом характере развития, повторявшего ее родовую специфику. Организация горнозаводской промышленности по принципу вотчин, с заводами, к которым были приписаны земли, лесные угодья и рабочие, по роду

занятий бывшие полуробочими-полукрестьянами, обеспечивала неразрывную связь трех проблем уральской горной промышленности, определивших ее специфику, затяжной характер кризиса и бесперспективность развития: ограниченности топливно-сырьевой базы, примитивной транспортной системы и нехватки рабочих рук.

Тупиковый характер развития индустрии Урала подтверждается, по меткому наблюдению В. В. Адамова, тем обстоятельством, что сама топография сталинской индустриализации в регионе принципиально отличалась от южно-российской: если на промышленном Юге она опиралась на дореволюционные центры и фактически являлась органичным продолжением виттевской хозяйственной модернизации, то на Урале она проходила в 1930-е годы практически на голом месте, с нуля, преимущественно за пределами горнозаводских округов [см.: 5, с. 94].

Архаичность и бесперспективность созданного в XVIII веке уральского горнозаводского хозяйства не означали, с другой стороны, его безжизненности. Система горных округов вотчинного типа была возрождена в годы нэпа, и советской власти не оставалось ничего иного, как опираться на нее в качестве единственной надежной и устойчивой организационной структуры до начала сталинской «революции сверху». Оригинальным явлением была сдача в 1921–1922 годах остановленных заводов коллективам рабочих, которые имели в горнозаводских поселках свое хозяйство и не меняли место жительства в поисках заработков. В сентябре 1922 года съезд представителей уральской крупной промышленности и транспорта вынужден был специально рассматривать вопрос о приписке лесных дач к горнозаводским трестам. В ноябре 1922 года СТО принял постановление «О приписке лесных дач к трестам Урала». Были созданы тресты-комбинаты, в которые вошли лесные угодья.

В области сельского хозяйства переход к нэпу был существенно затруднен следующими обстоятельствами: наследием продовольственных разверсток прежних лет, обобравших крестьян до нитки, неурожаем 1921 года и негибкостью государственного аппарата, проводившего новую экономическую политику старыми, военно-коммунистическими методами.

Несмотря на беспрецедентное голодное бедствие в регионе, центральные и местные власти приложили все усилия, чтобы собрать с полумертвой деревни продналог, который и по структуре, и по методам сбора первоначально мало чем отличался от продразверстки. Неудивительно, что крестьяне не видели разницы между продналогом и продразверсткой или считали его тяжелее прошлых реквизиционных мер. Продналог действительно был, во-первых, в первый год нэпа в ряде регионов выше, чем разверстка. Во-вторых, благодаря натуральному характеру налога и множеству его составляющих, крестьяне не могли знать об общей сумме налога весной 1921 года, за исключением объема хлебного налога. В-третьих, сама организация сбора проводилась по образцам времен военного коммунизма, с жесткими судебными и административными санкциями, с обременительными, если не разорительными, денежными штрафами. Только этим и меньшими масштабами неурожая можно объяснить парадоксальный факт перевыполнения плана по сбору продналога в Екатеринбургской губернии: из урожая в 15 млн пудов хлеба было отдано 8,6 млн пудов. На потребление населению Екатеринбургской губернии в перерасчете 30 фунтов хлеба на человека в месяц в итоге оставалось запасов на пять месяцев – до 1 февраля 1922 года. Остальные губернии Урала с задачей продналога не справились, что подтверждает несоответствие планов по его сбору реальным условиями. Всего на Урале на январь 1922 года было собрано 75,7 % продналога, что существенно выше общероссийского показателя (53,3 %).

Совершенно очевидно, что в сложном ансамбле причин массового голода в деревне сбор продналога в 1921–1922 годах жесткими методами по образу и подобию прошлых лет играл не последнюю роль, вызывая у крестьян подозрительное отношение к новой экономической политике. По справедливому замечанию немецкого историка Маркуса Венера, преобладание военно-административных методов решения крестьянского вопроса в 1921–1923 годах позволяет усомниться в корректности характеристики этого времени как начала новой экономической политики [6, с. 156].

Голод и судьба революции

Итак, хладнокровное обирание деревни в условиях неурожая и отсутствия запасов продовольствия усугубило массовый голод на Урале. Продналоговая кампания 1921–1922 годов превратилась для уральского крестьянства в кошмар, превзойдя самые мрачные прогнозы. В 1918 – начале 1921 года крестьяне реагировали на реквизиционную политику сопротивлением, достигшим в 1920 году масштабов, угрожающих самому существованию большевистского режима. Однако поборы 1921 года были восприняты ими со смирением: не столько репрессии 1920–1921 годов, сколько физическое истощение, сломленность духа, страшное испытание голодом лишили сил к массовому сопротивлению.

Подведем итоги. С началом нэпа советская власть, наконец, победила, подавив всякое сопротивление, в том числе крестьянский протест. Какую же роль голод как результат проведения новой политики старыми средствами сыграл в этой победе над крестьянством?

В середине 1920-х годов известный в прошлом российский политик, националист Василий Шульгин нелегально прибыл в СССР на поиски сына, пропавшего без вести в годы гражданской войны, и для установления контактов с антисоветским подпольем. Одним из результатов этой поездки стала изданная в 1925 году в Берлине книга «Три столицы». В ней Шульгин описывает свои впечатления о нэпе и делает тонкое замечание: «Теория, будто революцию делают голодные, неправильна, ее нужно сдать в архив. Революцию делают сытые, если им два дня не дать есть... <...> Но если людям не давать два месяца есть, то они бунтовать не будут: они будут лежать при дорогах обессиленными скелетами и, протягивая руки, молить о хлебе. Или же есть друг друга будут» [7, с. 62–63]. Сведения о раннем нэпе на Урале позволяют с этим наблюдением согласиться.

Итак, нэп на Урале имел место. Но он был совсем другим, чем об этом сообщали нормативные официальные советские тексты, не утратившие своего обаяния по сей день. Нэп был гораздо более краткосрочным (его успехи были замечены местным населением лишь осенью 1922 года), гораздо более хрупким и гораздо менее успешным. Образ нэпа как «золотой» и образцовой эпохи в исто-

рии СССР, как полагали советские «шестидесятники» и политики «перестройки», при ближайшем рассмотрении оказывается мифом.

На протяжении первых полутора-двух лет после поворота партийно-государственного курса от военного коммунизма к новой экономической политике хозяйственная ситуация и положение населения на Урале не улучшались, а ухудшались, поскольку новая политика первоначально практиковалась старыми, военно-репрессивными приемами. Значит, прекращение массовых крестьянских и казачьих возмущений советской властью в 1920 – начале 1921 года было результатом не успехов нэпа, а массового голода, парализовавшего способность населения сопротивляться.

Если главное содержание революции состоит в смене политической элиты, то ее конец совпадает с концом сопротивления новой элите и новому режиму. Голод 1921–1922 годов поставил точку в революции в региональном измерении. Таким образом, на Урале революция закончилась в 1921 году, но закончилась не благодаря успехам новой экономической политики, а вследствие беспрецедентного голодного бедствия.

-
1. *Figes O.* The Revolutionary Russia. London, 2014.
 2. *Figes O.* Hundert Jahre Revolution. Russland und das 20. Jahrhundert. München, 2015.
 3. *Figes O.* A People's Tragedy. The Russian Revolution 1891/1924. London, 1996.
 4. *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
 5. *Адамов В. В.* О предпосылках второй буржуазно-демократической революции (по материалам Урала) // Свержение самодержавия : сб. ст. М., 1970.
 6. *Wehner M.* Bauernpolitik im proletarischen Staat: Bauernfrage als zentrales Problem der sowjetischen Innenpolitik 1921–1928. Köln ; Weimar ; Wien, 1998.
 7. *Шульгин В. В.* Три столицы. М., 1991.

УДК 94(470.5)

Т. В. Соловьева

ИДЕЯ УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ¹

В статье проведен сравнительный анализ двух кратких периодов в истории Урала XX века, когда существовали автономные уральские правительства: Временное областное правительство Урала 1918 года и Уральская республика 1993 года. Сделаны выводы о наличии множества сходств в условиях их существования, причинах и последствиях создания. Оба правительства стали реакцией местного руководства на революционные процессы на государственном уровне и экономическое истощение региона. Поиск путей решения назревших проблем осуществлялся на базе «регионалистского мифа» о создании Большого Урала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Временное областное правительство Урала, Уральская республика, Большой Урал, гражданская война, административно-территориальное деление РФ, государственное устройство РФ.

В истории Уральского региона было две попытки объединить уральские губернии или области в единый субъект федерации, тем самым повысив независимость регионального правительства в принятии управленческих решений в целях поддержки местной промышленности. Обе попытки произошли в условиях революционных преобразований и по многим аспектам похожи друг на друга, что дает основания для их сравнения, анализа причин и выводов о закономерностях в истории Урала.

Первый эпизод связан с периодом Гражданской войны, когда в 1918 году произошла повсеместная ликвидация советского государственного аппарата и было создано свыше 60 «революционных» и «контрреволюционных» национально-государственных образований, в том числе более 20 различных антибольшевистских правительств. Установление режима «демократической контрреволюции» привело к созданию на территории Сибири Временного Сибирского

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

правительства (ВСП), на Урале – Временного областного правительства Урала (ВОПУ) и Комитета членов Учредительного собрания в Самаре (Комуч) [см.: 1].

ВОПУ было образовано 19 августа 1918 года. Оно представляло собой региональное антибольшевистское государственное образование, просуществовавшее до начала ноября 1918 года [см.: 2, с. 210–214].

О причинах создания ВОПУ на страницах научных журналов ведется своеобразная дискуссия, в которой участвуют Е. А. Плешкевич, С. С. Салазникова, В. В. Московин, Л. В. Исканова, К. В. Якимов. Причины, перечисляемые этими авторами, носят объективный характер, связаны с экономическими, политическими условиями, сложившимися в России во время революционных событий, а также на более ранних этапах.

В первую очередь, создание ВОПУ объясняется попыткой установить стабильную власть на Урале и противодействовать стремлению чехов и «союзников» оккупировать Средний Урал. Для последних захват ресурсов, сконцентрированных на Урале, был стратегически важен. По мнению Е. А. Плешкевича, попытка оккупации Урала провалилась вследствие противодействия со стороны русского офицерского корпуса, в том числе А. Гришина-Алмазова, представителя ВСП [см.: 3, с. 30–35]. Вторая причина связана с тем, что граничащие с Уралом правительства – Самарский Комуч и Омский ВСП – не были заинтересованы в единстве Урала и стремились к расширению своей власти на его территорию [см.: 4, с. 146–159].

Представитель Учредительного собрания от Пермской губернии, кадет, предприниматель и инженер, Л. А. Кроль, отстаивал идею собственного областного правительства Урала, которое и было сформировано из представителей различных партий – кадетов, народных социалистов, правых эсеров и меньшевиков [см.: Там же]. Но ВОПУ из-за плачевного состояния хозяйства и недостатка средств было вынуждено обращаться за финансовой помощью то к Комучу, то к ВОПУ, которые, в свою очередь, пытались использовать поступавшие просьбы для вмешательства в дела края [см.: 5, с. 156; 6, с. 72–75]. В итоге в течение июня-сентября 1918 года. Златоустовский, Челябинский, Троицкий, Ирбитский, Шадрин-

ский, Камышловский, Верхнеуральский и Кустанайский уезды подчинялись законам сибирского правительства. С. С. Салазникова описывает «территориальную войну», которая велась для присоединения Кыштыма к Сибирской территории, когда отряд продовольственной полиции следил за тем, чтобы товары не провозились через Кыштым в Екатеринбург [см.: 7, с. 252–256]. Все это свидетельствует о том, что «неуральские» правительства не стремились к восстановлению нарушенных экономических связей на Урале.

Управление промышленностью Урала из нескольких центров, не заинтересованных в ее первоочередном восстановлении, наносило промышленности региона огромный вред, что также стимулировало губернии Среднего Урала на борьбу за единство и определенную независимость.

О. Ю. Никонова отмечает, что причиной создания ВОПУ была не только тенденция к разделению территории Урала между несколькими правительствами, но и то, что у Комуча и ВСП были разные позиции в отношении к проблемам частной собственности и взаимоотношений между трудом и капиталом.

Если представить воображаемый вектор, указывающий на нарастание консервативных, несоциалистических тенденций, то на его левом фланге оказывался Комуч, а на правом ВСП. Комуч заявил о невозможности восстановления частной собственности на землю. В сфере промышленности не было однозначного ответа, в целом предлагалась денационализация предприятий со множеством «но». Сибирское правительство поддерживало курс на восстановление частного землевладения и денационализацию предприятий. ВОПУ же предложило свой вариант, соответствовавший интересам горнозаводской промышленности – ее денационализацию с сохранением государственного контроля над последующей работой заводов [см.: 4, с. 146–159].

О том, что экономическая политика и спасение уральской промышленности были ключевыми моментами для ВОПУ, говорит тот факт, что основной орган управления уральской промышленностью – Уральский промышленный комитет – продолжал свою работу даже после прекращения деятельности Совета ВОПУ: комитет эвакуировался вместе с рядом горнозаводских предприятий

в Сибирь и оттуда продолжал руководить уральскими предприятиями вплоть до окончания антибольшевистского периода на Урале. В. М. Рынков отмечает, что именно благодаря этому уральская промышленность испытала минимальный административный пресинг со стороны чуждых ей сибирских структур управления. Политика комитета строилась на тщательно выверенных компромиссах, больших, но закономерных уступках [см.: 2, с. 210–214], учитывающих социально-экономические особенности края [см.: 8, с. 27–29].

Необходимо отметить, что ВОПУ при решении вопросов управления хозяйством исходило не только из сиюминутных потребностей заводов, связанных с кризисной, революционной ситуацией в стране, но и пыталось подойти к решению проблем, назревших в экономике Урала на рубеже XIX–XX веков: поиску новых источников энергии и рациональной организации промышленности.

К 1917 году модернизация на Урале не была закончена: слабо механизированными оставались горнорудная и топливная отрасли, аграрный сектор [см.: 9, с. 283–285]. Наброски решения этой проблемы мы видим в рассуждении о желательности присоединения к территории ВОПУ уездов Архангельской и Тобольской губерний, прилегающих к Северному Уралу, вплоть до Ледовитого океана, так как там находились месторождения нефти [см.: 10, л. 1–38]. Иными словами, ВОПУ видело решение хозяйственных проблем в создании Большого Урала.

По замыслу его руководителей новое правительство должно было контролировать территории Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний, а также часть Вятской. Однако из-за соперничества с другими государственными образованиями Восточной России (Временным Сибирским правительством и Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания), а также из-за отсутствия необходимых финансовых средств и военной силы его реальная власть распространялась лишь на три уезда Пермской губернии – Екатеринбургский, Красноуфимский и Кунгурский, а также на Невьянский район, Кыштымскую и Каслинскую волости [см.: 11].

Подведем итог: целью создания ВОПУ было решение экономических проблем. У руководителей местного правительства на этом этапе не было задачи завоевать политическую автономию. Более

того, хозяйство Урала было вплетено в экономику страны. Выход из создавшейся экономической ситуации ВОПУ видело в формировании в России единой центральной власти [см.: 5, с. 134]. Планировалось, что действовать ВОПУ должно до созыва Уральской областной думы или Всероссийского Учредительного собрания [см.: 12]. В октябре 1918 года в Совете ВОПУ доминировало представление о том, что региональные правительства будут сохранены новой общероссийской властью в качестве органов управления субъектами федеративной республики. Потому оживились дискуссии о будущей системе управления Урала [см.: 2, с. 210–214.]. 4 октября 1918 года Совет ВОПУ поручил главным управлениям предоставить соображения по поводу границ территории Урала как автономной единицы. В 20-х числах октября поступили доклады от представителей Главного управления торговли и промышленности, Главного управления труда, Главного управления земледелия и государственных имуществ, Главного управления горным делом.

Все авторы исходили из того, что Россия будет государством федеративным. Главное управление торговли и промышленности полагало, что для правильного функционирования государственной власти в условиях федеративного строя необходимо образование немногих областных территорий, определенных всей совокупностью экономических, этнографических, бытовых и других условий и приблизительно сравнимых по размерам территорий, по количеству населения или государственному значению. Высшие органы областной власти должны были обладать определенным объемом власти – законодательной и исполнительной.

При этом Урал должен образовать целостную автономную область. Все авторы отмечали, что важно не разделять территории Урала, не отделять лесные дачи и сельскохозяйственные территории от промышленных, но также не включать Урал в какую-нибудь другую область.

Спорными были только права и границы области. Главноуправляющий торговли и промышленности П. Иванов считал, что области должны обладать одинаковым объемом власти (распределенным по общему правилу). Главноуправляющий горным делом Урала Л. Сладков обосновывал необходимость установления на Урале

иного, чем для других областей, отношения к центру. Он утверждал, что «необходимо передать Урал в ведение центральной государственной власти, которая одна только в состоянии отрешиться от провинциального эгоизма и предусмотреть интересы всего государства и местного населения. На Урале же должно быть создано особое Уральское правительство, находящееся в более тесном контакте с центральной властью» [10, л. 1–38].

То, что у ВОПУ не было задачи получить политическую автономию, подтверждается и событиями осени 1918 года: в конце сентября в результате длительных переговоров представителей различных антибольшевистских сил сформировалось Временное Всероссийское правительство во главе с А. В. Колчаком (Директория). Оно должно было вскоре объединить работу всех региональных правительств востока России. 26 октября 1918 года ВОПУ передало всю полноту власти на Урале Временному Всероссийскому правительству, 4 ноября Директория приняла постановление о ликвидации областных правительств [см.: 2, с. 210–214.], и уже 10 ноября ВОПУ прекратило свою деятельность, передав полномочия Директории [см.: 11].

В. В. Московин называет ВОПУ достаточно искусственным и слабым образованием. Действительно, оно просуществовало чуть больше двух месяцев, при нем не были решены экономические проблемы региона, а денационализация коснулась всего двух заводов [см.: 8, с. 27–29].

Но в долгосрочном плане цели все-таки были достигнуты: в 1923 году была создана Уральская область в границах, намечаемых ВОПУ, а в экономическом плане ее возможности были расширены по сравнению с губернскими.

Второй попыткой объединить территории Урала в экономически сильное территориальное образование было создание Уральской республики в 1993 году, которое является следствием событий начала 1990-х годов. В этот период произошло провозглашение государственного суверенитета РСФСР в составе СССР, затем Беловежское соглашение, распад СССР и образование СНГ. После прекращения существования СССР РФ (РСФСР) стала независимым государством и была признана международным сообществом как государство-правопреемник СССР. Затем в 1993 году последовали

конституционный кризис и октябрьский путч в РФ. Эти события по своему значению и содержанию были революционными для России. Как и в 1918 году, экономические связи были нарушены, хозяйственное развитие, как и материальное положение граждан, оказалось на очень низком уровне.

Но процессы «распада» перешли и на уровень РСФСР: в мае 1991 года республики в составе РСФСР перестали быть автономными, а спустя год некоторые автономные округа приобрели статус республик. В течение 1992 года происходило переименование многих регионов уже РФ, а также обновление самой федеративной структуры России. В обстановке нарастания в стране общего политического кризиса и противостояния двух ветвей власти процесс развивался стремительно. В 1993 году встал вопрос о пересмотре Конституции РФ. Изначально по проекту республики, входящие в состав России, имели исключительные права и приоритет в формировании своего бюджета. Для того чтобы в будущем иметь большую самостоятельность в экономической и законодательной сферах, руководством Свердловской области была выдвинута идея преобразования области в республику.

25 апреля 1993 года был проведен референдум, более 83 % избирателей поддержали идею создания Уральской республики. А дальше события начали развиваться стремительно. 1 июля Свердловский Облсовет провозгласил Уральскую республику. 14 сентября главами Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской и Курганской областей было подписано заявление о намерении участвовать в разработке экономической модели Уральской республики. 27 октября на базе одной только Свердловской области была утверждена Конституция Уральской республики. 31 октября Э. Россель провозгласил себя и. о. губернатора Уральской республики. А уже 9 ноября все закончилось: вышел Указ Президента РФ № 1874 о роспуске Свердловского Облсовета [см.: 13] и признании всех его решений в части провозглашения Уральской республики не имеющими юридической силы. А затем, 10 ноября, вышел Указ № 1890 об отстранении от должности Э. Росселя [см.: 14, с. 22].

Если обратиться к мотивам создания Уральской республики, то на первый план выходит желание уральского руководства «повы-

сией статус» Свердловской области до того уровня, который имели национальные республики. Один из немногих регионов-доноров хотел получить больше политической и экономической самостоятельности в условиях, когда власть проводила разрушительные «либеральные реформы» [см.: 15]. А. Кириллов так характеризует ситуацию: попытки Э. Росселя «пробить» президентские указы, расширяющие сферу компетенции области, не привели к существенным результатам. Области катастрофически не хватало финансовых средств, при этом... республики, входившие в состав России, продолжали получать средства из федерального бюджета, значительно сокращая процент собственных отчислений [см.: 16, с. 44–45].

При этом глава администрации области Эдуард Россель заявлял: «Нам не нужен суверенитет, но очень нужны экономическая и законодательная самостоятельность» [17, с. 11–17]. В 2014 году Э. Россель свои действия по созданию Уральской республики объяснил так: «Я против деления на республики, области и края... Я собирался создать республику с губернатором и без национального принципа. А когда политическая ситуация созреет, намеревался отказаться от статуса республики, подчеркнув равенство региона с другими» [см.: 18].

Для того чтобы республика получила ресурсы для существования, как и в ситуации с ВОПУ, требовалось объединение всех уральских областей. 14 сентября 1993 года в Екатеринбурге состоялся семинар «Уральская республика и целостность российского государства». По его итогам состоялось подписание заявления глав Свердловской, Пермской, Челябинской, Оренбургской, Курганской областей о намерении участвовать в разработке экономической модели Уральской республики на базе областей Урала. Проект нового территориального образования получил условное название «Большая Уральская Республика» [см.: 19]. Началось обсуждение с соседними регионами создания Зауральского края в составе Свердловской, Челябинской, Курганской и Тюменской областей [см.: 15]. На деле же территория республики в 1993 г. совпадала с территорией Свердловской области.

Казалось бы, снова цель по созданию Уральской республики не достигнута, но тем не менее в Конституции РФ 1993 года было

закреплено положение о равенстве субъектов Федерации. В частности, п. 1 ст. 5 Конституции гласит: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации». И, более того, Свердловская областная дума в 1994 году подавляющим большинством голосов приняла Устав области, повторяющий основные положения Конституции Уральской республики [см.: 20; 17, с 11–17].

Личные цели руководителей республики также были достигнуты: Э. Россель подчинился решению президента, отменившему создание Уральской республики. На фоне московских событий октября 1993 года роспуск Свердловского Облсовета и отстранение от должности главы администрации Э. Росселя прошли незаметно для уральской общественности. Вскоре (в 1994 г.) Россель был избран председателем Свердловской областной думы, а в 1995 году – губернатором Свердловской области, и в этой должности проработал до 2009 года [см.: 15].

Очевидно, что сходств в истории «уральских автономных образований» много: краткий срок существования; попытка через создание «автономии» спасти хозяйство Урала; создание и ликвидация проходили мирным путем, без кровопролития; официально озвучиваемые цели, связанные с более эффективным управлением промышленностью, а не государственной независимостью; стремление к объединению областей Южного, Среднего и Северного Урала, обсуждение концепции Большого Урала; достижение результатов произошло косвенным путем и в долгосрочной перспективе.

Но интересен тот факт, что участники проекта по созданию Уральской республики в 1993 году не стремились открыто пользоваться опытом ВОПУ и ссылаться на его историю. Так, А. Бакон отмечал, что при работе над идеей Уральской республики использовали опыт Сибирского областничества, а проектируемый флаг Уральской республики (три равновеликие горизонтальные полосы: белого, зеленого (малахитового) и черного цветов) больше напоминает бело-зеленый флаг ВСП. Почему избегали упоминания ВОПУ? Возможно, таким образом старались не повторить краткосрочной судьбы ВОПУ.

Другим объяснением является то, что между ВОПУ и Уральской республикой были существенные отличия: первое правительство было создано в условиях отсутствия единой центральной власти, второе же создавалось внутри целостного государства – РФ, и поэтому было воспринято центром совсем по-другому.

Но возможно, стремились избежать аналогий также и по другой причине: событие, точь-в-точь повторяемое несколько раз, говорит об устоявшейся тенденции. В таком случае центральная власть могла отреагировать более сурово, чтобы предотвратить дальнейшее развитие сепаратизма.

Создается ощущение, что и сейчас о существовании Уральской республики пытаются забыть: научных исторических публикаций по этой теме в ходе данного исследования обнаружено не было; встречаются в основном публицистические. Зато в последних хорошо прослеживается мысль о существовании некоего «регионалистского мифа» на Урале и о екатеринбургском феномене – увлечении региональной элиты идеей автономии [см.: 17, с. 11–17; 15].

Можно подвести итог: объективные причины, связанные с экономическим и политическим кризисом в стране, нарушением экономических цепочек, приводили к поиску решения местных проблем и актуализации «регионалистского мифа» на уровне уральских элит (потому видение перспектив восстановления и развития хозяйства строилось именно на идее регионализации), а не наоборот: существование «мифа» провоцировало местные власти к использованию кризисных ситуаций для отделения. При этом на уровне населения действовала другая логика: выбор обосновывался прагматическими соображениями и наличием материальной выгоды от присоединения к той или иной «территории». Возможно, поэтому в обеих описанных ситуациях не произошло объединения всех уральских территорий вокруг Екатеринбурга и даже сохранения автономного образования в первоначальных границах.

1. *Петров А. В.* К вопросу о правовом обеспечении организации и деятельности милиции Временного правительства и милиции «Белых» правительств Урала и Сибири // *Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки.*

2012. № 1. С. 35–42 // Научная электронная библиотека «Киберленинка»: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-obespechenii-organizatsii-i-deyatelnosti-militsii-vremennogo-pravitelstva-i-militsii-belyh-pravitelstv-urala-i> (дата обращения: 12.09.2016).

2. *Рышков В. М.* Проблемы управления уральской индустрии на заседаниях совета Временного областного правительства Урала // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф. [г. Екатеринбург], 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 210–214.

3. *Плешкевич Е. А.* Временное областное правительство Урала: дискуссия о причинах образования // Отеч. история. 2003. № 5. С. 30–35.

4. *Никонова О. Ю.* Социально-экономическая программа «демократической контрреволюции» (июнь–ноябрь 1918 г.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках : сб. науч. тр. Челябинск, 1997. С. 146–159.

5. *Дмитриев Н. И.* Временное областное правительство Урала // Урал. ист. энциклопедия / УрО РАН, Ин-т истории и археологии ; [гл. ред. В. В. Алексеев]. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург ; Челябинск, 2000. С. 134.

6. *Якимов К. В.* Противостояние или сотрудничество: к вопросу о взаимоотношениях органов власти Урала и Сибири во время демократической контрреволюции и диктатуры А. В. Колчака (на материалах источников канцелярии Главного начальника Уральского края) // История белой Сибири : тез. 4-й науч. конф., 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 72–75.

7. *Салазникова С. С.* К вопросу о территории Временного областного правительства Урала // Урал в военной истории России: традиции и современность : материалы междунар. науч. конф., посв. 60-летию Уральского добровольного танкового корпуса. Екатеринбург, 2003. С. 252–256.

8. *Московин В. В.* Особенности Управления на Урале в период «демократической контрреволюции» 1918 г. // Первые Татищевские чтения : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1997. С. 27–29.

9. *Иксанова Л. В.* «Третий путь» в Гражданской войне в контексте модернизационной теории (на примере Временного областного правительства Урала) // Пятые Татищевские чтения. Духовность и нравственность на Урале в прошлом и настоящем : тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 22–23 апреля 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 283–285.

10. *ГАСО.* Ф. 1951-р. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–38.

11. *Иванов А. В.* Социально-экономическая политика Временного областного правительства Урала (август–ноябрь 1918 года): к истории

изучения проблемы // Изв. УрГЭУ. 2013. № 2(46) : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.usue.ru/download/46/14.pdf> (дата обращения: 12.09.2016).

12. *Революция* защищается. Свердловск, 1989 // «Военная литература» (Милитера) : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/revolutsiya_zaschischaetsya/06.html (дата обращения: 12.09.2016).

13. *Баков А.* «Уральская республика». Как это было // Демократия по-русски. Записки бывшего гражданина СССР : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.itsmycity.ru/blog/post/id/6532> (дата обращения: 12.09.2016).

14. *Азанов Г. Г.* Уральская республика: игра амбиций или необходимость. Екатеринбург, 1994.

15. *Крюков Э.* Об одном юбилее... Уральская республика и ее наследники // Суть времени. 2013. № 13. 30 янв. // АО «Газета. Ру» : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta.eot.su/issue/13> (дата обращения: 12.09.2016).

16. *Кириллов А. К* вопросу создания Уральской республики // Уральский федеральный округ. 2013. № 7–9 (Авг.–окт.). С. 44–45.

17. *Герасименко О.* Местных ставить нельзя – они договорятся и устроят республику; *Урбан К.* 131 день Уральской республики // Коммерсантъ Власть. 2012. 2 июля. С. 11–17.

18. *Мальцев С.* В Екатеринбурге отметили юбилей Уральской республики // Сетевое издание «МК-Урал. Свердловская и Курганская область» eburg.mk.ru : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://eburg.mk.ru/articles/2010/11/03/541592-v-ekaterinburge-otmetili-yubiley-uralskoj-respubliki.html> (дата обращения: 12.09.2016).

19. *Свердловская область* в сентябре 1993 г. : политический мониторинг // Международный институт гуманитарно-политических исследований : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://igpi.ru/monitoring/1047645476/1993/0993/66.html> (дата обращения: 12.09.2016).

20. *Крашенинников Ф.* Уральская республика: была или будет? // Информационное агентство «Политсовет» : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://politsovet.ru/43439-uralskaya-respublika-byla-ili-budet.html> (дата обращения: 12.09.2016).

21. *Уральская республика* и ее наследники // Суть времени. 2013. № 13. 30 янв. // АО «Газета.Ру» : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://gazeta.eot.su/issue/13> (дата обращения: 12.09.2016).

УДК 94(47).084.3

М. И. Люхуздаев

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ КОММУНИСТОВ
В ВЯТСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЯХ
в 1918–1920 годах
(На примере Мензелинского и Уржумского уездов)

В статье на примере политической деятельности членов партии революционного коммунизма (ПРК) в отдельных уездах Вятской и Уфимской губерний в 1918–1920 годах показаны механизмы их противоборства с большевиками в Советах в период Гражданской войны. Рассматривается работа членов ПРК в органах советской власти и причины их поражения в конфликтах с большевиками, представлены неизвестные ранее биографические сведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история политических партий, партия левых социалистов-революционеров, партия революционного коммунизма, Гражданская война в России, Урал.

Исследования на региональном уровне деятельности политически активной части населения в годы Гражданской войны позволяют раскрыть ценностные ориентации, жизненные стратегии, поведенческие практики, механизмы противоборства, характерные для этого периода. Особое внимание исследователей привлекает история партии революционного коммунизма (ПРК), ставшей одним из элементов российской политической системы в 1918–1920 годах. В силу изменения политической ситуации после июля 1918 года и последующего запрета деятельности левоэсеровской партии часть ее представителей вошла в состав организаций ПРК, что было характерно и для Урала. В Мензелинском уезде Уфимской губернии и Уржумском уезде Вятской губернии левые эсеры дольше остальных противодействовали большевикам, сохраняя влияние среди крестьянства сначала как представители левоэсеровской партии, а затем как революционные коммунисты. В данной работе сделана попытка выявить причины сохранения влияния членов ПРК в 1918–1920 годах в указанных уездах и определить степень эффективности их оппозиционной борьбы.

Одним из факторов, способствующих сохранению влияния в этих уездах после 1918 года, стали политические лидеры с солидным партийным стажем, которые руководили местными эсеровскими организациями, а также высокая степень их активности. В Мензелинском уезде таким лидером был Н. Б. Гаврилов, состоявший в партии с 1901 года, который занимал пост наркома земледелия при уездном Совете крестьянских депутатов, был делегатом II, III, V всероссийских съездов Советов [см.: 1, с. 289]. В Уржумском уезде большим влиянием пользовался левый эсер Р. Н. Воронов, который состоял в эсеровской партии с 1903/1904 года, участвовал в ее руководящих органах, был председателем уездного исполкома, являлся делегатом IV, V всероссийских съездов Советов, членом ВЦИК. До революции его дважды привлекали по политическим делам, год он провел в тюрьме [см.: 2, д. 41, л. 46]. Левые эсеры Мензелинского уезда преобладали среди уральских эсеровских представителей на II и V всероссийских съездах Советов. Если в работе II съезда Советов от них участвовали 4 левых эсера (Н. Б. Гаврилов, П. П. Санников, М. Н. Шашмашов, Ш. Ш. Курбангалин), то на V съезде их было 6 человек (С. Я. Курылев, Ш. А. Хамидуллин, Н. Б. Гаврилов, К. Т. Рафиков, Г. С. Бугаев, А. М. Миляев). Высокий уровень влияния левых эсеров в уезде характеризовал и партийный состав исполкома Советов, в котором в июле 1918 года было 35 их представителей, 9 большевиков и 1 беспартийный. Опорой левых эсеров в Мензелинском уезде стала Сарсазгорская боевая эсеровская организация, возникшая еще до революции, присоединившаяся к ним и руководимая Ф. Ф. Митюшкиным, а А. В. Митюшкин возглавлял в ней группу террористов.

Особого внимания заслуживает биография Н. Б. Гаврилова, позволяющая проследить становление регионального политического функционера. Он родился в семье священника и миссионера Б. Г. Гаврилова, известного этнографа и фольклориста в с. Пуже-Уча Елабужского уезда Вятской губернии в 1879 году. Обучаясь в Вятской духовной семинарии, он познакомился с запрещенной литературой и социалистическими идеями. Окончание учебы Гаврилова совпало с моментом волнений в Вятской духовной семинарии, которые начались в 1900 году с забастовки семинаристов, после которой

уволители ее зачинщиков. После 5-го класса Вятской духовной семинарии в октябре 1900 года Гаврилова назначили на псаломническое место в с. Жерново Малмыжского уезда [см.: 3, с. 496]. В 1901–1904 годах он служил священником в с. Вавож Малмыжского уезда. Одновременно был законоучителем и заведующим в церковно-приходской школе Большой Можги, а также в земских училищах Большой Докьи и Вавожа. Зная в совершенстве удмуртский и татарский языки, он использовал их в миссионерских целях. Хотя многие отмечали, что в этот период Гаврилов был примерным семьянином, строго исполнявшим пост своего духовного сана, сам он неоднократно подчеркивал, что уже с 1901 года состоял в партии. Попав под влияние земского начальника 7-го участка Малмыжского уезда Вятской губернии М. К. Циборовского, снабжавшего его нелегальными газетами и брошюрами, Н. Б. Гаврилов оказался в поле зрения местной полиции за распространение литературы преступного содержания в Вавоже.

Собираясь в январе 1904 года выехать из Вавожа в Сарапул, чтобы просить о переводе в с. Муки-Какси Вихаревской волости, Гаврилов оказался в Казани, не желая возвращаться к месту служения и предполагая расстричься. Он продолжал переписку с Циборовским, а часть нелегальной литературы, оставшейся у него дома, была изъята заведующим делопроизводством земского начальника. По постановлению епархиального начальства от 19 апреля 1904 года Гаврилов был отрешен от места с запрещением служения и уволен за штат. Дело о получении помощницей учителя земского училища двух брошюр преступного содержания от бывшего священника Н. Б. Гаврилова было закрыто в 1905 году по предложению прокурора Сарапульского окружного суда. Покинувший Вавож Гаврилов в период между 1905 и 1911 годами, возможно, был студентом Московского сельскохозяйственного института, снова привлекался по политическим делам, бежал в Сибирь и скрывался от преследований 3,5 года [см.: 2, д. 43, л. 58].

Оказавшись в Мензелинске, Гаврилов в 1917 году баллотировался в члены Учредительного собрания от Уфимского избирательного округа от партии эсеров и губернского Совета крестьянских депутатов. Сам он указывал, что был к тому времени преподавателем

сельскохозяйственного училища. В губернском списке кандидатов в члены Учредительного собрания из 19 человек он был шестым, уступив только наиболее известным эсеровским представителям [см.: 4, с. 2]. Позднее от местного уездного Совета Гаврилов неоднократно делегировался на всероссийские съезды Советов. Возглавив в декабре 1917 года Наркомат земледелия при уездном Совете крестьянских депутатов, а с 18 января 1918 г. – объединенный уездный исполком Мензелинска, он нередко противопоставлял левоэсеровскую фракцию большевикам в местном СНК [см.: 5, с. 51]. В июне 1918 года при поддержке председателя уездного СНК Г. Д. Попова ему удалось остановить реализацию постановления об организации комитетов деревенской бедноты в уезде. Присланные для организации комитетов бедноты политотделом 2-й армии Восточного фронта представители под давлением группы левых эсеров во главе с Гавриловым, были вынуждены вернуться обратно.

Во время выступления ЦК левых эсеров в июле 1918 года в Москве Н. Б. Гаврилов и Р. Н. Воронов были арестованы в составе фракции Всероссийского съезда Советов. При делении арестованных левоэсеровских делегатов на группы Гаврилов, будучи членом мандатной комиссии съезда, оказался в первой категории, состоявшей из 12 человек (вместе с М. А. Спиридоновой, А. А. Измайлович и др.), с которыми позднее его перевезли в Кремль. Вместе с другими левыми эсерами Воронова освободили 10 июля, а Гаврилова 11 июля. В Мензелинске Гаврилов принял участие в работе 4-го уездного съезда Советов 26 июля 1918 года вместе с членом губкома левых эсеров А. Ф. Бурдиным-Ковалем, который выступил с приветствием от ВЦИК и призвал серьезно отнестись к вопросу о текущем политическом моменте, объединив усилия на платформе защиты советской власти. Бурдин-Коваль поддержал приветствие Н. Б. Гаврилова от имени бывших заключенных на 5-м съезде Советов левых эсеров, подчеркнувшего, что главной задачей фракции являлась защита интересов трудящегося крестьянства [см.: 6, с. 272].

Рост гонений на членов эсеровской партии после июльского выступления со стороны большевиков вынудил левых эсеров Мензелинска осенью 1918 года подделывать документы делегата VI Всероссийского съезда Советов на имя Гаврилова, чтобы командировать

его в Москву, куда он поехал вместе с женой. После того как в Москве его выдал третий делегат из Мензелинска большевик С. Хуснутдинов, Гавриловы были арестованы и доставлены в Мензелинскую ВЧК. Мензелинский уездный исполком 3 марта 1919 года постановил не допускать левых эсеров к ответственной работе в отделах и предложил ЧК забрать у них оружие. В составе исполкома из левых эсеров остался только комиссар юстиции С. Герасимов, который с этого момента находился под наблюдением председателя уездной ЧК М. С. Головина. Поскольку на съездах Советов членов эсеровской партии стали лишать права решающего голоса и возможности выступать, левые эсеры Мензелинского уезда, сохраняя прежние взгляды, вошли в состав ПРК, чтобы продолжать работу легально.

Обвиняя мензелинскую организацию ПРК в контрреволюционности, большевики постоянно препятствовали ее политической активности. Еженедельный орган ЦК ПРК «Воля Труда» сообщил в апреле 1919 года, что член партии, принадлежащий к уфимской организации, Гаврилов, бывший делегатом на первых пяти съездах Советов, был арестован 19 декабря 1918 года в Мензелинске и содержался несколько месяцев в Мензелинской тюрьме, а затем был переведен в Уфу. Мензелинский следователь Богданов заявил ему, что обвинения в контрреволюции ему не предъявляются, но он содержится в тюрьме за «принадлежность к сомнительной партии революционного коммунизма. Член Мензелинской ЧК Тихомиров пожелал ему «сдохнуть». Последнее объяснялось тем, что у Гаврилова был собран материал против Мензелинской ЧК, в состав которой входили более пяти бывших полицейских чинов. Даже вмешательство в этот вопрос Я. Х. Петерса из Москвы не имело успеха. Гаврилов просил перевести его в Москву, чтобы его не замучили до смерти в Уфимской ЧК [см.: 7, 16 апр., с. 12].

В июне в «Воле Труда» было отмечено, что членам ПРК в Мензелинске преграждалась всякая возможность партийной работы, так как организация любых ячеек на местах, кроме большевистских, грозила их организаторам расстрелом. Несмотря на поручительство ЦК ПРК и неоднократное вмешательство Президиума ВЦИК, Н. Б. Гаврилов по-прежнему находился под стражей, но уже

в Самаре, и никакого формального обвинения ему не было предъявлено. ЦК ПРК в печати призвал Президиум ВЦИК принять меры к немедленному освобождению Гаврилова [см.: 7, 5 июня, с. 12]. В Мензелинске 26 июня был переизбран городской комитет ПРК, велась восстановительная партийная работа. Двое представителей этой организации работали в комиссариатах земледелия и юстиции. По словам местных революционных коммунистов, несмотря на их корректное поведение, отношения с большевиками не налаживались. Приезжавший по продовольственным вопросам из центра А. Г. Правдин отнесся с осуждением к тому, что большевики допустили появление организации революционных коммунистов в Мензелинске.

Оценивая политическую обстановку в Мензелинском уезде, революционные коммунисты подчеркнули в октябре 1919 года, что партийная работа тормозилась враждебным отношением к ним со стороны большевиков. Их представители в этот период находились на ответственной советской работе, заведую земельным отделом, отделом юстиции, всеобучем, были членами комиссий в различных отделах. Местное население выражало им поддержку, а в нескольких волостях имелись ячейки сочувствующих организации ПРК. По их мнению, успех дальнейшей партийной деятельности во многом зависел от урегулирования отношений с местными большевиками [см.: Там же, 13 окт., с. 12]. Несмотря на препятствия, представители ПРК продолжали свою работу в Мензелинске, участвуя во всероссийских и региональных съездах партии. Их лидер А. В. Митюшкин был делегирован местной организацией ПРК на партийную губернскую конференцию в Казани (10 октября 1919 г.), областной Поволжский съезд ПРК в Саратове (14 октября 1919 г.), IV общепартийный съезд в Москве (20 октября 1919 г.). На сложные отношения с большевиками указывала и образовавшаяся в сентябре в Уфе организация революционных коммунистов, состоявшая из 16 человек – старых партийных работников. Отметив, что почти все члены организации находились на советской работе, уфимские революционные коммунисты заявили, что из-за внешнего давления большевиков вынуждены были вести нелегальную партийную работу [см.: Там же, 18 сент., с. 14].

На губернском съезде бывший председатель местной организации большевиков заявил о том, что «не успели очистить уезд от белых банд, как снова появилась контрреволюционная организация революционных коммунистов» [8, д. 59, л. 15–17 об.]. По распоряжению Ревкома 13 ноября 1919 года по подозрению в подготовке восстания среди мобилизованных были арестованы все присутствующие на партсобрании ПРК во главе с А. В. Митюшкиным и направлены в ЧК, а оттуда под конвоем ночью доставлены в дом принудительных работ. После двухнедельного ареста членов комитета, пяти- и трехдневного ареста остальных членов партии все были освобождены без каких-либо объяснений. Считая, что члены Мензелинской организации революционных коммунистов только прикрываются флагом этой партии, а на деле партия состоит из бывших левых эсеров, 8 декабря 1919 года большевики постановили закрыть их организацию, запретив ее членам всякую агитационную работу.

В момент отправки делегатов на V Всероссийский съезд ПРК 28 февраля 1920 года Мензелинск был объявлен на осадном положении из-за крестьянских выступлений в нескольких волостях уезда против действий продотрядов и большевиков, не желавших ограничить произвол. Члены ПРК стремились срочно выехать в Москву, чтобы вызвать комиссию из представителей ПРК или ВЦИК для расследования ситуации. Опасаясь этого, большевики в Мензелинске через Ревком вынесли постановление о нелегальности местной организации ПРК, не пустив ее представителей на Всероссийский партсъезд. Вслед за этим последовали аресты членов ПРК в городе. Пытаясь выбраться из города без пропусков, А. В. Митюшкин был арестован на 7 дней, затем приговорен к 6 месяцам тюрьмы до выяснения политической благонадежности. Там же оказался Гаврилов, арестованный за неправильное получение пропуска, а также А. Хамидуллин и Ф. П. Крючков. На месяц были посажены в тюрьму Базин, Новиков и Будрин, арестованные по доносу большевиков. На свободе остался только С. П. Герасимов, не совсем оправившийся после брюшного тифа, и А. М. Михайлова, работавшая медсестрой в корпусе «больных сыпняком».

Во время ареста А. В. Митюшкина и других членов ПРК некоторые большевики настаивали на их расстреле. По словам Митюш-

кина, при эвакуации их обязательно бы расстреляли, так как были срочно удалены конвоиры-красноармейцы, им сочувствующие. Митюшкин обратился 13 марта 1920 года к А. М. Устинову с письмом, в котором, в частности, обвинил его в нежелании защитить свои организации на местах, отданные на растерзание большевикам, и выразил надежду, что он примет меры к их освобождению и вызовет в Москву. Указывая причины нежелания большевиков с ними работать, Митюшкин подчеркнул, что членов ПРК хорошо знают массы и достаточно одному из них выступить на съезде Советов, чтобы представителей РКП(б) перестали поддерживать.

Мотивируя свои действия необходимостью срочного выезда в Москву для того, чтобы добиться освобождения из тюрьмы А. В. Митюшкина, Н. Б. Гаврилов 6 марта 1920 года подал заявление о выходе из партии. Он подчеркнул, что не изменил народнической идеологии, которой был верен в течение 20 лет, и просил рассматривать свое заявление как выход из уездной организации при создавшихся условиях, а не из партии вообще [см.: 8, д. 9, л. 2–5 об.]. Н. Б. Гаврилов значился как активный партийный работник Казани в адресном списке, изъятом у секретаря оргбюро левых эсеров группы И. З. Штейнберга в марте 1920 года, что свидетельствует о продолжении его участия в политической борьбе. В партийной переписке в Казани в 1925 году его характеризовали как старого работника, неоднократно сидевшего, а потому очень осторожного. Называя своих соратников первыми организаторами Поволжской группы в Казани, Гаврилов считал, что им не следует торопиться с партийной работой, предлагая выждать. Отмечая в отчетах его сильную подготовку как аграрника, указывали, что он подготовил и согласился прочесть цикл докладов по аграрной теме. Планируя поездку Гаврилова в Москву для установления связи с лидером левых эсеров (легалистов) И. З. Штейнбергом, местные работники настаивали, чтобы он заехал в Нижний Новгород для оказания поддержки в создании местной парторганизации.

Уржумская организация ПРК была создана 14 октября 1918 года, состояла из 30 человек, среди которых были бывшие лидеры местной левоэсеровской организации И. М. Видягин, Р. Н. Воронов, поочередно возглавлявшие в 1918 году уездный исполком. Лидеры

организации ПРК в Уржумском уезде Вятской губернии также имели солидный дореволюционный партийный стаж и занимали ответственные посты в органах местной власти. Среди них были начальник уездной милиции А. М. Пестерников, заведующий уездным финансовым отделом А. Е. Татаринов, председатель уездного продовольственного комитета М. А. Калинин, председатель местного союза кооператоров Г. И. Попов [см.: 9, с. 85]. С декабря 1918 года партийная работа революционных коммунистов в Уржуме проходила в сложных условиях. Имея возможности для выступлений на уездных съездах волостных экономических отделов, земельных отделов, съезде преподавателей, их представители разъясняли свою позицию по каждому вопросу. Выступая на съездах, они подчеркивали, что для них неприемлемы ни идея буржуазно-демократической «учредилки», ни диктатура «пролетариата», и предлагали выход в реализации своей программы: власть трудящихся, воплощенная Советами [см.: 7, 5 июня, с. 15].

На первых двух съездах революционным коммунистам удалось добиться поддержки своих предложений в вопросах развития кустарной промышленности путем создания артелей, а также условий, благоприятствующих организации колхозов, сельскохозяйственных артелей, земледельческих коммун. Они обратили внимание на важность рационального использования учтенного инвентаря, семян, устройство кратковременных курсов по коллективизации земледелия при сельскохозяйственной школе. На съезде преподавателей группой из 40 революционных коммунистов, лишенных права выступать по текущему моменту, был выражен протест, но им заявили, что работниками по народному образованию могут быть только большевики и им сочувствующие, а «все другие будут выбрасываться за борт». Тем не менее, члены ПРК имели сочувствие делегатов и влияние на этих съездах, получив их поддержку и пополнив свои ряды новыми кадрами.

Сохранив влияние в исполкоме, в январе-марте 1919 года революционные коммунисты занимали в нем 7 из 16 мест. Стремясь устранить их влияние в уезде, большевики 9 голосами против 6 исключили не только всю их фракцию из состава исполкома, но и со всех ответственных постов. Во время перевыборов волостных

сельсоветов им было запрещено активно в них участвовать, несмотря на письменное обращение к председателю комитета большевиков. Население уезда, терроризированное выколачиванием чрезвычайного налога и незаконными действиями представителей власти, при пере выборах отказывалось голосовать, считая, что это «приписывание к коммуне». Без предъявления обвинений на несколько дней был подвергнут аресту лидер местной организации ПРК Р. Н. Воронов [см.: 7, 5 июня, с. 15].

Характеризуя ситуацию в отношениях с большевиками в мае 1919 года, члены ПРК Уржумского уезда отмечали, что «политика “исполкомствующей группы коммунистов” довела уездный исполком до полного развала и распада», что потребовало немедленного созыва 5-го уездного съезда. На нем при выборах исполкома в его новый состав наряду с 10 большевиками и 3 беспартийными вошли 5 революционных коммунистов. На предстоящий 7 Всероссийский съезд Советов был выбран 1 большевик и 1 революционный коммунист. После окончания работы съезда под давлением большевиков без соблюдения условий, утвержденных на нем, было произведено распределение мест в исполкоме, по итогам которого революционные коммунисты возглавили финансовый отдел (А. Е. Татаринов) и отдел управления (М. А. Гончаров), а также вошли в коллегии совнархоза (Р. Н. Воронов) и земотдела (И. М. Видягин). Одновременно под видом переназначения были удалены из состава исполкома 3 члена ПРК, которых заменили представители большевиков [см.: Там же, 30 авг., с. 13].

Несмотря на препятствия со стороны большевиков в Уржумском уезде был отмечен рост организации революционных коммунистов в городе, появлялись их ячейки в волостях после возвращения делегатов со съездов. Возникший в связи с ростом организации спрос на партийную литературу остался не удовлетворенным из-за того, что отправленные из центра агитационные материалы ПРК весом 7 пудов на 3000 руб. были арестованы и доставлены без всяких оснований в ЧК. Не считаясь с распределением сил партийных работников, большевики потребовали отправки на фронт 9 из 30 членов городской организации ПРК.

На объединенном заседании актива советских партработников после доклада 18 сентября вятского представителя ЧК П. П. Капустина о расследовании «белогвардейского заговора» в уезде постановили распустить местную организацию ПРК за контрреволюционные происки против советской власти и привлечь к уголовной ответственности всех виноватых: как рядовых членов, так и членов комитета. Несмотря на это, уржумская группа ПРК была представлена на IV съезде партии в 1919 году, а в декабре инструктор ЦК Андреев приехал в Уржум, пытаясь возродить организацию. Не имея представителей в исполкоме и существуя полулегально, уржумская организация ПРК в условиях преследований и травли в печати 8 августа 1920 года заявила о самороспуске, но единогласного решения о подаче коллективного заявления для вступления в ряды большевиков принято не было и большинство из ее членов остались беспартийными [см.: 9, с. 85].

Благодаря партийным лидерам, левые эсеры в Мензелинском уезде Уфимской губернии и Уржумском уезде Вятской губернии сохранили влияние во второй половине 1918 года в уездных исполкомах, но выступая противниками продовольственной политики большевиков и их действий по созданию регулярной армии, они стали помехой для представителей местной власти. Перейдя в состав ПРК для продолжения легальной политической работы, в условиях Гражданской войны им удалось лишь ненадолго продлить опыт сотрудничества с большевиками в местных органах власти. Определенную роль в этом играла близость Восточного фронта, в условиях которого большевики временно забывали о политических разногласиях со своими оппонентами в Советах. Преследования со стороны большевиков, нередко, кроме травли в печати, прибегавших в ходе противостояния к помощи ЧК, были во многом схожи и привели к тому, что, несмотря на свое влияние в этих уездах, эффективность деятельности организаций ПРК имела временный и фрагментарный характер, и в 1920 году их активность была прекращена. Оказавшись в 1930-х годах в Шадринске, Гаврилов как революционный коммунист примыкал к группе ссыльных левых эсеров во главе с бывшим членом ЦК партии левых эсеров В. Е. Трутовским. Его отправили в ссылку в Тобольск, а затем в Ханты-Ман-

сийск, где он работал агрономом в леспромхозе. 26 мая 1937 года его арестовали как бывшего левого эсера и осудили «тройкой» Омского УНКВД. 10 августа 1937 года Гаврилов был расстрелян в Тюмени. Реабилитировали его 6 июня 1989 года.

-
1. *Люхудзаев М. И.* Уральские левые социалисты-революционеры на V Всероссийском съезде советов в 1918 г. // Одиннадцатые Татищевские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015.
 2. *ГАРФ.* Ф. 1235 (ВЦИК Советов 1917–1938). Оп. 4.
 3. *Вятские епархиальные ведомости.* 1900. Дек. № 23.
 4. *Известия* Мензелинского Совета крестьянских депутатов. 1917. 2 дек. № 20.
 5. *Белокопытов В. И., Остроумов Ф., Сафин М.* Мензелинская быль. Казань, 1970.
 6. *Люхудзаев М. И.* Опыт оппозиционной деятельности левых эсеров Мензелинского уезда Уфимской губернии (1918–1920 гг.) // Восьмые Татищевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010.
 7. *Воля Труда.* 1919.
 8. *РГАСПИ.* Ф. 282 (Протоколы съездов, совещаний, переписка «Партии революционного коммунизма»). Оп. 1.
 9. *Масютин А. С.* Большевистские гонения вятского народничества (1918–1920) // КЛИО. 2014. № 11. С. 82–89.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ «ПОРЯДОК» И СОЦИАЛЬНЫЙ «БЕСПОРЯДОК»: ВЛАСТЬ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В УСЛОВИЯХ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Данная статья посвящена истории органов местного самоуправления в Екатеринбурге после Февральской революции и тем проблемам, с которыми они сталкивались при поддержании «порядка» и стабильности в условиях социально-политических потрясений, вызванных революционными событиями в Петрограде. Освещаются факты «беспорядка», который царил в городе на фоне прекращения эффективной деятельности полиции, и погромов, вызванных недисциплинированностью солдат, которые номинально должны были обеспечивать спокойствие и стабильность в городе. Автор утверждает, что данные события наряду со многими другими явлениями способствовали нарастанию дезорганизации и противостоянию с органами местного самоуправления и представителями Временного правительства. В конечном счете, из-за множества сложных проблем местные власти потерпели неудачу в своих начинаниях, что привело к растущей народной поддержке более радикальных идеологий и партий, которые могли бы гарантировать новый тип «порядка» на улицах города и в повседневной жизни граждан.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбург, Февральская революция, Временное правительство полиции, милиция, Комитет общественной безопасности, солдаты, «порядок», беспорядки, символическая революция.

Данное исследование посвящено истории государственных органов и местного самоуправления в Екатеринбурге в условиях Февральской революции и тем проблемам, с которыми им пришлось сталкиваться в сфере поддержания порядка и стабильности в условиях социально-политических потрясений, вызванных революционными событиями в Петрограде. Эта статья является лишь небольшой частью диссертационного проекта, над которым я в настоящее время работаю. Условное название этого проекта: «Вращающиеся двери властей: как революционный Екатеринбург стал Свердловском (1917–1924)». Мой исследовательский интерес сфокусирован на местных институтах власти, на их попытках сохранить «порядок» и бороться с «беспорядками». Таким образом,

я предполагаю изучить способы создания новых форм политического и социального порядка в условиях распада государственных структур.

Городские административные учреждения и органы, такие как городская Дума, Комитет общественной безопасности (КОБ), Совет солдатских и рабочих депутатов, военное командование, отчаянно пытались сохранить общественный порядок в условиях нарастающих бедствий – от катастрофического продовольственного кризиса до поднимающейся волны насилия, пьянства и преступности. Зачастую власти использовали такие механизмы, как репрессии и конфискации, опираясь при этом на местную прессу, чтобы создать благоприятную интерпретацию событий. Город пережил власть нескольких режимов и неоднократно радикально менялся на протяжении всего революционного периода, что дает возможность для сравнительного анализа политической практики красных, белых и других правительств, а также для изучения того, как властные полномочия использовались местными акторами в своих целях. Мое исследование может пролить свет на малоизученные проблемы истории Белого движения на региональном уровне, в частности на уровне крупного российского города. Моя диссертация ставит новые вопросы о характере российской революции и вводит в научный оборот новые дефиниции, такие как «порядок» и «беспорядок», которые много раз затрагивали и обсуждали участники революции. Однако данные понятия еще не получили пристального внимания исследователей в западной историографии.

В данной статье я сфокусировал внимание на небольшом периоде времени – сразу после Февральской революции, в частности, на роли полиции/милиции и солдат гарнизона. Моя задача состояла в том, чтобы показать борьбу за создание и поддержание «порядка» со стороны местных властей на фоне краха ключевых структур государственной власти после падения династии Романовых. Учитывая то обстоятельство, что по истории Екатеринбурга периода революции и Гражданской войны почти ничего не опубликовано на английском языке, работа строится в контексте диалога с советской и российской историографией. Февральская революция в Екатеринбурге в силу разных причин не получила подробного

освещения в работах советских историков. Только одна небольшая монография В. В. Адамова затрагивает данную проблему более-менее основательно. Однако в его работе, как и во многих других трудах советских историков, созданных на основе доктрины марксизма-ленинизма, в первую очередь изучается рабочий класс и роль большевиков в революционных событиях, при этом мало внимания уделяется «буржуазным» учреждениям, например, таким как КОБ [см.: 1]. Историки постсоветского периода Н. Н. Попов и Д. Б. Бугров рисуют гораздо более полную картину Февральской революции в Екатеринбурге и тех задач, которые стояли на местном уровне. Тем не менее, их работа, в первую очередь, рассматривает отношения между политическими партиями, в частности, «позитивное» сотрудничество между большевиками и левыми эсерами. Кроме политической истории и партийной борьбы, авторы уделяют также внимание административным структурам и различным институтам власти [см.: 2].

Вместе с тем мое исследование основано на выводах В. Булдакова из его работы «Красная Смута» относительно взаимосвязи между революцией и насилием. Булдаков бросает вызов традиционным советским и российским положениям о характере революций 1917 года, одновременно преуменьшая важность организованных политических партий (в частности, большевиков) и настаивает на том, что Февральская революция представляла собой спонтанное выражение свободы и демократии. Он делает вывод, что Февраль был революцией насилия, которая опиралась на опыт, вынесенный из Первой мировой войны. Приводит многочисленные примеры хаоса, насилия и уничтожения имущества, происходившие во время падения династии Романовых, и эти погромы, по его мнению, отражают изменение в психологии масс, творивших беспорядок в качестве аналога коммунального состояния жизни [см.: 3]. Кроме того, исследование И. Нарского о повседневной жизни и социальной истории на Урале в период революционной «катастрофы» и Гражданской войны также сформировало направление моего проекта, особенно использование таких понятий, как «многовластие» и «безвластие» в отношении управления на местах [см.: 4]. В диссертации я предполагаю исследовать феномен распада поли-

тической власти и борьбы за контроль и формирование общественных органов на фоне роста насилия, но с точки зрения местных чиновников разных режимов, а не народных масс.

Таким образом, опираясь на эти понятия, мой проект освещает показательные примеры «беспорядка», царившие в Екатеринбурге того времени, в том числе и прекращение эффективной деятельности полиции, и проблемы, вызванные недисциплинированностью солдат, которые номинально должны были обеспечивать мир и стабильность в городе. Я полагаю, что данные примеры, наряду со многими другими, способствовали растущему чувству расстройства, противостояния власти и полномочиям местного самоуправления и представителям Временного правительства. Проблема роста преступности и беспорядка в сочетании со слабостью центральных и местных органов власти, по словам князя Георгия Львова, главы МВД, заставляла Временное правительство принимать «самые решительные меры» по осуществлению контроля на местном уровне [см.: 5, л. 61]. В конечном счете, из-за наличия множества сложных проблем, они потерпели неудачу в своих начинаниях, что привело к растущей народной поддержке более радикальных идеологий и партий, которые могли бы гарантировать новый вид «порядка» на улицах города и в повседневной жизни граждан.

Одной из главных причин «беспорядка» и крушения государственной власти в Екатеринбурге после Февральской революции 1917 года была ликвидация бывшей царской полиции. Революционные события в Петрограде и действия революционеров против полиции, стремившихся отомстить за ее роль в противодействии Февральской революции, привели к тому, что уже 10 марта был распущен прежний Департамент полиции при Министерстве внутренних дел. Японский историк Tsuyoshi Hasegawa утверждал: императорская полиция была настолько ненавистна определенным социальным группам, что даже созданная Временным правительством милиция не сумела наладить связь между правительством и обществом [см.: 6, с. 322]. В Екатеринбурге руководство полицией подчинялось губернским властям, а более практические вопросы управления (такие, как финансирование, содержание и сбор налогов) решались городской управой. Тем не менее, после того как револю-

ция прокатилась по всей стране, КОБ, который 5 марта провел свое первое заседание в Екатеринбурге, взял на себя функции управления полицией и решения вопросов безопасности. Как в столице, так и в других местах всей бывшей империи главной задачей КОБов и новых институтов местного самоуправления (например, Совета солдатских и рабочих депутатов и более расширенной по составу городской Думы) стала ликвидация полицейского аппарата, аресты и судебные преследования его высокопоставленных сотрудников. Крупные уголовные дела завели на бывшего полицмейстера Ключникова и ротмистра Ивановского из жандармского отделения, и в отношении многих других лиц [см.: 7, л. 72–73].

Тем не менее, когда стремление к «революционной справедливости» было частично удовлетворено (хотя многие из арестованных не были осуждены), проверки местных полицейских учреждений и МВД, чистки способствовали разрушению полиции и массовому увольнению ее сотрудников. Уже 11 марта 1917 года председатель Исполнительного комитета (Исполкома) КОБа А. А. Кощев, учитывая необходимость поддержания порядка на улицах Екатеринбурга, призвал продолжать использовать сотрудников старой полиции, но под контролем новой власти [см.: 7, л. 22]. В течение первых недель после Февральской революции многие полицейские, чувствуя враждебность к ним нового политического порядка, покинули посты или не выполняли своих обязанностей, что привело к росту преступности и заставило городской Совет, призвать к немедленному решению этой проблемы [см.: 8, л. 18].

Начальник полиции Ключников, выступая 5 марта в городской Думе, рассказал о многочисленных случаях, когда сотрудники полиции подвергались «насилию и оскорблениям» со стороны масс, включая факты публичного оплевывания и срывания с них погон. В связи с этим, по словам Ключникова, значительное количество полицейских покинули свои посты, и он сам приказал многим оставить службу. Таким образом, город остался «без присмотра», и «хулиганы подняли голову – начались кражи, грабежи». Ключников призвал Думу сохранить полицию для расследования уголовных и административных правонарушений, пообещав сохранить преданность местной администрации, подчиненной Временному

правительству. Его страстная речь не была воспринята городским головой А. Е. Обуховым, который просто заметил: «Вот такова позиция, которую заняла городская полиция». При этом было принято решение: возложить на КОБ задачу полной ликвидации полиции и ареста ее руководителей [см.: 14, л. 175–176].

На том же заседании, Обухов сообщил, что дезорганизация, вызванная революцией, привела к тому, что «подонки общества подняли голову и начинают проявлять хищническую, злую волю», которая может быть пресечена путем «активной» и эффективной деятельности КОБа [14, л. 175].

По вопросам трудоустройства бывших полицейских чинов вспыхнули конфликты между КОБом, городской Думой и Советом. Причем члены Совета выступали категорически против этого, в то время как представители КОБа утверждали, что невозможно восстановить полицейские учреждения, по крайней мере без некоторого участия бывших сотрудников [см.: 8, л. 36]. На протяжении всего периода своего существования КОБ и его комиссии получили много обращений и писем от граждан с критикой относительно отсутствия безопасности и просьбами к властям принять активные меры по установлению «порядка» и «спокойствия» в Екатеринбурге [см.: 5, л. 140–141].

Всего несколько дней спустя после революции в Петрограде, 14 марта, Кощев, выступая в Екатеринбурге, ссылаясь на «отсутствие доверия» жителей к полицейским чинам, объявил, что «дни полиции закончились». В то же время началась организация милиции, состоявшей из солдат, призванных обеспечить безопасность в городе [см.: 7, л. 30–33]. В последовавшие за Февральской революцией недели и месяцы русские солдаты, как отмечали многие, стали одной из движущих сил на пути к свободе. В своем обращении к общему собранию КОБа, состоявшемуся 7 марта, прапорщик Золотухин напомнил, что именно «солдаты сделали революцию» [7, л. 12–13], при этом он заявил, что за ним стоит «10 тысяч солдат». Для многих представителей администрации города солдаты гарнизона стали идеальным (хотя и временным) решением проблемы отсутствия полицейских.

4 марта 1917 года городская Дума приняла решение использовать солдат местного гарнизона в качестве силы для пресечения «грабежей, насилий, в случае беспорядков» без наделения их полицейскими функциями. Многие военнослужащие гарнизона с энтузиазмом восприняли такое решение [см.: 14, л. 170].

Даже после того, как в середине апреля 1917 года была сформирована «народная милиция», местные власти, в том числе городской комиссар, настойчиво запрашивали дополнительную военную поддержку для обеспечения безопасности в трех полицейских округах города (по 20 военнослужащих в каждом) [см.: 9, л. 68]. Солдаты гарнизона продолжали играть важную роль в этой сфере и взяли на себя многие полицейские функции, не в последнюю очередь из-за трудностей, связанных с созданием милиции.

Однако несмотря на то, что солдат как особую общественно-политическую группу считали «предвестниками революции и демократии», сами они представляли собой серьезную проблему в деле поддержания «порядка» и стабильности. Вынесенный ими из войны опыт и неэффективное управление армией царскими генералами, превратили многих солдат, как на фронте, так и в гарнизонах, по всей бывшей империи в радикалов, и они помогли сформировать новый политический порядок, который одновременно был более «открытым» и жестоким, чем до Февральской революции. Историк Алан К. Вайлдмэн (Wildman) утверждал, что печально известный «Приказ № 1» Петроградского Совета сделал солдат большими радикалами, чем их участие в войне, создавая раскол между ними и офицерами. В дальнейшем их легко использовали большевики и другие политические силы для своих целей [см.: 10]. Тем не менее, работа этого историка сосредоточена на изучении исключительно революционных событий в Петрограде, но ситуация за пределами столицы была более сложной, смешанной и динамичной. В Екатеринбурге, например, офицеры и солдаты действовали вместе, играя заметную роль в недавно созданных органах местного самоуправления, в том числе в КОБе и городском Совете. Военнослужащим гарнизона выделили 82 из 333 мест в КОБе, многие военные занимали важные посты в исполкоме, а также в структурах КОБа, например, в секциях милиции, тюрем и борьбы с пьян-

ством [см.: 5, л. 313–314]. В то время как депутаты от военных пытались решать вопросы по содействию стабильности и безопасности, многие из их товарищей по службе в гарнизоне сеяли хаос в городе, способствовали росту «хулиганства», покушались на частную собственность, а в некоторых случаях прибегали к убийствам.

Хотя следует сказать, что одной из отличительных черт солдат как социальной и политической группы было то обстоятельство, что они являлись самой значительной вооруженной силой в Екатеринбурге. Стоит отметить плохое снабжение и постоянное недофинансирование милиции (и полиции), когда часто не хватало необходимого оборудования для надлежащего обеспечения и соблюдения безопасности. Еще в мае 1916 года в двух из трех полицейских округов Екатеринбурга не было телефонов, и поэтому их сотрудники не могли общаться между собой или предоставить поддержку друг другу в случае возникновения чрезвычайной ситуации [см.: 11, л. 3]. Отсутствие способности у милиции эффективно выполнять свои обязанности приводило к тому, что она не могла противостоять и символически, и практически вооруженной группе солдат. В результате в конце апреля 1917 года на улицах Екатеринбурга вспыхнули беспорядки.

Так 26 апреля группы солдат, подстрекаемые фронтовиками, на пути из Сибири на фронт устроили трехдневный пьяный дебош, занимаясь разрушением символов старого режима по всему городу, участвуя в «символической революции», о чем в свое время очень убедительно написал Борис Колоницкий [см.: 12]. Солдаты, в частности, разбивали статуи, портреты и гербы династии Романовых, в том числе бюсты Петра I и Екатерины II, стоявшие вблизи плотины в центре города, портреты Александра II и Александра III, и другие известные символы по всему городу [см.: 5, л. 49, 52]. Они не делали различий между государственной и частной собственностью и совершали нападения на здания городской управы, городской казны, магазина Чистякова, Богородско-Глуховской мануфактуры и многие другие. Один из членов Екатеринбургского уездного окружного суда сообщил, что видел солдат, подошедших к воротам и требовавших от служащих суда уничтожить царские символы на фронте здания с возгласами «снесите это!» [5, л. 50].

Солдаты, бесчинствующие в течение трех дней и разрушавшие в запале недвижимость в городе, наряду с другими публичными демонстрациями на улицах, оказывали гнетущее впечатление на жителей. Некоторые из них подали подробные записки в КОБ, в которых детализировались картины «массовых беспорядков» и содержались запросы к власти принять меры для поддержания нормальной обстановки [см.: 5, л. 48, 54]. Однако КОБ медленно реагировал на эти события, в то время как Совет сразу же назвал их «погромом» и предупреждал население. Спустя несколько дней городская Дума на своем заседании не могла назвать виновников происходящего и отдать распоряжение об аресте главных зачинщиков [см.: 14, л. 286–293].

Одна записка, отправленная городским властям обеспокоенным гражданином, гласила, что КОБ «ничего не делал»: в то время как уничтожались статуи и имущество, его представители обсуждали вопрос о налогах с извозчиков. В записке ставился вопрос: если КОБ «понимает свою миссию», чувствуют ли его члены ответственность за деятельность, направленную на успех революции во времена великих «потрясений» и «опасностей», происходящих в стране? [см.: 13, л. 162–163].

Через несколько недель, в середине мая 1917 года, городские власти вновь столкнулись с буйной вольницей. На этот раз на железнодорожной станции Екатеринбург I солдаты учинили насилие и напали на железнодорожников, что привело к временной приостановке работы станции. Ситуация стала настолько опасной, что исполком КОБа и депутаты от гарнизона были вынуждены выпустить обращение к солдатам с призывом «защитить работников железнодорожного транспорта» и «помнить, что эти бесчинства и насилие глубоко унижают высокое имя солдат». В тексте обращения говорилось, что «даже при хищном старом режиме, никто не оскорблял железнодорожников при выполнении ими своих обязанностей». Обращение, напечатанное тиражом в 1 тыс. экз., предполагалось распространить на железнодорожном вокзале и по всему городу, оно заканчивалось призывом к солдатам «отстаивать честь русской революции!» [5, л. 47].

В то время беспорядки, вызванные действиями солдат, способствовали нарастанию опасности и хаоса на улицах Екатеринбурга. Этот фактор усугублялся распадом после Февральской революции прежней, более эффективной полицейской системы. Неспособность местных представителей Временного правительства обеспечить социальное спокойствие, защиту жизни и имущества своих граждан приводило к разочарованию среди граждан по всей стране и негодованию против либерального «порядка». В Екатеринбурге к концу весны – началу лета 1917 года способности КОБа в деле безопасности и контроля становилась все более сомнительными, так как большинство его членов перестали принимать участие в совещаниях, а его деятельность была сведена к административным и финансовым функциям. К сентябрю 1917 года КОБ на добровольной основе был распущен. К тому времени все местные учреждения оказались под сильным влиянием большевиков, их депутаты доминировали в городском Совете и городской Думе [см.: 5, л. 271–273].

Таким образом, можно утверждать, что крах системы безопасности и неспособность либеральных структур эффективно обеспечить порядок на местном уровне укрепили власть радикальных партий, которые пытались ввести свои собственные решительные (и идеологические) меры по преобразованию страны. Хотя в статье фокусируется внимание на слабости Временного правительства и его местных представителей, очевидно, что авторитаризм в политике большевиков и их противников – «белогвардейцев» во время Гражданской войны сложился после Февральской революции как ответ на существующие в обществе проблемы, рассмотренные выше. Власть Временного правительства, несомненно, была более демократичной, децентрализованной и «открытой» по сравнению с предшествующими режимами, но приверженность к демократии и, в частности, к свободе слова, имела свои границы. Вскоре после Февральской революции исполком КОБа закрыл издания и «читальные залы» Союза русского народа, ввел цензуру на литературу «погромного характера» [8, л. 4]. Новая власть завела несколько уголовных дел в отношении тех, кто выступал против нового правительства, в частности священников Русской православной церк-

ви, которых обвинили в использовании проповеди для критики правительства, что могло «привести к путанице в умах крестьян». Согласно заявлениям КОБа «ответственность» духовенства состояла в том, чтобы «поддержать новое правительство во всех отношениях» и «объяснять события», которые происходили (другими словами, вести государственную пропаганду) [см.: 5, л. 71]. Почти все подобные меры, явно или неявно, проводились под прикрытием «поддержания порядка» и «спокойствия» в Екатеринбурге, а борьба за «порядок» проявлялась в выпуске многочисленных прокламаций и политических действиях.

-
1. *Адамов В. В.* Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967.
 2. *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 году. Екатеринбург, 1997.
 3. *Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
 4. *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.
 5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4.
 6. *Hasegawa Tsuyoshi.* The Formation of the Militia in the February Revolution: An Aspect of the Origins of Dual Power // *Slavic Review*, 32 (2). 1973. June. P. 302–322.
 7. ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 28.
 8. Там же. Д. 30.
 9. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 636.
 10. *Wildman Allan K.* The End of the Imperial Russian Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March–April 1917). Princeton ; NJ, 1980. P. 402.
 11. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 598.
 12. *Колоницкий Б. И.* Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001.
 13. ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 4 (Т. 2).
 14. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620.

Раздел 5

ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ: 1917 ГОД В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

УДК 94(47).084.1

М. И. Вебер

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА АТТАШЕ АМЕРИКАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТРОГРАДЕ ДЖЕЙМСА ЛОУРЕНСА ХАФТЭЛИНГА-МЛАДШЕГО¹

В статье дается краткий обзор дневника атташе американского посольства в Петрограде в 1917 году Д. Л. Хафтэлинга-младшего. Показан богатый потенциал этого исторического источника для реконструкции событий Февральской революции в Петрограде. Сделан вывод о необходимости перевода дневника Д. Л. Хафтэлинга-младшего на русский язык.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Февральская революция, 1917 год, Петроград, Москва, слухи.

Февральская революция 1917 года в России нашла широкое отражение в дневниках, письмах и мемуарах современников революционных событий. Те из них, что были написаны на русском языке, в большинстве своем давно уже опубликованы или введены в научный оборот отечественными историками. Куда меньше повезло воспоминаниям и дневникам иностранцев, ставших свидетелями

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

событий Февраля 1917 года в Петрограде – до сих пор не переведены на русский язык даже наиболее значимые из них [см.: 1; 2; 3; 4]. Одним из таких малоизвестных зарубежных источников личного происхождения по истории Февральской революции является дневник атташе американского посольства в Петрограде Д. Л. Хафтэлинга-младшего [см.: 5].

Биография автора

Джеймс Лоуренс Хафтэлинг-младший родился 25 октября (6 ноября нового стиля) 1883 года в Чикаго, в семье банкира Джеймса Лоуренса Хафтэлинга-старшего, совладельца финансовой компании «Пибоди, Хафтэлинг и К^о». Мать Хафтэлинга-младшего – Лукреция Тэн Брок Пибоди – также происходила из влиятельной семьи американских финансистов. В 1905 году Д. Л. Хафтэлинг-младший получил диплом бакалавра в престижном Йельском университете. В сентябре того же года он поступил в Школу права (юридический факультет) Северо-Западного университета в Чикаго, но два месяца спустя отчислился оттуда по собственному желанию и поступил на работу в компанию отца помощником менеджера в департамент продаж.

Во время Первой мировой войны деловые качества Д. Л. Хафтэлинга-младшего были востребованы американской дипломатией. В январе 1917 года Хафтэлинг-младший приехал в Россию в качестве специального атташе при американском посольстве в Петрограде. Его миссия продолжалась 3,5 месяца, затем он выехал обратно в США. Поступив на службу в американскую армию, Хафтэлинг-младший принял участие в Маас-Аргоннском наступлении союзников во Франции осенью 1918 года.

После возвращения с войны Д. Л. Хафтэлинг-младший занялся газетным бизнесом. В 1926–1931 годах он работал вице-президентом в компании, издающей газету «Чикаго Дэйли Ньюс»².

² «Чикаго Дэйли Ньюс» (Chicago Daily News) – популярная ежедневная газета, издававшаяся в Чикаго в 1876–1978 годах. Газета 13 раз награждалась престижной Пулитцеровской премией.

В 1931–1937 годах Хафтэлинг-младший работал директором другой чикагской газеты – «Чикаго Дэйли Иллюстрэйтед Таймс»³.

В 1937 году он перешел на госслужбу и возглавил Федеральную службу иммиграции и натурализации⁴. На этом ответственном посту Д. Л. Хафтэлинг-младший работал до 1940 года. Затем он перешел на должность помощника секретаря казначейства (министра финансов) США Генри Моргентау-младшего⁵. После отставки Моргентау-младшего в 1945 году Хафтэлинг-младший продолжил карьеру госслужащего в другом федеральном правительственном агентстве – Комиссии по гражданской службе⁶. Он работал в этом федеральном агентстве председателем Комитета по честному набору госслужащих в 1946–1952 годах, пока окончательно не уволился с госслужбы и не отошел от дел. 28 апреля 1962 года Д. Л. Хафтэлинг-младший скончался в своем доме в Вашингтоне.

Дневник о поездке в Россию

Д. Л. Хафтэлинг-младший подготовил свой дневник к печати 12 (25) ноября 1917 года. Книга вышла в 1918 году. Опубликованные записи дневника охватывают период с 6 (18) января 1917 года, когда Хафтэлинг-младший пересек государственную границу Рос-

³ «Чикаго Сан-Таймс» («Chicago Sun-Times») – популярная ежедневная газета, издающаяся под разными названиями в Чикаго с 1844 года. В 1929–1948 годах выходила под названием «Чикаго Дэйли Иллюстрэйтед Таймс». Материалы, публиковавшиеся на страницах газеты, 8 раз награждались Пулитцеровской премией.

⁴ Служба иммиграции и натурализации (Immigration and Naturalization Service) – федеральное правительственное агентство США. Существовало в 1933–2003 годах. Входило в состав Департамента юстиции. Занималось работой с иммигрантами, прибывающими в США. После терактов 11 сентября 2001 года разделено на три самостоятельных федеральных агентства.

⁵ Генри Моргентау-младший (Henry Morgenthau Jr.) (29.04(11.05).1891–06.02.1967) – американский государственный деятель. Один из ближайших соратников президента Ф. Рузвельта. В 1934–1945 годах занимал пост министра финансов США.

⁶ Комиссия по гражданской службе (Civil Service Commission) – федеральное правительственное агентство США. Существовало в 1871–1981 годах. Занималось набором людей на госслужбу в федеральные органы власти.

сийской империи в Финляндии, до 26 марта (8 апреля) 1917 года, когда он ехал на Транссибирском экспрессе во Владивосток, чтобы выехать оттуда через Японию в США. Таким образом, миссия американского дипломата в России продолжалась около трех месяцев.

Большую часть этого времени он находился в Петрограде и в Москве, проводя официальные и неофициальные деловые встречи с российскими предпринимателями и интеллигенцией. Кроме того, круг общения Хафтэлинга-младшего составляли сотрудники иностранных дипломатических миссий в России и члены их семей, а также корреспонденты зарубежных газет. В частности, автор дневника бывал на вечеринках в доме британского журналиста Г. Вильямса и его жены, видной деятельницы партии кадетов А. В. Тырковой-Вильямс. Часть своих собеседников Д. Л. Хафтэлинг-младший при публикации дневника назвал полным именем, а часть обозначил лишь инициалами, сохранив их инкогнито.

Наиболее известным собеседником американского атташе был военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков, с которым Хафтэлинг-младший случайно встретился в Таврическом дворце вскоре после победы революции – 4 (17) марта 1917 года. Компанию сотрудников американского посольства невысокого ранга, пришедших поглазеть на заседание Совета депутатов, по ошибке приняли за официальную американскую делегацию, прибывшую официально признать новое правительство, и устроили им встречу с А. И. Гучковым. При этом произошел курьез – автор дневника по ошибке принял Гучкова за Родзянко и обратился к нему соответствующим образом [см.: 5, р. 145–147].

Книга состоит из 9 глав, 8 из которых – записи в дневнике Хафтэлинга-младшего, а еще одна глава составлена из материалов «Известий Комитета петроградских журналистов»⁷ – импровизированной революционной газеты, освещавшей ход Февральской революции.

Ценность дневника как исторического источника заключается прежде всего в том, что он, во-первых, помогает реконструировать

⁷ Первый номер этого информационного листка вышел 27 февраля (12 марта) 1917 года. Он бесплатно раздавался на улицах Петрограда. Всего было издано 10 номеров этого издания.

события в Петрограде 27 февраля – ключевого дня Февральской революции, а во-вторых, содержит множество свидетельств о слухах, циркулировавших среди образованной части русского общества непосредственно перед революцией и подготовивших общественное мнение к свержению монархии. Важность сохранения этих слухов и перетолков для будущих историков русской революции сознавал и сам Хафтэлинг-младший, о чем упомянул в предисловии к своей книге.

Свидетель солдатского бунта

Д. Л. Хафтэлинг-младший пропустил начало революционных событий в Петрограде, уехав 6 (19) февраля 1917 года по делам в Москву. Он вернулся в Петроград в решающий день Февральской революции – 27 февраля (12 марта) 1917 года, когда взбунтовались и перешли на сторону революционеров запасные батальоны гвардейских полков. Поезд Хафтэлинга-младшего прибыл на Николаевский вокзал Петрограда в час дня. Не обнаружив ни одного извозчика, Хафтэлинг-младший был вынужден пешком идти в американское посольство, находившееся по адресу: ул. Фурштатская, 34 – неподалеку от казарм лейб-гвардии Волынского полка, и по дороге оказался в самом эпицентре начавшегося мятежа гвардейских полков [см.: 5, р. 62–63].

Д. Л. Хафтэлинг-младший видел, как растерянные офицеры пытаются построить на Кировной запасный батальон лейб-гвардии Семеновского полка, как часть солдат открыто отказываются повиноваться и дезертируют или отдают свое оружие уличным мальчишкам, как мятежные солдаты подъезжают к строю семеновцев на захваченных у гражданских лиц автомобилях и уговаривают тех сдать [см.: Там же, р. 64–65].

Дневник Д. Л. Хафтэлинга-младшего свидетельствует в пользу хаотичности и спонтанности событий Февральской революции, которыми никто не управлял. Повсюду царила растерянность от произошедших событий. Автор дневника упоминает, что по дороге от Николаевского вокзала до американского посольства он не слышал ни одного выстрела [см.: Там же, р. 65].

Добравшись до американского посольства, Хафтэлинг-младший узнал от других американских дипломатов об утренних событиях в городе [см.: 5, р. 66–67]. Так, сотрудник американского посольства Тернер, проходя мимо гвардейских казарм, видел, как начался бунт солдат запасного батальона лейб-гвардии Преображенского полка. После обеда, по свидетельству Хафтэлинга-младшего, обстановка в городе стала накаляться, так как власти приняли попытку подавить вспыхнувший мятеж.

Во второй половине дня Д. Л. Хафтэлинг-младший стал свидетелем боя на Литейном проспекте посланного на подавление мятежа отряда полковника А. П. Кутепова с восставшими солдатами лейб-гвардии Волынского полка. Об этом важном для исхода революции бое сохранились воспоминания самого Кутепова [см.: 6, с. 162–169]. Однако полковник Кутепов, как лицо заинтересованное, несомненно, описывает происходившее в выигрышном для себя ключе. Дневник Хафтэлинга-младшего дополняет картину боя. По свидетельству автора дневника, лояльные царскому правительству войска вели себя пассивно и не предпринимали активных наступательных действий против мятежников [см.: 5, р. 69]. С наступлением темноты перестрелка прекратилась, и Литейный проспект мгновенно заполнился толпой обывателей. Темноту освещало огромное зарево пожара в здании Окружного суда. Хафтэлинг-младший упоминает, что видел, как революционеры запретили его тушить прибывшим пожарным [см.: Там же, р. 71].

Уже в сумерках Д. Л. Хафтэлинг-младший стал свидетелем того, как с Дворцовой площади прошел маршем по Миллионной с пением «Марсельезы» перешедший на сторону революционеров запасный батальон лейб-гвардии Павловского полка [см.: Там же, р. 72]. Затем автор дневника увидел, как из Зимнего дворца выходит также перешедший на сторону мятежников запасный батальон лейб-гвардии Измайловского полка [см.: Там же, р. 73]. Переход на сторону восставших организованных воинских частей с офицерами во главе, а не только отдельных, потерявших дисциплину и управление, солдат означал окончательный перелом ситуации и предвещал скорую победу восстания. На обратном пути амери-

канского дипломата встретили выставленные присоединившимися к восстанию измайловцами и павловцами кордоны на Дворцовой набережной неподалеку от Марсова поля, сообщившие ему, что «весь этот район города наш» [5, р. 73].

Стоит отметить, что сотрудники американского посольства в ходе Февральской революции занимали нейтральную позицию и не отказывали в помощи представителям обоих враждующих лагерей. Хафтэлинг-младший сообщает в своем дневнике, что днем 27 февраля 1917 года во втором здании американского посольства на Сергиевской улице, примыкавшей к Орудийному заводу, нашли себе убежище оставшиеся верными царскому правительству капитан и 20 солдат лейб-гвардии Волынского полка [см.: Там же, р. 71]. А когда вечером того же дня автор дневника пришел переночевать на квартиру сотрудника американского посольства Хантингтона на Воскресенском проспекте, то обнаружил, что кухарка Хантингтона приютила трех взбунтовавшихся солдат лейб-гвардии Волынского полка [см.: Там же, р. 74]. По словам солдат, днем казармы волынцев занял лояльный царскому правительству лейб-гвардии Семеновский полк, поэтому они боялись возвращаться назад. Солдаты были родом с Украины и не имели в Петрограде родственников или друзей, которые могли бы их укрыть. Американцы разрешили волынцам переночевать на кухне.

Размышляя о причинах бунта гвардейских полков, Д. Л. Хафтэлинг-младший описывает в дневнике свой разговор с товарищем министра торговли и промышленности Временного правительства 21 марта (3 апреля) 1917 года. По словам товарища министра, солдаты запасных полков взбунтовались, узнав о роспуске царем Государственной думы. Хафтэлинг-младший справедливо сомневается в этом и записывает в своем дневнике, что волынцы и преображенцы взбунтовались потому, что не хотели стрелять в народ [см.: Там же, р. 192–193]. Оценивая результаты революции, автор дневника отмечает в записи от 8 (21) марта 1917 года, что по информации, полученной американским посольством от министра Временного правительства А. И. Терещенко, во время Февральской революции в Петрограде погибли в общей сложности около 150 мятежных солдат, чуть

больше 250 солдат и офицеров, оставшихся верными царю, и около 500 гражданских лиц, включая сотрудников полиции, и удивляется малочисленности жертв [5, р. 164].

Сопоставляя дневник Хафтэлинга-младшего с другими свидетельствами очевидцев революционных событий в Петрограде, можно сделать вывод о том, что он отличается высокой достоверностью в описании Февральской революции. На мой взгляд, достоверность этого дневника обусловлена нейтральной позицией автора по отношению к революции и его высоким образовательным уровнем.

«Ах! Злые языки страшнее пистолета»

Дневник Д. Л. Хафтэлинга-младшего – ценный источник разнообразных слухов, имевших хождение в русском обществе непосредственно перед революцией. Большинство записанных Хафтэлингом-младшим слухов носили негативный для царя и его чиновников характер, что в целом хорошо соотносится с данными, приведенными в монографии петербургского историка Б. И. Колоницкого [см.: 7]. Например, в записи от 6 (19) февраля 1917 года Д. Л. Хафтэлинг-младший пересказывает слух о спиритическом сеансе, который якобы устроил для царя, его жены и двух старших дочерей министр внутренних дел Протопопов [см.: 5, р. 35–36]. На этом сеансе, как уверяли Хафтэлинга-младшего его собеседники, Протопопов вызвал дух Григория Распутина, который призвал царя продолжить укреплять «святое самодержавие». По словам автора дневника, в беседах с русскими он неоднократно слышал этот слух с незначительными вариациями.

Тяжелые поражения русской армии в ходе Первой мировой войны напрямую связывались во многих слухах с коррумпированностью царской администрации. 9 (22) марта 1917 года Хафтэлинг-младший записывает в своем дневнике услышанную от русских знакомых историю об одном шведском предпринимателе – владельце оружейного завода. В разгар войны, когда в русской армии катастрофически не хватало оружия, этот швед хотел поставить русской армии партию винтовок [см.: Там же, р. 165]. Однако русский начальник арсенала наотрез отказывался принимать изготовленные

шведом винтовки, хотя те успешно прошли все испытания, пока не получил взятку.

Порочащие царскую семью и царскую администрацию слухи распространяли не только русские, но и иностранцы. В записи дневника за 7 (20) февраля 1917 года Хафтэлинг-младший описывает свой разговор с американским хирургом Юджином Хёрдом, два года проработавшим врачом в русской армии [см.: 5, р. 37–38]. Хёрд рассказывал автору дневника популярные в армии слухи об измене царицы, передающей военные секреты немцам, о ее кознях генералу Брусилову. Сам Хёрд не только в них верит, но и предсказывает, что однажды Брусилов прикажет арестовать и расстрелять царицу.

С помощью иностранных корреспондентов часть негативных слухов о царской семье и некомпетентности царской бюрократии транслировалась за рубеж. 9 (22) марта 1917 года Хафтэлинг-младший заносит в свой дневник рассказ петроградского военного цензора о том, что теперь прежней цензуры не стало и американские корреспонденты вольны телеграфировать в США практически все, что хотят, но шлют в свои редакции один лишь сентиментальный вздор самого худшего пошиба [см.: Там же, р. 165].

Судя по дневнику, перед революцией негативное отношение к царскому режиму ярко проявлялось в умонастроениях образованных людей не только в Москве и Петрограде. Д. Л. Хафтэлинг-младший приводит в своем дневнике рассказ американцев Тейлора и Бейли, за неделю до начала революции ездивших по делам в Центральную Россию и повстречавших во время командировки хорошо образованного и осведомленного о реальном положении дел предпринимателя, управлявшего нефтяными промыслами в Туркестане. В разговоре с американцами тот заявил, что назревают большие перемены и династия Романовых протянет не больше месяца – настолько все прогнило в стране [см.: Там же, р. 191].

В целом, анализируя приведенные в дневнике Хафтэлинга-младшего слухи и пересуды в образованных и интеллигентных слоях русского общества, можно заключить, что почва для Февральской революции была подготовлена общественным мнением. Десакрализация и делегитимизация власти, интенсивно продолжавшиеся

в течение Первой мировой войны, к 1917 году достигли угрожающих для царского режима размеров.

Дневник Джеймса Лоуренса Хафтэлинга-младшего – значимый исторический источник, содержащий любопытные и, что не менее важно, достоверные сведения о Февральской революции. К сожалению, он практически неизвестен отечественным историкам, поэтому весьма актуальной является задача его перевода на русский язык.

1. *Buchanan Meriel*. Petrograd: the city of trouble (1914–1918). London, 1918.

2. *MacLeod Harper Florence*. Runaway Russia. New York, 1918.

3. *Jones James Stinton*. Russia in revolution, being the experiences of an Englishman in Petrograd during the upheaval. London, 1917.

4. *Thompson Donald*. Donald Thompson in Russia. New York, 1918.

5. *Houghteling James Lawrence Jr*. A diary of the Russian revolution. New York, 1918.

6. *Кутепов А. П.* Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов : сб. ст. Париж, 1934. С. 159–178.

7. *Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

УДК 94(47).084.1

Д. Тарасюк

ОТНОШЕНИЕ ПОЛЯКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РОССИИ, К ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 года

Февральская революция 1917 года была важным событием в жизни поляков, проживающих в России. В этой связи они ее широко комментировали, среди прочего, и в польской прессе. Практически все публикации признавали ее как положительное событие для поляков, которое позволит приблизить к реальности их мечту о возобновлении независимого Польского государства.

Однако смена строя несла не только надежды на лучшее, но также и страхи о будущем. Среди поляков начали появляться вопросы, смогут ли россияне использовать обретенную свободу? Последующие месяцы показали, что та боязнь имела основание, о чем свидетельствовало разворачивание анархизации общественной жизни в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Февральская революция, история России, поляки в России.

Февральская революция 1917 года стала важным событием в жизни подданных Российского государства. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания того периода, принадлежащие, среди прочих, и полякам. Например, неизвестная девушка родом из Гленбокого, что в Белоруссии, пережившая Февральскую революцию в Петрограде, писала: «публика кричала нашему обществу, стоящему возле костела, глаза блестели, и кровь начинала быстрее в жилах бежать» [1, с. 51].

В водоворот политических событий были втянуты также и поляки, проживающие в России. Во многих местностях они организовывали манифестации и вече в поддержку изменений, происходящих в Российской империи. Например, 16 марта 1917 года с воззванием, приветствующим российскую революцию, выступило вече польских рабочих в Петрограде [см.: 2]. Через три дня польские организации в Москве прислали в адрес председателя Государственной думы приветственную депешу, радуясь падению старого строя в России. Среди прочего читаем в ней: «Этот повсеместный праздник свободы есть один из наиболее глубоких и наиболее со-

кровенных мечтаний польского народа» [см.: 3]. Поляки из Тамбова, которые собрались на вече, организованное польским патриотическим обществом 24 марта 1917 года, приняли резолюцию, приветствующую российскую революцию как предвиденье новой эры в отношениях между двумя народами [см.: 4]. 28 марта 1917 года произошла народная демонстрация в Киеве, организованная Польским исполнительным комитетом на территории России [см.: 5; 6, с. 63].

В польской печати начали оперативно публиковаться статьи, которые представляли события и давали оценку развитию революции. Их авторы приветствовали ее с большим или меньшим энтузиазмом. В печатном органе польских демократов, московском «Эхе польском» уже 15 марта 1917 года, например, появилась статья «Свершилось», в которой с надеждой воспринималось падение оплота абсолютизма. Одновременно утверждалось, что победа свободы в России – это большой выигрыш для польского дела: «Итак, наш национальный интерес и наши традиции свободы <...> говорят нам поприветствовать великий день в жизни великого народа, который сбросил оковы вечной неволи» [7]. В тот же день на вече, организованном Центральным комитетом польской академической молодежи в Петрограде, была принята резолюция такого содержания: «Польская молодежь с радостью приветствует успех нового союзника в нашей борьбе в лице освобожденной российской демократии» [2].

В трудной ситуации оказались поляки, связанные с национально-демократическим лагерем, который ранее сотрудничал с поверженными царскими учреждениями. Вначале они не высказывались по поводу революции. Единственный выходящий в первые дни «свободы» печатный орган этого политического направления – «Газета Польская» – ограничился сухим пересказом информации о ходе событий [см.: 8; 9]. Ситуацию изменило только воззвание, изданное Национальным комитетом в Петрограде вместе с польскими депутатами обеих палат российского парламента, пребывающего в столице России, 20 марта 1917 года, в котором с радостью приветствовалось освобождение братского российского народа от пут самодержавия [см.: 10]. Это воззвание было опубликовано на следующий день в первом постреволюционном номере петроградско-

го «Ежедневника Польского». В его вступительной статье также говорилось, что польский народ объединяется с борцами за будущее новой России желаниями, идущими из глубины сердец [9]. В этом же номере газеты была размещена обширная статья, посвященная значению Февральской революции, под названием «Новая Россия». Ее автор, Казимир Еренберг, проанализировал причины успеха российской революции. Со всей основательностью он осудил царизм и приветствовал новый строй. Автор высказал также подозрение, что царизм сам хотел спровоцировать беспокойства в стране, чтобы иметь повод к подписанию сепаратного мира с Германией, который стал бы поражением для польского дела [см.: 9]. Через несколько дней в воззвании Национального клуба в Москве, адресованного к правительствам Антанты и России, отмечалось, что польский народ радуется этому повороту, наверное, больше, чем какой-либо другой народ на земле, и приветствует российскую революцию с открытым и искренним сердцем [см.: 11, с. 12–13].

Российская революция приветствовалась и в более поздних декларациях. Демократический союз Кавказа 9 июня 1917 года от имени польского общества на Кавказе признал ее как предзнаменование окончательного решения польского вопроса [см.: 12, ф. 5122, оп. 1, д. 186, л. 30]. Однако уже в начале сентября 1917 года на съезде польских организаций Кавказа был отмечен факт ужасной дезорганизации на фронте и в тылу, провоцирующий к грабежам и проявлениям дикой распущенности [см.: 12, ф. 1041, оп. 2, д. 283, л. 3]. Центральный польский военный комитет на Дальнем Востоке провозгласил моральную поддержку российской революции, но в то же время выступил в защиту польских военных от деструктивной деятельности российских элементов [см.: 13, с. 10].

Одной из наиболее животрепещущих тем общественно-политической жизни того времени был поиск причин неслыханного успеха революции [см.: 14]. Публицист «Ежедневника Киевского» под псевдонимом «Постоянный» среди прочих назвал следующие: неудовлетворенность общества старым строем, переход войска на сторону революции, союз рабочих и солдат с интеллигенцией и буржуазией [см.: 15].

После Февраля перед поляками встала проблема целесообразности участия в российской политической жизни. 17 марта 1917 года Польский комитет в Москве постановил, что польские организации беженцев не должны принимать участие в обсуждении будущего общественного строя России. Вместе с тем было признано желательным для поляков, постоянно проживающих в России, а также их организаций участие в дебатах по поводу ее будущего строя [см.: 3]. 18 марта 1917 года в Москве, в зале Польского дома, состоялось многочисленное собрание рабочих, на котором дискутировался вопрос о трех направлениях польской политической мысли по отношению к Февральской революции. Первые настаивали на нейтральности поляков, другие указывали на необходимость их участия в революции с сохранением своеобразия национальной организации, а третьи предлагали объединиться с российским пролетариатом [см.: 16]. Польский демократический комитет в Петрограде издал воззвание, в котором призывал поляков принять гражданство России во имя сотрудничества с российским освободительным движением. Одновременно полякам надлежало стремиться к своему равноправию в составе России [см.: 17].

Лозунг невмешательства во внутренние российские дела стал одним из догматов польской организации «Национальная демократия в России» [см.: 9]. Уже в ответе на упомянутую выше декларацию А. Ледницкого в «Газете Польской» говорилось, что поляки, особенно те, которые только временно пребывают в России, не должны ни на минуту забывать о своих заданиях и в связи с этим не вмешиваться во внутренние дела Российского государства [см.: 18].

Одним из основополагающих вопросов после революции стало отношение поляков к новому демократическому правительству, во главе которого встал Георгий Львов. Воззвания в поддержку Временного правительства от имени всех поляков издал Ян Цепляк, администратор архидицезии Могилевской и децизии Минской. В первом из них от 17 марта 1917 года, адресовавшейся духовенству и мирянам, поддерживалась программа Временного правительства, содержался призыв к его признанию и работе на общее благо. В воззвании, изданном на следующий день, адресованном Михаилу Родзянко, председателю IV Государственной думы, приветство-

валось Временное правительство, принесшее свободу и демократию, а также выражалась надежда, что оно отменит ограничения в отношении деятельности католического костела [см.: 10; 19].

Уже 15 марта 1917 года правление Польского комитета в Москве уполномочило председателя А. Ледницкого выразить от имени ПК поздравления новой власти и готовность Польского комитета к подчинению ей [см.: 20]. 18 марта 1917 года Польский демократический комитет в Петрограде издал воззвание, в котором приветствовал не только падение старого строя в России, но и установление новой народной власти [12, ф. 5122, оп. 1, д. 186, л. 22]. Через несколько дней, 23 марта 1917 года, участники польского вече в Москве направили председателю Совета министров Георгию Львову депешу, в которой приветствовалась «новая Россия <...>, “дающая уверенность, что великая и свободная Россия станет на защиту взысканного лозунга освобождения, свободы и братства народов”» [17]. 16 марта 1917 года в Киеве состоялось собрание поляков, на котором было принято решение работать на пользу нового правительства, а также принять участие в создании органов новой государственной власти. 19 марта 1917 года состоялось собрание представителей польских организаций, на котором было решено направить приветственную депешу Михаилу Родзянко и Георгию Львову [см.: 21, л. 33–39; 22, с. 21]. На этих собраниях и в послании приветствовалось правительство свободной России, выражалась надежда на то, что среди ее граждан не найдется никого, кто бы воспрепятствовал укреплению независимой Польши и отмены всех ограничений национальных и религиозных. Депеша подобного содержания была направлена также министру юстиции Александру Керенскому, который ранее был депутатом Государственной думы. 18 марта 1917 года поляки, собравшиеся на митинге в Томске, прислали Временному правительству поздравительную декларацию, в которой обязались сотрудничать с ним для укрепления нового демократического уклада жизни. Подобные телеграммы в адрес Георгия Львова направило, кроме того, и собрание польских организаций Баку [см.: 12, ф. 1778, оп. 1, д. 94, л. 100].

Мысль о слабости Временного правительства была одним из немногих общих пунктов для всех польских политиков, неза-

висимо от представленных политических взглядов. Юзеф Кожуховский 2 июня 1917 года записал в своем дневнике следующие слова: «Временное Правительство на пороховой бочке, <...> управляет, издает декреты, решает споры, организует, исполняет свои диктаторские функции, каким-то чудным неземным инстинктом, а не простым человеческим пониманием – управляет» [23, с. 2]. Е. Ромер, в свою очередь, писал, что Совет рабочих и солдатских делегатов в Петрограде исполняет важнейшую роль по сравнению с Временным правительством, и может его в каждую минуту свергнуть [см.: 24, с. 529–530].

Часть польских организаций и собраний высылала поздравительные телеграммы как Временному правительству, так и Совету рабочих и солдатских делегатов в Петрограде. Так поступило, между прочим, вече рабочих в Минске [см.: 25]. Петроградский Совет депутатов разрешил также 18 марта 1917 года собрание «польского работающего люда» в Москве [см.: 16]. Польский демократический комитет в Петрограде 23 марта 1917 года в ответ на предложение Яна Домбровского и Мицкевича постановил поддерживать отношения с Советом рабочих и солдатских депутатов посредством делегирования своих представителей [12, ф. 5122, оп. 1, д. 182, л. 8]. В марте того же года Александр Бабянский и Стефан Мицкевич в Совете рабочих и солдатских депутатов в Петрограде выступили со следующим заявлением: польские демократические группы шлют поздравления рождающейся демократической России [см.: 8].

Следующим важным событием первого периода революции стало издание Временным правительством «Воззвания к полякам» [12, ф. 1779, оп. 2, д. 1, л. 51–52]. В нем, среди прочего, говорилось, что предпосылкой твердого мира в будущей России будет создание независимого Польского государства на базе всех земель, населенных в большинстве своем польским народом, строй которого должны определить сами поляки, но им должен быть навязан свободный военный союз с Россией. Его надлежало утвердить российским Учредительным собранием, которое должно определить и границы между Россией и Польшей [см.: 22, с. 95]. Внимания также заслуживает и тот факт, что акт российского правительства не имел де-факто ранг манифеста, оглашающего окончательное

решение властей. Воззвание в своем основании являлось лишь декларацией о намерениях. Однако оно везде трактовалось как принципиальное заявление российского правительства [см.: 26, с. 95].

«Воззвание к полякам» практически все польские политические группы восприняли с радостью. Об этом свидетельствовало, между прочим, совместное заявление представителей разных групп польской общественности в России. 30 марта 1917 года к премьеру Г. Львову пришли, чтобы выразить ему благодарность за признание права Польши на суверенность: бискуп Я. Цепляк – от имени римско-католического духовенства, А. Ледницкий – от Польского демократического комитета в Петрограде, Зигмунт Велопольский – от Национального комитета, Эдвард Пашковский – от Польского исполнительного комитета на Руси, Игнаций Шебеко – от польских делегатов в российском парламенте и Станислав Грабский – от поляков в Галиции. Шебеко в своем выступлении выразил одновременно надежду, что два народа, т. е. польский и российский, будут жить рядом друг с другом, как свободный со свободным, как равный с равным [см.: 27; 24, с. 29]. Как видно по составу делегации, это был редкий момент в период российской революции, когда делегаты национальных и демократических групп выступили совместно, хотя не обошлось и без потасовки при формировании очередности вхождения в кабинет премьера и оглашения выступлений [см.: 22, с. 318–319].

Благодарности Временному правительству направили также другие организации. Среди них был Национальный клуб в Петрограде, который 31 марта 1917 года направил телеграмму российскому премьеру [см.: 28]. В тот же день Исполнительный комитет собрания польских общественных организаций в Киеве отправился к Исполнительному комитету, представляющему Временное правительство в этом городе, с целью выражения своего признания в связи с публикацией воззвания по польскому вопросу. Руководитель делегации Й. Бартошевич в то же время продекларировал поддержку новой российской власти, говоря, что Россия таким путем искупила то, что мешало развитию польско-российских отношений. Далее Михал Станислав Коссаковский от имени поляков в Королевстве Польском, которые принадлежали к Центральному обыватель-

скому комитету (далее ЦОК) сказал, между прочим, о светлом будущем наших народов, объединенных братской любовью и взаимным уважением [см.: 27; 29, с 73]. Главный комитет ЦОК в связи с выходом «Воззвания к полякам» издал специальный циркуляр. В нем не только приветствовалось решение российского правительства по польскому вопросу, но также содержался призыв к организации манифестаций поддержки, целью которых было бы одновременное усиление среди поляков «духа Польши» как идеи независимого и свободного бытия, а не только земли-кормилицы [см.: 30].

Особенно сильные сомнения у польских национальных публицистов вызывал вопрос о военном соглашении и влиянии российского Учредительного собрания на будущий строй Польши. Они задавались вопросом: что произойдет, если Польша не захочет подписать военное соглашение с Россией? Не захотят ли россияне отодвинуть границы Польши как можно дальше на запад? [см.: 31, с. 89–90]. «Ежедневник Польский», в свою очередь, обращал внимание на непоследовательность российской интерпретации способов определения границы возрожденной Польши. В ответе на предложения газеты «День» о проведении плебисцитов в Восточной Пруссии и Силезии польская газета ставила вопрос: почему не определить тот же самый способ установления восточных границ будущей Польши [см.: 30].

Смена строя, к сожалению, несла с собой не только надежды на лучшие времена для польского дела, но также и много страхов о будущем. Среди поляков в России начал возникать вопрос: смогут ли россияне использовать добытую свободу? 15 марта 1917 года Александр Ледницкий, как председатель Совета съездов польских организаций помощи жертвам войны, издал воззвание, призывающее к внесению в свое окружение элементов спокойствия и рассудка, с тем чтобы поляки, как он образно выразился, как маленький кораблик, не потерпели крушение в разбушевавшемся российском море [см.: 32]. В свою очередь, Йоахим Волошиновский в «Ежедневнике Киевском» поднимал вопрос: не захлебнется ли российский народ революцией и не утратит ли цели [см.: 33]. 5 апреля 1917 года Владислав Глинка даже высказал предположение, что революция – начало распада Российского государства [см.: 34, с. 201].

Больше всего страхов переживали национально-демократические политики. Об этом свидетельствуют их записи, воспоминания, а также выступления в прессе. Юзеф Кожуховский в то время писал в своем дневнике о раздвоении российской мысли на сторонников интересов государства и интересов самой революции, что привело к расколу общества. Отдельные общественные группы начали ставить перед государством далеко идущие, часто абсурдные требования. Так, например, солдаты потребовали отпусков во время войны [см.: 23, с. 2]. Из воспоминаний Мечислава, сына Яна Гарусевича, его отец принял взрыв Февральской революции со страхом относительно того, смогут ли россияне найти выражение своей революционной энергии в позитивных формах. Он также надеялся, что Россия сохранит боеспособность и будет сражаться на фронте до времени победы коалиции над немцами [см.: 35, с. 201]. Последующие месяцы начали показывать, что страхи о будущем имели свое основание [см.: 36, с. 83–90]. В армии происходило моральное разложение, везде появились агитаторы, призывающие к бунту против власти и дворян [см.: 37, с. 445]. Многочисленные революционные комитеты стали источником расширяющейся анархии. В связи с этим одной из главных проблем, стоявших перед элитой польского общества в Белоруссии, стала волна беспорядков в деревне. Уже с лета 1917 года было положено начало погромам дворянских поместий. Крестьяне начали отбирать «панскую землю» [см.: 38, с. 185–186].

Февральская революция поставила на повестку дня вопрос о дальнейшем участии России в войне. Уже в первые дни после свержения царизма многие польские журналисты опубликовали статьи на эту тему. Винсент Чризмовский в минском «Новом курьере литовском» в статье под названием «Что будет дальше?» ставил вопрос: захочет ли усталый народ после переворота и дальше участвовать в этой долгой и тяжелой войне? Какие она будет иметь цели? Автор надеялся, что Россия будет воевать дальше, так как победа Германии будет означать возврат свергнутого строя [см.: 39]. В «Газете Польской» 15 марта 1917 года выражалась надежда, что благодаря изменению власти в России война будет продолжаться

до полной победы, что обеспечит не только объединение польских земель, но и возврат независимости [см.: 8].

Подводя итоги, следует отметить, что Февральскую революцию 1917 года в России большинство поляков приняло с неподдельной радостью. Она пробудила их надежды на возрождение независимости, что подтверждали первые шаги новых властей. Однако одновременно поляков все больше беспокоила возрастающая анархизация российской жизни, которая, между прочим, несла опасность выхода России из войны, а тем самым победы в ней Германии, что большинством поляков рассматривалось как возможное поражение польского дела.

-
1. *Pamiętnik* // Biblioteka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. 807. [NN].
 2. *Dziennik Petrogradzki*. 1917. 11–24.03.
 3. *Echo Polskie*. 1917. 7–20.03.
 4. *Echo Polskie*. 1917. 17–30.03.
 5. *Dziennik Kijowski*. 1917. 15–28.03.
 6. *Pawlikowski M.* Wspomnienia z I wojny światowej 1914–1918 // Biblioteka Narodowa PAU i PAN w Krakowie. Д. 7855.
 7. *Echo Polskie*. 1917. 2–15.03.
 8. *Gazeta Polska*. 1917. 2–15.03.
 9. *Dziennik Polski*. 1917. 8–21.03.
 10. *Gazeta Polska*. 1917. 9–22.03.
 11. *Archiwum Akt Nowych w Warszawie*. Ф. Organizacje Polskie w Rosji. Д. 37.
 12. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*.
 13. *Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie*. Ф. Formacje Wschodnie. Д. I.400.2301.
 14. *Kłosa* Українське. 1917. 15.03.
 15. *Dziennik Kijowski*. 1917. 13–26.03.
 16. *Echo Polskie*. 1917. 6–19.03.
 17. *Echo Polskie*. 1917. 11–24.03.
 18. *Gazeta Polska*. 1917. 8–21.03.
 19. *Dziennik Petrogradzki*. 1917. 10–23.03.
 20. *Echo Polskie*. 1917. 4–17.03.
 21. *Archiwum Akt Nowych w Warszawie*. Ф. Organizacje Polskie w Rosji. Д. 22.

22. *Kozicki S.* Pamiętnik 1876–1939. Słupsk, 2009.
23. *Kożuchowski J.* Dziennik z lat 1914–1920 // Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Д. rkp. 1732/IV.
24. *Romer E.* Dziennik 1914–1918. W-wa, 1995. T. 1.
25. Nowy Kurier Litewski. 1917. 11–24.03.
26. *Achmatowicz A.* Akty rosyjskie z marca 1917 roku dotyczące Polski // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. 1986. T. 22. S. 65–100.
27. *Dziennik Kijowski.* 1917. 16–29.03.
28. *Dziennik Polski.* 1917. 21.03–3.04.
29. *Białokur M.* Myśl społeczno-polityczna Joachima Bartoszewicza. Toruń, 2005.
30. *Dziennik Polski.* 1917. 19.03–1.04.
31. *Матвеев Г. Ф.* Февральская революция в России и польский вопрос // Революционная Россия 1917 г. и польский вопрос: Новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 85–92.
32. *Dziennik Petrogradzki.* 1917. 8–21.03.
33. *Dziennik Kijowski.* 1917. 6–19.03.
34. *Glinka W.* Pamiętnik wielkiej wojny. T. 2. Cz. 3. W-wa, 1927.
35. *Harusewicz M.* Za carskich czasów i po wyzwoleniu. Londyn, 1975.
36. *Rappaport B.* Carat i rewolucja (trzy lata za frontem rosyjskim). W-wa, 1919.
37. *Kieniewicz A.* Nad Prypecią dawno temu... Wspomnienia zamierzchłej przeszłości. Wrocław, 1989.
38. *Tarasiuk D.* Polski obóz narodowy w Rosji w latach 1917–1918. Lublin, 2014.
39. Nowy Kurier Litewski. 1917. 16–29.03.

УДК 94(477.75).084.3 + 929(47)''19''

А. В. Шаманаев

«НАШ ДОМ ОЧУТИЛСЯ
В ЗОНЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»
(Н. П. Кондаков о жизни Ялты зимой 1917/18 года)

Автор рассматривает обстоятельства жизни Никодима Павловича Кондакова в Ялте зимой 1917/18 года. Исследование выполнено на основе архивного документа из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Письмо Н. П. Кондакова к Б. В. Фармаковскому содержит описание военных действий между силами Черноморского флота и Штаба крымских войск в январе 1918 года, бытовые подробности, сведения о научных трудах Н. П. Кондакова. Автор полагает, что события января 1918 года стали одним из факторов, повлиявших на решение Н. П. Кондакова эмигрировать из России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Революция 1917 года в России, Гражданская война, Крым, Кондаков Никодим Павлович, Фармаковский Борис Владимирович.

Революционные события 1917 года сломали не только существовавший строй, но и привычный уклад жизни всех слоев населения огромной, казавшейся незыблемой империи. Среди источников этого времени особое место занимают материалы личного происхождения – мемуары, дневники, письма. В них отразилось персональное восприятие происходившего, чувства и переживания участников грандиозных трансформаций политического, социального, экономического и культурного характера. Эти документы часто содержат информацию, позволяющую осуществлять исследования в сфере «истории повседневности», популярного в настоящее время направления, дающего возможность представить быденную жизнь людей, оказавшихся вовлеченными в ход событий глобального характера [см.: 1, с. 199–200].

В Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) сохранилось письмо Н. П. Кондакова из Ялты к Б. В. Фармаковскому, датированное 28 января 1918 года [см.: 2, л. 1–2 об.]. Небольшой по объему (2 рукописные страницы) эпистолярный памятник содержит ценные сведения о жизни ученого в Крыму зимой

1917/18 года, его попытках продолжить научные исследования и сохранить связи с коллегами.

Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – один из выдающихся представителей российской науки второй половины XIX – начала XX века [см.: 3; 4; 5]. В сфере научных интересов Н. П. Кондакова были вопросы истории и теории искусства, археологии, музейного дела. Он преподавал в Новороссийском (1869–1887), Санкт-Петербургском (1888–1897) и Карловом (1922–1925) университетах, исполнял обязанности младшего члена Императорской Археологической комиссии (1876–1891), старшего хранителя Отделения искусства средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа (1888–1893), помощника председателя (1916–1918) и председателя (1918–1922) Русского археологического общества в Санкт-Петербурге (далее РАО). Никодим Павлович состоял членом-корреспондентом (1892) и действительным членом (1898) Императорской Академии наук, действительным членом Императорской Академии художеств (1893), действительным и почетным членом многочисленных отечественных и зарубежных научных организаций и учреждений [см.: 6, с. 93–103; 7, с. 641–657; 8, с. 264–269]. В 1870–1890-х годах Н. П. Кондаков занимался археологическими раскопками памятников Крыма (Керчь, Феодосия, Евпатория, Севастополь), Таманского полуострова и Кубани [см.: 9, с. 57–61; 10, с. 46–47; 11, с. 525–530].

Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928) представляет другое поколение российских археологов XIX – начала XX века. Высшее образование он получил на историко-филологическом факультете Новороссийского университета в Одессе в 1887–1892 году (Н. П. Кондаков в это время уже переехал в Санкт-Петербург). В 1894–1897 годах Б. В. Фармаковский стажировался за границей, посетил Германию, Францию, Италию, Англию, Грецию, Турцию [см.: 12, с. 5–7]. В 1898–1901 годах Борис Владимирович исполнял обязанности ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе, единственного российского учреждения такого рода [см.: 13, с. 92–97]. Б. В. Фармаковский начал систематические исследования Ольвии (1896, 1901–1915, 1924–1926), проводил раскопки в Таврической губернии, Киеве, был членом

Императорской Археологической комиссии (1901–1918) [см.: 14, с. 8–13; 15, с. 504–521].

В Советской России Б. В. Фармаковский стал одним из создателей Российской академии истории материальной культуры (1919, с 1926 – Государственная академия истории материальной культуры), ученым секретарем (1919–1928), товарищем председателя (1920–1928) этого учреждения. Кроме того, Б. В. Фармаковский был ученым секретарем Академии наук (1921–1928), хранителем Государственного Эрмитажа (1924–1928). С 1905 года он вел активную преподавательскую деятельность в Санкт-Петербургском (позже Петроградском) университете, Высших женских курсах, Петроградском археологическом институте [см.: 12, с. 6–7].

Б. В. Фармаковский, как и Н. П. Кондаков, был действительным и почетным членом многих российских и иностранных учреждений и обществ. Кроме того, в 1906–1919 годах он выполнял обязанности секретаря Русского археологического общества. По мнению Л. С. Клейна, Б. В. Фармаковский является основателем современного археологического антиковедения в России [см.: 16, с. 48]. Биографы ученого обращают внимание на тот факт, что в детские годы, частично проведенные в Симбирске, Борис Фармаковский дружил с юным Владимиром Ульяновым [см.: Там же, с. 49–50; 17, с. 3].

Б. В. Фармаковский был одним из немногих российских ученых, нашедших свое место в новой, Советской, России, сохранивших высокий социальный статус и получивших возможность для продолжения активной научной работы. Никодим Павлович Кондаков разделил судьбу эмигрантов, потерявших состояние, архивы, библиотеки, коллекции, вынужденных заново устраивать жизнь в другой стране.

Н. П. Кондаков жил в Ялте с осени 1917 до осени 1918 года. Здесь он размещался на даче, некогда принадлежавшей его старшему брату Михаилу Павловичу Кондакову (1843–1888). Дом был расположен недалеко от набережной (ул. Церковная, 2; сейчас – ул. Л. Толстого). На Южный берег Крыма ученый прибыл 14 октября 1917 года в сопровождении секретаря и помощницы Екатерины Николаевны Яценко (1890–?). Отсюда они отбыли в Одессу 9 сентября 1918 года [см.: 18, с. 85, 115].

И. В. Тункина установила, что еще в декабре 1917 года Н. П. Кондаков рассматривал возможность отъезда из России [см.: 18, с. 73]. Судя по всему, события зимы 1917/18 года, развернувшиеся в Крыму, способствовали принятию им окончательного решения об эмиграции.

Никодим Павлович начал письмо Борису Владимировичу с рассказа о том, что происходило в Ялте в середине января 1918 года: «С 8 по 17 нельзя было выйти из дому», который оказался “в самой серединевилки обстрела, как артиллерийского, так и ружейного, деревень Дерекой и Никиты, и кладбища”» [2, л. 1]. Нужно отметить, что в январе 1918 года Крым стал ареной кровавых столкновений, вызванных стремлением большевиков, опиравшихся на силы Черноморского флота, установить политический и административный контроль на полуострове, находившемся под властью Таврического губернского совета народных представителей (основной военный ресурс – вооруженные отряды Штаба крымских войск) [см.: 19, с. 82–83].

В Ялте и ее окрестностях пик военных действий пришелся на 9–15 января 1918 года. Город подвергся обстрелу артиллерии военных кораблей «Гаджибей», «Керчь», «Дионисий». На берегу матросы вели бои с «эскадронцами» (полки Штаба крымских войск, сформированные из местных татар). Одной из точек сопротивления большевикам была дер. Никита (в нескольких километрах к северо-востоку от Ялты, сейчас – пгт. Никита), испытывавшая огонь корабельной артиллерии [см.: Там же, с. 94]. Н. П. Кондаков упомянул и обстрел дер. Дерекой (позже с. Ущельное, сейчас – в составе г. Ялты) [см.: 2, л. 1].

В результате боев серьезный урон был нанесен жилым кварталам Ялты и туристической инфраструктуре города. Так, Никодим Павлович сообщил о разрушениях гостиниц первого разряда, находившихся на набережной или в непосредственной близости от нее: «Россия», «Вилла Елена», «Ореанда», «Петроградская» (бывшая «Санкт-Петербургская»), а также частных дач «Мордвинова, Барятинской и пр.<очие>» [2, л. 1об.].

Одним из последствий победы большевиков в Ялте стали расстрелы офицеров, гражданского населения, происходившие на городском молу (расположен недалеко от дачи Н. П. Кондакова). Точное

число жертв террора не установлено, в источниках называются цифры от 80 до 200 человек [см.: 19, с. 94]. Не избежал внимания представителей новой власти и дом Н. П. Кондакова: «Был обыск, кончился благополучно, забрали два бинокля», кроме того, историк был вынужден присоединиться к «обязательной подписке по 20-миллионному займу» [2, л. 1 об.]. Никодим Павлович и его близкие испытали и бытовые неудобства: «Базары были закрыты. Потребляли запасы» [Там же, л. 1 об.]. Тем не менее, обитателям дачи удалось сохранить жизнь, и Н. П. Кондаков включил в текст письма красноречивую фразу: «хотя наш дом очутился в зоне военных действий... все же мы остались целы» [Там же, л. 1–1 об.].

Необходимо отметить, что пожилой ученый (в начале 1818 г. Н. П. Кондакову было за 70 лет) в условиях революционных потрясений и кровавых событий начала Гражданской войны сохранил интерес к научной жизни, продолжал исследования и планировал новую экспедицию. В 1917–1918 годах Русское археологическое общество вело буквально борьбу за выживание, лишившись государственной поддержки, финансирования, части активных сотрудников. Н. П. Кондаков, занимавший в 1916–1917 годах пост товарища председателя РАО, был избран председателем вместо великого князя Георгия Михайловича (1863–1919, расстрелян в Петропавловской крепости вместе с еще тремя представителями императорской фамилии). Обязанности товарища председателя были возложены на известного антиковеда М. И. Ростовцева (1870–1952), должность секретаря общества продолжал исполнять Б. В. Фармаковский [см.: 20, с. 217–218].

Н. П. Кондаков в письме от 28 января 1918 года счел нужным поблагодарить коллег за избрание, проявил интерес к деятельности РАО: «Прошу Вас передать Русскому Археологическому Обществу мою глубокую благодарность за высокую честь, мне оказанную. Желал бы послужить Обществу деятельным участием в его начинаниях. Напишите, пожалуйста, как протекала эту зиму деятельность общества и какие были доклады. Был ли Ваш 2-й доклад? Когда будет годовое общее собрание?» [2, л. 2]. К сожалению, как отметила И. В. Тункина, в 1917–1919 годах РАО «медленно умирало», общие собрания не проводились, некоторую активность

сохраняло только Восточное отделение [20, с. 218]. Никодима Павловича интересовало и назначение нового главы классического отделения РАО: «Кто же председатель Класс.<ического> Отд. <еле-ния> Общества – нам не написали» (с 1916 г. – М. И. Ростовцев) [2, л. 2 об.]. Беспокоил ученого вопрос о назначении товарища председателя РАО: «при случае поклонитесь от меня М. И. Ростовцеву, которого я с великою радостью вижу помощником председа-теля» [Там же, л. 2 об.].

Н. П. Кондаков попросил Б. В. Фармаковского передать при-веты «С. А. Жебелеву, Я. И. Смирнову, Н. Я. Марру, Б. А. Тураеву и др.<угим>, кого увидите из наших» [Там же, л. 2 об.]. Названные Никодимом Павловичем исследователи имели разные судьбы. Михаил Иванович Ростовцев в июне 1918 года выехал в научную ко-мандировку в Европу, но в Советскую Россию не вернулся, в авгу-сте 1920 года он перебрался в США, где преподавал в Висконсин-ском и Йельском университетах [см.: 21, с. 124–144; 22, с. 145–184]. Сергей Александрович Жебелев, антиковед, археолог, остался на Ро-дине, вел научную и преподавательскую работу, умер в блокадном Ленинграде в декабре 1941 года [см.: 23, с. 139–140]. Николай Яков-левич Марр (1865–1934), востоковед, археолог, филолог, академик, создатель одиозной «яфетической теории». В СССР достиг всех воз-можных для научной интеллигенции административных, матери-альных вершин и почестей, его похороны по организации и разма-ху были сопоставимы с траурными церемониями высших партий-ных и государственных деятелей [см.: 16, с. 97–122]. Яков Иванович Смирнов (1869–1918), археолог, историк искусства, академик, скон-чался в октябре 1918 года в Петрограде от «испанки» [см.: 24, с. 1–18]. Борис Александрович Тураев (1868–1920), историк, египтолог, ака-демик, умер в июле 1920 года от дизентерии (по другой версии – от саркомы) [см.: 25, с. 101–138].

О собственных научных исследованиях в Ялте 1917/18 года Н. П. Кондаков сообщал Б. В. Фармаковскому: «Сам я все время, и мирное и военное, сидел пока за работою по Русской иконопи-си. Уже мною написано два больших тома, около 60 печ.<атных> листов, но еще не кончена Московская иконопись XVII ст.<оле-тия>, и для ее окончания надо ехать на 3–4 месяца по городам»

[2, л. 1об.-2]. Судя по всему, речь шла о фундаментальном труде Н. П. Кондакова «Русская икона». Организовать поездку для изучения церковной живописи в условиях Гражданской войны Никодиму Павловичу, конечно, не удалось [см.: 18, с. 74]. Рукопись была вывезена ученым за границу и закончена в 1924 году. Напечатать ее удалось только после смерти Н. П. Кондакова, когда Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики приобрело права на издание и опубликовало 4 тома текста и иллюстраций в 1928–1933 годах [см.: 26, с. 354–356].

Через два года после написания письма Б. В. Фармаковскому из Ялты Никодим Павлович Кондаков навсегда покинул Россию. 24 января (6 февраля) 1920 года в каюте французского парохода, отправившегося из Одессы в Стамбул, разместились великий русский византинист, его секретарь Е. Н. Яценко, а также выдающийся русский писатель Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) с супругой Верой Николаевной Муромцевой-Буниной (1881–1961) [см.: 18, с. 149, прим. 152]. Вероятно, окончательное решение оставить родину Н. П. Кондаков принял уже в Одессе. Можно предположить, что впервые мысль об эмиграции посетила ученого зимой 1918 года в результате событий, отраженных им в письме к коллеге. Не исключено, что особая острота восприятия историком кровавых столкновений января 1918 года была обусловлена контрастом с жизнью дореволюционной Ялты – престижного и внешне благополучного курорта Российской империи.

1. Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010.

2. РГИА. Ф. 1073 (Фармаковские В. И. и Б. В.). Оп. 1. Д. 240. Л. 1–2 об.

3. Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / сост. И. Л. Кызласова. М., 2002.

4. Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925: личность, научное наследие, архив: к 150-летию со дня рождения / ред. Е. Н. Петрова. СПб., 2001.

5. Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / сост. И. Л. Кызласова. М., 2004.

6. *Тункина И. В.* Н. П. Кондаков : обзор личного фонда // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге / под ред. И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 93–103.

7. *Тункина И. В.* Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики : материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С. 641–657.

8. *Непомнящий А. А.* Историчне кримовазство (кінець XVIII – початок XX століття) : Біобібліогр. дослідження. Сімферополь, 2003. С. 264–269.

9. *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете : историогр. очерки. СПб., 2003.

10. *Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л.* Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. В. Носова. СПб., 2009. С. 21–247.

11. *Стоянов Р. В.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. В. Носова. СПб., 2009. С. 522–555.

12. *Карасев А. Н.* Борис Владимирович Фармаковский // Краткие сообщения Института археологии. 1948. Вып. 22. С. 5–7.

13. *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе : очерки истории. СПб., 1999.

14. *Блаватский В. Д.* Б. В. Фармаковский – исследователь античного мира // Краткие сообщения Института археологии. 1948. Вып. 22. С. 8–13.

15. *Виноградов Ю. А., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая Комиссия и исследования древней Ольвии // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917) : К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / науч. ред.-сост. А. Е. Мусин ; под общ. ред. Е. В. Носова. СПб., 2009. С. 487–521.

16. *Клейн Л. С.* История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2: Археология советской эпохи. СПб., 2014.

17. *Кругликова И. Т.* К столетию со дня рождения Бориса Владимировича Фармаковского // Совет. археология. 1970. № 1. С. 3–8.

18. *Варнеке Б. В.* Материалы для биографии Н. П. Кондакова / публ. И. В. Тункиной // Диаспора. Новые материалы. СПб., 2002. Вып. 4. С. 72–700.

19. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. 1918 год в Крыму: большевики приходят к власти // Ист. наследие Крыма. 2006. № 16. С. 82–119.
20. Тункина И. В. Последнее десятилетие Русского археологического общества (1914–1924) // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситди-ков. Казань, 2015. Т. 5. С. 216–219.
21. Бонгард-Левин Г. М. Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 124–144.
22. Бонгард-Левин Г. М. М. И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 145–184.
23. Тункина И. В. К публикации неизданного очерка С. А. Жебелева «Археология и общая история искусства» // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΟΝ: Антико-ведческо-историогр. сб. памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–1940) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2007. С. 139–140.
24. Жебелев С. А. [Некролог] Яков Иванович Смирнов // Seminarium Kondokovianum. Прага, 1928. Вып. 2. С. 1–18.
25. Бутякова Т. А., Вербовский М. Н. Борис Александрович Тураев – служение науке и церкви // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 101–138.
26. Тункина И. В. Трагическая судьба третьего тома «Иконографии Богоматери» академика Н. П. Кондакова // Античная древность и средние века / под ред. А. С. Мохова. Екатеринбург, 2013. Вып. 41. С. 354–364.

УДК 94(47).084.3

В. А. Бабинцев, Ю. М. Галкина

«ДЕКРЕТ О МИРЕ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ В ВОСПРИЯТИИ СОТРУДНИКОВ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В РОССИИ

В данной статье авторы рассматривают взгляды руководителей французской военной миссии на ключевые события российской истории 1917/18 годов («Декрет о мире», заключение Брест-Литовского мира, возможности сотрудничества с властью Советов, отношение к национальному вопросу). Исследование основано на документах Исторической службы Министерства обороны Франции и архива МИД Франции и доказывает закономерность неспособности Третьей республики восстановить Восточный фронт против Центральных держав и наладить эффективное взаимодействие с новой российской властью, поскольку русско-французские отношения имели свой предел, очерченный негативным отношением к большевикам и своеобразием политической ситуации в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: французская военная миссия, Первая мировая война, Ниссель, Лаверьн, Брестский мир.

Глава французской миссии в России генерал Жанен, уезжая из России 26 октября (8 ноября) 1917 года, в день принятия «Декрета о мире», отметил в своем дневнике: «Россия нам больше не союзник» [1, р. 242]. Период между Революцией и заключением мира в Бресте был, своего рода, «моментом истины» для русско-французских отношений. В странах Антанты события Октября 1917 года были восприняты негативно, вместе с тем доминировала уверенность в том, что большевики обязаны своей победой лишь случайному стечению обстоятельств и в обозримом будущем лишатся власти [см.: 2, с. 21–22]. Документы французской военной миссии многократно подтверждают это. Генерал Ниссель¹, один из руководителей миссии, в начале февраля 1918 года обращал внимание на то, что «Большевики – это интернационалисты, идеалисты и фанатики, с которыми мы не можем найти согласия <...> мы можем

¹ Генерал Ниссель являлся главой французской военной миссии с августа 1917 года по май 1918 года.

оказывать им поддержку в предвидении возобновления военных действий только с величайшей осторожностью» [3, р. 1]; Генерал Лавернь² акцентировал внимание французского руководства на том, что «Власть поддерживается только террором и слабостью противников» [4, р. 1], а посол Нуланс в апреле 1918 года телеграфировал в МИД мнение французского представительства в Москве: «У большевиков безнадежная ситуация. Их режиму осталось 3 недели, максимум месяц жизни» [5, р. 86].

Несмотря на то, что, по свидетельству Троцкого, связей с французским посольством после Октября установлено не было [см.: 6, л. 2], признаки взаимодействия между военными представителями Франции и Советской Россией все же имелись. В частности, в распоряжение народного комиссара по военным делам регулярно поступали сводки о расположении германских частей [см.: 7], в середине октября 1917 года в Россию отправились французские картографы [см.: 8, р. 16], продолжала работу военно-техническая миссия [см.: 9, л. 437–437 а], и т. д.

Представляется сомнительным, что именно Брест-Литовский мир как естественное продолжение «Декрета о мире» стал «точкой невозврата» для отношений России и стран согласия. По мнению исследователя С. С. Поповой, еще до падения Временного правительства сотрудники 2-го бюро Генштаба Франции целенаправленно искали доказательства связи большевиков с немцами, стремясь уличить первых в предательстве интересов союзников, зачастую не брезгуя фальсификациями [см.: 10].

Политические круги Антанты, обеспокоенные тем, что Брестский мир облегчал положение Германии на Востоке и высвобождал военные контингенты для переброски их на Западный фронт, стремились срочно вмешаться в ситуацию, вернуть Россию в старое русло. В исследованиях отмечается точка зрения профессора академии Генштаба В. Ф. Новицкого о том, что значение высвобожденных с русского фронта войск сильно преувеличено и коренным образом не меняло ситуацию на Западе; более того, переброска

² Генерал Лавернь являлся главой французской военной миссии с мая 1918 года по октябрь 1918 года.

началась задолго до Бреста, когда обнаружили первые признаки разложения армии [см.: 2, с. 87–88]. Однако труд Новицкого вышел в 1922 году и представлял собой анализ ситуации постфактум. В условиях проблем с поддержанием дисциплины во французской армии, а также «весеннего наступления» любое потенциальное усиление немцев вызывало серьезную тревогу.

Одним из путей разрешения сложившейся ситуации, по мнению союзников, была «быстрая и решительная» интервенция с участием Японии. Несмотря на то, что проект интервенции был воспринят французскими военными благосклонно (и они настаивали на его скорейшей реализации), отношение к большевизму не было определяющим их *mode d'emploi*. Генерал Ниссель после заключения Брестского мира сделался непримиримым по отношению к советскому правительству и считал интервенцию единственно верным решением: «...сами по себе отрицающие идею Отечества, имя которого они не желают произносить, измучив население своими насилиями и беспорядком и основывая свою программу на отказе сражаться, они неспособны сплотить защитников против кого бы то ни было, пытающегося принести порядок в Россию» [11]. Более того, он полагал, что союзная интервенция в Сибири встретит горячую поддержку местного населения, «а если союзники позаботятся заявить о своем намерении уважать целостность русской территории, то он [русский народ] будет рассматривать их не как враждебных завоевателей, а как реставраторов порядка» [Там же]. Генерал Лавернь, несмотря на большую сдержанность в оценке влияния большевиков, старался подчеркнуть шаткость их положения, приводя статистические данные о том, что поддержка большевиков в Москве не столь разительно превосходит симпатии населения к анархистам, монархистам или эсерам. Во всяком случае, Лавернь полагает и то, что удаление большевиков из политического поля не гарантирует мгновенного обретения контроля над ситуацией: «...только правые эсеры типа Савинкова видят интерес России в продолжении войны, в согласии с союзниками» [4, р. 3].

Несмотря на то, что Лавернь стремился более трезво взглянуть на ситуацию, переоценивать его желание сотрудничать с больше-

виками не стоит: как человек, верный служебному долгу, он следовал в русле тех внешнеполитических ориентиров, что задавал Клемансо, и, несмотря на стремление объективно и с пониманием отнестись к ситуации в России, был обвинен Дзержинским в шпионаже и борьбе против Советской Республики [см.: 12, л. 1]. Вероятно, «компромиссный настрой» Лаверня был продиктован опытом работы в России: сотрудники военной миссии, в течение военных лет действовавшие в рамках коалиционной стратегии, являвшиеся связующим звеном между генеральными штабами двух стран, были больше склонны к поиску взаимоприемлемого решения проблемы, хотя бы в виду некоторой инерции межсоюзнического взаимодействия, в отличие от сотрудников дипломатического корпуса, которые руководствовались, скорее, политическими и идеологическими императивами.

Проблема восстановления Восточного фронта, стремление решить ее «малой кровью» вызвали к жизни ряд инициатив. Одной из них стал проект организации Красной армии с привлечением помощи военных специалистов Франции. В число этих специалистов должны были входить в том числе сотрудники французской военной миссии [см.: 4, р. 6]. 21 марта 1918 года консул Гренар телеграфировал в МИД о том, что Троцкий официально запросил содействия Франции с целью реорганизации русской армии, и что генерал Лавернь эту просьбу «в сущности, принял» [13]. В коммюнике Нисселя было уточнено, что речь шла о привлечении 35 офицеров [см.: 14, р. 32]. Лавернь понял эту ситуацию так: если большевистское правительство хочет создать армию, то можно ли из этого вывести, что оно решило воевать [с Германией]? [см.: 4, р. 3]. С ним был категорически не согласен офицер разведки капитан Пьер Лоран, направленный Военным министерством в начале 1917 года в Россию для организации разведслужбы, полагавший, что большевикам армия нужна только для борьбы с внутренним врагом [см.: 15, р. 53].

К лету 1918 года Лавернь окончательно актуализирует идею интервенции – для него она является прежде всего военной, и уже во вторую очередь политической или идеологической необходимостью: «Германия опирается на военную силу, и поэтому ее

требованиям уступают», «Запросы союзников без конца сталкиваются с проволочками». Тот факт, что революция совершалась против идеи войны вообще, что страна находится в состоянии хаоса, не оставляет шанса на успешную попытку какой-либо из политически активных сторон создать хорошо организованную вооруженную силу для сопротивления Германии, но зато показывает положение большевиков как шаткое [см.: 4]. Это демонстрировало существенные сложности в деле реорганизации русских частей, интервенция становилась привлекательной акцией в глазах сотрудников французской военной миссии.

Проект реорганизации русской армии был заблокирован прежде всего самим французским руководством, которое отнеслось к нему весьма настороженно в силу того, что «большевики будут использовать военную силу для распространения революции, в том числе и в Европе», а также, возможно, нанесут вред японской интервенции [см.: 16, р. 57].

Представляется вероятным, что организация частей Красной армии при участии французов была обречена на провал – политический истеблишмент Франции и лично Жорж Клемансо, известный своим непримиримым отношением к большевикам, ориентировали Третью республику и весь дипломатический аппарат на территории молодой Советской Республики на поддержку идеи интервенции и разыгрывание национальной карты. Вопрос о положении национальностей в целом стоял на повестке дня во Французском государстве и активно продвигался депутатом от радикал-социалистов, создателем «Бюро национальностей» (1918) Франклином Буйоном, который полагал, что союзная интервенция не восстановит прежней России, но окажет существенную поддержку национальностям [см.: 17, р. 267], которые мыслились французским руководством в рамках теории «четырёх столпов» (Польша, Румыния, Югославия, Чехословакия) как заслон против немцев после краха Восточного фронта [см.: 17, р. 261–262]. Особенно ярко национальный дискурс проявился в рапортах Нисселя – по всей видимости, он был чрезвычайно уязвлен отношением к национальным контингентам и регулярно ставил это «плохое отношение» в вину большевикам. В связи с этим обращает на себя внимание составленная

генералом Нисселем «Программа французского влияния» в России, согласно которой военная и политическая пропаганда Франции была обращена, в первую очередь, к полякам, украинцам, чехам, сербам и др. Целью этой программы стало создание боеспособных национальных частей, оснащение их необходимыми вооружениями и продовольствием, а также поддержание их боевого духа и национальной сплоченности [18].

После подписания Брестского мирного договора большая часть французской военной миссии покинула Россию, включая генерала Нисселя [см.: 19, с. 41], однако в России оставался Лавернь, в полном составе работал отдел пропаганды под руководством Швейи, французские представители находились при национальных частях, продолжил работу консульский аппарат. Разумеется, этот персонал уже был далек от поиска *modus vivendi* с большевиками – он являлся проводником антибольшевистской политики, вел разведку и занимался подготовкой интервенции.

-
1. *Janin M.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris, 2015.
 2. *Быстрова Н. Е.* «Русский вопрос» в 1917 – начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М., 2016.
 3. *Rapport № 10 du Général Niessel du 2 Fevrier 1918 (resume) // Service historique de la Défense, Terre (SHD/T) 6 N 224.*
 4. *Le Général Lavergne, Chef de la Mission militaire française en Russie à Monsieur le President du Conseil, Ministre de la Guerre (29 mars 1918) // SHD/T 7 N 761.*
 5. *Telegramme de Noulens (Vologda, 14 avril 1918) // AMAE, SG. Dossier 670.*
 6. *Ответ Л. Д. Троцкого на почтотелеграмму Начштабу Петроградского военного округа (декабрь 1917 г.) // РГВА. Ф. 1 (Управление делами Народного комиссариата по военным делам). Оп. 1. Д. 34.*
 7. *РГВА. Ф. 3 (Фонд Высшего военного совета). Оп. 1. Д. 96. Л. 51–56, 63–64, 66, 70–71, 99–100.*
 8. *Le Sous-Secretaire d'Etat de la Guerre à Monsieur le Ministre des Affaires Etrangeres (15 octobre 1917) // Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE), Serie Guerre 1914–1918 (SG), Russie. Dossier 758.*

9. *Список* членов французской военно-технической миссии, командированных в ГАУ по распоряжению французского правительства // РГВА. Ф. 20 (Фонд Главного артиллерийского управления). Оп. 2. Д. 19.

10. *Попова С. С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010.

11. *Note sur l'intervention japonaise* (16 mai 1918) // SHD/T 6 N 224.

12. *Переписка* Дзержинского с адвокатом Судебной палаты в Париже Флаком о деятельности капитана Садуля и французской военной миссии в Москве // РГАСПИ. Ф. 76 (Дзержинский Феликс Эдмундович – 1877–1926). Оп. 3. Д. 341.

13. *Telegramme de Grenard* (21 mars 1918) // AMAE, SG. Dossier 760.

14. *Telegramme chiffre, Attaché militaire à Guerre* (Moscou, 24 mars 1918) // AMAE, SG. Dossier 760.

15. *Situation en Russie. Visite de M. le Capitaine Pierre Laurent* (31 mars 1918) // AMAE, SG. Dossier 760.

16. *Telegramme de S. Pichon* // AMAE, SG. Dossier 760.

17. *Soutou G.-H.* La grande illusion. Quand la France perdait la paix 1914–1920. Paris, 2015.

18. *Programme d'influence française en Russie* // SHD/T 6 N 224.

19. *Павлов А. Ю.* Французские военные миссии в России в период Первой мировой войны // Великая война 1914–1918. М., 2013. Вып. 3. С. 33–41.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алферова Ирина Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и политологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». E-mail: alferovairi@yandex.ru

Анфертьев Иван Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва. E-mail: ivananf52@gmail.com

Архипова Татьяна Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва. E-mail: archipova-iai@yandex.ru

Бабинцев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории, директор департамента «Исторический факультет» УрФУ, Екатеринбург. E-mail: hist@urfu.ru

Баранова Лидия Яковлевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения УрФУ, Екатеринбург. E-mail: balida48@mail.ru

Барышева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и теории исторической науки ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва. E-mail: barysheva.ev@gmail.com

Блохин Валерий Федорович, доктор исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». E-mail: vlohin.val@yandex.ru

Бондарь Валерий Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований» УрФУ, Екатеринбург. E-mail: bondar1213@yandex.ru

Брянцев Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Брян-

ский государственный университет имени академика И. Г. Петровского». E-mail: bmwbox@mail.ru

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург. E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Вебер Михаил Игоревич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург. E-mail: mikeveber@mail.ru

Галкина Юлия Михайловна, аспирант второго года обучения, младший научный сотрудник ЛАЭ УрФУ, Екатеринбург. E-mail: julietta152007@yandex.ru

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: og_06@mail.ru

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск. E-mail: agro_iwa@mail.ru

Ирвин Дакота, докторант университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, США. E-mail: dirvin1@live.unc.edu

Килин Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документационного и информационного обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Ланца Даниэле, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет». E-mail: Dnl.lanza@gmail.com

Лугвин Сергей Борисович, кандидат философских наук, доцент Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухого, Республика Беларусь. E-mail: luginsergey@rambler.ru

Люхуздаев Марат Иркинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК «Музейный ресурсный центр», г. Ноябрьск Тюменской области. E-mail: guingm2004@list.ru

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: lmaz@mail.ru

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Культурно-исторические исследования» Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск. E-mail: nagornaja.oxana@mail.ru

Нарский Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск. E-mail: inarsky@mail.ru

Никонова Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск. E-mail: olga-nikonova@yandex.ru

Пономарева Мария Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической политологии Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону. E-mail: pono-mariya@yandex.ru

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург. E-mail: porshneva@yandex.ru

Рогова Елена Михайловна, старший преподаватель кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург. E-mail: e.m.rogova@urfu.ru

Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России УрФУ, Екатеринбург. E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

Соловьева Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры документационного и информационного обеспечения управления УрФУ, Екатеринбург. E-mail: solovyeva-tv@e1.ru

Тарасюк Дариуш, доктор истории, старший адъюнкт кафедры истории XIX века Университета Марии Кюри-Скловдовской в Люблине, Польша. E-mail: dariusz.tarasiuk@poczta.umcs.lublin.pl

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург. E-mail: 2519612@rambler.ru

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института – филиала РАНХиГС, Екатеринбург. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Шаманаев Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии УрФУ, Екатеринбург. E-mail: shamanaev@mail.ru

Шмыглева Анна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет», Новокузнецк. E-mail: alisa-umka@yandex.ru

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АИК	агро-индустриальный комбинат
АРАН	Архив Российской академии наук
ВОКС	Всесоюзное общество культурных связей
ВООП	Всероссийское общество охраны природы
ВОПУ	Временное областное правительство Урала
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ВСП	Временное Сибирское правительство
ГАБО	Государственный архив Брянской области
ГАДНИКО	Государственный архив документов новейшей истории Калужской области
ГАНИСО	Государственный архив новейшей истории Смоленской области
ГАОО	Государственный архив Орловской области
ГАООГО	Государственный архив общественных объединений Гомельской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАУ	Главное артиллерийское управление
ГЗО	горнозаводский округ
ГСНХ	Губернский совет народного хозяйства
ГУЛаг	Главное управление лагерей; Главное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ
ЗапВО	Западный военный округ
ИНАК	индустриально-аграрный комбинат
ИНФО ОГПУ	Информационный отдел Объединенного государственного политического управления
КОБ	Комитет общественной безопасности
Комуч	Комитет членов Учредительного собрания (Самара)
ПК	Польский комитет
ПРК	Партия революционного коммунизма

РАО	Русское археологическое общество
РГАНИ	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВА	Российский государственный военный архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
СНК, Совнарком	Совет народных комиссаров
СТО	Совет труда и обороны
СЭС	Санитарно-эпидемиологическая станция
ТОЗ	товарищество по совместной обработке земли
УФО	уездный финансовый отдел
ФЗК, фабзавкомы	фабрично-заводские комитеты
ЦОК	Центральный обывательский комитет
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области

SUMMARY

Section 1

THEORETICAL AND HISTORIOGRAPHIC ASPECTS OF STUDYING OF THE EARLY SOVIET HISTORY

Lyudmila Mazur

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: lmaz@mail.ru

The Early Soviet Society as a Social Project:

Concepts and Approaches 7

The article shows how the social engineering theory can be applied to study events and processes of Soviet history, especially the development of the early Soviet society. The Soviet social engineering project lasted twenty years and involved the Communist government and party ideologues as social architects, on the one hand, and the Russian society as the object of this experiment, on the other. The Party used a wide range of methods and instruments such as law, taxation, censorship, and the system of emergency agencies, which ensured the including law, taxes, censorship, and the system of state security agencies. Mass media, education, science, and art played a special role in this process by shaping people's consciousness, memory and beliefs. This social engineering project went through several phases, which were characterized by different implementation mechanisms and different outcomes: the radical model (War Communism); the liberal model (multi-sectoral society), and the totalitarian model (Soviet society).

K e y w o r d s: Soviet society, socialism, social project, history of Russia 1917–1936.

Oleg Gorbachev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: og_06@mail.ru

Theories of Social Reality Construction in the Twentieth Century and the Soviet Project 29

The article analyzes the twentieth-century theories of constructing social reality and the way they can be applied to the study of the early Soviet society, which was both the object and the result of this social engineering project. Drawing on the ideas of social reality construction, which were spreading

worldwide at that time, the Bolsheviks started a program of building a Communist society.

In Karl Popper's terms, after the utopian style of social engineering had proven to be unfeasible, Soviet social architects were bound to adopt the strategy of 'piecemeal social engineering', which was accompanied by intensified propaganda targeted at the 'formation of the New Soviet Person'.

K e y w o r d s: social engineering; Soviet ideology; program for building Communism; Karl Popper; 'formation of the New Soviet Person'.

Olga Porshneva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: porshneva@yandex.ru

Human Dimension of the Revolution of 1917:

Trends and New Findings 50

The article analyzes the key trends and findings in the contemporary studies of the 1917 Revolution, especially its historical and anthropological aspects. In the 1990s, historiographers made significant achievements in their inquiries into public consciousness, psychology and attitudes of various social groups in the Revolution of 1917. Substantial progress in this field was further made in the period between 2000 and 2010, when scholars adopted novel theoretical concepts such as experience, total war, modernization and others. The same period was marked by the publication of major works, active development of regional studies; and considerable expansion of the source base.

K e y w o r d s: historiography; Russian Revolution of 1917; anthropological perspective; interdisciplinary research; psychology; consciousness; attitudes; behaviour.

Andrey Trofimov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia

E-mail: 2519612@rambler.ru

Changes in the Public Perception of the 1917 Events

in Modern Russia 65

History textbooks and opinion polls present diverse interpretations of the 1917 Revolution and reveal contemporary shifts in the public perception of these events. In this analysis, we thus demonstrate the coexistence of the 'Soviet', 'anti-Soviet', and 'post-Soviet' discourses.

K e y w o r d s: the phenomenon of the 1917 Revolution; public consciousness; trends in public perception.

Section 2
STRUCTURES, PROCESSES AND PROJECTS
OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS

Maria Ponomareva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: pono-mariya@yandex.ru

Petr Struve on the Causes of the 1917 Revolution 74

Petr Struve was a significant political figure of the early twentieth century. He believed that there were four main factors that led to the 1917 Revolution: geopolitical, economic, cultural, and social. He emphasized the contradiction which was caused by Russia being ‘sandwiched’ between the West and the East and which made the country balance between the old traditional values and the need for European modernization. Petr Struve saw the Russian Revolution as a contradictory and lengthy process, which affected all levels of the society. In his views, the Revolution shaped the role and values of the general population, especially those of the government and intelligentsia.

K e y w o r d s: Petr Struve’s concept of liberal conservatism; Revolution of 1917; Bolshevism; Russian intelligentsia; power and society; European modernization.

Tatyana Arkhipova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
E-mail: archipova-iai@yandex.ru

**Deconstruction of the Old State Apparatus and Creation
of the New One in 1917 in Russia 83**

The article focuses on the organization and staff structure of the All-Russian Congresses of Soviets, Central Executive Committee, Council of People’s Commissariats, and people’s commissariats. The Bolsheviks’ ideas about the creation of a new state apparatus underwent significant transformations throughout the year of 1917, which determined further development of the Soviet state.

K e y w o r d s: representative government bodies; government; organization and functions of people’s commissariats; old cadres and new state officials.

Sergey Lugvin

Sukhoi State Technical University of Gomel, Belarus
E-mail: lugvinsergey@rambler.ru

Origin of Soviet Bureaucracy in Etacratic Administration 94

The article discusses the social and political environment that Soviet bureaucracy evolved in and traces its further development in the conditions of ‘mature socialism’. The conclusion is drawn that despite its numerous patrimonial characteristics, Soviet bureaucracy failed to deal efficiently with the challenges of the time.

K e y w o r d s: unity and indivisibility of the government; nomenclature principle of management; patrimonial character of the Soviet bureaucracy.

Irina Alferova and Valerii Blokhin

Bryansk State University, Russia

E-mail: alferovairi@yandex.ru, blohin.val@yandex.ru

Socialist Academy: ‘Gosplan in Ideology’ 103

The archival materials and publications in ‘*Sotsialistichesky Vestnik*’ used in this research reflect the specific aspects and trends in the development of the Socialist Academy of Sciences. By 1924, it had become the main institution to spread and promote communist ideology in science.

K e y w o r d s: Socialist Academy of Sciences; communist ideology; Marxism; Soviet science.

Ivan Anfertyev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: ivananf52@gmail.com

The Ruling Bolshevik Party: Abandoning the Policy of ‘War Communism’ and Expanding the Power of the Party Apparatus in the 1920s 115

The first half of the 1920s saw the transition from the so-called ‘War Communism’ to the New Economic Policy, when the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) sought to transform their party’s organizational management into a governmental institutional system. The article analyzes the main goals set by the Party leaders, activities of the Party apparatus, and the relations between the central and regional Party bodies.

K e y w o r d s: Russian Communist Party (of Bolsheviks); apparatus of the Central Committee of the Communist Party; Politburo of the Communist Party’s Central Committee; governing bodies of the Russian Communist Party; New Economic Policy (NEP); social structure of the Communist Party.

Valery Bondar

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: bondar1213@yandex.ru

**Democratic Centralism and Party Building in the Bolshevik Party
in the Period of 1917–1922:**

Between Centralization and Democracy 129

The article deals with the realization of the ‘democratic centralism’ principle applied in the process of Party building between 1917 and 1922. According to the original plans of the Bolshevik leaders, this principle of combining democracy and centralization was to underlie the establishment of the new society and the Party development. Therefore, originally the Bolsheviks intended to build the Party and the state in full accordance with the Marxist theory, following the principle of democratic centralism with an emphasis on democracy. By 1921, however, centralism had started to prevail in the work of Party bodies with more and more restrictions on inner-Party democracy. This process was affected by such factors as the need to compromise between the theoretical premises and the reality of the Civil War and the controversial results of the socialist experiment.

K e y w o r d s: Party; Marxism; democratic centralism; Party committee; coercion; discipline; centralization.

Vladimir Ilyinykh

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

E-mail: agro_iwa@mail.ru

Socialist Modernization Projects in Agriculture 138

The article reconstructs the projects for socialist modernization of agriculture implemented between the 1920s and 1930s: kolkhoz-cooperative (Lenin’s ‘cooperative plan’), sovkhos-cooperative and agro-industrial projects. The article describes the outcomes of this forced collectivization in agriculture.

K e y w o r d s: modernization; agriculture; projects for agrarian development; Lenin’s ‘cooperative plan’; collectivization.

Olga Semerikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

**Revolution in Agriculture: the Idea of Agricultural Communes
and its Realization in Russia in 1917–1919 148**

The article discusses the development of the idea of commune and its implementation in the Russian village in 1917–1919. The government intervened in land use and land ownership, which was the main factor for establishment of communes. The archival data show that peasants resented the forced introduction of communes and did not support this initiative.

K e y w o r d s: agricultural labor commune; Russian Revolution of 1917; Russian peasants.

Anna Shmygleva

Siberian State Industrial University, Novokuznetsk, Russia.

E-mail: alisa-umka@yandex.ru

Environmental Policy of the Soviet State:

Development and Implementation 159

This article examines the development of the state environmental policy in Russia and the Soviet Union and outlines the basic principles and mechanisms of its implementation at various stages. The analysis of the legal, economic and administrative aspects of the Soviet environmental policy shows that it was contradictory and inefficient.

K e y w o r d s: environmental policy; environmental legislation; environment.

Section 3

IDEAS, MYTHS AND PEOPLE
OF THE REVOLUTIONARY EPOCH

Mikhail Bryantsev

Bryansk State University, Russia

E-mail: bmwbox@mail.ru

Regional Population's Perceptions

of Socialism Building in the USSR in the 1920s 172

The article discusses relationships between individuals and the state in the 1920s, which was the period of building a socialist society. The population demonstrated mixed reactions to socialist ideas promoted by the government, which brings us to the conclusion that the majority of the population did not believe that it was possible to build socialism in such politically and economically underdeveloped country as the USSR.

K e y w o r d s: perceptions; socialism; population; Communists; USSR; bourgeoisie; capitalism; New Economic Policy; 'War Communism' policy.

Alexey Kilin

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru

Popular Socialist Pavel Kapustin: Individual in the Time of Crisis 190

Revolutionary upheavals cause radical transformations of society, which inevitably leads to a reverse reaction, transformation of goals and targets of those social groups which came to power as a result of the coup. The initial urge for destruction of the existing order is replaced by the new elite's need for stabilization and security. Since power relies on violence, control of valued resources and the population's trust, we can observe changes of priorities and prevalence of each of these elements at different stages of the early Soviet society's development. The government also distributed its tasks according to scale and prioritized global, national or local exigencies in different periods. In order to survive, people had to adjust to the changing conditions and were forced to change and adopt diverse identities, especially those which were sought after by the government. Sometimes this led to people abandoning or losing their identity, which meant mass marginalization of the country's population. The biography of Petr Kapustin illustrates how a politically active man, who started as a Narodnik and fought against the tsarist regime, joined the Social Democrats, later turned into the Bolsheviks' enemy, then became their ally (or a follower) but ended up being executed. The story of this person incorporated all the turbulent historical events of the transition period. The article describes how an individual biography reflected major historical stages in the country's development and shows how this man's life trajectory was affected by external circumstances in a contradictory and yet somewhat predictable way, which resulted in a fast-track career but also in his later marginalization and death.

Key words: Revolution; Civil War; New Economic Policy; persecutions; transition period; Petr Petrovich Kapustin; autobiography; power; politics; ideology; individual; periodization.

Konstantin Bugrov

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Outlining the Problem of Marxism and 'Red' Republicanism in the Pre-War USSR..... 212

The article describes the transformations of Russian political culture caused by the October Revolution and the Bolsheviks' seizure of power. The Bolsheviks adopted two key modes of political speech, which can be

referred to as ‘Marxism’ and ‘red’ republicanism’. Lenin’s interpretation of Marxist sociology became the most important innovation in Russian political culture, allowing the Bolsheviks to seize and monopolize power in 1917. Yet the general disappointment in the New Economic Policy and the fear of ‘termidor’ engendered another mode of speech, which might be called republican by analogy with the well-known phenomenon of European thought. This political culture was based upon the supremacy of politics over the economy and the concept of civic virtue (enthusiasm), which was closely connected with the country’s political regime. The interaction of Marxism and ‘red’ republicanism in the 1920s and 1930s became a cornerstone for Soviet political culture and is still of great importance for present-day Russia.

K e y w o r d s: Soviet Union; republicanism; Marxism; revolution; dictatorship of the proletariat; Lenin.

Elena Barysheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: barysheva.ev@gmail.com

Ideals of Soviet Festivities: On Constructing Social Reality 221

The Bolsheviks tried to legitimize their power through a special kind of symbolic communicative acts such as mass political festivities. Festivities were used to construct a new social reality, to create and promote Soviet ideals of public life and behaviour, norms of socialist life style, and spiritual values.

K e y w o r d s: mass political festivities; symbolic communicative act; social reality; promotion of ideals; life style; spiritual values.

Oxana Nagornaya and Olga Nikonova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: nagornaja.oxana@mail.ru, olga-nikonova@yandex.ru

Revolution Anniversaries as an Element of Soviet Cultural Diplomacy in Eastern Europe 230

The article discusses the formation of the memorial discourse about the 1917 October Revolution in Eastern Europe. Agents of Soviet cultural diplomacy constructed the memory of the Revolution and established sites of collective memory in countries of the Eastern Bloc seeking to create an illusion of a common socialist identity.

K e y w o r d s: Soviet cultural diplomacy; October Revolution; sites of memory; anniversaries; Cold War.

Lidia Baranova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: balida48@mail.ru

**Soldiers in the Revolution of 1917: Myths and Reality
(to the 70th Anniversary of Prof. N. N. Popov) 237**

The article analyzes the work of Prof. N. N. Popov about the 1917 Revolution, focusing on the behaviour of soldiers in these events, on their real demands, and the tactics used by the Bolshevik Party to increase their influence on this social group. Although soldiers from front-line and support units were indifferent to Socialist ideas, the Bolsheviks gained their support by using inspiring slogans.

K e y w o r d s: First World War; Revolution of 1917; soldiers; Bolsheviks; socialism; ‘agrarian question’; myths; real interests.

Daniele Lanza

State Polytechnical University, St. Petersburg, Russia

E-mail: Dn1.lanza@gmail.com

**The Conceptual and Historical Aspects
of the Bolshevik Construction of the the Supra-National Identity
after the October Revolution 243**

This article focuses on the identity that started to evolve in the Russian society after the October revolution. The events of 1917 greatly affected the individual and public consciousness and started a process which involved several generations and resulted in the emergence of a new identity – the so-called *Homo Sovieticus*.

K e y w o r d s: patriotism; nationalism; identity; Homo Sovieticus; USSR; Socialism.

Elena Rogova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: e.m.rogova@urfu.ru

**Ideological Basis of the Soviet Persecution
of the Former ‘Whites’ in the 1920s and 1930s 253**

The article discusses the ideology of Bolshevism, which underlay this Party’s retribution policy against the so-called ‘historical counter-revolution’. The article analyses how the Bolsheviks used violence as a universal tool for handling internal problems; it also dwells upon the Soviet government’s

understanding of justice and its realization of the so-called ‘proletarian democracy’ principles.

K e y w o r d s: Civil War; persecution; ‘former people’; ‘former Whites’; ‘historical counter-revolution’; retribution.

Section 4
THE REVOLUTION
AND THE FIRST POST-REVOLUTIONARY DECADE
IN THE URALS

Mikhail Feldman

Ural Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

October of 1917 in the Urals: General and Distinctive Trends 261

The article interprets in a new way the causes, trends and the main driving forces of the October Revolution, pointing out that it was the army rather than the proletariat that played the key role in this process. There was also a distinct correlation between the uneven industrial and capitalist development of Russian regions and the dynamics of the revolutionary events in these regions in the autumn of 1917.

K e y w o r d s: army; workers; extreme leftists; October Revolution; Russia; liberals; capitalism; Urals.

Igor Narsky

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

E-mail: inarsky@mail.ru

**How did the Revolution End in the Urals,
or Was There NEP (New Economic Policy) in the Region? 280**

Revolution ends when there is no more mass resistance to the power of the new elite. The article shows that in the Urals, it was not the success of the ‘NEP’ policy but the unprecedented famine which put an end to the revolutionary process.

K e y w o r d s: Revolution; famine; New Economic Policy.

Tatyana Solovieva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: solovyeva-tv@e1.ru

The Idea of the Ural Republic in the Revolutionary Turmoil 287

The article compares two short periods in the twentieth-century history of the Urals when this region enjoyed autonomy: the Provisional Government of the Ural Region of 1918 and the Ural Republic of 1993. Both of these periods share characteristics, trends, causes and consequences. In both cases, the local authorities formed governments to address the challenges posed by the national revolutionary turmoil and the economic deterioration of the region. They legitimated their actions by referring to the ‘regionalist myth’ of the ‘Great Urals’.

K e y w o r d s: Provisional Government of the Ural Region; Ural Republic; Great Urals; Civil War; administrative and territorial division of the Russian Federation; state system of the Russian Federation.

Marat Lyukhudzaev

MBCI Museum Resource Centre, Noyabrsk, Russia

E-mail: guingm2004@list.ru

**Political Struggle of the Revolutionary Communists
in Vyatka and Ufa *Guberniyas* in 1918–1920****(Menzelinsk and Urzhum Uezds) 299**

The article describes political activities of the Party of War Communism in two *uezds* of Vyatka and Ufa *guberniyas* between 1918 and 1920, focusing on this party’s unsuccessful rivalry with the Bolsheviks in soviets during the Civil War. The members of the Party of War Communism also contributed to the work of Soviet government bodies.

K e y w o r d s: history of political parties; Party of the Left Socialist Revolutionaries; Party of War Communism; Civil War in Russia; Urals.

Dacota Irvin

University of North Carolina, Chapel Hill, USA

E-mail: dirvin1@live.unc.edu

Liberal “Order,” Social “Disorder”:**Local Administration and the Collapse of State Authority****after the February Revolution in Ekaterinburg 311**

This short paper focuses on institutions of local government in Ekaterinburg after the February Revolution and the challenges they faced in maintaining

“order” and stability in the face of social and political upheaval wrought by revolutionary events in Petrograd. It highlights key examples of “disorder” that plagued the city during this time, including the cessation of effective policing and disruption caused by unruly soldiers who nominally were supposed to enforce peace and stability in the city. I argue that these examples, along with many others, contributed to a growing sense of disorder that confronted the power and authority of local self-government and representatives of the Provisional Government. Ultimately, due to a variety of complex and interwoven issues, they failed in their endeavors, which lead to increasing popular support for more radical ideologies and parties that could guarantee a new kind of “order” on the streets and in the everyday lives of citizens.

K e y w o r d s: Ekaterinburg, 1917, February Revolution, Provisional Government, Police, Militia, Committee for Public Safety, Soldiers, Order, Disorder, Symbolic Revolution.

Section 5

PARADOXES OF PERCEPTION:

TESTIMONIES ABOUT THE YEAR OF 1917 IN RUSSIA

Mikhail Veber

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

E-mail: mikeveber@mail.ru

The February Revolution Described in the Diary of the American Attache in Petrograd,

James Lawrence Houghteling, Jr. 322

The article presents a brief overview of the diary of J. L. Houghteling Jr., who worked as the Attaché at the American Embassy in Petrograd in 1917. The article shows the great potential of this historical source for the reconstruction of the revolutionary events in Petrograd and emphasizes the importance of translating this diary into Russian.

K e y w o r d s: February Revolution; 1917; Petrograd; Moscow; rumours.

Dariusz Tarasiuk

Maria Curie-Skłodowska-University, Lublin, Poland

E-mail: dariusz.tarasiuk@poczta.umcs.lublin.pl

Polish Nationals in Russia on the February Revolution of 1917 ... 332

The February Revolution of 1917 was a significant event for Polish people living in Russia. It was an event that provoked a major public debate within

the Polish community, including the Polish press. Virtually all publications claimed that the event would positively affect the Poles, allowing them to fulfill their dream of rebuilding the independent Polish state.

Changes in the political system revealed not only hopes for a better future but also fears; questions were raised as to whether the Russians were able to benefit from the freedom they had gained. As the waves of anarchy swept over Russia in the months following the Revolution, it became evident that these apprehensions had been justified.

K e y w o r d s: February Revolution of 1917; history of Russia; Polish people in Russia.

Andrey Shamanaev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: shamanaev@mail.ru

‘Our House Was in the War Zone:

Nikodim Kondakov’s Account of Life in Yalta

in the Winter of 1917–1918 343

The article describes the life of Nikodim Pavlovich Kondakov in Yalta in the winter of 1917–1918. This research is based on the analysis of the document from the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) – Kondakov’s letter to Boris Farmakovskiy, in which he describes the military actions between the Black Sea Fleet and the forces of the Whites in January 1918 along with some details of his private life and scientific work. We believe that the events of January 1917 affected Nikodim Kondakov’s decision to emigrate from Russia.

K e y w o r d s: Revolution of 1917 in Russia; Civil War; Crimea; Nikodim Pavlovich Kondakov; Boris Vladimirovich Farmakovskiy.

Vladimir Babintsev and Yulia Galkina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: hist@urfu.ru; julietta152007@yandex.ru

Officials of the French Military Mission in Russia

on the ‘Decree on Peace’ and its Consequences 352

This article discusses opinions of the leaders of the French military mission about such important events of 1917–1918 in Russia as the Decree on Peace, the Treaty of Brest-Litovsk, cooperation with the Soviet government, and ‘the national question’. This research is based on the analysis of documents

provided by the Defence Historical Service of France and the archive of the French Ministry of Foreign Affairs. The authors show that the Third Republic was incapable of turning the Eastern Front against the Central Powers and of cooperating efficiently with the new Russian government since the relationships between Russia and France were tainted by the mistrust towards the Bolsheviks and the generally uncertain political situation in Russia.

K e y w o r d s: French military mission; First World War; Niessel; Lavergne; Treaty of Brest-Litovsk.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Мазур Л. Н.

Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 годах	7
---	---

Горбачев О. В.

Теории конструирования социальной реальности в XX веке и советский проект	29
--	----

Поршинева О. С.

Человек в условиях российской Революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы	50
---	----

Трофимов А. В.

Эволюция представлений о феномене 1917 года в общественном сознании современной России	65
---	----

Раздел 2

СТРУКТУРЫ, ПРОЦЕССЫ И ПРОЕКТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Пономарева М. А.

К вопросу о причинах Революции 1917 года в концепции П. Б. Струве	74
---	----

Архипова Т. Г.

«Слом» старого и создание нового государственного аппарата в России в 1917 году	83
--	----

Лугвин С. Б.

Советская бюрократия как порождение этократистской системы административного управления	94
--	----

Алферова И. В., Блохин В. Ф.

Социалистическая академия: «Госплан в области идеологии»	103
--	-----

Анфертьев И. А.

Правящая РКП(б): отказ от политики военного коммунизма и рост властных полномочий партийного аппарата в управлении страной в 1920-е годы	115
--	-----

<i>Бондарь В. А.</i>	
Демократический централизм и партийное строительство РКП(б) в 1917–1922 годах: между централизацией и демократией	129
<i>Ильиных В. А.</i>	
Проекты социалистической модернизации сельского хозяйства	138
<i>Семерикова О. М.</i>	
Революция в сельском хозяйстве: идеи трудовой коммуны и их воплощение в России в 1917–1919 годах	148
<i>Шмыглева А. В.</i>	
Природоохранная политика Советского государства: основные этапы формирования и механизм реализации	159

Раздел 3

ИДЕИ, МИФЫ И ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

<i>Брянцев М. В.</i>	
Представления населения советской провинции о строительстве социализма в СССР в 1920-е годы	172
<i>Килин А. П.</i>	
Судьба человека в переломную эпоху: Павел Петрович Капустин (1890–1938)	190
<i>Бугров К. Д.</i>	
Марксизм и «красный республиканизм» в довоенном СССР: к постановке проблемы	212
<i>Барышева Е. В.</i>	
Мир идеалов советского праздника (К вопросу конструирования социальной реальности)	221
<i>Нагорная О. С., Никонова О. Ю.</i>	
Юбилей революции как элемент послевоенной советской культурной дипломатии в странах Восточной Европы	230
<i>Баранова Л. Я.</i>	
Солдатские массы в Революции 1917 года: мифы и реальность (К 70-летию со дня рождения профессора Н. Н. Попова)	237
<i>Ланца Д.</i>	
Концептуальные и исторические аспекты большевистского конструирования наднациональной идентичности после Октябрьской революции	243

Рогова Е. М.

Идеологические основы проведения карательной политики советской власти против «бывших белых» в 1920–1930-е годы 253

Раздел 4

УРАЛ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ И ПРОЦЕССАХ ПЕРВОГО ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Фельдман М. А.

Октябрь 1917 года в Уральском регионе: закономерности и отличия 261

Нарский И. В.

Когда и чем закончилась революция на Урале, или Был ли НЭП в регионе? 280

Соловьева Т. В.

Идея Уральской республики в условиях революционных потрясений 287

Ляхудзаев М. И.

Опыт политической борьбы революционных коммунистов в Вятской и Уфимской губерниях в 1918–1920 годах (На примере Мензелинского и Уржумского уездов) 299

Ирвин Д.

Либеральный «порядок» и социальный «беспорядок»: власть в Екатеринбурге в условиях Февральской революции 311

Раздел 5

ПАРАДОКСЫ ВОСПРИЯТИЯ: 1917 ГОД В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Вебер М. И.

Февральская революция на страницах дневника атташе американского посольства в Петрограде Джеймса Лоуренса Хафтэлинга-младшего 322

Тарасюк Д.

Отношение поляков, проживающих в России, к Февральской революции 1917 года 332

Шаманаев А. В.

«Наш дом очутился в зоне военных действий» (Н. П. Кондаков о жизни Ялты зимой 1917/18 года) 343

Бабинцев В. А., Галкина Ю. М.

«Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудников французской военной миссии в России	352
Сведения об авторах	359
Список основных сокращений	363
Summary	365

Научное издание

1917 ГОД В РОССИИ:
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ,
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
МИФОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных трудов

Ответственная за выпуск *А. О. Соколова*
Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головина*

Подписано в печать 28.11.16
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 22,32. Тираж 100 экз. Заказ 419

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: + (343) 389-94-76, 358-93-22

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

Сайт: <http://print.urfu.ru>